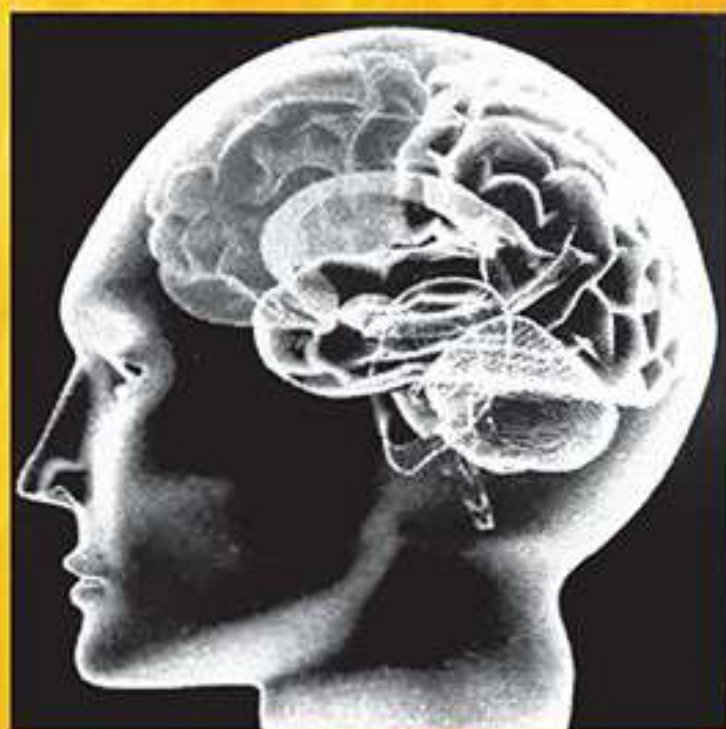

ЗНАЧЕНИЕ

**как феномен актуального
языкового сознания**

НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

Выпуск 11

Ψλ

2025

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Научная школа в области общего и русского языкознания
профессоров З. Д. Поповой и И. А. Стернина

Кафедра общего языкознания и стилистики

Центр коммуникативных исследований
имени профессора Иосифа Абрамовича Стернина

ЗНАЧЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН АКТУАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

Сборник научных статей

Выпуск 11

Воронеж
Издательско-полиграфический центр
«Научная книга»
2025

УДК 81'373.612(08)

ББК 81.053.1я43

376

Редакционная коллегия:

Рудакова Александра Владимировна – *научный редактор*, д. ф. н., доцент,
зав. кафедрой общего языкознания и стилистики;
директор Центра коммуникативных исследований им. проф. И. А. Стернина
Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)
Стернина Марина Абрамовна – *зам. научного редактора*, д. ф. н., профессор,
зав. кафедрой английского языка естественно-научных факультетов
Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)
Заварзина Галина Анатольевна – д. ф. н., зав. кафедрой русского языка,
современной русской и зарубежной литературы гуманитарного факультета
Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)
Новичихина Марина Евгеньевна – д. ф. н., профессор кафедры связей
с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики
Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)
Стеблецова Анна Олеговна – д. ф. н., зав. кафедрой иностранных языков
Воронежского государственного медицинского университета
им. Н. Н. Бурденко (Воронеж, Россия)

Рецензент:

Маклакова Елена Альбертовна – д. ф. н., профессор кафедры иностранных
языков Воронежского государственного лесотехнического университета
им. Г. Ф. Морозова (Воронеж, Россия)

*Продолжающееся научное издание
Издается с 2014 г.*

376 **Значение** как феномен актуального языкового сознания носителя
языка : сборник научных статей / Науч. ред. А. В. Рудакова. – Воронеж :
Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2025. –
Вып. 11. – 402 с. – ISBN 978-5-4446-2117-2. – Текст : непосредственный.

В сборнике представлены статьи ученых, занимающихся исследованиями в
области теории и практики описания языкового, коммуникативного, дискурсив-
ного и когнитивного сознания носителей языка в рамках концепции Теоретико-
лингвистической научной школы профессоров З. Д. Поповой и И. А. Стернина.

Предназначен для филологов, преподавателей русского и иностранных
языков, русского языка как иностранного, специалистов в области психолингви-
стических и когнитивных исследований, лексикографии, семасиологии, межкуль-
турной коммуникации, психолингвистики.

УДК 81'373.612(08)

ББК 81.053.1я43

© Коллектив авторов, 2025

© Оформление. Издательско-полиграфический
центр «Научная книга», 2025

ISBN 978-5-4446-2117-2

От научного редактора

Одинадцатый выпуск продолжающегося научного издания «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка» включает статьи авторов, занимающихся исследованиями в области теории и практики описания языкового, коммуникативного, дискурсивного и когнитивного сознания носителей языка в рамках концепции Теоретико-лингвистической научной школы в области общего и русского языкознания профессоров Зинаиды Даниловны Поповой и Иосифа Абрамовича Стернина, а также статьи ученых других вузов, работающих в русле проблематики данной научной школы из Воронежа, Борисоглебска, Брянска, Владимира, Донецка, Елабуги, Ельца, Иваново, Казани, Краснодар, Курска, Москвы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Омска, Перми, Санкт-Петербурга, Старого Оскола, Сургута, Твери, Тулы, Челябинска, Ярославля, а также вузов Беларуси, Сенегала, Туркмении.

В сборнике также представлены материалы докладов XI Всероссийской научной конференции с международным участием «Стернинские чтения: Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка», проведенной кафедрой общего языкознания и стилистики и Центром коммуникативных исследований им. проф. И. А. Стернина Воронежского государственного университета 31 октября 2025 г.

Сборник представляет интерес для филологов, специалистов в области психолингвистических исследований, семасиологии, лексикографии, преподавателей русского и иностранных языков, русского языка как иностранного, лингвокриминалистики.

Редколлегия приглашает к участию авторов, занимающихся исследованиями в рамках тематики данного сборника.

Адрес редколлегии: a-rudakova@list.ru.

А.В. Рудакова

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

В. В. Земцова (Ярославль, Россия)

СОВРЕМЕННЫЙ ЧИНОВНИК В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СВОБОДНОГО И НАПРАВЛЕННОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТОВ)

Аннотация. Цель данной статьи – описать образ современного чиновника в языковом сознании управленцев. Для изучения профессионального языкового сознания использовались психолингвистические методы исследования (свободный и направленный ассоциативный эксперименты). Свободный ассоциативный эксперимент позволил сформулировать психолингвистическое значение лексемы «чиновник» в профессиональном языковом сознании. Результаты направленного ассоциативного эксперимента дополняют образ современного чиновника.

Ключевые слова: профессиональное языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент.

Целью данной статьи является описание образа чиновника в профессиональном языковом сознании на основе данных свободного и направленного ассоциативного экспериментов.

Участниками эксперимента стали государственные гражданские служащие центральных аппаратов и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти.

При проведении свободного ассоциативного эксперимента (далее – САЭ) испытуемым предлагалось дать первую пришедшую в голову реакцию на слово-стимул *чиновник*. Всего в эксперименте приняло участие 153 человека.

Полученные реакции составили ассоциативное поле лексемы *чиновник*:

ЧИНОВНИК 153: власть 25; бюрократство 13; владение информационными ресурсами, загруженный работой, коммуникабельный, компетентный 12; адекватность, ум 9; быстрый 8; патриот 6; слуга народа 2; высококвалифицированный специалист, высокомерный, госслужащий, думает о карьере, думающий, закон, законопослушный гражданин, кабинет, карьеристы с маленькой зарплатой и большими амбициями, много электронных сервисов, мобильный, надежно, недостижимый, необходимость современного общества, общение, ответственный, открытость, отчеты, позитивный, прилежность, проводник государственной политики, проф грамотный, профессионал, работает 24/7, служака, способен быстро принимать решения, справедливый, строгость,

целеустремленный, человек слова; человек, который должен быть грамотным; эффективный управленец 1. Всего 152 реакции. Отказ – 1.

На основе полученного ассоциативного поля было сформулировано психолингвистическое значение лексемы *чиновник* в профессиональном сознании носителей языка:

ЧИНОВНИК 153

1. Государственный 1 служащий 2, проводник государственной политики 1, обладающий властью 25, законопослушный 2, патриот 6, слуга народа 2, являющийся высококвалифицированным специалистом 6, владеющий информационными ресурсами 13, загруженный работой 13 и отчетами 1, способен быстро принимать решения 1, коммуникабельный 13, компетентный 12, умный 10, адекватный 9, быстрый 8, высокомерный 1, мобильный 1, надежный 1, недостижимый 1, ответственный 1, открытый 1, позитивный 1, прилежный 1, справедливый 1, строгий 1, целеустремленный 1, человек слова 1, думает о карьере 1, является необходимостью современного общества 1. Всего 139 реакций.

2. Бюрократ 13, карьерист с маленькой зарплатой и большими амбициями 1, сидит в кабинете 1. Всего 15 реакций.

Отметим, что психолингвистическое значение сопоставимо с лексикографическим. В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова также выделяется два значения:

ЧИНО́ВНИК, -а; м. 1. Государственный служащий. *Ч. таможни. Полицейский ч. Мелкие чиновники.* 2. Должностное лицо, выполняющее свою работу формально, следуя предписаниям, без живого участия в деле; формалист, бюрократ. *Бездушные чиновники.*

Психолингвистическое значение подтверждает, что ядерным является значение «государственный служащий». Второе значение является негативно-оценочным. В первом, ядерном, значении встречаются как положительно-оценочные семы (*коммуникабельный 13, компетентный 12, умный 10, адекватный 9, надежный 1, ответственный 1, открытый 1, позитивный 1, прилежный 1, справедливый 1, целеустремленный 1, человек слова 1*), так и одна отрицательно-оценочная (*высокомерный 1*) сема. Положительная оценка доминирует над отрицательной.

Для более детального описания образа современного чиновника был проведен направленный ассоциативный эксперимент (далее – НАЭ). Испытуемым предлагалась следующая инструкция: «Напишите 5 определений к словосочетанию *Современный чиновник – какой?*. Не думайте, отвечайте достаточно быстро, пишите то, что первое приходит Вам в голову. Это могут быть прилагательные, отдельные слова или фразы».

Всего в эксперименте приняло участие 153 человека, шесть человек дали 3 ассоциации, девять человек – 1, один человек отказался от участия в эксперименте, все остальные ответили пятью реакциями.

По результатам направленного ассоциативного эксперимента было составлено ассоциативное поле слова-стимула *чиновник* (пунктуация сохранена; единичные реакции не приводятся):

ЧИНОВНИК 153: умный 59; властный 47; честный 36; выгоревший, ответственный 33; активный, образованный 21; воспитанный, молодой 18; высококвалифицированный, работоспособный, стрессоустойчивый 15; опытный 14; законопослушный 13; гибкий, грамотный, наглый, отзывчивый, справедливый, целеустремленный 12; добросовестный, рациональный, старый 10; амбициозный, не безразличный, душевный, открытый, современный 9; толстый 8; деловой 7; безразличный, быстрый, внимательный, вредный, доступный, закрытый, знающий, исполнительный, коммуникабельный, креативный, понимающий, спокойный, творческий, успешный, уставший, эффективный 6; адекватный, коррумпированный, некомпетентный, обеспеченный 5; безынициативный 3; цифровой, эмпатичный 2. Всего 711 реакций, из них различных – 129, отказ – 1.

Полученные реакции были распределены нами по семантическим группам:

1. «Личные и профессиональные качества» (63%): умный 59; властный 47; честный 36; выгоревший 33; ответственный 33; активный 21; воспитанный 18; работоспособный 15; стрессоустойчивый 15; гибкий 12; наглый 12; отзывчивый 12; справедливый 12; добросовестный 10; рациональный 10; открытый 9; деловой 7; безразличный 6; быстрый 6; вредный 6; исполнительный 6; спокойный 6; творческий 6; уставший 6; адекватный 5; безынициативный 3; адаптирующийся 1; бесчувственный 1; брюзжащий (это из опыта) 1; вежливый 1; веселый 1; выносливый 1; высокомерный 1; грубый 1; дипломатичный 1; инициативный 1; легкий 1; лживый 1; медлительный 1; миролюбивый 1; надежный 1; находчивый 1; невнимательный 1; непонимающий 1; нечванливый 1; нудный 1; позитивный 1; порядочный 1; разный 1; решительный 1; скрупулезный 1; смелый 1; собранный 1; строгий 1; тактичный 1; уважительный 1; уверенный 1; уравновешенный 1; усердный 1; усидчивый 1; участливый 1; хамоватый 1; с четким виденьем ситуации 1. Всего 448 реакций.

2. «Знания / умения» (11%): образованный 21; высококвалифицированный 15; опытный 14; грамотный 12; знающий 6; некомпетентный 5; компетентный 1; начинающий 1; неглупый 1; недалекий 1; обучающийся 1; профессиональный 1. Всего 79 реакций.

3. «Визуальный образ» (6%): молодой 18; старый 10; толстый 8; стильный 1; улыбающийся 1; красивый 1; опрятный 1. Всего 40 реакций.

4. «Отношение к народу» (4%): неравнодушный 9; внимательный 6; понимающий 6; эмпатичный 2; заботливый 1; клиентоцентричный 1; обладающий эмпатией 1; сочувствующий 1; человеколюбивый 1. Всего 28 реакций.

5. «Стремление к определенной цели» (3%): целеустремленный 12; амбициозный 9. Всего 21 реакция.

6. «Отношение к деньгам» (2%): коррумпированный 5; обеспеченный 5; небогатый 1; щедрый 1. Всего 12 реакций.

7. «Владение новыми технологиями» (2%): современный 9; креативный 6; цифровой 2. Всего 17 реакций.

8. «Внутрисистемные отношения» (2%): доступный 6; закрытый 6; зависимый 1; командный 1. Всего 14 реакций.

9. «Результативность» (2%): успешный 6; эффективный 6; продуктивный 1. Всего 13 реакций.

10. «Отношение к закону» (2%): законопослушный 13. Всего 13 реакций.

11. «Речевые и коммуникативные качества и навыки» (1%): коммуникабельный 6. Всего 6 реакций.

12. «Отношение к работе» (0,6%): альтруист 1; безответственный 1; многозадачный 1; практикующий 1. Всего 4 реакции.

13. «Особенности мышления» (0,6%): вдумчивый 1; думающий 1; имеющий свое мнение 1; смекалистый 1. Всего 4 реакции.

14. «Способность к развитию» (0,3%): развивающийся 1; разносторонний 1. Всего 2 реакции.

15. «Занятость» (0,3%): занятой 1; трудолюбивый 1. Всего 2 реакции.

Самой объемной оказалась семантическая группа «Личные и профессиональные качества».

Кроме того, зафиксированы реакции, которые подвергаются интерпретации, но в силу их единичности не были отнесены нами к какой-либо семантической группе: *довольно жесткий; дурацкий; задержанный; многообещающий; необходимый; полезный; противоречивый; разочарованный.*

Направленный ассоциативный эксперимент позволил выявить значительное количество оценочных реакций.

Положительно-оценочные: умный 59; честный 36; ответственный 33; активный 21; образованный 21; воспитанный 18; высококвалифицированный 15; работоспособный 15; опытный 14; целеустремленный 12; гибкий 12; отзывчивый 12; справедливый 12; грамотный 12; добросовестный 10; открытый 9; равнодушный 9; креативный 6; доступный 6; знающий 6; исполнительный 6; спокойный 6; внимательный 6; понимающий 6; успешный 6; эффективный 6; коммуникабельный 6; адекватный 5; эмпатичный 2; адаптирующийся 1; стильный 1; улыбающийся 1; компетентный 1; неглупый 1; профессиональный 1; вежливый 1; веселый 1; выносливый 1; дипломатичный 1; инициативный 1; красивый 1; легкий 1; миролюбивый 1; надежный 1; опрятный 1; позитивный 1; порядочный 1; решительный 1; скрупулезный 1; смелый 1; собранный 1; тактичный 1; уважительный 1; уверенный 1; уравновешенный 1; усердный 1; усидчивый 1; участливый 1; вдумчивый 1; думающий 1; щедрый 1; заботливый 1; обладающий эмпатией 1; сочувствующий 1; человеколюбивый 1; продуктивный 1; развивающийся 1; разносторонний 1; полезный 1. Всего 427 реакций.

Отрицательно-оценочные реакции: властный 47; наглый 12; толстый 8; безразличный 6; вредный 6; некомпетентный 5; коррумпированный 5; безынициативный 3; зависимый 1; недалекий 1; бесчувственный 1; брюзжащий (это из опыта) 1; высокомерный 1; грубый 1; лживый 1; медлительный 1; невнимательный 1; непонимающий 1; нудный 1; хамоватый 1; безответственный 1; довольно жесткий 1. Всего 106 реакций.

Положительно-оценочных реакций в 4 раза больше отрицательно-оценочных.

Результаты свободного ассоциативного и направленного ассоциативного экспериментов позволяют сделать следующие выводы.

1. В описании образа чиновника в современном профессиональном языковом сознании направленный ассоциативный эксперимент существенно дополняет данные свободного ассоциативного эксперимента.

2. Свободный ассоциативный эксперимент в большей мере фиксирует понятийный аспект изучаемой лексики: чиновник – это человек определенной профессии, государственный служащий, имеющий отношение к власти, профессионал.

3. Направленный ассоциативный эксперимент выявляет интерпретационную зону: большинство реакций ядра и периферии данного ассоциативного поля характеризуют чиновника с точки зрения личностных и профессиональных качеств и носят преимущественно оценочный характер.

Е. Д. Лонская (Омск, Россия)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЙ ЭМОТИВА-НОМИНАНТА «БОЯЗНЬ»

Аннотация. Данная работа посвящена изучению семантической специфики эмотива-номинанта БОЯЗНЬ. На основе сопоставления лексикографического значения и психологического значения, полученного в результате построения семантического гештальта ассоциативного поля, было составлено обобщенное толкование эмотива-номинанта БОЯЗНЬ.

Ключевые слова: эмотив-номинант, психологическое значение, семантический гештальт, ассоциативное поле.

Изучение семантической специфики слов, непосредственно называющих эмоции, всегда требует осмысления уже накопленного лингвистического опыта, а именно рассмотрения словарного материала. Без обращения к нему невозможен ни анализ, применяемый для выявления компонентов лексического значения, ни синтез, направленный на формирование целостного образа исследуемых единиц в языке и речи. При этом словарные дефиниции – это только первичный материал, требующий

дальнейшего детального изучения. И. А. Стернин настаивал на рассмотрении не только собственно языкового, интерпретируемого в основном лексикографами, но и материала психолингвистических исследований, поскольку значение лексем, полученных таким путем, «всегда оказывается намного объемнее и глубже, чем его представление в словарях» [Стернин 2011, с. 22]. Такое значение отражает многоаспектное представление носителя языка о себе, в рамках данного исследования – об эмоциях, которые он испытывает и о которых говорит, – и об окружающем мире, в котором он живет. При этом общепринятые «константы» словарного значения служат не только отправной точкой, но и контролером по отношению к процессу формирования такого значения, поскольку оно «образует как бы разрешенный круг случаев, внутри которого операции субъекта при всех индивидуальных их различиях соответствуют данному значению» [Нарский 1963, с. 15].

Необходимо отметить, что лексикографическое значение и значение, полученное на основе психолингвистических данных, по своей природе не являются «соперниками» в погоне за наиболее полным толкованием. Они – «партнеры», слаженная работа которых преумножает лингвистические находки.

Цель данной работы – представить толкование эмотива-номинанта БОЯЗНЬ, основанное на сопоставлении его лексикографического и психологического значений.

Под эмотивом-номинантом мы понимаем лексему, называющую эмоцию и содержащую эмотивное значение в логико-предметной части значения. Именно такие лексемы мы, вслед за Л. Г. Бабенко, считаем «непосредственными знаками эмоций» [Бабенко 1989, с. 13].

Исследование проходило в три этапа: 1) анализ дефиниций толковых словарей; 2) анализ компонентов психологического значения, полученного в результате построения семантического гештальта ассоциативного поля, а также 3) подготовка обобщенного толкования эмотива-номинанта БОЯЗНЬ на основе сопоставления словарных и экспериментальных данных.

Материалом анализа первого этапа стали дефиниции, взятые из (1) Малого академического словаря [Словарь русского языка...1999], (2) Толкового словаря русского языка под редакцией С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [Толковый словарь русского языка ...1997, с. 114], (3) Большого толкового словаря русского языка под редакцией С. А. Кузнецова [Большой толковый словарь...2000, с. 93] и (4) Толкового словаря русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2000]. Дефиниции представлены в Таблице 1.

Словарные дефиниции эмотива-номинанта БОЯЗНЬ

(1) Малый академический словарь	(2) Толковый словарь русского языка под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой	(3) Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова	(4) Толковый словарь русского языка под ред. Т. Ф. Ефремовой
Чувство страха; опасение.	Беспокойство, страх перед кем-чем-н.	Чувство опасения, страха.	1. Чувство страха. 2. Опасение, тревога.

На основе словарных данных был проведен компонентный анализ с элементами ступенчатой идентификации.

Дефиниции эмотива-номинанта БОЯЗНЬ были поделены на две части: на часть идентификатора и часть словарных конкретизаторов.

Идентификатор раскрывает сущность архисемы эмотива-номинанта: в ее роли выступает аналитическое сочетание элемента, отражающего понятие о чувстве, и элемента, конкретизирующего содержание этого чувства [Бабенко 1989, с. 25-26].

В качестве идентификатора в дефинициях (1), (3) и (4.1) выступают сочетания *чувство страха; чувство опасения, страха; чувство страха*. Дефиниция (2), (4.2), а также часть дефиниции (1) не содержат компонента, указывающего на чувство в целом, в них представлены только номинации самих эмоций, через связь с которыми определяется *боязнь: опасение; беспокойство, страх; опасение, тревога*. Мы, как и Л. Г. Бабенко, рассматриваем данные лексемы как эмотивные смыслы – единицы, повторяющиеся в словарных дефинициях и участвующие в формировании базового словника эмоций [Бабенко 1989, с. 26-27].

Части словарных конкретизаторов в толкованиях эмотивов-номинантов чаще всего отражают набор их дифференциальных сем, которые, в свою очередь, соотносимы с компонентами эмоциональной ситуации, определяющими своеобразие самой эмоции.

В данном случае словарный конкретизатор выделяется только в дефиниции 2: *перед кем-чем-н.*

Рассмотренные части идентификаторов позволяют сделать вывод о том, что состояние *боязни* относится к эмоциям, в основе которых лежит чувство *страха (страха (3); страх; опасение (2); опасения)*, что также подчеркивается в части словарного конкретизатора, отражающего лишь такой элемент прототипической эмоциональной ситуации, как причина эмоции. Также анализ идентификаторов показал и сближение *боязни* с эмоциями смежного диапазона, доминантной которого является чувство *тревоги (беспокойство; тревога)*.

Представим значение эмотива-номинанта БОЯЗНЬ в виде следующего сочетания сем: «состояние» + «страх» + «беспокойство» + «ожидание опасности».

Обобщим рассмотренные дефиниции следующим образом:

Боязнь – это чувство страха, опасения, беспокойства, тревоги, вызванное чем-либо.

Мы видим, что признаки, данные в словарях, минимальны. Они определяют эмоциональный диапазон, в который входит эмотив-номинант, но не дают специфических признаков, позволяющих выделить данную эмоцию в ряду одномодальных состояний.

Задачей второго этапа стало расширение представления о ключевых компонентах значения рассматриваемого эмотива-номинанта за счет привлечения ассоциативного материала.

Так, на платформе «Google Формы» в мае 2024 года был проведен свободный ассоциативный эксперимент (САЭ). В роли испытуемых выступили 100 человек в возрасте от 18 до 24 лет. Стимульный список состоял из восьми эмотивов-номинантов (*страх, ужас, боязнь, испуг, удовлетворение, радость, счастье, восторг*) и десяти традиционных для ассоциативного эксперимента шумов (*листва, рисование, справедливость, лес, дружба, уверенность, сутки, чтение, земля, написание*).

В результате проведения свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) было получено ассоциативное поле «Боязнь»:

БОЯЗНЬ: *страх (23); высота (5); дрожь (5); неуверенность (4); высоты (3); пауки (3); темнота (3); одиночество (3); фобия (3); пауков (2); смерть (2); паника (2); бедности; болото; больница; волнение; врач; жуки; зажатость; зеленый; змеи; клаустрофобия; лечение; лошадь; людей; монстр; неизбежность; некомфортно; неопределенность; неприятно; неудача; нож; ограждение; одиночества; опасность; ошибка; наук; постоянная; потери; потеря; работа; рак; скал; состояние; стоматология; стресс; сцены; темноты; тревожность; ужас; укол; ишприц (1), 100, 0.*

Значение слова, полученное с помощью психолингвистических методов, определяется нами, вслед за А. А. Леонтьевым, как психологическое значение слова, семантическая структура которого определяется системой соотнесенности и противопоставления слов в процессе их употребления в деятельности [Леонтьев 1971, с. 13].

Ранее на материале ассоциативного поля «Восторг» мы показали, что психологическое значение слова-стимула может быть смоделировано путем построения семантического гештальта соответствующего ассоциативного поля [Гуц 2025]. При этом признаки, на основе которых формируются зоны семантического гештальта, рассматриваются нами как составляющие психологического значения.

Семантический гештальт ассоциативного поля «Боязнь»

Обусловленность бедой (45): *высота (5); высоты (3); пауки (3); пауков (2); смерть (2); бедности; больница; врач; жуки; змеи; лечение;*

лошадь; людей; людей; неизбежность; неудача; нож; ограждение; одиночество (3); одиночества; опасность; ошибка; паук; потери; потеря; работа; рак; скал; стоматология; сцены; укол; шприц.

Страх (30): *страх* (23); *фобия* (3); *паника* (2); *клаустрофобия*; *ужас*.

Беспокойство (10): *неуверенность* (4); *волнение*; *неопределенность*; *стресс*; *тревожность*; *неприятно*; *некомфортно*.

Выраженность (5): *дрожь* (4); *зжатость*.

Навязчивость (4): *болото*; *зеленый*; *липкость*; *постоянная*.

Сдавленность (3): *зжатость*; *неприятно*; *некомфортно*.

Пребывание (1): *состояние*.

Всего на основе семантической и тематической близости реакций ассоциативного поля «Боязнь» было выделено 7 зон, отражающих соответственно 7 ключевых компонентов структуры психологического значения эмотива-номинанта *боязнь*: «Обусловленность бедой», «Страх», «Беспокойство», «Выраженность», «Навязчивость», «Сдавленность», «Пребывание».

На третьем этапе данные компоненты психологического значения были соотнесены с ранее рассмотренными частями словарных дефиниций, а также семами, полученными в результате компонентного анализа лексикографического материала.

Так, к части идентификатора тяготеют компоненты «Пребывание» (соответствует семе «состояние»), «Страх» (соответствует семе «страх») и «Беспокойство» (соответствует семе «беспокойство»). Компонент «Пребывание» представлен только одной реакцией *состояние*, которая отражает общее представление о чувстве. Данный компонент периодически опускается и в дефинициях. Его редкость объясняется тем фактом, что номинация эмоциональных состояний уже вмещает идею о чувстве как таковом.

В связи с этим более частотны репрезентанты семантических признаков «Страх» и «Беспокойство», конкретизирующие содержание чувства через обращение к эмоциям одного с *боязнью* диапазона, основанного на *страхе*, (*страх* (23), *фобия* (3), *паника* (2), *клаустрофобия*, *ужас*) или смежного диапазона (*неуверенность* (4); *волнение*; *неопределенность*; *стресс*; *тревожность*; *неприятно*; *некомфортно*). Помимо состояний, основанных на *тревоге* (*волнение*; *стресс*; *тревожность*), представленных также и в словарных определениях (*беспокойство*, *тревога*), единицы, формирующие психологическое значение, отражают чувства, связанные с отсутствием внутренней опоры (*неуверенность* (4)) и благоприятных условий (*неприятно*; *некомфортно*).

Наиболее представленным является признак «Обусловленность бедой» (соответствует семе «ожидание опасности»). Этот же признак вынесен и в лексикографическом толковании в часть словарного конкретизатора. При этом он является единственным признаком в данной

части, отсылающим к особенностям эмоциональной ситуации. Именно позиция причины *боязни*, наряду с исходными эмотивными смыслами, способствует категоризации эмоции.

Могут быть отнесены к части словарного конкретизатора, но не имеют соотносительных элементов в рассмотренных дефинициях, компоненты «Выраженность» и «Сдавленность», характеризующие состояние потенциального носителя эмоции, и компонент «Навязчивость», связанный с качеством самой эмоции.

Ассоциаты *дрожь* (4); *зжатость*, объединенные в зону признака «Выраженность» (5), отражают особенности физического состояния человека, испытывающего *боязнь*. Также они рассматриваются как метафоры телесного состояния, передающие физическую реакцию организма на *страх* через реакцию на низкие температуры, что является характерным для эмоций, основанных на чувстве *страха*. Семантический признак, представленный зоной «Сдавленность» (3), связан с потерей человеком внутреннего контроля из-за возникшей *боязни* (реакции *зжатость; неприятно; некомфортно*). *Боязнь* лишает человека привычного состояния, она отнимает у него свободу, внешнюю и даже внутреннюю. С этим признаком связан такой компонент психологического значения слова-стимула *боязнь*, как «Навязчивость», характеризующий значительную продолжительность эмоции. Реакция *постоянная* напрямую дает темпоральную характеристику *боязни*, в то время как ассоциаты *болото, зеленый и липкость* создают яркий метафорический образ неотступной, затягивающей эмоции.

Таким образом, на основе сопоставления лексикографического и экспериментального материала был расширен ряд ключевых семантических признаков эмотива-номинанта за счет компонентов «Выраженность» и «Сдавленность», характеризующих состояние потенциального носителя эмоции, и компонента «Навязчивость», отвечающего за темпоральный признак.

Итак, представим толкование эмотива-номинанта БОЯЗНЬ следующим образом.

Боязнь – это чувство страха, обусловленное тревожным ожиданием чего-то плохого и не покидающее человека в течение долгого времени, лишаящее его покоя, внутренней свободы, вызывая те же ощущения, которые человек испытывает при холоде.

В результате сопоставления было обнаружено, что словарные «константы» значения в сознании носителя языка – и, соответственно, потенциального носителя эмоции, – как бы обрастают «человеческими» признаками (*дрожь, неприятно, некомфортно, липкость* и др.). Значимыми становятся не только основные компоненты, формирующие эмоциональную ситуацию, такие как модальность эмоции и ее причина, но

и компоненты, раскрывающие особенности протекания эмоции с точки зрения воспринимающего ее субъекта.

Литература

Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 130 с.

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.

Гуц Е. Н. Семантический гештальт как средство конструирования психологического значения слова-стимула / Е. Н. Гуц, Е. Д. Лонская // Теория речевой деятельности – новая парадигма в науке о языке: материалы XXI Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации в преддверии 90-летия со дня рождения А. А. Леонтьева и к 90-летию со дня рождения Е. Ф. Тарасова (Воронеж, 5-7 июня 2025 г.) / редкол.: А. В. Рудакова (отв. ред.) [и др.]. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2025. – С. 184-185.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – Москва: Русский язык, 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 19.09.2025).

Леонтьев А. А. Психологическая структура значения / А. А. Леонтьев // Семантическая структура слова. – М., 1971. – С. 7-19.

Нарский И. С. Критика неопозитивистских концепций значения / И. С. Нарский // Проблема значения в лингвистике и логике. – М., 1963. – 256 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. – Москва: Азбуковник, 1997. – 944 с.

Словарь русского языка: В 4-х т. / АН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 702 с. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 19.09.2025).

Стернин И. А. Семантический анализ слова в контексте / И. А. Стернин, М. С. Саломатина. – Воронеж: Истоки, 2011. – 150 с.

К. П. Михеев (Брянск, Россия)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО АВТОМОБИЛЬНОГО ТЕРМИНА (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ «EXHAUST»)

Аннотация. В статье описываются результаты психолингвистического эксперимента на материале англоязычной лексемы «Exhaust». В английском языке данная лексема имеет два различных значения – общеупотребительное и терминологическое. Именно данное свойство многозначности дает возможность выявить профессиональные особенности семантики слова в языковом сознании респондентов.

Ключевые слова: психолингвистическое значение, семантика, термин, ассоциативно-вербальное поле, профессиональное языковое сознание.

Целью настоящего исследования является психолингвистическое описание значения иноязычного автомобильного термина в языковом сознании обучающихся билингвов.

В 2024 г. нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент. В проведенном эксперименте исследовался процесс идентификации иноязычного технического (автомобильного) термина в индивидуальном сознании обучающихся билингвов – студентов гуманитарного (языкового) и инженерного профилей. Всего в эксперименте приняли участие 129 испытуемых (далее – ии.).

Респондентами-гуманитариями выступили студенты факультета иностранных языков Брянского госуниверситета имени академика И. Г. Петровского – всего 55 ии.

Респондентами-инженерами выступили: 33 студента, обучающихся по специальностям машиноведения и техобслуживания автомобилей Брянского государственного инженерно-технологического университета (БГИТУ), 41 студент, обучающийся по специальностям автомобильного хозяйства, подъемно-транспортного оборудования и других инженерных специальностей Брянского государственного технического университета (БГТУ).

В качестве слова-стимула всем участникам эксперимента предъявлялся автомобильный термин EXHAUST, отобранный из «Большого англо-русского автомобильного словаря» [Лесов 1998].

Толковый англоязычный словарь, помимо терминологического значения, включает в себя еще несколько значений многозначной лексики EXHAUST, при этом ее терминологическое значение ‘выхлопные газы’ указывается в словаре последним, что дает нам основание считать данное словоупотребление крайне мало распространенным среди носителей английского языка как родного: 1) заставить кого-то сильно устать; 2) использовать, исчерпать что-то полностью; 3) отработанный газ из двигателя, особенно автомобильного, или труба, по которой выходит этот отработанный газ (терминологическое значение) [Cambridge Dictionary URL].

Респондентам была предложена следующая анкета-инструкция: «Запишите первую пришедшую на ум ассоциацию со словом-стимулом. Допускается до трех слов. Язык (русский или английский) не имеет значения». При этом в задании не было указано, что предъявляемое слово-стимул используется в значении термина.

Также участникам эксперимента необходимо было указать пол, место обучения, группу (специальность). Эксперимент проводился анонимно.

В результате обработки результатов САЭ были построены ассоциативно-вербальные поля (далее – АВП) стимула EXHAUST по убыванию частотности реакций-ассоциаций, полученных от ии.-гуманитариев.

Ассоциативное поле

EXHAUST 63: усталость/утомление/(to be) tired/слабость/истощение (20), pipe/(выхлопная) труба (5), work (3), fumes/gase/выхлопы (3), lazy/лень (2), sad (2), smoke/дым (2), feeling, joyful, пусто, состояние, sleep, fire, бег, пот/капли от усталости, pollution, body, grey, air, flared up, завод, stress, выдох, обязательство, much, car, вода, экзотическое, апатия, тяжесть, learning, running, голод.

В ходе САЭ на данный стимул от ии.-гуманитариев получено всего 63 реакции, из них: различных реакций – 33, частотных (зафиксированных минимум дважды) – 7, единичных – 26. Нулевых реакций (отказов) не наблюдалось.

Под психолингвистическим значением следует понимать «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» [Стернин 2011].

Также для каждой семемы нами был вычислен совокупный индекс яркости семемы (СИЯ), выражаемый через отношение количества ассоциативных реакций, актуализирующих определенную семему, к общему количеству респондентов [Попова 2007].

Психолингвистическое значение

1. Состояние усталости (истощения сил), ее причины 0,79 (усталость/утомление/(to be) tired/слабость/истощение 0,36; work 0,05; lazy/лень 0,03; sad 0,03; feeling 0,02; пусто 0,02; состояние 0,02; sleep 0,02; body 0,02; выдох 0,02; stress 0,02; much 0,02; пот/капли от усталости 0,02; бег 0,02; апатия 0,02; тяжесть 0,02; эмоция 0,02; learning 0,02; running 0,02; голод 0,02).

2. Выхлопная система автомобиля (выхлопные газы) 0,33 (pipe/(выхлопная) труба 0,09; fumes/gase/выхлопы 0,05; smoke/дым 0,03; fire 0,02; pollution 0,02; grey 0,02; air 0,02; flared up 0,02; car 0,02; завод 0,02).

3. Истощение ресурсов 0,02 (вода 0,02).

4. Антонимические реакции 0,02 (joyful 0,02).

5. Формальные (фонетические) реакции (экзотическое) – как правило, не поддаются интерпретированию, так как не несут в себе никакой смысловой информации.

Теперь приведем пример АВП стимула EXHAUST, полученного в результате обработки предложенных ии.-инженерами реакций.

Ассоциативное поле

EXHAUST 79: выхлоп (26), дом (6), выйти/выход (из дома) (4), (выхлопная) труба/выхлопная система (3), engine/двигатель (3), ex-бывший (2), хаус (2), истощение (2), exist(ence)/существование, ластик, громкость, опыт, стимул, ранг, клуб, выпускать, дым, внушительный, экзотика,

экзамен, bomb, хаос, дверь, example, отверстие, эскорт, поймать, каша, сумка, серьги, gas, экзот, уставший, электричество, износить, недомогание, что-то немецкое, бывший немец.

В ходе САЭ на данный стимул от ии.-гуманитариев получено всего 80 реакций, из которых: различных реакций – 39, частотных (зафиксированных минимум дважды) – 8, единичных – 31. Нулевых реакций (отказов) не наблюдалось.

Психолингвистическое значение

1. Выхлопная система автомобиля (выхлопные газы) 0,46 (выхлоп 0,33; (выхлопная) труба/выхлопная система 0,04; engine/двигатель 0,04; громкость 0,01; выпускать 0,01; дым 0,01; отверстие 0,01; gas 0,01).

2. Состояние усталости (истощения сил) 0,06 (истощение 0,03; уставший 0,01; износить 0,01; недомогание 0,01).

3. Фонетические реакции (ex-бывший; хаус, exist(ence), экзотика, экзамен, хаос, example, эскорт, экзот).

4. Формально-смысловые реакции (дом, выйти/выход (из дома), дверь, существование, опыт, стимул, ранг, клуб что-то немецкое, бывший немец).

5. Другие неинтерпретируемые реакции (ластик, внушительный, bomb, поймать, каша, сумка, серьги, электричество).

Под формально-смысловыми реакциями понимаются реакции, семантически связанные с предшествующими в сознании ассоциациями, которые в свою очередь вызываются опорой на звукобуквенный образ стимула, но остаются незафиксированными. Так, ассоциат *дом* мог явиться реакцией на промежуточную реакцию, вербально выраженной в виде немецкоязычной лексемы *haus** ‘дом’. Ассоциаты *что-то немецкое* и *бывший немец* могли явиться реакциями на промежуточные реакции – *ex-** ‘бывший’ и *haus** ‘дом’ (см. выше). Ассоциаты *выйти/выход (из дома)* и *дверь* могли явиться реакциями на промежуточные реакции – *ex-** ‘покинуть что-либо’ и *haus** ‘дом’. Ассоциат *существование* мог явиться реакцией промежуточную реакцию *existence**. Ассоциаты *опыт, стимул, ранг, клуб* могли явиться реакциями на промежуточную реакцию *экзистенциальный**.

По результатам анализа полученных экспериментальных данных можно подвести следующие предварительные итоги.

1. Сравнительный анализ АВП многозначного стимула EXHAUST, построенных на основе результатов САЭ в группах ии.-гуманитариев и ии.-инженеров показывает, что первая группа в большинстве случаев идентифицирует данный стимул в его самом распространенном лексикографическом значении ‘изнурить, утомить’, позволяющее считать его наиболее актуальным значением в языковом сознании опрошенных ии.-гуманитариев. Напротив, в группе ии.-инженеров существенно преобладают реакции, актуализирующие именно терминологическое

значение лексемы EXHAUST – ‘выхлопные газы’. Таким образом, при предъявлении многозначного стимула EXHAUST вне контекста, ии.-гуманитарии не склонны идентифицировать его терминологическое значение, в то время как у ии.-инженеров преобладает именно терминологическое значение.

2. Значительную часть ассоциативных реакций, полученных от ии.-гуманитариев, составляют ответы на иностранном языке (37% от общего количества ответов), в то время как ии.-инженеры предлагали иноязычные ответы гораздо реже (7% от общего количества ответов).

3. Среди ответов, полученных от ии.-инженеров, широко распространены реакции, семантически не связанные ни с одним значением слова-стимула EXHAUST, т. е. семантически неадекватные, в то время как у ии.-гуманитариев практически все ответы напрямую актуализируют то или иное лексикографическое значение данного стимула.

Литература

Лесов В. Р. Большой англо-русский автомобильный словарь / В. Р. Лесов. – Санкт-Петербург: «Б.С.К.», 1998. – 830 с.

Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка: научное издание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.

Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/exhaust> (дата обращения: 12.09.2025).

А. В. Рудакова, А. В. Литвинова (Воронеж, Россия)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НОВЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Цель исследования – описание семантики новых слов в языковом сознании носителей русского языка. В статье представлены результаты психолингвистического описания значений наименований верхней одежды, вошедших в русский язык в последние два десятилетия. Психолингвистические значения слов формулируются на основе данных свободного ассоциативного эксперимента. Приведены образцы словарных статей психолингвистического словаря новой лексики. Каждая статья включает ассоциативное поле, психолингвистические значения слова, иллюстративный материал. Выделены семантические параметры, актуальные для описания значений слов – номинаций верхней одежды. Полученные результаты позволят скорректировать данные толковых словарей и словарей иностранных слов о семантике данной группы слов.

Ключевые слова: семантика, ассоциативный эксперимент, заимствование, семантическая интерпретация, языковое сознание.

Цель исследования – описание семантики нового слова в языковом сознании носителей русского языка. В центре внимания данной статьи слова – наименования верхней одежды, заимствованные в русский язык в два последних десятилетия (*бомбер, дафлкот, ольстер, тренкот*). Данные слова не представлены в современных словарях иностранных слов и в толковых словарях русского языка. Информацию об их семантике и правилах употребления можно получить только на страницах интернет-источников. Анализ контекстов употребления слов и данных, полученных от респондентов, позволяет сформулировать представление о значении заимствованных слов лексико-семантической группы «Наименования верхней одежды».

На первом этапе исследования были проанализированы данные современных толковых словарей и словарей иностранных слов. Было определено, что данные лексемы не входят в состав современных словарей русского языка. Анализ источника заимствования показал, что новые наименования верхней одежды заимствованы русским языком из английского.

Затем был проведен свободный ассоциативный эксперимент с 4 стимулами. В эксперименте приняли участие 100 испытуемых в возрасте от 17 лет до 23 лет, все студенты разных факультетов Воронежского государственного университета, родной язык – русский. Время проведения эксперимента – 2024 г.

Были сформированы ассоциативные поля каждого стимула, которые затем подвергались семантической интерпретации (метод разработан с И. А. Стерниным) [Стернин 2011].

Были сформулированы психолингвистические значения исследуемых слов. Под психолингвистическим значением понимается «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических компонентов – более и менее ярких, ядерных и периферийных» [Стернин 2011].

При описании вычислялись индексы: индекс яркости семантического признака (ИЯ – как отношение количества реакций, вербализующих данный признак, к общему количеству опрошенных) и совокупный индекс яркости семемы (СИЯ – как сумма индексов яркости всех семантических признаков данной семемы).

Приведем примеры психолингвистического описания заимствованных наименований верхней одежды.

БОМБЕР

Ассоциативное поле

БОМБЕР 100: куртка 18; одежда 10; большая куртка 8; кофта 6; большая кофта, короткая куртка 5; верхняя одежда, кофта спортивная, без капюшона 3; молодежь, на молнии, как ветровка 2; весна, осень, стиль, тепло, на пуговицах, с длинными рукавами, с вырезом на шее, коричневый, из тонкой ткани 1; отказ 24.

Психолингвистическое значение

Верхняя одежда 0,13 (*одежда 10, верхняя одежда 3*), куртка 0,31 (*куртка 18, большая куртка 8, короткая куртка 5*), большая 0,13 (*большая куртка 8, большая кофта 5*), короткая 0,05 (*короткая куртка 5*), кофта 0,14 (*кофта 6, большая кофта 5, кофта спортивная 3*), спортивная 0,03 (*спортивная кофта 3*), без капюшона 0,03 (*без капюшона 3*), на молнии 0,02 (*на молнии 2*), на пуговицах 0,01 (*на пуговицах*), с длинными рукавами 0,01 (*с длинными рукавами*), с вырезом на шее 0,01 (*с вырезом на шее*), из тонкой ткани 0,01 (*из тонкой ткани*), носят весной 0,01 (*весна*), осенью 0,01 (*осень*), предназначена для молодежи 0,02 (*молодежь 2*), стильная 0,01 (*стиль*), бывает коричневого цвета 0,01 (*коричневый*).

То же, что ветровка 0,02 (*как ветровка 2*)

СИЯ 0,96

Сейчас модно носить бомбер.

Не интерпретируются: 0

Не актуально: 0,24

ДАФЛКОТ

Ассоциативное поле

ДАФЛКОТ 100: пальто 12; одежда 11; верхняя одежда 9; на молнии 7; на пуговицах, с капюшоном 5; стиль 4; черный 3; вопрос, зеленое, игра, оранжевое 1; отказ 40.

Психолингвистическое значение

Верхняя одежда 0,20 (*одежда 11, верхняя одежда 9*), пальто 0,12 (*пальто 12*), стильное 0,04 (*стиль 4*), на молнии 0,07 (*на молнии 7*), на пуговицах 0,05 (*на пуговицах 5*), с капюшоном 0,05 (*с капюшоном 5*), бывает черный 0,03 (*черный 3*), зеленый 0,01 (*зеленое*), оранжевый 0,01 (*оранжевое*).

СИЯ 0,58

Мы сегодня мужу купили в магазине дафлот.

Не интерпретируются 2: *игра, вопрос*

Не актуально: 0,40

ОЛЬСТЕР

Ассоциативное поле

ОЛЬСТЕР 100: одежда 10; пальто 7; черное 3; магазин 2; мужчина 1; отказ 78.

Психолингвистическое значение

Одежда 0,10 (*одежда 10*), мужская 0,01 (*мужчина*), пальто 0,07 (*пальто 7*), продается в магазине 0,02 (*магазин 2*), бывает черного цвета 0,03 (*черное 3*).

Вчера видела рекламу нового магазина одежды, там продается красивый ольстер.

СИЯ 0,23

Не интерпретируются: 0

Не актуально: 0,78

ТРЕНЧКОТ

Ассоциативное поле

ТРЕНЧКОТ 100: плащ 9; дождевой плащ 7; пальто 5; верхняя одежда 5; буквы, белый, желтый, женский, кот, красный, магазин, молодежь, осень, правила, скотч, символы, стиль, с узорами, синий, удобно, яркий 1; отказ 57.

Психолингвистическое значение

Верхняя одежда 0,05 (*верхняя одежда 5*), в виде плаща 0,16 (*плащ 9, дождевой плащ 7*), пальто 0,05 (*пальто 5*), для защиты от дождя 0,07 (*дождевой плащ 7*); надевается осенью 0,01 (*осень*); бывает женский 0,01 (*женский*), молодежный 0,01 (*молодежь*); продается в магазине 0,01 (*магазин*); бывает с узорами 0,01 (*с узорами*), бывает красный 0,01 (*красный*), белый 0,01 (*белый*), синий 0,01 (*синий*), желтый 0,01 (*желтый*), удобный 0,01 (*удобно*), стильный 0,01 (*стиль*), яркий 0,01 (*яркий*); фирмы 0,01 Scotch&Soda 0,01 (*скотч*).

СИЯ 0,48

Брендовый тренчкот

Не интерпретируются 4: *правила, символы, буквы, кот*

Не актуально 0,57

Анализ ассоциативных полей стимулов – наименований верхней одежды позволяет констатировать следующее.

Семантика исследуемых слов освоена молодыми носителями языка в различной степени. Показателями этого являются следующие параметры: наличие нулевых ответов (отказов). Не актуальными для студентов являются такие лексемы, как *ольстер* (78 отказов), *тренчкот* (57 отказов), *дафлкот* (40 отказов). Наиболее освоенным из четырех слов является лексема *бомбер* (24 отказа).

Показателем невысокой освоенности является и отсутствие в ассоциативных полях всех четырех стимулов реакций – прецендетных текстов.

Анализ семантических параметров новых наименований верхней одежды показывает следующее.

Общая архисема «верхняя одежда / одежда» выделяется в семантической структуре всех исследуемых единиц. Частотность данной семы колеблется от 5 (*тренчкот*) до 20 реакций (*дафлкот*). Средний индекс яркости семы достаточно высок и составляет 12 реакций. Это свидетельствует о том, что даже для молодых носителей русского языка данные слова ощущаются новыми, семантическая структура которых пока только формируется.

Семантический параметр «вид верхней одежды» входит в структуру значения всех исследуемых единиц: сема «куртка» 0,31 (*бомбер*), кофта 0,14 (*бомбер*), плащ 0,16 (*тренчкот*). Сема «пальто» выделяется в структуре трех слов: *дафлкот* – 0,12, *ольстер* – 0,07 и *тренчкот* – 0,05.

Семантический параметр «гендерная принадлежность» отмечен в структуре двух слов: к мужской верхней одежде относится *ольстер* (0,01), к женской – *тренчкот* (0,01).

Семантический параметр «возраст» представлен семой «предназначен для молодежи»: *бомбер* (0,02), *тренчкот* (0,01).

Семантический параметр «сезонность» вербализован только у слов: *тренчкот* и *бомбер*. Испытуемые отметили, что это демисезонная одежда: *тренчкот* носят осенью 0,01; *бомбер* – весной 0,01 и осенью 0,01.

Семантический параметр «цветовая гамма» отмечен у всех слов. Наибольшее разнообразие цветовой гаммы у слов *тренчкот* (красный 0,01, белый 0,01, синий 0,01, желтый 0,01, яркий 0,01) и *дафлкот* (черный 0,03, зеленый 0,01, оранжевый 0,01). По одной цветовой характеристике отмечено у слов *бомбер* (коричневый 0,01) и *ольстер* (черный 0,03). У *тренчкот* вербализована сема «бывает с узорами» (0,01).

Только у слова *тренчкот* актуализирован такой семантический параметр, как «предназначение»: для защиты от дождя 0,07.

Семантический параметр «элементы одежды» входит в структуру значения слов *бомбер* и *дафлкот*. Испытуемые отметили размер *бомбера* (большой 0,13), его длину (короткий 0,05), отсутствие капюшона (0,03), тип выреза (0,01), наличие молнии (0,02) или пуговиц (0,01), длину рукава (длинный 0,01), качество материала (тонкий 0,01). У *дафлкота* выделены только три признака: на молнии (0,07) или на пуговицах (0,05), с капюшоном (0,05).

Исследуемые единицы обозначают новые виды верхней одежды, что обуславливает их отнесенность к модной, стильной (*дафлкот* – 0,04, по 0,01 – у слов *бомбер*, *тренчкот*). У слова *бомбер* сема «спортивный» также указывает на стиль этой одежды. Только у слова *тренчкот* указано

название конкретной фирмы, а также такой качественный признак, как удобство (0,01).

Семантический признак «симиляр» актуализирован испытуемыми только у слова-стимула *бомбер* – ветровка 0,02.

Таким образом, психолингвистический эксперимент может быть использован для уточнения семантики новых наименований верхней одежды.

Литература

Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова и его описание: монография / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

К. О. Селезнева (Борисоглебск, Россия)

МЕТОД СУБЪЕКТИВНЫХ ДЕФИНИЦИЙ КАК КЛЮЧ К ЗНАЧЕНИЮ СЛОВА ПРОСВЕЩЕНИЕ

Аннотация. В статье представлены результаты экспериментального исследования семантики лексемы «просвещение». Выделены восемь семантических групп, сформулированы четыре психолингвистических значения. Материалом исследования послужили данные, полученные в ходе эксперимента с использованием метода субъективных дефиниций.

Ключевые слова: языковое сознание, лексема, семантическая группа, метод субъективных дефиниций, психолингвистическое значение, ассоциативное поле.

Данная статья является частью комплексного исследования, посвященного изучению лексики и фразеологии в сфере образования, воспитания и обучения в русском языке и русском языковом сознании [Морозова 2022, 2023; Селезнева 2021а, 2021б].

Для описания семантики слова *просвещение* в русском языковом сознании мы обратились к методу субъективных дефиниций, методика проведения которого изложена И. А. Стерниным и А. В. Рудаковой [Стернин 2011]. В эксперименте принимали участие 146 студентов Борисоглебского филиала Воронежского государственного университета. Респондентами выступили студенты 1-4 курсов очной и заочной форм обучения в возрасте от 18 до 30 лет, обучающиеся по профилям «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки) и профиль «Русский язык и литература. История». Эксперимент проводился с ноября 2024 года по февраль 2025 года.

Испытуемым давалось задание: дайте определение слову *просвещение*, продолжив фразу: Просвещение – это? По результатам

эксперимента было составлено ассоциативное поле слова-стимула *просвещение*.

Ассоциативное поле

ПРОСВЕЩЕНИЕ 146 – это передача знаний, передача знаний и культуры, получение знаний и внутреннее развитие человека 7; передача и распространение знаний и культуры, распространение знаний и культуры 5; действие/движение, направленное на изучение нового, передача знаний и умений кому-либо, получение новых знаний, развитие 3; издание учебников, изучение и познание чего-то нового, интересного, получение знаний, получение и распространение знаний, свет, учение 2; «учение свет, а не учение – тьма», большая ответственность перед подрастающим поколением, будущее, которое необходимо для развития, быть просвященным в чем-либо, быть ученым, внедрение новых идеалов, возможность передать знания, умения и навыки, возможность узнать для себя что-то новое, воспитание, воспитательно-образовательные организации, время, когда люди стали больше учиться, узнавать новое, всеобщее усвоение основных, исходных знаний о смысле жизни, миссии человека на земле, выделить и запомнить самое главное, движение в лучшую сторону себя, движение вперед, деятельность длиной в жизнь, деятельность образовательного научного характера, направленная на внедрение новых знаний среди обучающихся, жизнь, идейное течение, изменения, изучение нового, образовательного, нужного для учения, изучение новой информации, изучение современных норм и порядков в мире, интерес, информация, когда есть возможность научиться чему-то новому, массовая передача знаний, умений для развития человека и общества в целом, масштабный образовательный процесс получения новых знаний, ранее не изучавшихся массово, момент, когда ты получил знания, которыми не обладал до этого, наполнение человека знаниями, духовностью, наука о познании чего-то нового или неизвестного, наука об изучении культуры, разума, навыков и умения, нахождение в человеке высших знаний и умений во многих направлениях, новое, новые знания в какой-нибудь области, новый взгляд на старые вещи, обогащение знаниями, учебными материалами, обогащение новыми знаниями, обработка информации, образование и обучение широкого круга населения, независимо от возраста и национальности, образование людей, образованность, образовательная программа для получения углубленных знаний в чем-либо, озарение, ознакомление кого-либо с определенной сферой, освещение непонятной сферы, осознание информации, открытие истин, открытие нового для человека, передача знаний от одного человека другому, передача знаний, опыта и какой-либо информации, передача знаний, умений и навыков тем, кому действительно нужно, передача знаний, ценностей, культурных традиций, передача и получение знаний, передача какой-то информации, передача опыта, подъем, познание нового, познание той или иной информации, необходимой для достижения какой-то цели, познание, направленное на духовную сферу, полное понимание какой-либо мысли, получение глубоких знаний, получение знаний от педагогов, получение знаний, навыков, умений в разных сферах деятельности, получение нового опыта, получение новой информации в различных сферах жизни, получение новых знаний, культурное развитие, получение определенных знаний и умений в какой-либо области, понимание информации в необходимой ситуации, постоянный процесс научения и поддержания знаний человека, процесс общества, процесс передачи знаний и опыта всем нуждающимся в этом, процесс передачи знаний, опыта, умений из поколения в поколение, процесс познания человеком чего-либо непреднамеренно либо целенаправленно, процесс получения новых знаний, процесс развития духовной организации человека с упором на мораль и культуру, процесс умственной деятельности, направленный на получение знаний, умений и навыков в какой-либо

сфере жизни, путь в жизнь, путь к знанию, путь познания окружающего мира, путь самопознания через призму нации и жизни, развитие в какой-либо деятельности, сфере, развитие в той или иной области (культура, история, духовное), развитие ума и души, развитие человека, разум, распространение знаний, распространение знаний и культуры среди населения, распространение знаний, культуры и истории, самопознание, система, система воспитания, система воспитательно-образовательных мероприятий и учреждений в каком-либо государстве, система культурно-просветительных мероприятий и специальных учреждений страны, система образовательных мероприятий в каком-либо учреждении, система просветительской работы, сознательная передача знаний и опыта с целью обучения и повышения уровня образования, способность мыслить, то, в чем нуждаются, то, что позволяет нам становиться лучше в образовательном и духовном плане, труд, связанный с освоением новой информации, возможен с посредниками, самостоятельно труден, но более эффективен, углубление в теорию чего-нибудь нового, узнавание чего-то нового, узнавать что-то новое, узнать что-то новое, улучшение качеств, фаза развития человека, где он достигает истин, на которые он будет опираться на своем жизненном пути, фирма издания учебных и образовательных учебников, формирование навыков и умений, эволюция, эпоха, эпоха в истории и философии, эпоха в развитии европейских стран, эпоха, в которой разум выходил на первый план, эпоха, связанная с развитием научной и философской мысли, эпоха, связанная с развитием научной и общественной мысли 1.

Всего была зафиксирована 171 реакция, из них различных – 131.

Полученные данные были распределены нами по семантическим группам. В скобках указан процент соотношения реакций в данной семантической группе к общему количеству реакций в эксперименте.

Получение знаний и опыта (36%): получение знаний и внутреннее развитие человека 7, действие/движение, направленное на изучение нового 3, получение новых знаний 3, изучение и познание чего-то нового, интересного 2, получение знаний 2, получение и распространение знаний 2, возможность узнать для себя что-то новое 1, всеобщее усвоение основных, исходных знаний о смысле жизни, миссии человека на земле 1, изучение нового, образовательного, нужного для учения 1, изучение новой информации 1, изучение современных норм и порядков в мире 1, информация 1, когда есть возможность научиться чему-то новому 1, масштабный образовательный процесс получения новых знаний, ранее не изучавшихся массово 1, момент, когда ты получил знания, которыми не обладал до этого 1, наука о познании чего-то нового или неизвестного 1, наука об изучении культуры, разума, навыков и умения 1, новое 1, новые знания в какой-нибудь области 1, новый взгляд на старые вещи 1, обогащение знаниями, учебными материалами 1, обогащение новыми знаниями 1, обработка информации 1, открытие истин 1, открытие нового для человека 1, познание нового 1, познание той или иной информации, необходимой для достижения какой-то цели 1, познание, направленное на духовную сферу 1, получение глубоких знаний 1, получение знаний от педагогов 1, получение знаний, навыков, умений в разных сферах деятельности 1, получение нового опыта 1, получение новой информации в различных сферах жизни 1, получение новых знаний, культурное развитие 1, получение определенных знаний и умений в какой-либо области 1, постоянный процесс научения и поддержания знаний человека 1, процесс познания человеком чего-либо непреднамеренно либо целенаправленно 1, процесс получения новых знаний 1, процесс умственной деятельности, направленный на получение знаний, умений и навыков в какой-либо сфере жизни 1, путь к знанию 1, путь познания

окружающего мира 1, путь самопознания через призму нации и жизни 1, труд, связанный с освоением новой информации, возможен с посредниками, самостоятельно труден, но более эффективен 1, углубление в теорию чего-нибудь нового 1, узнавание чего-то нового 1, узнавать что-то новое 1, узнать что-то новое 1, учение 1, формирование навыков и умений 1.

Передача знаний, умений, навыков и опыта (32%): передача знаний 7, передача знаний и культуры 7, передача и распространение знаний и культуры 5, распространение знаний и культуры 5, передача знаний и умений кому-либо 3, получение и распространение знаний 2, возможность передать знания, умения и навыки 1, деятельность образовательного научного характера 1, массовая передача знаний, умений для развития человека и общества в целом 1, наполнение человека знаниями, духовностью 1, направленная на внедрение новых знаний среди обучающихся 1, новое 1, обогащение знаниями, учебными материалами 1, обогащение новыми знаниями 1, образование и обучение широкого круга населения, независимо от возраста и национальности 1, образование людей 1, образовательная программа для получения углубленных знаний в чем-либо 1, ознакомление кого-либо с определенной сферой 1, освещение непонятной сферы 1, передача знаний от одного человека другому 1, передача знаний, опыта и какой-либо информации 1, передача знаний, умений и навыков тем, кому действительно нужно 1, передача знаний, ценностей, культурных традиций 1, передача и получение знаний 1, передача какой-то информации 1, передача опыта 1, процесс передачи знаний и опыта всем нуждающимся в этом 1, процесс передачи знаний, опыта, умений из поколения в поколения 1, распространение знаний 1, распространение знаний и культуры среди населения 1, распространение знаний, культуры и истории 1, сознательная передача знаний и опыта с целью обучения и повышения уровня образования 1.

Развитие человека (15%): получение знаний и внутреннее развитие человека 7, развитие 3, движение в лучшую сторону себя 1, движение вперед 1, наполнение человека знаниями, духовностью 1, нахождение в человеке высших знаний и умений во многих направлениях 1, познание, направленное на духовную сферу 1, процесс развития духовной организации человека с упором на мораль и культуру 1, развитие в какой-либо деятельности, сфере 1, развитие в той или иной области (культура, история, духовное) 1, развитие ума и души 1, развитие человека 1, самопознание 1, способность мыслить 1, то, что позволяет нам становиться лучше в образовательном и духовном плане 1, улучшение качеств 1, фаза развития человека, где он достигает истин, на которые он будет опираться на своем жизненном пути 1.

Распространение культурных ценностей (13%): передача знаний и культуры 7, передача и распространение знаний и культуры 5, распространение знаний и культуры 5, наука об изучении культуры, разума, навыков и умения 1, передача знаний, ценностей, культурных традиций 1, получение новых знаний, культурное развитие 1, распространение знаний и культуры среди населения 1, распространение знаний, культуры и истории 1.

Система образовательных мероприятий и учреждений (5%): воспитание 1, воспитательно-образовательные организации 1, система 1, система воспитания 1, система воспитательно-образовательных мероприятий и учреждений в каком-либо государстве 1, система культурно-просветительных мероприятий и специальных учреждений страны 1, система образовательных мероприятий в каком-либо учреждении 1, система просветительской работы 1.

Наименование эпохи (4%): идейное течение 1, эпоха 1, эпоха в истории и философии 1, эпоха в развитии европейских стран 1, эпоха, в которой разум выходил

на первый план 1, эпоха, связанная с развитием научной и философской мысли 1, эпоха, связанная с развитием научной и общественной мысли 1.

Необходимость (3%): будущее, которое необходимо для развития 1, деятельность длиной в жизнь 1, жизнь 1, путь в жизнь 1, то, в чем нуждаются 1.

Издательство (2%): издание учебников 2, фирма издания учебных и образовательных учебников 1.

Прецедентный текст: учение свет, а не учение – тьма 1.

Не входят в группы: свет 2, большая ответственность перед подрастающим поколением 1, быть посвященным в чем-либо 1, быть ученым 1, внедрение новых идеалов 1, время, когда люди стали больше учиться, узнавать новое 1, выделить и запомнить самое главное 1, изменения 1, интерес 1, образованность 1, озарение 1, осознание информации 1, подъем 1, полное понимание какой-либо мысли 1, понимание информации в необходимой ситуации 1, разум 1, эволюция 1.

Не интерпретируется: процесс общества 1.

Опираясь на методику, изложенную И. А. Стерниным и А. В. Рудаковой [Стернин 2011], на основе ассоциативного поля и семантических групп нами были сформулированы психолингвистические значения (далее – ПЛЗ) лексемы *просвещение* в современном русском языковом сознании.

Психолингвистические значения

1. Передача и получение знаний, умений, навыков и опыта через систему образовательных учреждений (124): *передача знаний, передача знаний и культуры, получение знаний и внутреннее развитие человека 7; передача и распространение знаний и культуры, распространение знаний и культуры 5; действие/движение, направленное на изучение нового, передача знаний и умений кому-либо, получение новых знаний 3; изучение и познание чего-то нового, интересного, получение знаний, получение и распространение знаний 2; возможность передать знания, умения и навыки, возможность узнать для себя что-то новое, воспитание, воспитательно-образовательные организации, всеобщее усвоение основных, исходных знаний о смысле жизни, миссии человека на земле, деятельность образовательного научного характера, изучение нового, образовательного, нужного для учения, изучение новой информации, изучение современных норм и порядков в мире, информация, когда есть возможность научиться чему-то новому, массовая передача знаний, умений для развития человека и общества в целом, масштабный образовательный процесс получения новых знаний, ранее не изучавшихся массово, момент, когда ты получил знания, которыми не обладал до этого, наполнение человека знаниями, духовностью, направленная на внедрение новых знаний среди обучающихся, наука о познании чего-то нового или неизвестного, наука об изучении культуры, разума, навыков и умения, новое, новые знания в какой-нибудь области, новый взгляд на старые вещи, обогащение знаниями, учебными материалами, обогащение новыми знаниями, обработка информации, образование и обучение широкого круга населения, независимо от возраста и национальности, образование людей, образовательная программа для получения углубленных знаний в чем-либо, ознакомление кого-либо с определенной сферой, освещение непонятной сферы, открытие истин, открытие нового для человека, передача знаний от одного человека другому, передача знаний, опыта и какой-либо информации, передача знаний, умений и навыков тем, кому действительно нужно, передача знаний, ценностей, культурных традиций, передача и получение*

знаний, передача какой-то информации, передача опыта, познание, направленное на духовную сферу, познание нового, познание той или иной информации, необходимой для достижения какой-то цели, получение глубоких знаний, получение знаний от педагогов, получение знаний, навыков, умений в разных сферах деятельности, получение нового опыта, получение новой информации в различных сферах жизни, получение новых знаний, культурное развитие, получение определенных знаний и умений в какой-либо области, постоянный процесс научения и поддержания знаний человека, процесс передачи знаний и опыта всем нуждающимся в этом, процесс передачи знаний, опыта, умений из поколения в поколения, процесс познания человеком чего-либо непреднамеренно либо целенаправленно, процесс получения новых знаний, процесс умственной деятельности, направленный на получение знаний, умений и навыков в какой-либо сфере жизни, путь к знанию, путь познания окружающего мира, путь самопознания через призму нации и жизни, распространение знаний, распространение знаний и культуры среди населения, распространение знаний, культуры и истории, сознательная передача знаний и опыта с целью обучения и повышения уровня образования, система, система воспитания, система воспитательно-образовательных мероприятий и учреждений в каком-либо государстве, система культурно-просветительных мероприятий и специальных учреждений страны, система образовательных мероприятий в каком-либо учреждении, система просветительской работы, труд, связанный с освоением новой информации, возможен с посредниками, самостоятельно труден, но более эффективен, углубление в теорию чего-нибудь нового, узнавание чего-то нового, узнавать что-то новое, узнать что-то новое, учение, формирование навыков и умений 1.

2. Распространение культурных ценностей с целью развития человека (47): передача знаний и культуры, получение знаний и внутреннее развитие человека 7; передача и распространение знаний и культуры, распространение знаний и культуры 5; развитие 3, движение в лучшую сторону себя, движение вперед, наполнение человека знаниями, духовностью, наука об изучении культуры, разума, навыков и умения, нахождение в человеке высших знаний и умений во многих направлениях, передача знаний, ценностей, культурных традиций, познание, направленное на духовную сферу, получение новых знаний, культурное развитие, процесс развития духовной организации человека с упором на мораль и культуру, развитие в какой-либо деятельности, сфере, развитие в той или иной области (культура, история, духовное), развитие ума и души, развитие человека, распространение знаний и культуры среди населения, распространение знаний, культуры и истории, самопознание, способность мыслить, то, что позволяет нам становиться лучше в образовательном и духовном плане, улучшение качеств, фаза развития человека, где он достигает истин, на которые он будет опираться на своем жизненном пути 1.

3. Эпоха (7): идейное течение, эпоха, эпоха в истории и философии, эпоха в развитии европейских стран, эпоха, в которой разум выходил на первый план, эпоха, связанная с развитием научной и философской мысли, эпоха, связанная с развитием научной и общественной мысли 1.

4. Издательство (3): издание учебников 2, фирма издания учебных и образовательных учебников 1.

Результаты исследования позволяют констатировать, что в сознании носителей русского языка лексема **просвещение** имеет четыре психолингвистических значения. Самым ярким из них является «Передача и получение знаний, умений, навыков и опыта через систему

образовательных учреждений». Вторым по яркости является значение «Распространение культурных ценностей с целью развития человека». Интересно, что мало актуальными для носителей языка психолингвистическими значениями являются «Эпоха» и «Издательство». В своей работе, посвященной взаимосвязи слов **образование** и **просвещение**, мы уже выдвигали версию о том, что это может быть связано с влиянием эпохи европейского Просвещения и представлением о целой группе компаний, которая занимается разработкой и созданием печатной и цифровой продукции для образовательного процесса [Селезнева 2025].

В дальнейшем интересно будет сопоставить психолингвистические и лексикографические значения исследуемой единицы, поскольку само понятие просвещение является очень сложным, многогранным, требующим более глубоко изучения.

Литература

Морозова И. А. Лексема *воспитание* в сознании носителей русского языка / И. А. Морозова, К. О. Селезнева // Вопросы психолингвистики. – 2023. – № 1 (55). – С. 69-77.

Морозова И. А. Сопоставительный анализ психолингвистических значений лексем *образование* и *воспитание* (по результатам направленного ассоциативного эксперимента) / И. А. Морозова, К. О. Селезнева // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Москва: РИТМ, 2022. – Вып. 10. – С. 55-64.

Селезнева К. О. К вопросу о взаимосвязи слов *образование* и *просвещение* в сознании носителей русского языка / К. О. Селезнева // Культура общения и ее формирование: сборник научных статей / под ред. А. В. Рудаковой; ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». – Воронеж: «Научная книга», 2025. – Вып. 40. – С. 148-153.

Селезнева К. О. Психолингвистическое исследование лексемы *образование* (по результатам направленного ассоциативного эксперимента) / К. О. Селезнева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2021 г. – №4. – С. 60-62.

Селезнева К. О. Тематическая группа «Образование» в лексикографических источниках / К. О. Селезнева // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов. – Воронеж: Издательство «РИТМ». – 2021. – Вып. 8. – С. 115-122.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbücken, 2011. – 192 с.

ЦВЕТ «СТРАСТНЫЙ ПИОН»: СЕМАНТИЧЕСКИЙ ОБЪЕМ РЕКЛАМНОГО ТЕРМИНА ЦВЕТА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ КУЛЬТУР (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Аннотация. В статье представлены результаты выполненного в русле лингвистики цвета исследования, посвященного выявлению значения рекламного термина цвета, специфичного превалированием эмоционально-экспрессивной составляющей над информативной (цветовой). В результате ассоциативного эксперимента, проведенного в группе русскоязычных и китайских респондентов, выявлен семантический объем цветообозначения «страстный пион», описана специфика его семантизации, установлена область тождества значения и отличия.

Ключевые слова: лингвистика цвета, термин цвета, фитоним, языковое сознание, рекламный дискурс, ассоциативный эксперимент.

Культурологический потенциал фитонимического пространства русского языка, а также закономерная связь растения и цвета, обуславливают наш исследовательский интерес к выявлению специфики цветовой перцепции и визуализации растений (см., например [Сивова 2024, 2025] и др.), а в данной статье – к реализации цветовыми дескрипциями растения, в частности пиона, в пространстве рекламного текста прототипической функции, которая заключается «в том, что ряд цветочных номинаций может служить основой для образования терминов цвета» [Кульпина 2001, с. 271].

Выбор фитонима неслучаен. Го Жунжун и Ян Хайюнь, отмечая, что пион «по праву считается национальным цветком Китая», подчеркивают: «пион находит свое яркое выражение и воплощение в китайских торжественных праздниках, традициях и обычаях, народных сказках и преданиях, древних стихах и декоративном искусстве» [Го Жунжун 2020, с. 38].

Лу Яожань, сопоставляя культурные коннотации фитонимов в русском и китайском языках, отмечает в связи с фитонимом *пион*, что в китайской и русской культуре растение рассматривается как символ любви и удачи, при этом «в русской литературе появляется дополнительный коннотативный оттенок лексического значения, указывающий на цветообозначение “красный”. Это свидетельствует о частичных эквивалентах перевода фитонима “*пион*” в русской и китайской культуре, поскольку в Китае цветок наделен культурной коннотацией “король цветов”, а в России такого семантического значения нет» [Лу Яожань 2023, с. 367].

Колористические дескрипции пиона нашли отражение в «Материалах к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.», где

фиксируется их изобразительно-выразительный потенциал, например, сравнение с прилагательными (*красный, пунцовый*), с глаголами (*зардеться, залиться*) [Кожевникова 2015, с. 33].

Цель данного исследования, выполненного в русле лингвистики цвета, – определить семантический объем рекламного термина цвета (здесь и далее – ТЦ) *страстный пион*, функционирующего в рекламных текстах, размещенных на сайте «Авито». В контексте: *Глянцевая губная помада. В наличии: Обворожительный нюд, Сладкая карамель, **Страстный пион**, Пленительная вишня, Спелая слива* [Авито]. Значение данного ТЦ определяется как ‘красный’. Рекламное цветообозначение коррелирует с номинациями товаров, относимых к категории «Красота и здоровье». В контексте: *Глянцевая губная помада-кушон THE ONE. 38868 **Страстный пион**. Цвет: красный* [Авито].

При этом данный ТЦ, по нашим наблюдениям, не фиксируется в современных словарях цветообозначений. Ср.: ТЦ, основанные на колористической дескрипции пиона: цв. *запах пиона* ‘бледно-розовый’ [Цвет и названия цвета... 2005, с. 151]; *розовый пион, белый пион, лиловый пион* [Цвет и названия цвета... 2005, с. 198]. «Словарь цвета» не фиксирует искомые ТЦ [Харченко 2021].

Материалом для исследования послужили реакции респондентов, полученные в ходе проведенного нами в 2025 г. ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие две группы респондентов:

1) группа 1 – 108 студентов Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь), возраст 18–23 лет, пол: 86 жен., 22 муж.;

2) группа 2 – 73 изучающих русский язык магистранта Синьцзянского педагогического университета (Урумчи, КНР), возраст 19–24 лет, пол: 52 жен., 21 муж.

В ходе эксперимента респондентам было предложено привести цветовую реакцию на стимул цв. *страстный пион*, определив, таким образом, значение ТЦ.

Автор выражает глубочайшую признательность студентам, магистрантам, профессорско-преподавательскому составу и руководству факультетов ГрГУ имени Янки Купалы и Синьцзянского педагогического университета за содействие в проведении ассоциативного эксперимента; особая благодарность – декану факультета русского языка Института иностранных языков Синьцзянского педагогического университета к.ф.н. Цай Вэй.

Направленный ассоциативный эксперимент (группа 1, русскоязычные респонденты). *Статистка 1*: всего цветовых реакций на стимул «цвет страстный пион»: 104, различных цветовых реакций: 30, одиночных реакций: 20, отказов от ответа: 4.

Результаты 1: *розовый* 36 (31 жен., 5 муж.); *красный* 13 (10 жен., 3 муж.); *ярко-розовый* 6 (6 жен.); *белый* 5 (2 жен., 3 муж.); *темно-розовый* 5 (5 жен.); *фиолетовый* 5 (3 жен., 2 муж.); *фуксия* 5 (4 жен., 1 муж.); *бордовый* 4 (4 жен.); *светло-розовый* 3 (3 жен.); *малиновый* 2 (2 жен.); *вишневый* 1 (1 муж.); *крово-красный* 1 (1 муж.); *лиловый* 1 (1 муж.); *насыщенный розовый* 1 (1 жен.); *насыщенный розовый, сероватый* 1 (1 муж.); *нежно-розовый* 1 (1 жен.); *пастельно-фиолетовый* 1 (1 жен.); *пурпурный, красный* 1 (1 жен.); *розово-белый* 1 (1 жен.); *розово-красный* 1 (1 жен.); *розовый или красный* 1 (1 жен.); *розовый насыщенный* 1 (1 жен.); *розовый, дымчатый* 1 (1 жен.); *розовый, красный* 1 (1 жен.); *розовый, фуксия* 1 (1 жен.); *темно-бордовый* 1 (1 жен.); *яркая фуксия* 1 (1 жен.); *яркий малиновый* 1 (1 жен.); *ярко-бордовый, фуксия* 1 (1 жен.); *ярко-красный* 1 (1 муж.).

В описании цветового представления русскоязычные респонденты используют 13 ТЦ (в алфавитном порядке): *белый, бордовый, вишневый, дымчатый, красный, кровавый, лиловый, малиновый, пурпурный, розовый, серый, фиолетовый, фуксия*. Доминанта цвета *розовый* (36), далее по ранжиру *красный* (13) – обе по цвету цветка. Фиксируется незначительное количество отказов от ответа (4). Примечательно, что респонденты апеллируют к другим цветовым образцам: соматическим (кровь), фитонимическим (цвет вишни, малины, фуксии).

Респонденты также прибегают к использованию двухкомпонентных цветовых композитов (11), например, а) *розово-белый, розово-красный*; б) *крово-красный*, при этом преобладают транслирующие значение интенсивности цвета; в) *нежно-розовый, пастельно-фиолетовый, светло-розовый, темно-бордовый, темно-розовый, ярко-бордовый, ярко-красный, ярко-розовый*.

Помимо перечисленного, респонденты используют двусоставные цепочки цвета различной модификации (подробно в [Сивова 2018]) (7), например: а) *пурпурный, красный; розовый, дымчатый; розовый, красный; розовый, фуксия*; б) *ярко-бордовый, фуксия*; в) *насыщенный розовый, сероватый*; г) *розовый или красный*. Прибегают к другим способам передачи цветового впечатления (актуализируется преимущественно насыщенность цвета), например, *насыщенный розовый; розовый насыщенный; яркая фуксия; яркий малиновый*.

Направленный ассоциативный эксперимент (группа 2, инофоны). *Статистика 2:* всего цветовых реакций на стимул «цвет страстный пион»: 54, различных цветовых реакций на стимул: 26, одиночных цветовых реакций: 17, отказов от ответа: 19.

Результаты 2: *красный* 11 (8 жен., 3 муж.); *розовый* 7 (6 жен., 1 муж.); *зеленый* 6 (5 жен., 1 муж.); *пионовый* 3 (3 жен.); *белый* 2 (2 муж.); *желтый* 2 (2 жен.); *черный* 2 (2 жен.); *синий* 2 (1 жен., 1 муж.); *фиолетовый* 2 (1 жен., 1 муж.); *бледно-зеленый* 1 (1 жен.); *бледно-*

розовый 1 (1 жен.); *интенсивный розово-красный* 1 (1 жен.); *коричневый* 1 (1 муж.); *красно-оранжевый* 1 (1 жен.); *малиново-красный* 1 (1 жен.); *малиново-розовый* 1 (1 жен.); *насыщенно-розовый* 1 (1 жен.); *насыщенный красный* 1 (1 жен.); *насыщенный розово-красный* 1 (1 жен.); *насыщенный ярко-розовый* 1 (1 муж.); *нежно-бежевый* 1 (1 жен.); *пыльно-розовый* 1 (1 жен.); *серый* 1 (1 муж.); *ярко-красный* 1 (1 муж.); *ярко-розовый* 1 (1 муж.); *ярко-розовый с красным оттенком* 1 (1 жен.).

Таким образом, в семантизации рекламного цветообозначения принимают участие 14 ТЦ (в алфавитном порядке): *бежевый, белый, желтый, зеленый, коричневый, красный, малиновый, оранжевый, пионовый, розовый, серый, синий, фиолетовый, черный*. Доминанта цвета *красный* (11), на втором месте *розовый* (7) – обе по цвету цветка, далее по ранжиру следует *зеленый* (6) – по цвету листьев. Фиксируется значительное количество отказов от ответа (19).

В передаче цветового впечатления китайские респонденты также используют цветовые композиты различного состава (11), например: а) *красно-оранжевый, малиново-красный, малиново-розовый, розово-красный*, а также преобладающие, со значением насыщенности цвета; б) *бледно-зеленый, бледно-розовый, насыщенно-розовый, нежно-бежевый, пыльно-розовый, ярко-красный, ярко-розовый*. Прибегают к другим способам передачи интенсивности цвета, например: *интенсивный розово-красный, насыщенный красный, насыщенный розово-красный, насыщенный ярко-розовый*, а также тонкой оттеночности, например, *ярко-розовый с красным оттенком*. Цветовые цепочки в качестве реакций не фиксируются. Обращает на себя внимание реализация прототипической функции цветовой дескрипции растения – цв. *пионовый*.

Сопоставление полученных у двух групп респондентов реакций позволяет сделать некоторые наблюдения.

1. Списочный состав выявленных ТЦ в количественном отношении разнится несущественно: 13 ТЦ (русскоговорящие респонденты) и 14 (китайские респонденты). В качественном отношении отмечаются общие для обеих групп ТЦ (6): *белый, красный, малиновый, розовый, серый, фиолетовый*; а также отличные (15), из них (7): *бордовый, вишневый, дымчатый, кровавый, лиловый, пурпурный, фуксия* (русскоязычные) и (8): *бежевый, желтый, зеленый, коричневый, оранжевый, пионовый, синий, черный* (китайские респонденты). Примечательно, что в качестве реакции (и не единичной!) у китайских респондентов выступает ТЦ *зеленый* (6). Особо подчеркнем реакцию *пионовый*, демонстрирующую реализацию прототипической функции цветового описания растения.

Полученные ТЦ отражают многообразие природной расцветки растения: «сейчас можно найти разновидности любого цвета, кроме синего. Но самыми популярными остаются все разновидности белого, а

также розовый, малиновый, красный, желтый, коралловый и лиловый» [Flowwow], а также область индивидуальной цветовой картины мира: реакция синий.

Доминанты цвета, эксплицирующие стереотип цветового восприятия, разнятся: *розовый* (36), *красный* (13) на второй позиции, но с большим отрывом (русскоязычные респонденты) и *красный* (11), с небольшим отрывом на второй позиции *розовый* (7) (китайские респонденты). Ср. со значением 'красный', которое актуализируется в фиксируемых нами рекламных текстах, размещенных на сайте «Авито».

2. Существенную роль в передаче цветового значения играет фиксация тонкой оттеночности: интенсивности цвета, сочетаемости цветов, которая достигается как использованием двусоставных цветовых композитов, так и цепочек цвета различной модификации (последнее – лишь для группы русскоязычных респондентов).

В количественном отношении композиты совпадают: (11) (русскоязычные респонденты) и (11) композитов (китайские). Общий списочный состав реакций-композитов включает 19 ТЦ, из них совпадают только (3): розово-красный, *ярко-красный*, *ярко-розовый*; отличаются (16), из них уникальны (8): а) розово-белый; б) *кроваво-красный*; в) *нежно-розовый*, *пастельно-фиолетовый*, *светло-розовый*, *темно-бордовый*, *темно-розовый*, *ярко-бордовый* (русскоязычные) и (8): а) *красно-оранжевый*, *малиново-красный*, *малиново-розовый*; б) *бледно-зеленый*, *бледно-розовый*, *насыщенно-розовый*, *нежно-бежевый*, *пыльно-розовый* (китайские респонденты). В обеих группах фиксируем преобладание композитов, содержащих интенсификаторы цвета, количество которых совпадает (5), но состав отличается: *нежно-*, *пастельно-*, *светло-*, *темно-*, *ярко-* (русскоязычные) и *бледно-*, *насыщенно-*, *нежно-*, *пыльно-*, *ярко-* (китайские респонденты).

Обращает на себя внимание и компоновка ТЦ в составе двухкомпонентных композитов. Наибольшую активность в образовании композитов, согласно анализу ответов в первой группе, проявляют ТЦ *розовый* (2) и *красный* (2): розово-белый, розово-красный, кроваво-красный (русскоговорящие), во второй группе активность обнаруживают ТЦ *красный* (3), *малиновый* (2) и *розовый* (2): красно-оранжевый, малиново-красный, малиново-розовый, розово-красный (китайские респонденты). Из 6 выявленных композитов совпадает лишь розово-красный (1), разнятся же (5): уникальны (2): кроваво-красный, розово-белый (русскоязычные респонденты) и (3): красно-оранжевый, малиново-красный, малиново-розовый (китайские).

В качестве реакций у русскоязычных респондентов выступают также двусоставные цепочки цвета четырех модификаций (7), которые апеллируют к синонимичному цветовому значению (пурпурный, красный), к фитонимическому образцу цвета (розовый, фуксия), актуализируют

значение интенсивности цвета (ярко-бордовый, фуксия; насыщенный розовый, сероватый), предлагают альтернативный выбор (розовый или красный).

Выявленный спектр других способов передачи цветового значения респондентами обеих групп преимущественно отражает высокую степень насыщенности, интенсивности цвета, выражающую значение лексемы *страстный* – ‘проникнутый неудержимо сильным чувством’; ‘пылкий, безмерный по чувствам’. Ср.: насыщенный, яркий (русскоязычные респонденты) и интенсивный, насыщенный (китайские).

Таким образом, полученные в ходе исследования результаты демонстрируют как общее, так и отличное в понимании значения рекламного ТЦ *страстный пион* представителями двух различных лингвокультур; носят как научный (значимы для специалистов, работающих в области лингвистики цвета, этнолингвистики, психолингвистики и др.), так и прикладной характер (могут быть учтены специалистами, работающими в сфере рекламных коммуникаций, брендинга).

Литература

Авито. Сайт рекламных объявлений. URL: <https://www.avito.ru/> (дата обращения: 12.05.2024).

Го Жунжун Цветочная символика в китайской культуре – на примере образа пиона / Го Жунжун, Ян Хайюнь // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 3-1 (42). – С. 36–39. doi: 10.24411/2500-1000-2020-10199.

Кожевникова Н. А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 3: «Растения» / Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова; Отв. ред. Л. Л. Шестакова. – Москва: Языки славянской культуры, 2015. – 448 с.

Кульпина В. Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках: монография / В. Г. Кульпина. – Москва: Московский Лицей, 2001. – 470 с.

Лу Яожань Сопоставление культурных коннотаций фитонимов в русском и китайском языках / Лу Яожань // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 1 (98). – С. 366–368.

Описание, виды и значение пионов. Журнал Flowwow. URL: <https://flowwow.com/blog/opisanie-i-vidy-pionov/> (дата обращения: 15.10.2025).

Сивова Т. В. Колористическая репрезентация знаков в текстах различных дискурсов: цвет пшеницы / Т. В. Сивова // Неофилология. – 2025. – Т. 11. – №3. – С. 599–610. URL: <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-3-599-610>.

Сивова Т. В. Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К. Г. Паустовского: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Т. В. Сивова. – Минск, 2018. – 32 с.

Сивова Т. В. Цвет банана в цветовой концептосфере русского языка: от *желтого* и *зеленого* к *цвету банановой мякоти* и *цвету банановой кожуры* / Т. В. Сивова // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 5 (61). – С. 686–691.

Харченко В. К. Словарь цвета: полная версия / В. К. Харченко. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. – 656 с.

Д. В. Утицких (Воронеж, Россия)

ОПЫТ ОПИСАНИЯ СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ *МОМЕНТ И MOMENT*

Аннотация. В статье представлен опыт описания национальной специфики ассоциативных полей слов-стимулов **МОМЕНТ** – **MOMENT** на основе семантико-когнитивной интерпретации с применением инструментария сопоставительно-параметрического метода. Установлено, что национальная специфика семантико-когнитивной организации рассмотренных полей является гипервыраженной.

Ключевые слова: национальная специфика, семантико-когнитивная интерпретация, ассоциативное поле, сопоставительно-параметрический метод.

Важнейшим этапом любого психолингвистического эксперимента является интерпретация его результатов, поскольку от нее «зависит адекватное использование экспериментальных данных в теориях, моделях и описаниях языка и мышления, а также в ряде других научных направлений» [Стернин 2020, с. 110].

В предлагаемом фрагменте исследования мы представляем опыт семантико-когнитивной интерпретации результатов свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 200 носителей русского языка и 200 носителей американского варианта английского языка в возрасте от 18 до 35 лет (студенты и молодые служащие). В качестве слов-стимулов были отобраны 60 русско-английских пар существительных, совпадающих в первой сотне частотных слов обоих языков. Из полученных в эксперименте ассоциатов были сформированы ассоциативные поля (АП) стимулов, которые стали материалом для дальнейшего изучения.

Представим опыт семантико-когнитивной интерпретации на примере пары слов-стимулов **МОМЕНТ** – **MOMENT**. Целью исследования является установление национальной специфики семантико-когнитивной организации ассоциативных полей рассматриваемых слов-стимулов.

Мы исходим из того, что ассоциативное поле отображает систему вербальных ассоциаций, которые являются результатом когнитивной деятельности человека, и представляет собой модель языкового сознания представителей определенной этнокультуры [Абильдинова 2018, с. 5].

В процессе семантико-когнитивной интерпретации мы, вслед за И. А. Стерниным, осуществляем выявление и словесное формулирование когнитивных признаков на основе смыслового обобщения полученных

ассоциативных данных, которые рассматриваются как репрезентанты семантических компонентов языковых единиц, представленных в ассоциативном поле [Стернин 2020].

В описании национальной специфики семантико-когнитивной организации рассматриваемых ассоциативных полей мы различаем следующие типы реакций: семантические, речевые, культурно-обусловленные [Утицких 2025, с. 105]. Представим семантико-когнитивную организацию рассматриваемых полей.

АП МОМЕНТ

1. Семантические реакции 107

1.1 Понятийные 61

Короткий промежуток времени: 17 (*время 13, короткий 2, краткий, неуволним 1*).

Текущий момент: 15 (*сейчас 7, этот 2, здесь 2, настоящее, настоящий, наш, остановка 1*).

Хранится в памяти: 7 (*память 3, воспоминание 2, воспоминания, голову 1*).

Скорость протекания: 5 (*быстро 2, моментом, быстрота, скоротечен 1*).

Определенная физическая величина: 6 (*движение 2, инерции, интегрируемый, силы, большой 1*).

Движение во времени: 4 (*настал, прошел, уходит, ушел 1*).

Относится к фотографированию: 4 (*вспышка 2, кадр, фото 1*).

Подходящее обстоятельство: 2 (*возможность, возможностью 1*).

Время, когда осуществляется, наступает какое-л. действие: 1 (*действие 1*).

1.2 Оценочно-эмоциональные 35:

положительные: 28 (*счастье 8, важен 2, важный 2, лучший 2, радость 2, счастья 2, яркий 2, любимый, самый любимый, самый счастливый, счастливый, чудо, наслаждение, улыбка, удача 1*);

отрицательные: 7 (*упущен 6; упущенный 1*).

1.3 Символические: 11 (жизнь 11).

2. Речевые реакции 57

2.1 Оппозиты: 8 (*вечность 5, час 2, часы 1*).

2.2 Симиляры: 39 (*секунда 17, мгновение 14, миг 8*).

2.3 Привычная сочетаемость: 9 (*единственный 2, один 2, неповторим, неповторимый, времени, жизни, не упустить 1*).

2.7 Коммуникативные реакции: 1 (*нет 1*).

3. Культурно-обусловленные реакции 31

3.1 Прецедентные тексты: 16 (*клей 15; я в моменте 1* («Я в моменте» – песня российских хип-хоп исполнителей Джарахова и Markul. Она была

выпущена 3 июня 2021 года в качестве сингла для цифрового скачивания и стриминга на лейбле Warner Music Russia).

3.2 Фразеология: 15 (*момент истины 6, истина 3, лови 5 (момент), ловить 1*).

Не интерпретируется: 3 (*волна, друзья, свет 1*).

АП МОМЕНТ

1. Семантические реакции 161

1.1 Понятийные 133

Короткий промежуток времени: 49 (*time 41, short 2, a little min in time, a moment in time, nano, small, space, split second1*).

Текущий момент: 32 (*now 20, right now 6, present 3, currently 2, just then 1*).

Хранится в памяти: 20 (*memory 9, memorable, for life 3, forever 3, memories 2, precious memories, to remember 1*).

Время, когда осуществляется, наступает какое-л. действие: 15 (*live 2, silence 2, marriage, wait, walking, walk, laugh, crying, think, thinking, settle, living, college 1*).

Движение во времени: 7 (*movement, start, once, temporary, lasting, past, yesterday 1*).

Скорость протекания: 3 (*quick 2, fleeting 1*).

Определенная физическая величина: 3 (*power, momentum, wave1*).

Относится к фотографированию: 2 (*kodak, pictures1*).

Подходящее обстоятельство: 1 (*opportunity1*).

1.2 Оценочно-эмоциональные: 18

положительные: 16 (*happy 5, special 4, cherish 2, enjoy, good, important, peaceful, precious 1*);

отрицательные: 2 (*stupid, unaccounted 1*).

1.3 Символические: 10 (*life 10*).

2. Речевые реакции 18

2.1 Симиляры: 15 (*second 13, minute, seconds*).

2.4 Эхо-реакции: 1 (*moments 1*).

2.7 Коммуникативные реакции: 2 (*when, hold on 1*).

3. Культурно-обусловленные реакции: 10

3.1 Прецедентные тексты: 4 (*seize 2, spot, moment for life-Nickiminaj 1*).

3.2 Фразеология: 6 (*in time 5, truth 1*).

Не интерпретируется: 5 (*phone, fade, sick, train, made 1*).

Отказ: 6

Для наглядности сопоставления представим результаты семантико-когнитивной интерпретации в Таблице 1.

Таблица 1

Семантико-когнитивная организация АП МОМЕНТ и МОМЕНТ

Типы реакций	Рус.	Англ.
1. Семантические реакции	107	156
1.1 Понятийные реакции:	61	128
Короткий промежуток времени	17	49
Текущий момент	15	32
Хранится в памяти	7	20
Скорость протекания	5	3
Определенная физическая величина	6	3
Движение во времени	4	7
Относится к фотографированию	4	2
Время, когда осуществляется, наступает какое-л. действие	1	16
Подходящее обстоятельство	2	1
1.2 Оценочно-эмоциональные:	35	18
положительные	28	16
отрицательные	7	2
1.3 Символические	11	10
2. Речевые реакции:	56	18
2.1 Оппозиты	8	-
2.2 Симиляры	39	15
2.3 Привычная сочетаемость	9	-
2.4 Эхо-реакции	-	1
2.5 Фонетические реакции	-	-
2.6 Я-реакции	-	-
2.7 Коммуникативные реакции	1	2
3. Культурно-обусловленные реакции:	31	10
3.1 Прецедентные тексты	16	4
3.2 Фразеология	15	6
Не интерпретируется	3	5
Отказ	-	6

На следующем этапе исследования национальная специфика ассоциативных полей была описана с помощью процедур сопоставительно-параметрического метода [Стернина 2024, с. 4].

Для определения соотношения видов реакций в АП нами были введены индексы их представленности [Утицких 2025, с. 105]:

1. *Индекс представленности семантических реакций* – вычисляется как отношение количества семантических реакций к общему числу полученных реакций.

2. *Индекс представленности речевых реакций* – отношение количества речевых реакций к общему числу полученных реакций.

3. *Индекс представленности культурно-обусловленных реакций* – отношение количества культурно-обусловленных реакций к общему числу полученных реакций.

Для определения доли понятийных / ценочно-эмоциональных / символических реакций введен индекс, вычисляемый через отношение количества реакций данного вида к общему количеству семантических реакций.

Полученные результаты и их интерпретация согласно шкале проявления национальной специфики по отдельным параметрам представлены в Таблице 2.

Таблица 2

**Национальная специфика семантико-когнитивной организации АП
МОМЕНТ – MOMENT по отдельным параметрам**

Параметр	Рус. язык	Англ. язык	Численная разница между индексами	Характер национально- специфических различий
Индекс представленности семантических реакций	53,5%	80,4%	26,9%	Сверхгиперсущественные
Индекс представленности речевых реакций	28%	9,27%	18,7%	Гиперсущественные
Индекс представленности культурно-обусловленных реакций	15,5%	5,15%	10%	Заметные
Доля понятийных реакций	57%	82,05%	25,05%	Сверхгиперсущественные
Доля оценочно-эмоциональных реакций	32,7%	11,53%	21,17%	Сверхгиперсущественные
Доля символических реакций	10,2%	6,41%	3,79%	Видимые

Окончательный вывод о степени выраженности национальной специфики семантико-когнитивной организации АП **МОМЕНТ – MOMENT** был сделан на основе шкалы выраженности национальной специфики лексических группировок [Стернина 2024, с. 5].

Представленные в Таблице 2 результаты свидетельствуют о трех сверхгиперсущественных, одном гиперсущественном, одном заметном и одном видимом национально-специфических различиях в значениях

исследованных параметров, что согласно шкале выраженности национальной специфики лексических группировок дает возможность признать национальную специфику семантико-когнитивной организации АП **МОМЕНТ** – **МОМЕНТ** гипервыраженной.

Сверхгиперсущественная разница в семантических реакциях вызвана заметными отличиями в частотности первых трех семантических признаков АП. В русском и английском АП самым частотным является признак «короткий промежуток времени», однако показатель его частотности почти в три раза больше в ответах американцев, в чем мы видим проявление высокой степени стереотипности ответов испытуемых. На втором месте в обоих АП признак «текущий момент» – с двукратным преобладанием у американцев; на третьем – «хранится в памяти», с почти трехкратным преобладанием в американских ответах. Значительная разница в ответах русских и американцев наблюдается в признаке «время, когда осуществляется, наступает какое-л. действие» (16 англ. против 1 рус.). Соответственно за счет бóльшего количества американских ассоциатов сверхгиперсущественной является и доля понятийных реакций. Таким образом, можно сказать, что по данным нашего эксперимента в языковом сознании американцев ассоциативное значение слова-стимула **МОМЕНТ** характеризуется более яркой семантической определенностью как «короткий, текущий промежуток времени, который хранится в памяти».

Оценочно-эмоциональные реакции представлены в двух АП, но в русском показатель почти в два раза выше (35 против 18), что также дает сверхгиперсущественное различие. Для русских слово-стимул **МОМЕНТ** является более эмоционально окрашенным и оценочным, чем для американцев, но положительная коннотация преобладает в обоих языках.

В символических реакциях различия носят видимый характер, поскольку там наблюдаем практически равное количество реакций на данное слово в ответах русских и американцев.

Гиперсущественная разница речевых реакций возникает из-за преобладания русских ассоциатов, что является результатом сочетательной активности русского слова-стимула.

Культурно-обусловленные реакции на слова-стимулы **МОМЕНТ** и **MOMENT** в русском и американском АП характеризуются заметной разницей. В русском АП, по сравнению с американским, выявлено почти трехкратное преобладание прецедентных текстов и фразеологизмов. Заметим, что половина русских фразеологических реакций представляют собой ассоциаты на популярное латинское выражение *лови момент* (Carpe diem).

Таким образом, для опрошенных американцев национальная специфика рассмотренного АП маркирована по понятийным реакциям, а

для русских – по оценочно-эмоциональным, речевым и культурно-обусловленным.

Литература

Абильдинова Ж. Б. Ассоциативный эксперимент как инструмент психолингвистического исследования языкового сознания / Ж. Б. Абильдинова // Вестник Кокшетауского государственного университета. Серия филологическая. – 2018. – № 3. – С. 5-13.

Стернин И. А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов / И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 3. – С. 110-126.

Стернина М. А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: 20 лет развития / М. А. Стернина // Сопоставительные исследования 2024: сборник науч. статей / под ред. М. А. Стерниной. – Вып. 21. – Москва: РИТМ, 2024. – С. 3-8.

Утицких Д. В. Национальная специфика семантико-когнитивной организации ассоциативных полей ВРЕМЯ – TIME / Д. В. Утицких // Сопоставительные исследования 2025: сборник науч. статей / под ред. М. А. Стерниной. – Вып. 22. – Москва: РИТМ, 2025. С. 104 –111.

А. А. Холикова (Воронеж, Россия)

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ

Аннотация. В статье излагаются результаты экспериментального исследования восприятия читателями трансформированных прецедентных высказываний в функции газетного заголовка. Проведены эксперименты по установлению прецедентности текста заголовка и его источника, а также восстановлению исходного вида трансформированных высказываний. Выявлены факторы, влияющие на восприятие заголовков с трансформированными прецедентными текстами.

Ключевые слова: газетный заголовок, прецедентный текст, трансформированный текст, психолингвистический эксперимент.

В эпоху цифровизации и глобализации процессы коммуникации стремительно меняются, а медиа-дискурс становится все более насыщенным различными языковыми и стилистическими средствами. Одним из таких средств являются прецедентные тексты, которые активно функционируют в заголовках газетных и интернет-изданий, рекламе, политическом и общественном дискурсах. Они позволяют сделать текст более выразительным, вызвать эмоциональный отклик у читателей и установить определенные смысловые связи.

Прецедентные тексты представляют собой фрагменты национальной языковой картины мира, обладающие высокой степенью узнаваемости и

значимости для носителей языка. Они широко используются в различных дискурсах, особенно в средствах массовой информации, где выполняют важные стилистические, когнитивные и прагматические функции.

Газетные заголовки, содержащие прецедентные тексты, оказывают мощное воздействие на читателя. Они привлекают внимание, активизируют когнитивные механизмы памяти и интерпретации информации, а также выполняют функцию манипуляции общественным сознанием. Однако восприятие таких заголовков, как подчеркивают исследователи, не всегда однозначно: читатели могут по-разному интерпретировать смысл, в зависимости от уровня языковой компетенции, контекста употребления и индивидуального опыта [Кожина 2010, с. 264].

Наше исследование было направлено на выявление степени узнаваемости измененных прецедентных выражений, а также на установление закономерностей восприятия прецедентных текстов в газетных заголовках и определение факторов, влияющих на их понимание и интерпретацию. Задачи исследования решались с помощью двух психолингвистических экспериментов: рецептивного эксперимента и лингвистического интервью, в которых приняли участие 70 носителей русского языка в возрасте от 18 до 76 лет. Выбор возрастного диапазона был обусловлен необходимостью учета возможных различий в восприятии прецедентных выражений среди людей разных поколений. Молодые участники могли продемонстрировать большую восприимчивость к современным языковым трансформациям, тогда как старшие испытуемые, обладая более широким культурным багажом, могли лучше распознавать традиционные прецедентные выражения, пришедшие из классической литературы, советской культуры или народного фольклора.

Первый эксперимент был направлен на выявление степени узнаваемости трансформированных прецедентных текстов в заголовках газет. Испытуемым предлагалось установить исходный вид трансформированного текста. Фиксировались случаи точного воспроизведения, отказа, подстановки схожих выражений и создания новых интерпретаций. Материал исследования собран из газеты «МОЕ», за период с 2019 по 2024 гг.

Результаты ответов были распределены нами на четыре группы в зависимости от степени их распознавания испытуемыми, которая определялась по количественному показателю.

Высокая степень – верные ответы в диапазоне от 70 до 60, что по нижней границе составляет 85% от опрошенных. В эту группу вошли заголовки: **Хлеб – всему польза!** (67). **Только мы с конем по миру идем** (67). **Огня – бояться! В лес – не ходить!**(63). **Герой своего времени** (62). Всего 4 заголовка.

Средняя степень – верные ответы в диапазоне от 59 до 42, что по нижней границе составляет 60% от опрошенных: **Глухота не приходит**

одна (58). **Уж за рубеж невтерпеж?** (57). **Не в коту корм** (56). **Не так страшен мат, как его малюют** (56). **Шаг влево, шаг вправо – лишение прав!** (55). **Этот город – самый странный город на земле!** (52). Всего 6 заголовков.

Удовлетворительная степень – верные ответы в диапазоне от 41 до 28, что составляет 40% от опрошенных. **Какие перышки! Какой клювик!** (41). **Беречь нельзя купить** (33). **Где стол был яств, там суп стоит** (29). **Вам и весла в руки!** (28). Всего 4 заголовка.

Низкая степень – верные ответы в диапазоне от 27 до 14, что составляет 20% от опрошенных. **Вынес сор за избу** (15). Один заголовок.

Наибольший процент правильных ответов вызвали заголовки: **Только мы с конем по миру идем** (текст песни И. Матвиенко «Только мы с конем по полю идем» – 95% правильных ответов); **Хлеб – всему польза** (пословица *Хлеб – всему голова!* – 95%); **Огня – бояться! В лес – не ходить!** (пословица *Волков бояться – в лес не ходить* – 90%). Заметим, что в последнем случае испытуемые распознали текст, несмотря на значительную трансформацию структуры предложения. Можно предположить, что решающую роль для соотнесения трансформации с источником сыграло сохранение основных лексем высказывания-источника: *бояться, в лес, не ходить*. В другом примере (*Беречь нельзя купить*), где была сохранена именно структура, но существенно изменен лексический состав, испытуемые затруднились с определением исходной формы.

Заголовок **Не в коту корм** также оказался одним из наиболее легко восстанавливаемых среди предложенных участникам названий. В 56 случаях из 70 (80%) испытуемые без труда идентифицировали его оригинальную форму *Не в коня корм*. Высокий уровень успешности объясняется тем, что данное выражение является достаточно распространенным в русском языке и часто встречается в разговорной речи, художественной литературе и медийных материалах. Несмотря на замену ключевого слова, ритмическая структура и синтаксическая организация остались практически неизменными, что значительно облегчило процесс восстановления исходной формы. Однако девять человек не смогли предложить оригинальный вариант, а еще несколько участников предложили альтернативные версии, такие как *Не в собаку еда*, *Не в волка корм*, что свидетельствует о наличии сходных ассоциаций, но с измененными объектами действия.

В случаях неверных ответов испытуемых были выявлены следующие варианты восстановления исходного вида предложенных в опросе высказываний: а) близкие по смыслу интерпретации (**Шаг влево, шаг вправо – лишение прав** → *Шаг влево, шаг вправо – побег!* Ср. исх.: *шаг влево – шаг вправо – расстрел!*); б) замена другим выражением (**Не в коту корм!** → *Не по Сеньке шапка!* Ср. исх.: *не в коня корм*); в) свой

вариант (**Беречь нельзя купить** → *Счастье нельзя купить*. Ср. исх.: *казнить нельзя помиловать*); г) толкование вместо исходной формы (**Вынес сор за избу** → *вынес ссору из избы*. Ср. исх.: *не выносить сор из избы*).

Заголовок **Беречь нельзя купить** (исходное крылатое выражение: *казнить нельзя помиловать*) ассоциировали с пословицей *беречь как зеницу ока*, опираясь, судя по всему, на слово *беречь*. В неверном ответе – *беречь здоровье смолodu* – видим ассоциативную контаминацию пословицы *береги честь смолodu* и крылатого выражения *здоровье не купишь*, что говорит в пользу того, что при восприятии текста, кажущегося знакомым, испытуемые опираются на знакомые лексемы, которые в свою очередь вызывают ассоциации с текстами, в которых они употребляются.

41% испытуемых не узнал текст Г. Р. Державина из оды «На смерть князя Мещерского» (*Где стол был яств, там гроб стоит*) при том, что трансформация текста была минимальной – замена слова. Объяснить это можно тем, что данное выражение менее широко распространено и обладает достаточно специфическим смыслом. Оригинальная фраза выражает резкую перемену к худшему и встречается преимущественно в литературе и публицистике, тогда как измененный вариант, заменяющий «гроб» на «суп», теряет свою аллюзивность и создает более нейтральный, но малопонятный смысловой контекст.

В 17% случаев участники отказывались от ответа, не узнавая текст.

Проведенный эксперимент показал, что прямой зависимости между степенью трансформации и пониманием измененного выражения в наших примерах не просматривается. Понимание прецедентных текстов в газетных заголовках во многом зависит от языковой компетенции, контекста употребления и индивидуального опыта читателя.

Второй эксперимент состоял из двух частей: в первой проверялась способность испытуемых установить факт прецедентности текста заголовка, а во второй – источник прецедентного текста (афоризмы, пословицы, крылатые выражения, цитаты из песен, литературы и др.), использованного в заголовке. Каждому испытуемому было предложено ознакомиться с 30 фразами, среди которых были как заголовки с прецедентными текстами, так и просто похожие на них фразы, например: *Родная улица моя* (прец.) – *родная моя деревня*. Выражения давались вперемешку, чтобы создать ситуацию выбора и избежать влияния инерции предыдущего ответа. Фиксировалось количество правильных и неправильных ответов. Опрос показал, что 62% участников правильно установили источник, 38% не установили источник; 66,3% – верно указали источник фразы, 33,7% не смогли его определить.

Например, фразу **зорко одно лишь сердце** идентифицировали как поговорку (5), стихотворение (3), фразеологизм (3), название сказки (1), советский афоризм (1), песню (1); в качестве источника фразы **покой нам**

только снится назвали поговорку (23); фразеологизм (8); песню (7); название фильма (2), оперу (1). Строку из стихотворения С. В. Михалкова **А из нашего окна...** определили как название сказки (2), анекдот (1), пословицу (1), песню (1).

Наиболее узнаваемыми оказались фразы из песен: **Только мы с конем по полю идем** (во втором эксперименте 69 человек – 98,5%) – текст 1994 г.; **Учат в школе** (68 чел. – 83%) – текст 1973 г.; **Первым делом – самолеты** (64 чел.–91 %) – текст 1945 г. Обращает на себя внимание тот факт, что приведенные заголовки взяты из песен разного времени полувекового промежутка. Высокая степень узнаваемости текстов этих произведений свидетельствует об их устойчивой популярности у разных поколений.

Наибольшие трудности в установлении источника вызвали литературные и менее частотные выражения. Так, только 20% опрошенных определили, что заголовок **Зорко одно лишь сердце** – это цитата из книги А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц», где Лис говорит: «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь». Строку из цикла А. Блока 1908 г. «На поле Куликовом» **Покой нам только снится** узнали 30% опрошенных. Интересно, что при этом факт прецедентности текста был ясен 74% опрошенных.

Наши данные позволяют утверждать, что частотность выражения, его принадлежность к массовой культуре и эмоциональная насыщенность являются ключевыми факторами успешной интерпретации и установления источника. В языковом плане легче узнаются трансформации, в которых есть одни и те же лексические опоры, изменение структуры высказывания (по данным нашей выборки) в меньшей степени влияет на идентификацию текста. Пословицы и тексты песен демонстрируют более высокую устойчивость, чем литературные цитаты, требующие предварительной подготовки и высокого уровня культурного контекста.

Полученные результаты могут быть полезны в практике журналистской работы для оптимального выбора языковой формы заголовка с точки зрения его информативности и эффективности воздействия на читателя.

Литература

Кожина М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – 2-е изд. – Москва: Академия, 2010. – 464 с.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЛЕКСЕМЫ «ТЕАТР» ИСПЫТУЕМЫМИ РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

Аннотация. В статье описываются результаты свободного ассоциативного эксперимента на стимул «театр». Участниками эксперимента были 300 человек, относящихся к разным возрастным группам (школьники 5–7 классов, студенты и испытуемые от 30 до 55 лет). Ассоциативные реакции были расклассифицированы по семантическому критерию, сформулировано психолингвистическое значение лексемы «театр» в каждой возрастной группе, приведены сопоставительные данные.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, психолингвистическое значение.

Цель данной статьи – сопоставительный анализ восприятия лексемы «театр» в различных возрастных группах. В более ранней публикации мы описывали психолингвистическое значение данной лексемы в языковом сознании студентов [Малышкина 2024, с. 17-21]. В данном исследовании был расширен состав участников эксперимента и выявлены возрастные особенности восприятия данной лексемы.

Нами был использован метод свободного ассоциативного эксперимента. Опрос проходил в онлайн-формате на платформе GoogleForms. Участникам эксперимента предлагалось письменно ответить первой возникшей ассоциацией на данные в анкете слова-стимулы. Время ответа не ограничивалось, но участники были проинформированы о том, что для эффективности эксперимента реакцию необходимо дать незамедлительно.

В эксперименте принимали участие 100 школьников 5–7 классов (группа «Школьники»), 100 студентов различных направлений подготовки (группа «Студенты») и 100 испытуемых от 30 до 55 лет (группа «Взрослые»).

1. Лексема «театр» в сознании школьников

Ассоциативное поле (сохранена орфография испытуемых)

ТЕАТР 100: искусство 11, актер, маска, сцена, спектакль 4, балет, жизнь, кулисы 3, актеры, атмосфера, величие, веселье, Волковский, грация, грим, кукла 2, акт, аплодисменты, Арсений Попов, бархат, балерина, большая сцена, большое, билет, билеты, веер, восхищение, выступление, год, досуг, драмкружок, драматический, душа, занавес, зрелище, зрители, интерес, красота, культура, костюмы, люстра, маски, многогранный, опера, открытие, попкорн, постановка, представление, пьеса, ромео и джюльета, русский, скрип дверей, скучно, сцены, старость, темнота, тишина, художник, хочу, Шекспир, школа, экзамен, эмоции, эстетика 1.

Количество реакций – 100, из них различных – 64.

Ассоциативные реакции были распределены по семантическим группам (расположены в порядке убывания количества реакций в группе):

1. «Атрибуты театра»: *маска 5, сцена 5, кулисы 3, билет 2, кукла 2; аплодисменты 1, бархат 1, большая сцена 1, веер 1, занавес 1, костюмы 1, люстра 1, скрип дверей 1, темнота 1, тишина 1*. Всего 27 реакций.

2. «Искусство, его жанры и виды»: *искусство 11, балет 3, опера 1, пьеса 1*. Всего 16 реакций.

3. «Душевное и эмоциональное состояние»: *жизнь 3, атмосфера 2, веселье 2, восхищение 1, душа 1, скучно 1, тишина 1, эмоции 1*. Всего 12 реакций.

4. «Наименования лиц, имеющих отношение к театру»: *актер 6, балерина 1, зрители 1, художник 1, арсений попов 1*. Всего 10 реакций.

5. «Характеристика театра»: *величие 2, грация 2, красота 1, культура 1, многогранный 1; эстетика 1*. Всего 8 реакций.

6. «Общие наименования спектакля, представления, его части»: *спектакль 4, акт 1, выступление 1, постановка 1, представление 1*. Всего 8 реакций.

7. «Названия конкретных произведений и их авторов»: *ромео и джульета 1, Шекспир 1*. Всего 2 реакции.

Не вошли в семантические группы, но интерпретируются следующие реакции: *Волковский 2, грим 2, большое 1, год 1, досуг 1, драматический 1, драмкружок 1, зрелище 1, интерес 1, открытие 1, покорн 1, русский 1, хочу 1*.

Не интерпретируются реакции: *старость 1, школа 1, экзамен 1*.

Нами было сформулировано психолингвистическое описание слова-стимула *театр*:

ТЕАТР 100

1. Род искусства 11, в котором посредством разных жанров и видов 5 (*балет 3, опера 1, пьеса 1*), произведений разных авторов 2 достигается определенное эмоциональное состояние 12 (*жизнь 3, атмосфера 2, веселье 2, восхищение 1, душа 1, скучно 1, тишина 1, эмоции 1*); вызывает интерес 1. Всего 31 реакция.

2. Большое 1 здание, имеющее свои атрибуты 26 (*маска 5, сцена 5, кулисы 3, билет 2, кукла 2; бархат 1, большая сцена 1, веер 1, занавес 1, костюмы 1, люстра 1, скрип дверей 1, темнота 1, тишина 1*). Всего 27 реакций.

3. Место, где ставится спектакль 6, в котором играют 2 актеры 9, а зрители 1 проводят свой досуг 1. Всего 19 реакций.

4. Драматическое 1 учреждение, конкретными наименованиями которого является волковский 2 театр, характеризующееся величием 2, грацией 2, красотой 1, культурой 1, эстетикой 1. Всего 10 реакций.

2. Лексема «театр» в сознании студентов

Ассоциативное поле

ТЕАТР 100: искусство 14, актер 9, спектакль 5, кулисы, представление, пьеса, сцена 3, Арсений Попов, игра, кино, культура, публика, репертуар, драма, зритель 2, артист, атмосфера, билет, большое, вайб, волковский, восторг, выступление, грация, дебилов, декорации, дом, досуг, драмы, желтый, зал, зрелищность, иллюзия, камерный, комедия, красивый, красный, куклы, любовь, люди, маска, мимом, молчание, МХТ им. Чехова, новая сцена, опера, портьеры, постановка, премьера, Р. Виктюка, режиссер, свет, свитер, тишина, шоу, эмоции, эпиклэз, эпоха возрождения, эстетика 1.

Количество реакций – 100, из них разных – 59.

Ассоциативные реакции были распределены по семантическим группам (расположены в порядке убывания количества реакций в группе):

1. «Искусство, его жанры и виды»: *искусство 14, драма 2, пьеса 3, опера 1, комедия 1*. Всего 21 реакция.

2. «Наименования лиц, имеющих отношение к театру»: *актер 9, зритель 2, Арсений Попов 2, публика 2, артист 1, режиссер 1, люди 1*. Всего 18 реакций.

3. «Атрибуты театра»: *сцена 3, кулисы 3, билет 1, декорации 1, зал 1, куклы 1, маска 1, новая сцена 1, портьеры 1, свет 1, тишина 1*. Всего 15 реакций.

4. «Общие наименования спектакля, представления, его части»: *спектакль 5, представление 3, выступление 1, постановка 1*. Всего 10 реакций.

5. «Характеристика театра»: *культура 2, зрелищность 1, грация 1, красивый 1, эстетика 1*. Всего 6 реакций.

6. «Душевное и эмоциональное состояние»: *атмосфера 1, вайб 1, восторг 1, любовь 1, молчание 1, эмоции 1*. Всего 6 реакций.

7. «Названия конкретных театров»: *МХТ им. Чехова 1, Р. Виктюка 1, волковский 1*. Всего 3 реакции.

8. «Виды театров»: *драмы 1, камерный 1*. Всего 2 реакции.

9. «Ассоциации по цвету»: *желтый 1, красный 1*. Всего 2 реакции.

Не вошли в семантические группы следующие реакции: *игра 2, кино 2, репертуар 2, большое 1, дом 1, досуг 1, иллюзия 1, премьера 1, шоу 1, эпиклэз 1, эпоха возрождения 1*.

Не интерпретируются реакции: *дебилов 1, мимом 1, свитер 1*.

Нами было сформулировано психолингвистическое значение слова-стимула *театр*:

ТЕАТР 100

1. Род искусства 14, художественное отражение жизни посредством сценического представления 10 (*спектакль 5, представление 3, выступление 1, постановка 1*) различных жанров 7 (*драма 2, пьеса 3,*

опера 1, комедия 1), вызывающее душевное и эмоциональное состояние 6 (*атмосфера 1, вайб 1, восторг 1, любовь 1, молчание 1, эмоции 1*). Всего 37 реакций.

2. Место, где ставится режиссером 1 спектакль 10, в котором играют актеры 12, смотрят зрители 5. Всего 27 реакций.

3. Здание, имеющее свои атрибуты 15 (*сцена 3, кулисы 3, билет 1, декорации 1, зал 1, куклы 1, маска 1, новая сцена 1, портьеры 1, свет 1, тишина 1*). Всего 15 реакций.

4. Учреждение различных видов 2 (*драмы 1, камерный 1*), конкретными наименованиями которого являются МХТ им. Чехова 1, Р. Виктюка 1, волковский 1, характеризующееся культурой 2, зрелищностью 1, грацией 1, красотой 1, эстетикой 1. Всего 11 реакций.

3. Лексема «театр» в сознании взрослых)

Ассоциативное поле

ТЕАТР 100: актер 7, искусство 6, спектакль, сцена 4, восторг, зрелище, интерес, культура 3, балет, большой, веселье, драматический, маска 2, академия, аплодисменты, антракт, артист, атмосфера, балкон, буфет, величие, величество, вечерний выход, вешалка, высота, выступление, галерка, год, грация, Грибоедов, детство, долг, дом искусства, дорого, дресс-код, досуг, жизнь, занавес, зрители, игра актеров, интересно, кино, люстра, маскарад, музыка, ностальгия, островского, опера, отдых, познание, практичность, премьера, представление, радость, романтизация, скепсис, скучно, снобизм, Станиславский, театр, травмы, трагедия, усталость, философия, школа 1.

Количество реакций – **95**, из них разных – **65**. Отказы – 5.

Ассоциативные реакции были распределены **по семантическим группам** (расположены в порядке убывания количества реакций в группе):

1. «Искусство, его жанры и виды»: *искусство 6, пьеса 3, балет 2, опера 1, трагедия 1*. Всего 13 реакций.

2. «Атрибуты театра»: *сцена 4, аплодисменты 1, антракт 1, балкон 1, буфет 1, вешалка 1, галерка 1, занавес 1, люстра 1, маска 1*. Всего 13 реакций.

3. «Душевное и эмоциональное состояние»: *восторг 3, веселье 2, атмосфера 1, жизнь 1, ностальгия 1, радость 1, романтизация 1, скепсис 1, скучно 1, усталость 1*. Всего 13 реакций.

4. «Наименования лиц, имеющих отношение к театру»: *актер 7, артист 1, зрители 1, игра актеров 1*. Всего 10 реакций.

5. «Характеристика театра»: *культура 3, зрелище 3, величие 1, величество 1, грация 1*. Всего 9 реакций.

6. «Общие наименования спектакля, представления, его части»: *спектакль 4, выступление 1, представление 1*. Всего 6 реакций.

7. «Познавательная ценность»: *интерес 3, интересно 1, практичность 1*. Всего 5 реакций.

8. «Названия конкретных театров»: *большой 2, МХТ им. Чехова 2, Островского 1*. Всего 5 реакций.

9. «Цель посещения театра»: *досуг 1, отдых 1, познание 1*. Всего 3 реакции.

Не вошли в семантические группы, но интерпретируются следующие реакции: *драматический 2, академия 1, вечерний выход 1, год 1, Грибоедов 1, детство 1, дом искусства 1, дорого 1, дресс-код 1, кино 1, маскарад 1, музыка 1, премьера 1, снобизм 1, Станиславский 1, философия 1, школа 1*.

Не интерпретируются реакции: *высота 1, долг 1, театр 1, травмы 1*.

Нами было сформулировано **психолингвистическое значение** слова-стимула *театр*:

ТЕАТР 100

1. Род искусства 6, художественное отражение жизни посредством сценического представления 6 (*спектакль 4, выступление 1, представление 1*) различных жанров 7 (*пьеса 3, балет 2, опера 1, трагедия 1*), разных авторов 1 (*Грибоедов 1*), вызывающее душевное и эмоциональное состояние 13 (*восторг 3, веселье 2, атмосфера 1, жизнь 1, ностальгия 1, радость 1, романтизация 1, скепсис 1, скучно 1, усталость 1*); противопоставляется кино 1. Всего 34 реакции.

2. Драматическое 1 учреждение 1 различных видов, конкретными наименованиями которого являются Большой 2, МХТ им. Чехова 2, Островского 2, характеризующееся культурой 3, зрелищностью 3, величию 2, грацией 1, целью посещения которого являются досуг 1, отдых 1, познание 1. Всего 20 реакций.

3. Место, где ставится спектакль 6, в котором играют актеры 8, смотрят зрители 1. Всего 15 реакций.

4. Здание, имеющее свои атрибуты 13 (*сцена 4, аплодисменты 1, антракт 1, балкон 1, буфет 1, вешалка 1, галёрка 1, занавес 1, люстра 1, маска 1*). Всего 13 реакций.

Сопоставим данные в трех возрастных группах.

Отметим, что в каждой возрастной группе достаточно большое количество различных реакций (группа «Школьники» – 64, группа «Студенты» – 59, группа «Взрослые» – 65), что свидетельствует, на наш взгляд, о нестереотипности восприятия театра носителями русского языка.

Ядро ассоциативных полей почти совпадает во всех трех группах. Носители русского языка определяют театр прежде всего как искусство. Взрослое население ассоциирует театр также с актером. Ближняя периферия, как и ядро, имеет существенные пересечения. Во всех трех группах в данной зоне наличествует реакция *спектакль*. У школьников и студентов к ближней периферии относятся реакция *актер*, имеющая более низкую частотность в сопоставлении с ядерными единицами. У

школьников и взрослого населения в состав ближней периферии входят реакции, характеризующие составляющие театра (*маска, сцена* в первой группе и *сцена* – в третьей).

В таблице приведем наиболее объемные семантические группы в трех возрастных группах.

Семантические группы	Школьники	Студенты	Взрослые
Атрибуты театра	27	15	13
Искусство, его жанры и виды	16	21	13
Душевное и эмоциональное состояние	12	6	13
Наименования лиц, имеющих отношение к театру	10	18	10

У школьников наиболее объемная семантическая группа связана с визуальным восприятием театра и его составляющих («Атрибуты театра»): *маска, сцена, кулисы, кукла, бархат, веер, занавес, люстра* и др. Данная группа у школьников по объему в два раза превышает показатели студентов и взрослого населения. Театр во всех возрастных группах определяется как искусство, причем упоминаются его разные жанры и виды (*балет, опера, пьеса* – школьники, *драма, пьеса, опера, комедия* – студенты, *пьеса, балет, опера, трагедия* – взрослые), что свидетельствует о хорошем знании основ театра, начиная со школьной скамьи. В первой и третьей группах испытуемых восприятие театра связано с душевным и эмоциональным состоянием (*жизнь, атмосфера, веселье, восхищение, душа, скучно, эмоции* – школьники, *восторг, веселье, атмосфера, жизнь, ностальгия, радость, романтизация, скепсис, скучно, усталость* – взрослые), причем положительные эмоции преобладают над отрицательными. У студентов также фиксируется данная семантическая группа, но по объему она в два раза меньше, чем в сопоставляемых возрастных группах. Во всех возрастных группах достаточно объемной является группа «Наименования лиц, имеющих отношение к театру», где ядерную позицию занимает лексема *актер*. Отметим семантические группы, которые характерны только для какого-то одного возраста: школьники – «Названия конкретных произведений и их авторов»; студенты – «Названия конкретных театров», «Виды театров», «Ассоциации по цвету», взрослые – «Познавательная ценность», «Цель посещения театра».

Психолингвистическое значение показало, что в языковом сознании трех возрастных групп театр прежде всего – род искусства, в котором посредством разных жанров достигается определенное эмоциональное состояние. Остальные значения имеют в сопоставляемых возрастных группах разный индекс яркости и занимают в смысловой структуре слова различные позиции. В языковом сознании школьников вторым по яркости значением является «здание, имеющее свои атрибуты». На третьем месте

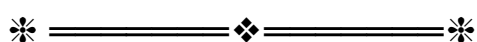
стоит значение «место, где ставится спектакль, в котором играют актеры». На четвертом – «учреждение». В языковом сознании студентов лексема *театр* также имеет четыре значения. Но на втором месте по яркости стоит значение «место, где ставится спектакль, в котором играют актеры». В сознании взрослых на втором месте находится значение «учреждение».

Таким образом, свободный ассоциативный эксперимент дает возможность сформулировать психолингвистическое значение в различных возрастных группах испытуемых, определить особенности восприятия лексем носителями русского языка разного возраста.

Литература

Малышкина А. А. Психолингвистическое значение лексемы *театр* в языковом сознании студентов / А. А. Малышкина, М. В. Шаманова // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сборник научных статей / Науч. ред. А. В. Рудакова. – Москва: РИТМ, 2024. – Вып. 10. – С. 17-21.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Ф. Ш. Бекмурзаева (Санкт-Петербург, Россия)

КОНЦЕПТ «СОКОЛ» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ЖАНРА ДИДАКТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Аннотация. Статья посвящена символическим признакам в структуре концепта «Сокол». Фактическим материалом послужили басни как жанр дидактической литературы, отражающий житейскую мудрость, национальный менталитет. В русских баснях концепт «Сокол» функционирует в виде аллегорического образа. В ходе исследования концепт-образа «Сокол» были выделены как положительные символические признаки, так и отрицательные. Выявленные признаки существуют в русском языковом сознании и имплицитно передают осуждаемые человеческие пороки и одобряемые качества людей, ценности: 'порядочность', 'честь', 'вера в Бога', 'покорность', 'благодарность', 'ум', 'сила', 'быстрота / скорость', 'забота', 'помощь', 'божественный посыл', 'верность', 'преданность', 'любовь', 'жестокость', 'зло', 'свобода', 'воля', 'гордыня', 'насмехательство', 'смирненность', 'осуждение', 'жадность', 'завистливость', 'притворство'.

Ключевые слова: концепт, символические признаки, аллегорический образ, языковое сознание, басня.

Концептуальные исследования не теряют своей актуальности по сей день. Благодаря аналитическому погружению в текстуальное пространство

можно узнать потаенные, завуалированные за концептом смыслы языкового сознания этноса. Эти смыслы идентифицируют ту или иную национальную культуру, а их знание способствует эффективному межкультурному взаимодействию.

«Концепт – дискретная содержательная единица коллективного сознания или идеального мира, хранимая в национальной памяти носителя языка в вербально обозначенном виде» [Бабушкин 1996, с. 13]. «Концепт выступает как единица хранения человеческого знания» [Попова 2005, с. 54].

В научной среде концепты исследуются с разных углов зрения [Пименова 2004; Карасик 2005; Бекмурзаева 2020 и др.]. В нашем исследовании репрезентант концепта «Сокол» подвергается символическому анализу в текстуальном пространстве басен как одном из древнейших жанров дидактической литературы.

Басня представляет собой короткий рассказ в стихах или прозе с прямо сформулированным моральным выводом, придающим рассказу аллегорический смысл [Рувики]. Басня является ярким иллюстративным материалом, отражающим этнокультурные особенности языкового сознания носителей русского языка.

Символы – это «знаки, избранные в процессе мировосприятия и осознания мира для устойчивого, регулярного воплощения в них ценностного содержания культуры, ее основных категорий, ее смыслов» [Ковшова 2013, с. 216].

Материалом исследования послужили русские басни В. А. Жуковского, Л. Н. Толстого, О. В. Емельяновой, И. А. Крылова, М. Н. Муравьева, М. М. Хераскова, Ф. А. Эмина и др.

В проанализированных баснях символические признаки предстают в виде абстрактных понятий, завуалированных в конкретном аллегорическом концепт-образе *сокол*. Выявленные символические признаки отражают национально-культурную специфику: быт и нравы народа, житейский опыт, народную мудрость, моральные установки, одобряемые или порицаемые обществом.

Представим символические признаки.

Сокол – символ порядочности, чести и веры в Бога. Эта символика сокола проявляется на ярком контрасте с голубкой в басне В. А. Жуковского «Сокол и голубка».

*Голубку сокол драл в когтях.
Попалась! ну, теперь оставь свои затеи!
Плутовка! знаю вас! ругательницы, змеи!
Ваш род соколю вечный враг!
Есть боги-мстители!» – «Ах, я б того желала!» –
Голубка, чуть дыша, измятая стенала.
«Как! как! отступница! не веровать богам!
Не верить силе провиденья!*

*Хотел тебя пустить; не стоишь; вижу сам.
Умри! безбожным нет прощенья!»*

Жуковский В.А. «Сокол и голубка»

В басне Л. Н. Толстого «Сокол и петух» сокол – птица благородной породы. Благородных птиц не едят. Мотив басни изображает сокола **покорным** и **благодарным** человеку. Также птица наделена **умом, силой и быстротой**.

Сокол привык к хозяину и ходил на руку, когда его кликали; петух бежал от хозяина и кричал, когда к нему подходили. Сокол и говорит петуху: «В вас, петухах, нет благодарности; видна холопская порода. Вы, только когда голодны, идете к хозяевам. То ли дело мы, дикая птица: в нас и силы много, и летать мы можем быстрее всех; а мы не бегаем от людей, а сами еще ходим к ним на руку, когда нас кличут. Мы помним, что они кормят нас».

Петух и говорит: «Вы не бегаєте от людей оттого, что никогда не видали жареного сокола, а мы то и дело видим жареных петухов»».

В басне «Галчонок» Л. Н. Толстой на противопоставлении с явлением природы нравоучает человека. **Забота** о маленьких, беспомощных, беззащитных и оказание им **помощи** характеризуют птицу – сокола. Эти качества свидетельствуют о **божественном посыле** человечеству через соколиный образ.

Пустынник увидел раз в лесу сокола. Сокол принес в гнездо кусок мяса, разорвал мясо на маленькие куски и стал кормить галчонка.

Пустынник удивился, как так сокол кормит галчонка, и подумал: «Галчонок, и тот у бога не пропадет, и научил же бог этого сокола кормить чужого сироту. Видно, бог всех тварей кормит, а мы всё о себе думаем. Перестану я о себе заботиться, не буду себе припасать пищи. Бог всех тварей не оставляет, и меня не оставит»».

... Старец будто подошел к нему и говорит: «Ты зачем себе пищи не припасашь? Ты думаешь богу угодить, а ты грешишь. Бог так мир устроил, чтоб каждая тварь добывала себе нужное. Бог велел соколу кормить галчонка, потому что галчонок пропал бы без сокола; а ты можешь сам работать. Ты хочешь испытывать бога, а это грех. Проснись и работай по-прежнему»».

Повествование басни Л. Н. Толстого «Царь и сокол» иллюстрирует непревзойденный пример **верности**, непоколебимой **преданности** и **любви**: готовность сокола ценою своей жизни защищать любимого хозяина.

Один царь на охоте пустил за зайцем любимого сокола и поскакал.

Сокол поймал зайца. Царь отнял зайца и стал искать воды, где бы напиться. В бугре царь нашел воду. Только она по капле капала. Вот царь достал чашу с седла и поставил под воду. Вода текла по капле, и когда чаша набралась полная, царь поднял ее ко рту и хотел пить. Вдруг сокол встрепенулся на руке у царя, забил крыльями и выплеснул воду. Царь опять поставил чашу. Он долго ждал, пока она наберется вровень с краями, и опять, когда он стал подносить ее ко рту, сокол затрепыхался и разлил воду.

Когда в третий раз царь набрал полную чашу и стал подносить ее к губам, сокол опять разлил ее. Царь рассердился и, со всего размаха ударив сокола об камень, убил его. Тут подъехали царские слуги, и один из них побежал вверх к роднику, чтобы найти побольше воды и скорее набрать полную чашу. Только и слуга не принес воды; он вернулся с пустой чашкой и сказал: «Ту воду нельзя пить: в роднике змея, и она выпустила свой яд в воду. Хорошо, что сокол разлил воду. Если бы ты выпил этой воды, ты бы умер».

Царь сказал: «Дурно же я отплатил соколу: он спас мне жизнь, а я убил его».

В басне О. В. Емельяновой «Вор-сокол» пернатый предстает в негативном образе: он крадет детишек зверей и птиц. Описывается **жестокость** его действий по отношению к «детишкам» – слабым и беззащитным существам. В итоге сокол как символ **зла** оказывается побежденным.

Как над лесом, над полюшком,
Над широким раздолюшком
Злой вор-сокол летел,
Утащить он хотел
У бельчишек бельчоночка,
У зайчишек зайчоночка,
У мышишек мышоночка,
У скворчишек скворчоночка,
У ворон вороненочка.
Падал он с неба камушком
Во зеленую травушку,
Отрывал им головушку,
Пил горячую кровушку:

Непоседы-бельчоночка,
Длинноуха зайчоночка,
Серошерста мышоночка,
Желтоклюва скворчоночка,
Молода вороненочка.
На скалистом погостушке
Их разбрасывал костушки». «Как во всех сказках сказано,
Зло должно быть наказано,
Перед миром ославлено,
На колени поставлено.
А коль плакать да жалиться –
С ним вовеки не справиться!»

В басне «Сокол и червяк» И. А. Крылова подчеркиваются главные достоинства пернатого (**сила, свобода, воля**) через **гордыню, насмехательство** над слабыми.

В вершине дерева, за ветку уцепясь,
Червяк на ней качался.
Над Червяком Сокол, по воздуху носясь,
Так с высоты шутил и издевался:
«Каких ты, бедненький, трудов не перенес!
Что ж прибыли, что ты высоко так заполз?
Какая у тебя и воля, и свобода?
И с веткой гнешься ты, куда велит погода».
«Тебе шутить легко», –
Червяк отвечает, – «летая высоко,
Затем, что крыльями и силен ты, и крепок;
Но мне судьба дала достоинства не те:
Я здесь на высоте
Тем только и держусь, что я, по счастью, цепок!»

Хвастовство аллегорического персонажа своими качествами (**быстрота, скорость, смиренность, покорность**) и **осуждение** других иллюстрируется в произведении М. Н. Муравьева «Индей и сокол».

*Кусятничья хлева был некто гражданин,
А звание его и чин –
Петух индейской;
По нужде некогда житейской
Он позван был пред суд,
Который очагом в Руси у нас зовут.
Все люди Петуха старались приманить,
А он, и крылья подбирая,
И ноги подымая,
Домашних от богов спешил скорей уйтить,
Иначе взрютили Индея бы на блюдо:
Индеям не впервые, и им уж то не чудо.
И невелика честь,
Чтобы на блюдо взлезть;
Да в том-то штука есть,
Индею бы с двора скораяй как лъзя убрестъ.
На дереве Сокол, зря оно похождение,
Смеялся в заходы: «Колико глуп Индей! –
Сокол мой рассуждал в головушке своей. –
Какое твари сей со мною есть сравнение?
Когда зовут его, бежит из всех он сил;
А я, когда полет направлю скорых крыл
И быстрым бегом край воздушный пролетаю
И горлиц пред собой испуганных гоняю,
Едва охотничий лишь токмо внемлю глас, –
В тот час
Парю и на руку охотничью спускаюсь,
Господских ни на миг я слов не ослушаюсь».
Сокол! когда б ты зрел толико соколов,
Как есть на вертеле индейских петухов,
Не стал бы ты тогда Индея порицати:
Не должно по себе об инных рассуждати.*

Среди отрицательных качеств (басня «Сокол и голуби» М. М. Хераскова) соколу свойственно **притворство**, а также **жадность** и **завистливость**, которые заставляют гоняться за чужим добром, что в итоге приводит к тому, что аллегорический персонаж (сокол) теряет всё, что имеет.

*По воздуху летел
Сокол с зеленой веткой,
Извозчик будто с плеткой,
Лишь ветку не в когтях, во рту своем имел.
Настал приятный час желанныя судьбины,
Стада вещают голубины:
С зеленой веткою Сокол парит,
Конечно, мир дарит.*

*Не хочет Голубей губить кровавым боем.
Несли мы знак такой,
Когда покой
Небесная вода установила с Ноем.
Сокол полюбит нас и миром упасет;
Во рту, во рту он ветвь несет,
И будут наши дни приятнее зефира».
Однако вместо мира,
Он ветку опустил
И легкомыслие их смертью отомстил.
Когда веселой вид злодеи вам являют,
Не верьте ласке сей тотчас:
Признаки дружества обманывают нас;
Притворной простотой невинных уловляют.
Хоть должны мы врагов своих любить,
Но не верить им, чтоб голубями не быть.*

Аналогично в басне Ф. А. Эмина «Сокол и ластовица».

Сокол, имея в когтях своих одну добычу, гонялся за другою. Он, увидя несущую перышко в гнездо свое ластовицу, погнался за нею; но ластовица убежала от него и спряталась под кровлю в свое гнездо. Лакомой и хищной сокол не хотел улететь из того двора, под кровлю которого спряталась ластовица, и на одном месте на воздухе носился, дожидаясь, не вылетит ли из-под кровли ластовица. У хозяина онаго дому, были молодые цыплята, и он, опасаясь, чтоб сокол не унес его цыпленка, застрелил сокола из ружья, и он не пользовался и тою добычею, которую имел уже в своих когтях.

Таким образом, анализ русских басен позволил выявить следующие символические признаки концепта «Сокол» в русском языковом сознании: 'порядочность', 'честь', 'вера в Бога', 'покорность', 'благодарность', 'ум', 'сила', 'быстрота / скорость', 'забота' 'помощь' 'божественный посыл', 'верность', 'преданность', 'любовь', 'жестокость', 'зло', 'свобода', 'воля', 'гордыня', 'насмехательство', 'смирненность', 'осуждение', 'жадность', 'завистливость', 'притворство'.

Выявленные в русских баснях символические признаки говорят об амбивалентной природе аллегорического персонажа (концепт-образа «Сокол»). Каждое живое существо, в том числе человек, наделен положительными качествами и отрицательными. Проявленность этих качеств обусловлена различными факторами: воспитанием, окружением и т. д. Плохие качества обществом порицаются, а хорошие восхваляются. Признаки характеризуются вневременной актуальностью, ибо басня остается жива во все времена.

Литература

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: ВГУ, 1996. – 104 с.

Бекмурзаева Ф. Ш. Мифосимволическая составляющая анималистического концепта «Лошадь / конь» в русской языковой картине мира / Ф. Ш. Бекмурзаева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – Т. 22. № 1. – С. 216-225.

Карасик В. И. Концепт и значение в жанровой организации речи: когнитивно-семасиологические корреляции / В. И. Карасик // Жанры речи. – Саратов, 2005. – Вып. 4. Жанр и концепт. – С. 57-65.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры / М. Л. Ковшова; РАН, Ин-т языкознания. – Москва: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 453 с.

Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – Москва: Флинта, 2011. – 296 с.

Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации / М. В. Пименова. – Кемерово: ИПК Графика, 2004. – 386 с. (Сер. Концептуальные исследования. Вып. 3).

Попова З. Д. К проблеме унификации лингвокогнитивной терминологии / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово, 2005. – Вып. 4. – С. 54-60.

Рувики [Электронный ресурс]:
<https://ru.ruwiki.ru/wiki/%D0%91%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%8F>

А. О. Бурцева (Москва, Россия)

КОМПЛЕКСНАЯ МЕТОДИКА ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КОНЦЕПТА «РОДИНА» (К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЯ)

Аннотация. В статье представлена комплексная методика психолингвистического анализа концепта РОДИНА, направленная на выявление его психологической структуры в языковом сознании носителей русского языка. Исследование основано на сочетании лексикографического, ассоциативного и контекстуального методов. Полученные результаты позволили определить многослойную организацию концепта и установить взаимосвязь его когнитивных, эмоциональных и культурно-ценностных компонентов.

Ключевые слова: концепт РОДИНА, психолингвистика, языковое сознание, лексикографический анализ, ассоциативный эксперимент, контекстуальный анализ.

На протяжении всей жизни человек формирует собственную систему представлений об окружающей действительности. Для каждого она индивидуальна, так как представляет собой набор знаний, пережитого чувственного опыта и культурного «отпечатка» (влияние социальной среды). В совокупности всё это способствует созданию уникальной картины мира. Отметим и то, что современной науке наблюдается интерес к междисциплинарному подходу в изучении взаимоотношений языка и культуры. Так, лингвокультурология в своих учениях базируется на таких терминах, как «языковая личность» и «концепт». Под языковой личностью понимается представитель культуры, носитель определенного

национального сознания, под концептом – ментальная единица, соединяющая в себе весь культурно, чувственно пережитый опыт, находящий свое выражение в языке. К изучению последнего обращались многие исследователи, каждый из них в той или иной степени пытался дать определение этому термину, закладывая индивидуальное понимание того, как и в каком виде может функционировать единица.

Для основы этой работы взято представление **концепта** И. Ю. Никишиной [Никишина 2001, с. 5] как «мыслительного образа, стоящего за языковым знаком». Исходя из трактовки, предложенной ученой, можно выделить некоторые «универсалии». Во-первых, это непосредственная связь языка и мышления, через которую можно проследить процесс восприятия индивидом окружающей действительности. Во-вторых, концепт может выступать как единица ментального характера, являясь **ментефактом** [Красных 2012, с. 6]. Посредством него человек входит в культуру, но и в то же время за счет него – культура становится отражением определенного менталитета человека. Соответственно, концепт, подобно знаку, может быть универсальным (понятным носителям других языковых сознаний) и специфическим (конкретным для отдельно взятой культуры, являясь «маркером» самоидентичности народа). Исследование таких ментальных единиц помогает лучше понять культурные различия и сходства между языковыми сообществами.

Концепты связываются с определенными аспектами жизни: время, пространство, семья, дружба. С лингвистической точки зрения они формируют основу для создания метафор, пословиц, поговорок и других выражений, характерных для конкретной культуры. Выстраиваемая нами связь языка, мышления и культуры свидетельствует об архаичности концепта, как ментальной единицы. В связи с этим можно обозначить его изменчивость в процессе историко-культурных преобразований общества, взаимодействия с другими языковыми группами, а следовательно, с носителями другого менталитета. Поэтому при изучении концепта важно учитывать его исторический контекст формирования, благодаря чему возможно на диахроническом отрезке проследить важнейшие изменения культурно-общественного восприятия разных жизненных аспектов.

В этом контексте анализ концепта РОДИНА приобретает особую значимость. Он представляет собой не только языковую, но и психологическую категорию, тесно связанную с процессами самоидентификации, эмоциональной памяти и ценностных ориентаций личности. Концепт РОДИНА выступает как концентрат коллективного и индивидуального сознания, отражая особенности национального характера, модели мышления и восприятия действительности.

Несмотря на наличие трудов, посвященных изучению данного концепта (И. И. Сандомирская, В. Н. Телия, С. Г. Воркачев и др.), вопрос о

его психологической структуре остается недостаточно разработанным. В частности, отсутствует единая методика, позволяющая комплексно описывать концепт с позиций психолингвистики – через совмещение лексикографического, ассоциативного и контекстуального анализа. Тем самым **цель** настоящей работы – разработать и апробировать комплексную методику психолингвистического анализа концепта РОДИНА, направленную на выявление его психологической структуры и особенностей репрезентации в языковом сознании носителей русского языка. Поскольку исследуемая ментальная единица представляет собой сложную «многослойную» структуру, ее изучение требует обращения к методологически интегрированному подходу, объединяющему разные уровни анализа языкового сознания. Применение лексикографического, ассоциативного и контекстуального методов позволяет проследить путь от системных значений слова к его индивидуально-психологическим и культурно обусловленным репрезентациям.

Лексикографический анализ. Еще Платон в своем труде «Государство» [Платон 2007] пытается классифицировать виды знаний, разделяя их на интеллектуальное, подвластное разуму, и чувственное, опирающееся на восприятие человеком окружающего мира. На современном этапе развитие подобной мысли несколько модернизируется. Научное знание в его комплексном понимании соединяет в себе рациональное и эмоциональное представление об окружающей действительности. Благодаря толковым словарям можно проследить, как лексема «проживает» свою жизнь в языке и как с течением времени на первый план в толковании слова выходят те или иные семантические структуры. Толковники также предлагают тот вариант значения, который наиболее распространен в народе, тем самым являясь репрезентантом коллективного сознания. Для данного исследования были выбраны три толковых словаря: «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [Даль 1863], «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова [Ушаков 1939] и «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова [Ожегов 1992]. Выбор был обусловлен наибольшей распространенностью данных словарей среди русскоговорящего населения, так как современные учебники для школьников оформляют словарные статьи, опираясь именно на эти источники. Так толковник В. И. Даль дает следующие определения слову *Родина*:

Родина, ж. 1. Родимая земля, чье место рожденья. 2. В обширном знач. Земля, государство, где кто родился. 3. В тесном знач. город, деревня.

Лексическое значение В. И. Даль дает в контексте производного от слова *рождать*, в связи с чем подчеркивает внутреннюю форму: *родина* – *рожать* – *род*. При этом ученый дает подробное толкование лексемы от меньшей семы ‘место рождения’ в значении дома до ‘страны’, предлагая еще и значение территориального субъекта, в котором родился человек

(город, деревня, село), так называемая «малая родина». Работая с лексиконом всей системы языка, опираясь на живое функционирование слова и этимологию, В. И. Даль запечатлел ослабевшие, но еще продолжавшие существовать в языке архаические представления, которые воспроизводят исконную связь человека с домом, родом, матерью.

Словарь Д. Н. Ушакова [Ушаков 1939] отражает языковое сознание уже формировавшейся социалистической идеологии. В период работы над словарем в стране существовала необходимость во всесторонней унификации, которая затронула и язык. Поскольку исследуемая единица играет важную роль в политике, идеологической составляющей партийной агитации и в воспитании порядочных и высоконравственных граждан, в словарной статье присутствуют соответствующие формулировки:

Родина, -ы, ж. 1. Отечество; страна, в к-рой человек родился и гражданином к-рой он состоит. *Мы любим свой язык и свою родину... Ленин. Защищать родину. Весь Советский народ любит свою социалистическую родину и защищает ее грудью от всех посягательств. Советский Союз – вторая родина трудящихся и угнетенных всего мира. || Готовил родине ты честных сыновей. Некрасов. О, родина святая, какое сердце не дрожит, тебя благословляя? Жуковский. Тоска по родине. || Место рождения кого-н. Родина Ломоносова – деревня Денисовка близ Холмогор. || перен. Место зарождения, происхождения чего-н. Родина картофеля – Америка. 2. Перен. Место возникновения чего-н. Советский Союз – родина.*

Для анализа данного словаря необходимо не только оценить само толкование лексемы, но и примеры, приводимые автором. Лексическое значение отходит от связи с 'домом', 'семьей' и ориентируется на 'государство', 'страну', членом которой выступает гражданин. Интересная деталь раскрывается при более подробном анализе лексемы *Родина* на основании словарной статьи. Автор не изменяет семы 'рождения' при толковании слова, однако употребляет это в более широком значении. Связь «Родина – рождение – мать» при этом деформируется, наиболее явно подчеркивается в примерах автора то, что само государство выполняет функции матери. Учитывая то, что в сознании человека до сих пор присутствуют архаические структуры, связанные с особенно чувственным восприятием дома, родной земли и матери, создается советская пропаганда, которая опирается на эмоциональную связь индивидуума с дорогими ему объектами окружающей действительности. Родине как государству передаются функции самого близкого каждому человека, за счет чего усиливается связь и взаимоотношения между личностью и государством, которое необходимо защищать, любить, дорожить. Интересно еще и значение 'место возникновения', которого не было в предыдущем словаре. Появление подобной семы выступает стилистически и исторически окрашенным синонимом к значению

‘порождать’. Это дает основание полагать, что при создании словаря, автор, работая с материалом литературного и живого языка, старался отразить значения лексем так, чтобы они соответствовали определенной эпохе и требованиям существовавшей в тот период политической ситуации.

Толковый словарь С. И. Ожегова [Ожегов 1992] в первоначальной редакции был выпущен в 1949 г. и отражает пласт общеупотребительной лексики. Автор ориентировался на формат небольшого по объему, но вместе с тем захватывающего максимальное количество лексем словаря. В связи с этим исследуемое слово имеет следующее толкование:

Родина, -ы, ж. 1. Отечество, родная страна. *Любовь к родине. Защита родины.* 2. Место рождения, происхождения кого-чего-н., возникновения чего-н: *Москва – его р. Индия – р. шахмат.* * Вторая родина – место, давшее кому-н. приют, ставшее родным.

Отличительной особенностью статьи является ее краткость в формировании лексического значения и примерного ряда. На первое место при толковании лексемы *Родина* выходят ее семы ‘страны’, ‘гражданственности’, тем самым отражается еще большая в историческом пространстве утрата связи между *Родиной* и ‘рождением’. Вместо этого используется патриотическая и вместе с тем идеологическая пропаганда, призывающая выполнять требования государства.

В связи с этим можно сделать промежуточный вывод в том, что научное знание не всегда отражает реальную действительность; для более точного анализа функционирования имен, которые относятся к абстрактной лексике и могут быть культурно маркированными (попадать и под идеологию государства в том числе), необходимо обращаться к чувственному опыту человека.

Ассоциативный анализ. Как показал анализ словарных статей толковый словарей, не каждое толкование может дать всестороннее понимание лексемы. Статьи толковников могут подвергаться внешним воздействиям (исторической эпохе, идеологии). Однако уже на основании этого выдвигается гипотеза, что выбранное для анализа слово может являться именем культурного концепта, так как изменение внешних условий функционирования ведет за собой и изменение в семантике. Для полного, однозначного выделения его как отдельного лингвокультурного знака (лингвоконцепта), необходимо проанализировать ассоциативные словари русского языка. Именно в них можно проследить, как лексема функционирует именно в рамках культуры на уровне менталитета одного народа. Для исследования были выбраны словари: Русский ассоциативный словарь (далее РАС) [РАС 1998], Славянский ассоциативный словарь (далее САС) [САС 2004] и Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС (далее ЕВРАС) [ЕВРАС 2014]. Изучаемая лексема в

данных словарях была стимулом, реакции на который представлены в виде таблицы (см. Таблица 1):

Таблица 1

Реакции на стимул РОДИНА по данным РАС, САС, ЕВРАС

<i>Родина</i> (РАС)		<i>Родина</i> (САС)		<i>Родина</i> (ЕВРАС)	
реакция	частота	реакция	частота	реакция	частота
<i>мать</i>	65	<i>мать</i>	221	<i>мать</i>	162
<i>моя</i>	19	<i>моя</i>	56	<i>Россия</i>	97
<i>Россия</i>	15	<i>Россия</i>	41	<i>моя</i>	47
<i>зовет</i>	6	<i>страна</i>	23	<i>дом</i>	25
<i>отчина</i>	4	<i>отчизна</i>	16	<i>отчизна</i>	10
<i>отечество</i>	3	<i>отечество</i>	11	<i>отечество</i>	6

Данные ассоциативных словарей (РАС, САС, ЕВРАС) строятся именно на выявлении, посредством эксперимента, первичных реакций, возникающих на слово-стимул. В рамках анализа лексемы *Родина* все три словаря (РАС, САС, ЕВРАС) дают обширный список слов-реакций. Нас же в большей степени на данном этапе интересует самая частотная реакция (РАС – 65, САС – 221, ЕВРАС – 162) – лексема *мать*. В связи с ней получается некоторое, на первый взгляд, расхождение между научным знанием и данными толковых словарей и уровнем ассоциаций, которые формируются за счет индивидуального чувственного, житейского опыта. Отметим, что по данным толковников устанавливается связь *Родина* – место происхождения, страна, государство, а по данным свободных ассоциативных экспериментов – *Родина* – *мать*. Данные словарей (РАС, САС, ЕВРАС) помогают прояснить обращение к истории языка.

Лексема *Родина* в рамках русской лингвокультуры функционирует как имя для более обширного образования ментального характера – концепта, внутри которого заложен определенный образ, раскрыть который можно благодаря восстановлению архаических структур сознания. Для древнего человека характерно разделение окружающего мира на простейшие оппозиции, одна из которых – свой / чужой [Красных 2003]. Благодаря ей можно было выживать, формировать союзы. Территория «своего» начиналась с матери, давшей жизнь и входящей в первый круг близких человеку людей, родного дома, где человек появился на свет, земли, на которой он находился и которая кормит его своими дарами – всё это могло давать ощущение безопасности, некоторого душевного тепла. Поэтому уже репрезентацией концепта *РОДИНА* может выступать модель архаического сознания «свой / чужой», где *РОДИНА* – связь с родом, рождением, «своим». Имплицитно можно вывести из всей этой исторической парадигмы и архетип *матери* – *сырой земли*, который не является основной репрезентацией концепта *РОДИНА*, но четко в нем прослеживается. В связи с этим *РОДИНА* может «функционировать» как

живой объект, имеющий некоторые персонифицирующие черты (пол – женский, статус в отношениях с говорящим – мать с ребенком). Отражение подобная концепция находит и в современном языке как часть устного народного творчества: *Родина – мать, умей за нее постоять*; *Родина – мать, чужбина – мачеха*.

Пословицы являются отражением характерных для русского сознания представлений: Родина становится на один уровень по святости с образом матери, поэтому все действия по отношению к ней должны быть сопоставимы с нормами, традициями и обычаями обращения с близким человеком. Рамки масштабного государства сводятся к отчетливому образу женщины, которая для каждого человека будет индивидуальна, однако чувственная интерпретация выходит за рамки личного, становясь коллективной. Так, семантическая единица ‘страна, государство’ и ассоциативный образ *мать* сливаются в коллективном национальном сознании русского народа. Пословицы отражают и упомянутую ранее оппозицию «свой / чужой», *Родине* противопоставляется *чужбина*, лексема, во внутренней форме которой уже заложен смысл ‘незнакомого, инородного’. При этом в значении лексемы появляются антропоморфные семы: женщина, которая является не родной матерью для говорящего, – мачехой. Разграничения, таким образом, выходят не только на территориальный уровень: «своя» страна или «чужая», но и на уровень родовых, кровных отношений. Тем самым подчеркивается архаичность взаимоотношений человека с «землей, его породившей». Эта связь является основополагающей для представителей русской лингвокультуры.

Таким образом, анализ ассоциативных словарей позволяет зафиксировать образы языкового сознания носителей языка и сопоставить их с данными толковых словарей, живого языка, историческими данными. В ходе анализа словарных статей (РАС, САС, ЕВРАС) было выявлено несколько структур присущих архаическому типу сознания (свой / чужой, общее / личное), однако и это метод не дает полного представления о функционировании данной единицы в языке.

Концептуальный анализ. При работе с корпусом контекстов необходимо создать некоторые критерии отбора, так как исследуемое имя имеет широкую распространенность в речи. Так, на слово *Родина* платформа НКРЯ выдает 12 321 текст (в промежутке с XX по XXI вв. включительно). Уже при начальных данных можно говорить о частотности употребления в речи носителей лексической единицы. Однако, несмотря на масштаб, все контексты подвергаются систематизации, которая состоит из нескольких этапов отбора и анализа: было сформировано четыре группы, в каждой из которых лексема *Родина* сочеталась с разными частями речи:

- первая группа: *Родина* (в позиции субъекта действия) + глагол;
- вторая группа: *Родина* (в позиции объекта действия) + глагол;

- третья группа: *Родина* + прилагательные, местоимения, причастия, порядковые числительные;

- четвертая группа: *Родина* + существительные.

Данный подход позволяет структурированно и объемно рассмотреть семантическое поле.

Таким образом, выделим некоторые (наиболее ярко представляющие данные группы) примеры сочетаемостей (см. Таблицы 2–4):

Таблица 2

Семантические сочетания РОДИНА + сущ.

ЛСГ	ПРИМЕРЫ
сема 'животное'	гнездо, крылья, инстинкт
сема 'человек'	пуповина, родимое пятно, менструация, тело, взор
сема 'религия'	грехи, проповеди, лик, оберег, Иуда
сема 'товар'	наличие, торговля, бренд, название, продажа
сема 'смерть'	гибель, прах

Таблица 3

Сочетания РОДИНА + прил., местоим., прич., поряд. числ.

ЛСГ	ПРИМЕРЫ
сема 'материал'	деревянная, дубовая
сема 'погода'	заснеженная, знойная, солнечная, суровая
сема 'природа'	безводная
сема 'текстура'	мягкая, складчатая, корявая
сема 'цвет'	черная, обесцвеченная
сема 'речь'	тихая, внятная
сема 'возраст'	детская, взрослая, постаревшая
сема 'температура'	холодная, студеная, раскаленная
сема 'болезнь'	агонизирующая

Таблица 4

Сочетания РОДИНА (в роли объекта действия) + глаг.

ЛСГ	ПРИМЕРЫ
сема 'убийство'	убить, выстрелить, погубить, изничтожить
сема 'унижение'	изнасиловать, бесчестить, клеветать, очернять, поносить
сема 'воровство'	воровать, ограбить, украсть, разорить
сема 'хвалить'	превозносить, восхищаться, идеализировать (как высшая степень значения), обожать, прославлять, восславить
сема 'манипуляция'	навязывать, заманивать, влиять

Важно отметить появление глагола *родить* (Родине), который может являться репрезентирующим звеном словарной статьи, в которой исследуемая лексема *Родина* выступает в значении 'государство'. Однако в данном случае Родина будет выступать как «приемная мать», для которой будет выношен ребенок, воспитанием которого она будет заниматься сама (подтверждают это контексты, в которых РОДИНА выступает субъектом

действия). В контекстах появляется сочетание с предлогом *на* (*рожать на Родину*), приобретая при этом некоторую дополнительную семантику 'производительности', при это сама РОДИНА выступает в некоторой роли «руководителя производства», на интересы которого работают «трудящиеся». Интересно появление глагола *клясться* (Родиной) тем, что если до этого сема 'религия' раскрывалась через предметы, напрямую связанные с вероисповеданием (*икона, лик, храм* и т. д.), то сейчас она представлена косвенно. Носитель сознания ассоциирует РОДИНУ как нечто священное и сокровенное лично для него, чего он боится лишиться, но во имя уверенности в своих словах или действиях, он готов поставить это на чашу весов.

Группа глаголов, в контекстах с которыми РОДИНА выступает в роли агенса, семантически разнообразна (*видеть, любить, прощать, призывать, нуждаться* и т. д.), в данном блоке функционируют слова, которые уникальным образом представляют именно индивидуальность семантического поля *РОДИНЫ*. Так, например, ей свойственно *учить*, выполняя некоторую дидактическую функцию. При этом внутренний ресурс *РОДИНЫ* не бесконечен, она может *уставать, болеть*. Появляются глаголы, отражающие в контекстах связь с архаическими представлениями о Родине, описанные ранее при исследовании словарных статей толковых и ассоциативных словарей. Примерами данному тезису служат лексемы: *растить, воспитывать*. При этом есть группа глаголов, семантически объединенных 'негативным воздействием' со стороны *РОДИНЫ*: *подкачать* ('подвести'), *подводить, нагреть* ('привести в убыток обманом и хитростью'), *дискредитировать, обманывать*. Формируется и группа со значением 'физического действия': *брать, целовать, бросать, поить, бежать, держать, плакать, приходить, ерзать, корчиться*. Не возникает сомнений, что функционирование всех приведенных выше глаголов способствует доказательству того, что РОДИНА может выступать в роли живого существа, субъекта действия, многие из них указывают именно на человеческую природу того оязыковленного образа, который заложен в структуру лингвоконцепта. Дополняет это и то, что в контекстах появляется такая «функция» у «способность» *РОДИНЫ*, как *сойти с ума*, которая что указывает на наличие разума и психики, которая может быть также неустойчивой под воздействием внешних факторов.

Для *РОДИНЫ* среди контекстов также можно найти отражение оппозиции «свой / чужой», при этом подчеркивается сравнение именно с образом матери: *Просто я хотел подчеркнуть, что **Родина, как и мать**, даются человеку от рождения*.

Однако в противовес находятся тексты, в которых РОДИНА является чужой (в отношениях нашей оппозиции), далекой и опасной: *А пока в огромной остывающей тьме **родины-чужбины** нужно жить осторожно, и дышать осторожно, и смотреть из-под опущенных век – по чуть-чуть*.

Таким образом, анализ национального корпуса русского языка, позволил сформировать семантическое поле концепта РОДИНА. В ходе работы были определены необходимые критерии систематизации материала. Важными для исследования являются несколько факторов сочетаемости концепта: часть речи и для глаголов – функция самого лингвоконцепта (субъекта / объекта действия). Благодаря этому возможно охватить максимальное количество текстов и выделить более широкие семантические связи. Проведенный контекстуальный анализ позволил установить, что концепт РОДИНА обладает некоторой когнитивной многослойностью: он объединяет пространственно-географическое, культурно-историческое и личностно-экзистенциальное «измерения». Такая «полифункциональность» свидетельствует о его высокой степени ментальной закреплённости в языковом сознании носителей языка.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о достижении поставленной цели – разработке и апробации комплексной методики психолингвистического анализа концепта **РОДИНА**, направленной на выявление его психологической структуры. Применение трех взаимодополняющих методов – лексикографического, ассоциативного и контекстуального – обеспечило целостное описание исследуемого концепта в системе русского языкового сознания.

Выявлено, что концепт **РОДИНА** представляет собой многослойное ментальное образование, включающее когнитивный, эмоционально-оценочный и культурно-символический компоненты. Его значение формируется на пересечении личностного и коллективного опыта и отражает как архаические представления о связи человека с землей и родом, так и современные социокультурные смыслы, связанные с идентичностью и принадлежностью.

Полученные результаты имеют не только теоретическую, но и практическую значимость. Разработанная комплексная методика психолингвистического анализа может быть использована при изучении других культурно маркированных концептов, а также в разработке программ по когнитивной и психолингвистической лексикографии. Материалы исследования представляют ценность для курсов по лингвокультурологии, психолингвистике, семасиологии и методике преподавания русского языка как родного и иностранного. Применение данной методики способствует формированию более глубокого понимания процессов образования смыслов и позволяет выявлять ментальные механизмы, лежащие в основе национального языкового сознания.

Литература

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Москва: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1863. – 627 с.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – Москва: Гнозис, 2003. – 375 с.

Красных В. В. Когнитивная подсистема лингвокультуры: возможные пути исследования / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Вып. 45. – Москва: Макс Пресс, 2012. – С. 4-38.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.09.2025).

Никишина И. Ю. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике / И. Ю. Никишина // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Вып. 21. – Москва: МАКС Пресс, 2002. – С. 5-7.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. проф. Н. Ю. Шведовой. – Москва: Азъ, 1992. – 955 с.

Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка: В 3 ч., 6 кн. / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. Кн. 1, 3, 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. Книга 2, 4, 6. Обратный словарь: от реакции к стимулу. – Москва: Российская академия наук (РАН), Институт русского языка, 1998. – 323 с.

Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. – Москва: МГЛУ, ИЯЗ, Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 800 с.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – Москва: Академический Проект, 2001. – 990 с.

Толковый словарь русского языка / Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский; под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва: Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935. – 1562 с.

Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. Т. 1. От стимула к реакции / Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева. – Москва: Московская междунар. акад., 2014. – 542 с.

Л. А. Бушуева (Нижний Новгород, Россия)

БОЛЕЗНЬ КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ НЕНАВИСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются средства метафорической репрезентации концепта «ненависть». Исследуются метафорические выражения, когнитивная интерпретация которых позволяет определить дополнительные признаки концепта, обычно актуализируемые лексическими единицами имплицитно. Основное внимание акцентируется на одном из вариантов метафорической модели «физиологическая сфера человека – внутренний мир человека» – метафоре «ненависть – болезнь».

Ключевые слова: ненависть, концептуальная метафора, корпусное исследование.

Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что лексемы, обозначающие различные явления внутреннего мира человека часто являются не прямыми, а косвенными номинациями, в основе которых лежит метафорическое переосмысление тех или иных явлений действительности. В. Н. Телия объясняет это тем, что «психическая» сфера лексики – «продукт развития сознания в процессе абстрагирования от

свойств и проявлений предметных реалий» на пути к описанию явлений душевного мира [Телия 1987, с. 73]. Метафора базируется на ассоциативно-образном мышлении, которое совмещает в одной структурной единице объективный смысл, информационное сообщение о явлении с субъективной его оценкой и интерпретацией [Глазунова 2000, с. 135]. Как отмечает Э. В. Будаев, «корпусные исследования метафор позволяют выявить структуры “коллективного подсознательного”, которые не выражены эксплицитно» [Будаев 2007, с. 11]. Метафора делает абстрактные и чрезвычайно сложные ситуации легче воспринимаемыми [Лакофф 2004, с. 57-58]. Ненависть относится именно к таким сложным абстрактным понятиям.

В данном исследовании концептуальная метафора рассматривается как когнитивный механизм, как интерпретация объекта или явления одного рода (относящегося к области-мишени) через понятия, описывающие объект или явления другого рода (принадлежащий к области-источнику) [Балашова 2014].

На основе проведенного лексикографического анализа, можно выделить такие когнитивные признаки концепта «ненависть», как: 1) крайне неприятное чувство; 2) сильно переживаемое субъектом; 3) несущее разрушительные последствия. Ср.: «ненависть – чувство сильнейшей вражды, неприязни» [СТСРЯ 2004, с. 404]; «ненависть – сильнейшее чувство глубокой неприязни, враждебности, злобы по отношению к кому-чему-либо, абсолютного неприятия» [БУСРЯ 2017, с. 608]; «сильнейшее нравственно губительное чувство, порожденное злом, обладающее разрушительной и разрушающей силой. В человеке проявляется нравственной пустотой души (омерзение, отвращение) или страстью, которая при утрате внутренней свободы (злоба) вследствие невыносимого нравственного ущерба неизбежно порождает новое зло, приводя к окончательной беде» [СРМ 2014, с. 507].

Как показал анализ современного речевого материала, одной из самых регулярных областей источника метафорических проекций для актуализации ненависти является сфера «болезнь». Еще в глубокой древности складывается система представлений, согласно которой болезнь – проявление деградации, упадка, неблагополучия. На основании этого представления формируются метафорические значения лексем, обозначающих неудовлетворительное физическое состояние, например, «болезнь – нарушение нормальной жизнедеятельности организма, отдельных его органов; *перен.* отклонение от нормы в чем-либо, отрицательное качество, свойство чего-либо» [БУСРЯ 2017, с. 60]; «удушье – состояние крайне затруднительного дыхания, расстройство дыхания; удушливый / удушающий – стесняющий, затрудняющий дыхание; *перен.* гнетущий, застоявшийся, закисневший» [СТСРЯ 2004, с. 861].

Лексико-семантические варианты, обозначающие различные стороны болезни и являющиеся источниками образования новых значений, можно распределить по следующим группам: 1) болезни и их виды; 2) симптомы и стадии болезни; 3) вещества, вызывающие болезнь; 4) последствия болезни.

1. Болезни и их виды. Сигнификативные дескрипторы, описывающие сферу-источник, – болезненное состояние, разные виды заболеваний. Денотативные дескрипторы – вред, который ненависть наносит субъекту и объекту; неконтролируемое чувство; чувство, которое можно передать, внушить кому-либо.

Глагол *болеть* описывает губительную силу ненависти, выражает оценку данного чувства: *«Ассистент теперешний, Горшков, болен ненавистью к теще. У него даже тембр голоса меняется, когда он о ней говорит»* (Л. Улицкая, Казус Кукоцкого, 2000). Репрезентантами метафоры также могут выступать лексемы *заразный, бацилла* со значениями «несущий в себе заразу, инфекционный» [СТСРЯ 2004, с. 214]; «болезнетворная бактерия в форме палочки; *перен.* о каком-либо отрицательном явлении в области духовной жизни» [СТСРЯ 2004, с. 34]. Ср.: *«– **Ненависть заразна.** – Если ты легко попадаешь под чужое влияние, то да»* (Коллективный форум // Ответы.mail); заголовки *«Польша заражена бациллой ненависти к России»* (Pravda.ru), *«Внедренная Саакашвили бацилла ненависти к русским жива»* (Eurasia Daily // Dzen.ru). В описываемых примерах в основе метафорической проекции лежат сигнификативные дескрипторы «болезнь / инфекция, легко передающаяся другим», в роли «бациллы» / «заразы» выступает ненависть, денотативные дескрипторы – ненависть как чувство, которое можно передать, внушить кому-либо.

Прилагательные *бешеный, безумный*, прямые значения которых связаны с психическими заболеваниями («бешеный – больной бешенством» [СТСРЯ 2004, с. 43]; «безумный – сумасшедший, помешавшийся» [СТСРЯ 2004, с. 38]) передают сильное, достигшее крайней степени проявление ненависти: *«Наши взгляды встретились, я вздрогнул, ощутив импульс бешеной **ненависти**»* (Г. Орловский, Ричард Длинные Руки – герцог, 2010); *«Какая-то патологическая ревность к сыну. И безумная ненависть к невестке. Без всякого на то повода»* (коллективный форум, Disability.ru). Данные лексемы характеризуют чувство (его проявление), неподвластное разуму, контролю.

Номинации болезней и состояний, связанных с нарушениями работы органов слуха и зрения, используются для описания ненависти, как чувства, которое лишает способности мыслить, понимать истинную суть происходящего, затуманивать ясность взгляда: *«**Ненависть ослепляет, делает слабее, а главное – ненависть приходит сама: с первой кровью, с первым погибшим соратником»*** (В. Панов, Красная угроза, 2018). Слепой

в переносном значении понимается как «совершаемый без рассуждений, безотчетный, безрассудный, ни на чем не основанный» [СТСРЯ 2004, с. 754]. Аналогичную роль выполняет прилагательное *оглушающий* («оглушить – перен. притупить сознание» [СТСРЯ 2004, с. 441]: «*Большинство руководствуется простыми эмоциями: тупая радость или оглушающая ненависть*» (Darryssh // Vkontakte.ru) – в основе метафорической проекции лежат аналогичные сигнификативные дескрипторы, денотативные дескрипторы – ненависть лишает субъекта возможности здраво рассуждать. Ср.: «*Глухую **ненависть** испытывал я к Марку Розовскому, когда читал его Установочную беседу перед началом репетиции спектакля*» (Русский переплет – литературный интернет-журнал // Pereplet.sai.msu.ru).

2. Симптомы и стадии болезни. Сигнификативные дескрипторы, описывающие сферу-источник, – особенности проявления болезни, разные фазы заболевания. Денотативные дескрипторы – вред, который ненависть наносит субъекту и объекту; неконтролируемый характер ненависти. Данная метафорическая модель актуализируется в следующих типах метафорических переносов:

1) физический дискомфорт / боль – нравственные мучения, которые вызывает ненависть: «*Я просто не могу совладать с собой, **ненависть души** изнутри*» (Просьбы о помощи // pobedish.ru); «*Есть категория людей, которым неведома зависть. Но их душа открыта для радости, света, им неизвестно удушье ненависти к более успешному собрату*» (Коллективный форум «Философский вопрос» // Ответы.mail). Полисеманты *жечь*, *разъедать* высвечивают в семантической структуре источника сему «вызывать неприятные осязательные ощущения» и обозначают нравственные мучения, которые приносит ненависть: «*Именно **ненависть** разъедает душу, подобно сильной кислоте, не оставляя в ней простых человеческих чувств*» (Ф. Форсайт, Афганец, 2006).

2) симптомы болезни – неконтролируемый характер ненависти: регулярным репрезентантом данной модели выступают существительные *приступ* и *припадок*, имеющие следующие значения: «*приступ – острое и внезапное проявление признаков болезни*», «*припадок – внезапное и обычно повторяющееся острое проявление болезни*» [РСС 2003, с. 125], описывающие резкие и неожиданные проявления ненависти, ее неконтролируемый характер. Ср.: «*Воевода хотел разозлить сам себя, чтобы уже в припадке ненависти нанести один удар по беззащитному противнику и не заметить этого, чтобы потом не мучила совесть*» (Д. Русинов, Древние Боги, 2015); «*Испытав очередной приступ ненависти к жениху, я тоже ему улыбнулась*» (Е. Никольская, Брак по ошибке, или Муж для попаданки, 2022).

В приводимых далее примерах отражаются денотативные дескрипторы – ненависть как состояние проходит определенные стадии.

Сигнификативные дескрипторы – этапы развития заболевания, варьирующиеся от начальной стадии до стадии выраженных проявлений: *«Любовь рождается в близких отношениях при преодолении первичной стадии ненависти, дискомфорта, желания получить желаемое во что бы то ни стало»* (Как любовь связана с ненавистью // Психоаналитический терапевт); *«Это стадия ненависти в чистом виде, чрезвычайно неустойчивой, которая проявляется через оскорбления и удары ниже пояса»* (И. Мари-Франс, Моральные домогательства. Скрытое насилие в повседневности, 2005).

Однокоренные лексемы *обострение, обостриться* уподобляют ненависть болезни, которая имеет хронический характер и в определенный момент принимает более тяжелую форму, проявляется явными симптомами. Ср.: *«обостриться – принять более тяжелую форму (о болезни), стать более острым по проявлению, резко выраженным (о чувствах, состоянии, настроении) [СТСРЯ 2004, с. 433]; «На фоне политической ситуации у меня обострилось чувство **ненависти** к себе. Пытаюсь держать лицо и отвлекаться перед окружающими»* (Коллективный форум, Psysovet.ru).

3. Вещества, вызывающие болезнь. Лексико-семантические варианты с первичными значениями «ядовитое вещество, яд» [СТСРЯ 2004, с. 480] характеризуют крайне вредное, пагубное воздействие ненависти как на субъект, так и на объект: *«**Ненависть** поселилась в сердцах и отравила братскую кровь»* (Г. Сенкевич, Огнем и мечом, 1999); *«Медленно, словно пробуждаясь ото сна, со дна, казалось бы, навек потерянной души поднимается обжигающий гнев, густо приправленный ядовитой ненавистью»* (К. Баштова, Маленьких все обидеть норовят, 2024).

4. Последствия болезни. Сигнификативные дескрипторы – приводить к гибели, к смерти. Денотативными дескрипторами цели-мишени выступают, во-первых, высокая, чрезмерная степень проявления ненависти, во-вторых, ее губительный характер. Один из вариантов реализации рассматриваемой метафоры связан с идеей лишения жизни. Репрезентантами метафоры являются глаголы *губить, уничтожать, убивать*, прилагательные *губительный, смертельный*, объединенные значением «лишить жизни»: *«губить – приводить к гибели, к смерти; губительный – несущий гибель» [СТСРЯ 2004, с. 145]; «уничтожить – разрушая, убивая, истребляя, прекратить существование кого-либо» [СТСРЯ 2004, с. 870]; «убить – лишить жизни, умертвить» [СТСРЯ 2004, с. 853]; «смертельный – приводящий или способный привести к смерти» [СТСРЯ 2004, с. 760].: «Я понимаю, что надо отпустить эту **ненависть**, которая меня губит. Но у меня ничего не получается»* (Коллективный форум «Все психологи», 2010); *«**Ненависть** губительна. Она только на войне хороша, в битве с захватчиком. А в обычной жизни **ненависть убивает**»* (А. Кирьянова, Есть одно средство от ненависти // Dzen.ru);

«Почему часто сильные страсти порождают смертельную ненависть» (Коллективный форум // Большой вопрос. ru).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что метафора адекватно и полно отражает природу рассматриваемых феноменов. В результате профилирования в ходе метафорических проекций ненависть дополняется следующими признаками: ненависть, являясь крайне неприятным и сильным по степени проявления чувством, может проходить определенные стадии развития и периодически возобновляться; ненависть можно искусственно передать / внушить кому-либо; ненависть является трудно контролируемым чувством, которое лишает способности разумно мыслить, анализировать информацию и наносит существенный вред субъекту и объекту. Особую значимость в структуре концепта «ненависть» имеют признаки «сильное по степени проявления чувство» и «губительный характер чувства», поскольку данные денотативные области передаются с помощью разных метафорических моделей: «болезнь и их виды», «симптомы болезни», «вещества, вызывающие болезнь», «последствия болезни».

Литература

- Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. / Л. В. Балашова. – Москва: Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014. – 632 с.
- Будаев Э. В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы / Э. В. Будаев. – Нижний Тагил: НТГСПИ, 2007. – 160 с.
- БУСРЯ – Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. – Москва: Словари XXI века, 2017. – 1456 с.
- Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований / О.И. Глазунова. – Санкт-Петербург, 2000. – 190 с.
- Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва: Азбуковник, 2003. – Т. 3. – 720 с.
- СРМ – Словарь русской ментальности / под ред. В. В. Колесова, Д. В. Колесовой, А. А. Харитоновой. – Санкт Петербург: Златоуст, 2014. – Т. 1. – 592 с.
- СТСРЯ – Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт Петербург: «Норинт», 2004. – 960 с.
- Телия В. Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке / В. Н. Телия // Сущность, развитие и функционирование языка: сб. ст. – Москва: Наука, 1987. – С. 65-74.

ПРОЕКТ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО ТИПА «КОНТРАСТИВНЫЙ ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ВИЗУАЛИЗАТОР»

Аннотация. Данная статья посвящена проекту лингводидактического словаря антропоцентрического типа «Контрастивный лингвокогнитивный визуализатор». В теоретическом аспекте данный словарь опирается на семантико-когнитивный подход, предложенный З. Д. Поповой и И. А. Стерниным в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы.

Ключевые слова: лингводидактический словарь, лингвокогнитивная асимметрия, семантико-когнитивный подход.

Вслед за И. А. Стерниным и М. А. Стерниной мы считаем, что сопоставление является одним из базовых свойств абстрактного мышления человека, способом познания действительности. Именно поэтому мы рассматриваем изучение иностранного языка, в данном случае английского, как один из инструментов изучения языкового сознания и самопознания носителей русского языка, при опоре на семантико-когнитивный подход, предложенный З. Д. Поповой и И. А. Стерниным в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы. Суть подхода, предложенного учеными, заключается, в том числе, и в исследовании соотношения семантических процессов с когнитивными, а предмет когнитивной лингвистики они видят в изучении «особенностей усвоения и обработки информации, способов ментальной репрезентации знаний с помощью языка» [Попова 2009, с. 6].

Особенности языковой картины мира в значительной степени определяются характером когнитивных структур той или иной лингвокультуры.

Эффективным способом сопоставления английского и русского языков представляется изучение лингвокогнитивной асимметрии, которая представляет собой актуализацию разных когнитивно-семантических фреймов при описании одной и той же ситуации в разных лингвокультурах. Подобная асимметрия обусловлена несовпадением чувственного восприятия и осмысления одного того же фрагмента действительности в языковых картинах мира разных народов и проявляется в различной языковой репрезентации данной объективно существующей ситуации (фрагмента действительности).

Рассмотрим это явление на трех примерах.

Первый пример представляет собой следующую ситуацию. Перед нами картинка с изображением пчелы. И на этой же картинке сидит живая пчела. Носитель русского языка опишет оба явления одинаково: «На картинке пчела» и «На картинке пчела». Носитель английского языка

опишет эти явления по-разному. Пчела, нарисованная на картинке, описывается фразой “There is a bee in the picture”, а пчела, сидящая на картинке, – “There is a bee on the picture”. Опираясь на результаты проведенных нами психолингвистических экспериментов, мы можем сказать, что предлог «на» ярче всего представлен в сознании носителей русского языка как «обозначение расположения на поверхности / плоскости / основании» [Дьяконова 2023, с. 22], что совпадает с его лексикографическим описанием.

Английский предлог “on” «выражает аппликативное отношение – отношение некой основы или основания и того, что накладывается на эту основу» [Рейман 1982, с. 123]. Соответственно, “on” является коррелятом русского предлога «на» в приведенном нами выше значении.

Английский предлог “in” «обозначает интернальное отношение (от лат. interna – «внутренность, «недра»))» [Рейман 1982, с. 106], в общем виде это отношение содержания и формы, контейнера (в той или иной форме) и того, что в нем находится.

Мы видим, что русская лингвокультура осмысляет и, следовательно, репрезентирует само изображение и то, на что оно нанесено (картон, бумагу, холст), одинаково: как плоскость, поверхность. Английская лингвокультура осмысляет и репрезентирует две части этого фрагмента действительности по-разному: изображение – как пространство, внутри которого нечто размещается, а то, на что это изображение нанесено, – как плоскость.

Данный пример демонстрирует, что при описании одинаковых фрагментов действительности русская и английская лингвокультуры могут актуализировать как одинаковые, так и разные когнитивно-семантические фреймы. В последнем случае мы имеем дело с межъязыковой лингвокогнитивной асимметрией.

Второй пример представляет собой ситуацию, когда у кого-либо что-либо закончилось, например, хлеб. Об этой ситуации по-русски мы скажем: «У меня закончился хлеб», по-английски – “I ran out of bread” (то есть буквально: я выбежал из хлеба).

Рассмотрим процесс метафоризации, который привел к появлению приведенного выше английского выражения.

Находясь в каком-либо локальном пространстве (например, в комнате), я обладаю его частью, так как занимаю часть этого пространства. Выбежав из комнаты, я больше не обладаю ее частью, но не потому что комната исчезла, а потому что меня в ней нет, при этом я всегда могу в нее вернуться, так как знаю дорогу. Естественно, что эта оптимистичная информация является имплицитной, но, тем не менее, она сохраняется и при метафоризации. В результате метафоризации локальное пространство трансформируется в «ресурс» (в нашем примере – хлеб), однако когнитивная идея фрейма сохраняется. Когда я находилась в «ресурсе», я

обладала его частью. Выбежав из него, я больше не имею его части, но не потому, что он закончился, а потому что я больше в нем не нахожусь.

В русском высказывании «у меня закончился хлеб», которое является коррелятом выше приведенной английской сухой метафоры, мы видим актуализацию совершенно другого фрейма. Он связан с ОКОНЧАНИЕМ ресурса, а не с выходом из него. Нам, носителям русского языка, вряд ли пришло бы в голову представить себе возможность другого взгляда на эту столь обычную, бытовую ситуацию, но анализируя английскую стершуюся метафору, мы знакомимся и с другим восприятием данной ситуации и, что немаловажно, видим, осознаем свою картину миру на фоне английской.

Математика – точная наука и, казалось бы, должна говорить на универсальном языке формул. Однако каждое математическое действие называется тем или иным глаголом. Рассмотрим следующий пример.

На русском языке это математическое действие – «√» называется глаголом «извлечь» (корень), а на английском – “to take” (the root), самое яркое значение которого – «взять». Значение «извлечь» отсутствует в переводах глагола “to take”.

Получается, что на чувственном, телесном уровне русскоговорящие и англоговорящие математики воспринимают математическое действие, описанное этой формулой, по-разному. И этот вывод мы можем сделать, изучая явление лингвокогнитивной асимметрии.

Для того чтобы изучение данного явления служило практическим, дидактическим целям, нами был предложен проект словаря антропоцентрического типа «Контрастивный лингвокогнитивный визуализатор», относящегося к классу лингводидактических словарей.

Структура словаря

Словник состоит из четырех частей:

- первая часть представляет собой базовые когнитивно-семантические фреймы, связанные с типичными представлениями о связях фактов действительности в локальном аспекте;
- вторая часть – фреймы, связанные с типичными представлениями о связях фактов действительности во временном аспекте;
- третья часть – в логическом аспекте (в английском языке эти три аспекта представлены предложными фразами);
- четвертая часть состоит из так называемых «устойчивых выражений», представляющих собой стершиеся (сухие) метафоры.

Внутри каждой части примеры фреймов располагаются в алфавитном порядке, каждому английскому фрейму предлагается его русский коррелят.

Микроструктура словаря

Каждая статья состоит из трех частей: 1) текстовый пример стереотипической ситуации на английском языке и его русский коррелят;

2) визуализация обоих; 3) текстовый комментарий (более или менее развернутый).

Приведем примеры словарных статей.

Стереотипическая ситуация (локальный аспект). На картине одновременно нарисована пчела, и сидит живая пчела. Носитель русского языка опишет оба явления одинаково: *На картинке пчела* и *На картинке пчела*. Носитель английского языка опишет эти явления по-разному: пчела, нарисованная на картинке, описывается фразой *There is a bee in the picture*, а пчела, сидящая на картинке, – *There is a bee on the picture*.

Комментарий. Русская лингвокультура осмысляет само изображение и то, на что оно нанесено (картон, бумагу, холст), одинаково – как плоскость, поверхность. Английская лингвокультура осмысляет и репрезентирует два этих фрагмента действительности по-разному: как плоскость репрезентируется только то, на что нанесено изображение (картон, бумага, холст). Отсюда и аналогичный русскому предлогу «на» английский предлог “on”. Само изображение, нанесенное на поверхность, осмысляется носителями английского языка уже не как плоскость, а как пространство (контейнер), внутри которого может что-то находиться, в данном случае пчела, что подтверждается использованием предлога “in”, обозначающим нахождение внутри чего-либо.

Стереотипическая ситуация. *I ran out of bread* (стершаяся метафора). – *У меня закончился хлеб*.

Комментарий. Рассмотрим процесс метафоризации, который привел к появлению приведенного выше английского выражения.

Находясь в каком-либо пространстве, я обладаю его частью, так как занимаю часть этого пространства. Выбежав из комнаты, я больше не обладаю ее частью, но не потому что комната исчезла, а потому что меня в ней нет.

При метафоризации когнитивная идея фрейма сохраняется. Но пространство, из которого я выбежала (в нашем случае bread – хлеб), уже не носит физический характер, а является ресурсом. Когда я находилась в ресурсе, я обладала его частью. Выбежав из него, я больше не имею его части, но не потому, что он закончился, а потому что я больше в нем не нахожусь.

В русском высказывании «у меня закончился хлеб», которое является коррелятом выше приведенной английской сухой метафоры, мы видим актуализацию совершенно другого фрейма. Он связан с окончанием ресурса, а не с выходом из него.

В заключение хотелось бы отметить следующее. В нашем словаре сопоставление является дидактическим приемом. Однако в отличие от

традиционных словарей, наш словарь сопоставляет не столько факты языка, сколько осмысление стереотипических ситуаций носителями двух разных лингвокультур, что отражается в семантико-когнитивных фреймах, которые и являются материалом для сопоставления и осмысления. Данный словарь, несомненно, будет способствовать расширению когнитивной базы изучающих иностранный язык, работа с ним также поможет сформировать вторичную языковую личность изучающих иностранный язык на когнитивном уровне, адекватном изучаемому языку, что будет способствовать выстраиванию значительно более эффективной межкультурной коммуникации.

Литература

Дьяконова Е. А. Психолингвистические значения предлогов «в», «из», «на» (по результатам психолингвистического эксперимента) / Е. А. Дьяконова, В. И. Федосова // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сб. науч. статей / Под ред. А. В. Рудаковой. – Москва: Издательство ООО «РИТМ», 2023. – Вып. 9. – С. 19-23.

Попова З. Д. Когнитивная лингвистика: учебное издание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва: АСТ: Восток-Запад, 2009. – 226 с.

Рейман Е. А. Английский предлоги. Значения и функции / Е.А.Рейман. – Ленинград: Наука, 1982. – 241 с.

Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования / И. А. Стернин. – Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 288 с.

Стернина М. А. Сопоставление как лингвистическая методология / М.А. Стернина, И.А. Стернин. – Воронеж: РИТМ, 2021. – 215 с.

К. А. Зайер (Елабуга, Республика Татарстан, Россия)

ВЛИЯНИЕ БИЛИНГВИЗМА НА ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Аннотация. Статья представляет системный анализ влияния билингвизма на языковое сознание, где сопоставляются результаты современных исследований и авторская модель многофокусного выравнивания. Рассматриваются механизмы метаязыковой рефлексии, переразметки перцептивной и эмоциональной семантики, процессы интерференции и фоссилизации, а также социокультурные факторы, определяющие распределение доменов употребления языков. Сделан вывод, что билингвальное сознание функционирует как динамическая система согласования статистики опыта, культурных фреймов и рефлексивного контроля.

Ключевые слова: билингвизм, языковое сознание, метаязыковая рефлексия, ментальный лексикон.

В современной лингвистике и психолингвистике языковое сознание определяется как совокупность когнитивных, аффективных и

рефлексивных структур, обеспечивающих процессы порождения и восприятия речи, а также формирующих осознанное отношение к языку как к объекту. Билингвизм встраивает в эту систему параллельные кодовые контуры – они активируются в зависимости от задачи, домена и социального статуса языка – что ведет к изменению порогов активации лексико-грамматических единиц и к переразметке семантических пространств. Исследовательская традиция, представленная трудами З. И. Резановой и других авторов, показывает, что анализ влияния второго языка вне дискурсивной экологии недостаточен: структура билингвальной когниции формируется не только уровнями владения, но и распределением функций кодов по социальным сферам, частотными характеристиками речевого опыта и культурными сценариями [Резанова 2023, с. 226-227]. Корректная модель должна учитывать совместное действие когнитивных, статистических и социокультурных факторов.

Перцептивная семантика является одной из наиболее чувствительных зон двуязычной перестройки. Л. Х. Урусова указывает, что у билингвов иерархия перцептивных признаков и их оценочная насыщенность изменяются по сравнению с монолингвами. При сосуществовании двух кодов семантические пространства не подвержены простому смещению, а проходят процесс калибровки – значимость отдельных признаков перераспределяется, усиливая те, что чаще подтверждаются опытом в соответствующих коммуникативных практиках [Урусова 2023, с. 306]. На уровне ментального лексикона данное явление проявляется в изменении весов ассоциативных связей и в более гибком доступе к альтернативным репрезентациям, когда выбор выражения осуществляется по принципу минимизации усилий с учетом ограничений актуального контекста.

Культурные коды формируют дополнительное направление воздействия – они задают рамки интерпретации, в пределах которых билингв соотносит форму и смысл. Метаязыковая рефлексия билингвов нередко выступает как «сборка» смыслов из двух культурных сценариев, где фильтрами служат социальный престиж языка, жанровые традиции и институциональные сферы применения. З. И. Резанова, анализируя славяно-тюркские и шорско-русские взаимодействия, выявляет корреляцию между субъективными оценками «естественности» использования конкретного языка и объективными показателями обработки: там, где говорящий предполагает большую точность выражения, фиксируются ускорение доступа и устойчивые предпочтения определенных конструкторов [Резанова 2023, с. 234-235]. Культурные фреймы и рефлексивные ожидания не только отражают статистику речевых практик, но и усиливают ее, превращаясь в элемент механизма самонастройки билингвального сознания.

Эмоциональная лексика выявляет нелинейный характер билингвальных эффектов. А. В. Васильева указывает, что доминирование

первого языка при обработке эмоционально нагруженных слов не имеет универсального характера – результат определяется частотностью, жанровыми привычками, а также тем, на каком языке формировался опыт обсуждения соответствующих эмоций [Васильева 2024, с. 272]. Эмоциональный компонент языкового сознания билингва в этом случае приобретает гибридную конфигурацию: ускоренная активация смещается в пользу кода, закреплённого в определенном домене, и при изменении практик данная привилегия пересматривается.

С точки зрения распределительных факторов выбора выражения показательны результаты исследования Л. Х. Урусовой, где демонстрируется влияние типа билингвизма, частотности и порядка элементов на обработку многокомпонентных номинативных единиц и устойчивых сочетаний [Урусова 2023]. Поведенческие данные подтверждают гипотезу о невыборочном доступе к лексикону обоих языков с последующей конкурентной фильтрацией: активируются распределительные паттерны двух корпусов опыта, а окончательное решение фиксируется как компромисс между частотой, жанровыми условиями и прагматической уместностью. Такой результат поддерживает трактовку билингвального лексикона как системы, в которой взаимодействуют статистическая, структурная и социопрагматическая шкалы экономии.

Для объяснения устойчивости представлений целесообразно использовать концепт «психообраза» языковой единицы. Психообраз – это мультимодальная матрица с двуязычными проекциями, где перенастройка одной из них способна изменять устойчивость другой – особенно в зонах высокой частоты и на пересечении культурных сценариев. Это объясняет феномен «двуязычной ясности»: одна и та же единица может обладать различной степенью когнитивной устойчивости в разных кодах, что сохраняется и при высоком уровне владения.

Социолингвистические конфигурации формируют долговременные асимметрии. В. О. Иловайская рассматривает общественную билингвальность как следствие институциональной поддержки и нормативного закрепления доменов употребления: если один язык преобладает в публичных институтах, а другой используется преимущественно в семейной и локальной коммуникации, возникает асимметричный профиль языкового сознания, при котором тематические поля, жанры и стили закрепляются за разными кодами [Иловайская 2024, с. 104]. Для когнитивного уровня это выражается в различиях доступности лексики, скорости выбора конструкций и в метаязыковых ожиданиях точности. Анализ билингвального сознания без учета институциональных условий приводит к смешению эффектов владения и эффектов статуса.

Существенные аргументы в пользу связи «метарефлексия – поведение» представлены в исследованиях метаязыковой активности.

М. О. Кунщикова отмечает, что адресаты и креаторы языковой игры в диалогах искусственных билингов демонстрируют системные метаязыковые комментарии, соотносимые с распределением внимания и перестройкой норм употребления в отдельных жанрах [Кунщикова 2023, с. 101]. Такой материал значим для описания «светлого поля» сознания, в котором рефлексивные правила доступны говорящему и оказывают влияние на выбор языковых средств.

Влияние двуязычия проявляется и в логике семантического проектирования. Конфликт и кооперация кодов зависят от механизмов интерпретации, выражающихся в выборе категориальных признаков при формировании смысла. При этом взаимодействие охватывает не только уровень лексики, но и схемы концептуализации, которые определяют траектории интерпретации.

Ряд исследований в области образовательной билингвальности дополняет картину факторов. Л. Х. Урсова связывает коды языкового поведения с сочетанием уровня владения, индивидуальных предпочтений, социально-экономического положения и этнической принадлежности; такие параметры, будучи институционально опосредованы, формируют устойчивые стратегии языкового выбора [Урсова 2023]. Также исследователь указывает, что билингвальное обучение изменяет профиль доменной «привязки» лексики и жанров, оказывая влияние на рефлексивные ожидания участников коммуникации. Полученные данные подтверждают необходимость учитывать доменную историю практик при анализе когнитивных эффектов.

Долговременные отклонения продуктивно объясняются через связь интерференции и фоссилизации. О. В. Старина рассматривает фоссилизацию как стабилизацию нецелевых паттернов под воздействием частотных характеристик и социального подкрепления, а не только как индивидуальный дефицит контроля [Старина 2022, с. 1055]. В педагогической перспективе это смещает акцент с коррекции ошибок на перестройку статистики опыта и изменение доменов, в которых данные паттерны закрепляются. Устойчивые отклонения целесообразно интерпретировать в терминах адаптивной оптимизации.

Региональные и этноспецифические исследования уточняют масштабы перестроек. Г. А. Дырхеева, опираясь на данные ассоциативного анализа, показывает, что у бурят-билингвов пространственно-временные представления распределяются между кодами, формируя две сопряженные, но не идентичные когнитивные карты [Дырхеева 2020, с. 13]. Данный результат подтверждает представление о многоканальной организации билингвального сознания, где межъязыковые различия закрепляются в базовых когнитивных схемах. Т. А. Климова, анализируя взаимодействие английского и японского языков, выявляет, что культурные установки на вежливость и иерархичность изменяют

прагматическую интерпретацию высказываний, формируя устойчивые различия в оценке корректности выражения [Климова 2020, с. 74]. Этноспецифика и жанровые регулярности, таким образом, задают для билингва независимые оси, вдоль которых организуются репрезентации.

Мотивационные и рефлексивные аспекты двуязычия проявляются в процессе формирования лингвоментальных механизмов, при которых выбор метаязыковых правил зависит от контекста общения и степени освоения языков. У детей-билингвов наблюдается особый тип мотивационной рефлексии: осмысление языковых норм сопровождается опорой на накопленный опыт решения коммуникативных задач и умением соотносить языковые формы с ситуацией высказывания. В социокультурной перспективе В. С. Диброва реконструирует факторы выбора языка в русско-тюркских взаимодействиях – от семейных практик до публичных ролей – и показывает их связь с распределением жанровых предпочтений. Это позволяет увязать индивидуальные когнитивные эффекты с макросоциальными регуляторами [Диброва 2023, с. 255].

Детский и дошкольный сегменты обнаруживают специфические закономерности. Проектирование билингвальной образовательной среды для дошкольников является инструментом раннего формирования связей между кодами. Ю. С. Васильева на примере двуязычного учебного пособия демонстрирует, что институционально поддержанные «мосты» между кодами снижают разрыв между домашним и учебным регистрами, повышая согласованность метаязыковых ожиданий с фактическими поведенческими показателями [Васильева 2024, с. 328]. Это согласуется с моделью, в которой управляемая частотность и жанровая релевантность выступают основными механизмами перестройки.

Для уточнения теоретических рамок значимы метаобзоры и дефиниционные исследования. В. О. Иловайская обращает внимание на интерпретационную неоднородность понятия «билингвизм», подчеркивая риск смешения общественной, индивидуальной и академической билингвальности в эмпирических разработках [Иловайская 2014, с. 104].

Синтез представленных результатов подтверждает обоснованность модели многофокусного выравнивания. Билингвальное языковое сознание может быть охарактеризовано как система согласования перцептивно-семантического, лексико-конструкционного и метаязыкового уровней, где доминирование каждого из них определяется задачей и доменом. Выбор кода и языковых средств трактуется как решение, направленное на экономию усилий под воздействием статистики опыта, включающей частотные показатели, устойчивость коллокаций, жанровые распределения и социальные санкции. Эмоционально и культурно значимые поля инициируют ускоренную активацию «привилегированного» кода, причем эта привилегия носит динамический характер и зависит от истории практик. Устойчивые отклонения – интерференция и фоссилизация –

интерпретируются как закрепление процедур, подтвержденных средой, что смещает акцент с коррекции ошибок на управление входными данными. Данный подход объясняет феномены переразметки перцептивной семантики, вариативность эмоциональной обработки, соотношение метарефлексий с поведенческими показателями, а также региональные различия общественной билингвальности.

Методологические следствия предполагают реализацию трехконтурной стратегии. Экспериментальные задания должны быть направлены на оценку перцептивных и эмоциональных признаков (рейтинговые шкалы, прайминг, окулография, временные параметры) с учетом доменной истории респондента. Необходимым элементом выступает корпусное сопоставление частотности и устойчивости коллокаций в индивидуально релевантных подкорпусах двух языков, а также моделирование конкурентного доступа к лексикону. Дополнительно требуется систематический сбор и аннотирование метатекстов для кросс-проверки с поведенческими показателями и реконструкции рефлексивных правил. Такая стратегия обеспечивает повышение объяснительной силы выводов и снижает вероятность ложной атрибуции причин.

Прикладное измерение охватывает обучение, диагностику и перевод. В сфере образования целесообразно разграничивать культурные фреймы и типы семантики, учитывать частотную структуру материала и планировать перенос домена через специализированные жанры, создавая устойчивые связи между кодами. Диагностика должна сочетать быстрые поведенческие метрики с данными метарефлексии, что позволяет выявлять проблемные зоны и различать статистические эффекты и статусные ограничения. Для перевода приоритетным направлением становится выявление зон риска интерференции – эмоционально нагруженной лексики, метафор и антропоцентрических сценариев – с последующим применением стратегий, направленных на сохранение функциональной эквивалентности без механического копирования. Учет многофокусной природы билингвального сознания обеспечивает повышение точности анализа и снижение затрат когнитивных ресурсов во всех указанных областях.

Литература

Васильева Ю. С., Бирюкова А. Б. Применение билингвального учебного пособия по дисциплине «История России» в учебно-образовательном процессе / Ю. С. Васильева, А. Б. Бирюкова // Современное педагогическое образование. – 2024. – № 8. – С. 325-330.

Диброва В. С. Мотивация выбора языка билингвами в системе современных социокультурных практик (русско-тюркское языковое взаимодействие в Южной Сибири) / В. С. Диброва // Русин. – 2023. – № 72. – С. 244-258.

Дырхеева Г. А. Пространство и время в языковом сознании бурят-билингвов / Г. А. Дырхеева // Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов

современной России: тезисы Всероссийской научной конференции, Новосибирск, 14–17 октября 2020 года. – Новосибирск: Академиздат, 2020. – С. 11-14.

Иловайская В. О. Понятия «билингвизм» и «нарратив» в научной литературе: история изучения и основные характеристики терминов / В. О. Иловайская // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 10 (148). – С. 103.

Климова Т. А. Специфика языкового сознания билингва и ее отражение в художественном тексте на примере концепта NOSTALGIA (на материале романа Кадзуо Исигуро «When We Were Orphans») / Т. А. Климова // Актуальные проблемы филологии и лингводидактики: сборник материалов Всероссийской конференции, Нижний Новгород, 25–26 мая 2020 года. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2020. – С. 67-75.

Кунщикова М. О. Метаязыковая активность адресата языковой игры в диалогах искусственных билингвов / М. О. Кунщикова // Филологический класс. – 2022. – Т. 27. – № 1. – С. 101-111.

Резанова З. И. Контакты языков в языковом и метаязыковом сознании билингвов (славянско-тюркское языковое взаимодействие) / З. И. Резанова // Русин. – 2023. – № 71. – С. 223-238.

Старинина О. В. Фоссилизация как билингвальный феномен овладения иностранным языком у студентов неязыкового вуза / О. В. Старинина // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 7. – № 10. – С. 1054-1059.

Урсова Л. Х. Билингвальность: коды языкового поведения / Л. Х. Урсова, Б. В. Кодзоков // Право и управление. – 2023. – № 6. – С. 303-307.

О. В. Ивашенко (Воронеж, Россия)

ЗНАЧЕНИЕ АБСТРАКТНОГО ИМЕНИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕНТАЛЬНЫХ ИМЕН В РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

Аннотация. В статье анализируются подходы к описанию значения абстрактного имени. На примере имен ментальных состояний в русском языке выделяются когнитивные классификаторы, позволяющие понять сущность абстрактных номинаций. Когнитивные классификаторы проявляются в концептосфере как концептуальные признаки, используемые для объединения сходных концептов, и репрезентируются в языковой семантике как интегральные и дифференциальные семы.

Ключевые слова: абстрактное имя, ментальное имя, когнитивный классификатор, категоризация.

Антиномия конкретного – абстрактного, как одна из основных в философии и логике, относится к числу весьма неоднозначных. Диалектика абстрактного и конкретного предопределяет сложность отграничения конкретного и абстрактного слова. Наиболее известной является трактовка абстрактного как понятийного, мысленного в противоположность конкретному как чувственному и наглядному. Согласно данным лингвистического энциклопедического словаря: «С точки зрения плана содержания в лексике выделяются: абстрактные слова,

т. е. слова с обобщенным значением, и конкретные слова, т. е. слова с предметным, “вещественным” значением», «семантика номинаций, воплощенных в форме конкретных существительных, отображает субстанциональный чувственно осязаемый образ обозначаемого... По мере отвлечения от субстанциональных свойств возрастает степень абстрактности...» [Языкознание 1998, с. 336].

Сложность постижения дихотомии абстрактное – конкретное детерминирует множественность дефиниций абстрактного имени. Ю. С. Степанов противопоставляет имена абстрактные как неререферентные, неденотативные лексике денотативной, тяготеющей к обозначению понятий, сигнификатов [Степанов 2020]. Н. В. Уфимцева относит имена с денотативным и денотативно-сигнификативным значением к конкретной лексике, а слова с сигнификативной и сигнификативно-денотативной основой значения к абстрактной [Уфимцева 1986].

В современных лингвистических работах изучаются вопросы, связанные с анализом абстрактного имени с когнитивных позиций, содержание абстрактного имени рассматривается как концепт, включающий логический и сублогический страты, и представленный гештальтами и образами. Л. О. Чернейко предлагает использовать метод анализа сочетаемости абстрактных имен, позволяющий моделировать гештальтную структуру стоящего за ним концепта [Чернейко 2018].

Осмыслению особенностей концептов, воплощающих абстрактные понятия интеллектуальной и эмоциональной деятельности человека, сферы человеческих характеристик, действий и отношений, реальной действительности, а также изучению культурно значимых абстрактных концептов, отражающих национальное сознание народа, посвящены многие современные когнитивные исследования; предлагаются описания особенностей восприятия абстрактных концептов и анализ абстрактных номинаций путем психолингвистического эксперимента. Эти исследования дают обширный материал для понимания способов организации абстрактного знания в сознании человека и его репрезентации в языке.

Исследования концептов абстрактных понятий показывают, что «...логическое мышление, законы которого разрабатываются классической и математической логикой, в свете когнитивной семантики оказываются лишь частным случаем способов человеческого мышления, которое часто бывает совсем не логичным, а движется по ассоциациям, диктуемым жизненным опытом, важными признаками наблюдаемых вещей и событий и другими неожиданными с логической точки зрения классификаторами» [Попова 1996, с. 68]. Когнитивные классификаторы проявляются в концептосфере как концептуальные признаки, используемые для объединения сходных в каком-либо отношении концептов, и репрезентируются в языковой семантике как интегральные и дифференциальные семы [Ивашенко 2002; Попова 2001].

Предметом нашего исследования послужили когнитивные классификаторы русских имен ментальных состояний. Материалом исследования являются ключевые русские лексемы: *знание, сознание, мысль, идея, внимание, интерес, любопытство, вера, надежда, удивление, недоумение, изумление, сомнение, колебание, неведение, незнание*. Лексико-семантическое поле ментальных состояний в русском языке имеет сложную, многомерную структуру, которая определяется иерархией когнитивных классификаторов его конституентов. Среди когнитивных классификаторов данного ЛСП основными являются оценка наличия или отсутствия знания и степени его истинности, мера четкости мыслительного содержания состояния, объем мыслительного содержания состояния, вид объекта знания и мера интенсивности эмоционального сопереживания, сопровождающего состояние [Ивашенко 2002].

Оценка наличия или отсутствия знания и степени его истинности – фундаментальный классификатор русских ментальных состояний, лежащий в основе лексико-семантических группировок имен ментальных состояний наличия знания (*знание, сознание*), наличия кванта знания (*мысль, идея, озарение*), сосредоточенности с целью пополнения знания (*внимание, интерес, любопытство*), уверенности в истинности имеющегося знания (*вера, надежда*), интеллектуального потрясения по поводу имеющегося знания (*удивление, недоумение, изумление*), неуверенности в истинности имеющегося знания (*сомнение, колебание*), отсутствия знания (*незнание, неведение*) в рамках ЛСП ментальных состояний.

Интересно, что наблюдение об этом классификационном признаке прослеживается в ряде работ, посвященных структуризации лексико-семантических полей субъектно-модальных состояний в разных языках. Конституенты поля выделяются в отдельную группу по семантическому признаку «субъективная модальность», то есть элементы поля выражают отношение субъекта к истинности или вероятности происходящего. Архисема «мыслительная деятельность», семантический признак «субъективная модальность» и дифференцирующий семантический признак «модальность истинности» или «модальность вероятности» отмечаются как универсальные для исследуемых лексем. Семантический признак «знание, обладание информацией» дифференцирует полное знание об истинности / ложности происходящего, отсутствие знания об истинности / ложности происходящего, интенция в поисках знания, выбор между двумя идеями при незнании какую предпочесть [Гак 1993; Щукина 1982].

Данные языкового анализа подтверждают важность этого классификатора русских ментальных имен. Согласно типологии семем по Д/К, разработанной М. М. Копыленко и З. Д. Поповой, прямое номинативное значение лексем-конституентов ЛСП ментальных состояний

основано на оценке наличия или отсутствия знания и степени его истинности. Например, семема Д1 лексемы *знание*, зафиксированная в Словаре современного русского литературного языка, – «Обладание какими-либо сведениями, осведомленность относительно кого, чего-либо». Семема Д1 лексемы *вера* прослеживается в двух словарных статьях: «Твердая убежденность в осуществлении чего-либо, уверенность в исполнении ожидаемого» и «Уверенность в положительных качествах, достоинствах и т. п. кого-либо» [Словарь современного русского литературного языка 1991].

Рассмотрение моделей структуризации русских концептов ментальной сферы, репрезентируемых лексемами исследуемых лексико-семантических групп, показывает, что классификаторы, являясь общими для всех ментальных состояний, помогают отличить одно ментальное состояние от другого. Например, в соответствии с классификатором **Вид объекта знания**, объектом состояния *знание* является любая информация, у ментального состояния *сознание* главной является информация о себе. Объектом ментальных состояний *мысль*, *идея*, *озарение* является любая информация. Ментальное состояние *вера* характеризует любой мыслимый объект как истинный, в особенности выделен мифический объект (вера в Бога), ментальное состояние *надежда* предполагает наличие любого желаемого объекта. Объектом состояний *удивление*, *недоумение*, *изумление* выступают взаимоисключающие кванты прошлого и нового знания. У ментальных состояний *незнание*, *неведение* отсутствует любой объект.

Изучение русских ментальных имен показывает их **эмоциональную окрашенность**, что проливает свет на тесную взаимосвязь интеллектуальной и эмоциональной сфер бытия русского человека. Например, в русской культуре ментальные состояния могут получать как положительную оценку (им приписываются такие свойства, как *радостная*, *святая*, *глубоко нравственная*, *светлая (вера)*; *сладкая и очаровательная (надежда)*), так и тревожную (*надежда издевается над человеком*, *мучает его*, *может дразнить и волновать*) или в некоторых случаях отрицательную оценку (*лицемерная или легкомысленная надежда*). Особенно ярко эмоциональная окраска заметна в метафорической сочетаемости лексем. Русская культурная традиция прибегает к эмоционально окрашенным персонифицированным образам для воплощения ментальных состояний, которые проходят различные фазы человеческого бытия (*рождаются*, *умирают*, *живут*, *слабеют и погибают*) и являются носителями человеческих свойств и качеств (*надежда может быть трепетной и доброй*, *человек ощущает ее легкую поступь или нежные руки*, *в то время как вера является мужественной и сильной*). Во многих контекстах *вера* вызывает ассоциации с воителем, который *побеждает и берет города*, или святым-спасителем, который *спасает*, *благословляет*, *освящает*. *Надежда* же представляется в

женских образах, которые могут воплощать тревожащую воображение человека соблазнительницу (*манящая, чарующая, соблазнительная, обольстительная, пленительная, волнующая*), кормилицу-мать (*кормилица несчастных, нежная мать*) или отрицательно характеризоваться как сошедшая с ума, болеющая или умирающая женщина (*безумная, сумасшедшая, больная, умирает*).

Для некоторых имен ментальных состояний в русском языке когнитивный классификатор **Интенсивность эмоционального сопереживания, сопровождающего состояние**, является смыслообразующим. Ментальные состояния *удивления, недоумения и изумления*, которые вызываются переживанием обманутого вероятностного прогноза, различаются интенсивностью адмиративной оценки по мере нарастания интенсивности переживания противоречия между старым и новым опытом. *Недоумение* возникает при относительно слабой уверенности субъекта в достоверности прошлого опыта, *изумление* возникает тогда, когда субъект абсолютно уверен в правильности этого опыта и прогнозировал результаты противоположные имеющим место.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать наблюдение, что понимание значения абстрактного имени представляет непростую задачу для исследователя-лингвиста. Семантико-когнитивный подход к изучению значения абстрактных лексем позволяет выявить когнитивные классификаторы, представляющие собой абстрактные семантические признаки, важные для носителей языка, и прослеживающиеся по абстрактным семемам как интегральные и дифференциальные семы, а также проливает свет на содержание абстрактного концепта в национальном языковом сознании.

Литература

Гак В. Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Ментальные действия. – Москва: Наука, 1993. – С. 22-30.

Ивашенко О. В. Когнитивные классификаторы в семантическом поле абстрактных лексем (на материале лексико-семантического поля ментальных состояний в русском и английском языках): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / О. В. Ивашенко. – Воронеж, 2002. – 23 с.

Попова З. Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики / З. Д. Попова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия 1. Гуманитарные науки. – 1996. – №2. – С. 64-68.

Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / Под ред. К.С. Горбачевича. – Москва: Русский язык, 1991.

Степанов Ю. С. Основы общего языкознания: для студентов филол. спец. пед. ин-тов / Ю. С. Степанов. – Москва: Просвещение, 2020. – 272 с.

Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – Москва: Наука, 1986. – 240 с.

Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. – Москва, 2018. – 272 с.

Щукина Н. Ф. Структурация лексико-семантического поля субъектно-модальных состояний в аспекте изучения языкового сознания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Н. Ф. Щукина. – Саратов, 1982. – 24 с.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва, 1998. – 685 с.

К. А. Клочко (Пермь, Россия)

КАТЕГОРИИ МЫСЛИМОГО И ВЫРАЖАЕМОГО В ЯЗЫКЕ

Аннотация. В настоящей статье ставится вопрос о психолингвистических механизмах перехода до- и надвербальных конструкторов в вербальную сферу. Для этого автором рассматриваются единицы протограмматики как начальные, неоформленные грамматические структуры, переводящие невербальные категории в вербальные. Для описания этого процесса автор предлагает использовать термины Мыслимое (невербальное представление о положении дел) и Выражаемое (форма вербальной актуализации этого положения дел в речи).

Ключевые слова: протограмматика, мыслимое, выражаемое.

Данная статья посвящена некоторым грамматическим проблемам перехода довербальных представлений и понятий в вербальную сферу, что по-прежнему не до конца исследовано и заслуживает внимания.

Для начала стоит вспомнить слова Л. С. Выготского, который писал: «Отношение между мышлением и речью изменяется в процессе развития и в своем количественном и в качественном значении. Иначе говоря, развитие речи и мышления совершается непараллельно и неравномерно. Кривые их развития многократно сходятся и расходятся, пересекаются, выравниваются в отдельные периоды и идут параллельно, даже сливаются в отдельных своих частях, затем снова разветвляются» [Выготский 1934, с. 128].

Между тем впоследствии при порождении речи все «кривые» сходятся в одну точку, и результатом становится речевое высказывание. При этом в пропозиции высказывания, т. е. в семиотической структуре, которой оперирует говорящий на всех этапах порождения высказывания, происходит постепенный переход от аморфных представлений к грамматически оформленной структуре.

В. Б. Касевич писал: «При речепроизводстве ... задача состоит в том, чтобы сопоставить довербальному, чисто перцептивному фрейму языковые, а первым из них оказывается семантический, осуществляющий первичную «подгонку» довербального фрейма под ... возможности языка и коммуникации. Вполне понятно, что от природы семантического фрейма

(семантического представления высказывания) зависит синтаксическая структура для его кодирования» [Касевич 1988, с. 27-28]. Таким образом, мы должны обратить наше внимание, насколько это возможно, на момент перехода до- и надвербальных представлений в оформленную речь. Ключевым здесь снова оказывается понятие языка, для более полного понимания роли которого в формировании вербального высказывания следует обратиться к философии.

В. Г. Ланкин пишет, что в разных культурах «существенно различны не только системы концептуализации и экспликации ментальных миров, выраженные в структуре языков, различны не только принятые конфигурации логики, но также (а может быть, и прежде всего) – сами ракурсы осознания, способы осмысления, некоторым образом опосредованные спецификой языка» [Ланкин 2023, с. 61]. При этом, как отмечается, «грамматика не должна управлять нашей мыслью, тем более устанавливать ее. Но она всё же определяет нашу мысль – ограничивает или открывает для нее степени свободы в разных отношениях. В одних языках свободы больше, в других – меньше» [Ланкин 2023, с. 71]. Получается, что язык, с одной стороны, независим от мысли, с другой стороны – формирует ее.

Исследователи детской речи Е. Герр-Израэль и Л. Маккун отмечают, что на раннем этапе овладения языком у ребенка в процессе познания мира и коммуникации с родителями формируется представление о статичных предметах (entity) и динамических процессах (change), что впоследствии служит базой для формирования структуры «топик – комментарий», являющейся в некоторой степени прообразом субъектно-предикатной структуры [Herr-Israel 2011, p. 167]. Таким образом, первичной схемой, по которой происходит переход довербальных представлений в вербальную структуру, можно считать пару «топик – комментарий».

Исследователи также отмечают, что в качестве некой константы языкового миромоделирования выступает телесность: «В онтогенетическом развитии семантики есть один непреложный закон – движение от конкретно-зримых, моторно-телесных схем к абстрактному значению. В процессе этого движения первичные нерасчлененные смысловые комплексы, связанные с контекстом и телесным праксисом, уступают место системе дифференцированных понятий» [Темиршина 2017].

Проблема взаимосвязи тела и телесности с вопросами языка – тема отдельного исследования, мы не будем ее касаться в настоящей работе. Отметим только, что язык, судя по всему, наслаивается на некие более ранние когнитивные структуры, формирующиеся на основе индивидуального опыта взаимодействия тела и сознания с окружающим миром. Этот опыт является по сути доязыковым, который впоследствии становится знаком, а затем уже и языковым знаком. Как отмечает

Е. Ю. Кустова, «превращение доязыковой, прототипической речи в язык можно представить как процесс перехода мотивированных иконических форм в конвенциональные, ... закрепляющиеся в языке в виде слов и развивающиеся по законам языка» [Кустова 2009, с. 82]. Так происходит образование междометного первобытного высказывания – «от отражения объективного мира в ономотопее и выражения эмоций» [Кустова 2009, с. 82] к его речевому проявлению.

Итак, мы вплотную подошли к понятию протограмматики. Протограмматика являет собой слабо оформленные в синтаксическом и морфологическом плане конструкции, представленные в речи одно- и двухкомпонентными высказываниями. Для протограмматики характерна следующая черта: «слово в однословном высказывании не просто обозначает некую объективно существующую ситуацию, но является частью этой ситуации, представляя собой ее вербальную часть в процессе коммуникации. Невербальная часть либо непосредственно наблюдаема обоими участниками коммуникации, либо уже существует в сознании обоих коммуникантов как часть их жизненного опыта. Это позволяет свести к минимуму средства речевого оформления подобных протограмматических конструкций» [Клочко 2025, с. 266-267].

То есть оба коммуниканта не просто понимают, о чем в целом идет речь, но строят некую не выражаемую вербально пропозицию относительно наблюдаемой ситуации или понимаемого положения дел и затем вербализуют только ее часть: комментарий при реализации однословного высказывания (типа *Холодно. Замкнуто*); топик и комментарий при реализации двусловного высказывания (*Народу – во!*). И. П. Сусов отмечает, что в рамках такого подхода «субъектом предложения *Пожар!* может быть признано реальное явление, субъект предложения *Мороз* представлен состоянием окружающей среды» [Сусов 2006].

Именно это мы и имеем в виду, когда говорим о параграмматической, то есть не полностью вербальной, природе подобных высказываний. Для описания данного феномена перехода до- и надвербальных представлений в вербальную сферу и существования протограмматических конструкций на стыке невербальной и вербальной сфер мы предлагаем использовать термины Мыслимое и Выражаемое.

Под Мыслимым будем понимать когнитивную репрезентацию ситуации или положения дел, состоящую из разнородных, невыраженных и неоформленных элементов, но, тем не менее, ясно представляемых говорящим и слушающим в форме некой пропозиции.

Выражаемое является вербально эксплицированным элементом вышеозначенной пропозиции. Оно может быть крайне скупое оформлено в морфологическом и синтаксическом плане (как правило, это одно- и

двухсловные высказывания), но представлять собой полноценное в семантическом отношении высказывание.

При этом мы полагаем, что когнитивные структуры, будучи хотя бы частично выраженными вербально, никуда из сознания не исчезают. Они не переходят в новую форму без остатка, а сосуществуют с ней. Таким образом, Мыслимое и Выражаемое сосуществуют в форме протограмматических конструкций, соединяющих в себе скрытые от непосредственного наблюдения до- и надвербальные формы представления коммуниканта о мире (ситуации) и вербализованные элементы этих невыраженных в целом ситуаций.

Описание единиц протограмматики, таких как одно- и двухкомпонентное высказывание, выявляет много их общих черт с таким понятием как «голофраза», например, в языке детей, когда краткие реплики (одно-два слова) содержательно являются очень объемными. Иными словами, семантический объем высказывания не соответствует формальному. Это констатация того несоответствия Мыслимого и Выражаемого, которое мы предлагаем обозначать такими терминами.

Предположительно, то же самое явление имело место и в «голофразах» примитивных, первобытных людей, только начинающих составлять свой протоязык из отдельных реплик. Реликтовые формы выражения значения, по-видимому, во многом сохраняются в современном языке, когда в малое по форме высказывание заложен огромный массив значения и смысла, подчас трудно членимый на составляющие, имеющий варианты интерпретации.

В качестве примера можно рассмотреть некоторые исследования протоязыка (earliest human language – EHL). Например, А. Е. Зельдин дает обзор феномена широчайшей семантики слова-высказывания «мама» в детском языке на материале значительного количества языков. Он представляет в качестве механизма образования подобного феномена «схему семантического переноса в рамках гештальта: мать (кормилица) – грудь / еда – рот /младенец» [Зельдин 2024, с. 250]. Иными словами, слово «мама» у ребенка не обязательно обозначает именно мать, но и может служить как речевой акт императивом (требование кормления / груди), сигналом о голоде, либо, напротив, такое слово-высказывание может служить для выражения эмоционального состояния без иллюкативной силы высказывания и т. д. А. Е. Зельдин пишет: «Совершенно очевидно, что подобный гештальт мог сформироваться у членов социума в результате многократного повторения ситуации кормления, в том числе и в палеолитическом социуме... Если рассматривать триаду: объект (денотат) – семантическое содержание – фонетическая (или фонологическая) форма применительно к данному гештальту, то можно предположить, что носители EHL различали эти объекты (мать, младенец, рот, грудь),

семантика дифференцировалась не очень отчетливо и речевые ситуации умещались в рамки голофраз» [Зельдин 2024, с. 250].

Таким образом, получается, что носители протоязыка, как и маленькие дети, различают семантику высказывания, остающегося в разных ситуациях употребления одинаковым по форме, и при этом не маркируют свою голофразу никакими средствами языка. Возможно, пока таких средств в языке может не быть совсем.

Эта ситуация как раз и есть описываемый нами случай наличия в сознании говорящего широкого невербального компонента, называемого нами Мыслимым, но вербализуемого во внешней речи крайне скудными средствами – Выражаемым.

Далее, как отмечают многие исследователи, в том числе, А. Е. Зельдин, «голофраза с течением времени и по мере усложнения и расширения социума дробится и диверсифицируется. По мере становления личности ребенка, расширения его лексикона, овладения им синтаксисом и морфологией, голофраза отходит на периферию вербальной деятельности и уступает место фразам, сначала двусложным, а затем и грамматически оформленным высказываниям» [Зельдин 2024, с. 253].

Отметим от себя, что одно- и двусловные высказывания не исчезают в дальнейшем и даже не отходят на периферию, но активно используются в речи, обладая при этом присущими протограмматике свойствами: сочетать максимальный по объему мыслимый компонент и минимальный выражаемый.

Определяющей характеристикой подобного соотношения Мыслимого и Выражаемого в протограмматике является четкое, но невербальное (использующее над- и довербальные формы мышления) представление о ситуации (наблюдаемой или гипотетической) в сознании говорящего, эксплицируемого в речи единственным элементом.

Примеров многозначных высказываний подобного рода много и в детской, и во взрослой речи. В частности, процитируем слова лингвиста М. Барретта, отмечавшего, что у ребенка «слово *car* произносилось при наблюдении уличного движения, при взгляде из окна автомобиля, а *rara* ребенок говорил, услышав звук дверного звонка» [Зельдин 2018, с. 129]. Далее отмечается: «Сложно сказать наверняка, означает ли единичный слог *ба* ванную (*bath*) или “Я в ванной” или “Смотри! Мыло упало в ванную”» [Зельдин 2018, с. 129].

При этом эксплицированное в высказывании слово служит не просто символом всей подразумеваемой говорящим ситуации, как бы внешним по отношению к ней, но ее элементом; компонентом примитивной синтаксической конструкции. Она похожа по структуре на субъект-предикатную, но на самом деле является более архаичной структурой «топик – комментарий», которая рассматривается нами как

речемыслительная категория, нетождественная понятиям «тема» и «рема» [Ключко 2025, с. 267].

Мы полагаем, что данная структура может иметь паравербальный (т. е. частично эксплицированный в речи) характер. Иными словами, в качестве топики может выступать комплекс частично невербальных ощущений и представлений, формируемых в том числе телесным взаимодействием с окружающей средой, а комментарий, выражающий предикативный признак топики, уже вербализуется.

Этим объясняется структурная «неполнота» протограмматических конструкций, особенно однословных. Просто основной смысловой компонент не выражен формально. Он существует в сознании говорящего, и поэтому мы называем этот компонент, соответствующий топику, Мыслимым, а вербализованный компонент, соответствующий комментарию, – Выражаемым.

Стоит отметить, что данный феномен и проблематика подобных протограмматических конструкций, равно как и эллипсис, были описаны в лингвистике достаточно подробно и ранее. Однако последние исследования в этой сфере, фокусирующиеся на психолингвистическом аспекте проблемы, показали, что назрела необходимость терминологически обозначить до этого не названные области исследования протограмматики, а именно: соотношение вербального и невербального компонентов, которые в речи сливаются в особые паравербальные конструкции – одно- и двухкомпонентные высказывания.

В заключение отметим, что феномен Мыслимого и Выражаемого в языке может быть шире, чем сфера протограмматики. Например, при словообразовании способом конверсии в английском языке слова *water* в сочетаниях *to water the horses*, *to water the flowers* и *not enough water* подразумевают разные действия и принципиально разные ситуации: в первых двух случаях, грамматически и лексически идентичных, но референтивно совершенно разных, переводимых на русский как «напоить» и «полить», в третьем примере *water* означает уже вещество, т. е. мыслится много, а выражается незначительно.

Очевидно, что исследование Мыслимого и Выражаемого в языке имеет значительный потенциал.

Литература

Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – Москва; Ленинград: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1934. – 324 с. URL: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=84077>.

Зельдин А. Е. Звуковой символ «мама» в синхроническом и диахроническом аспекте / А. Е. Зельдин // Вопросы психолингвистики. – 2018. – №4 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zvukovoy-simvol-mama-v-sinhronicheskom-i-diahronicheskom-aspekte> (дата обращения: 25.09.2025).

Зельдин А. Е. Голофраза в протоязыке – семантика морфология / А. Е. Зельдин // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2024. – №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/golofraza-v-protoyazyke-semantika-i-morfologiya> (дата обращения: 18.09.2025).

Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 309 с.

Клочко К. А. Особенности речевого оформления протограмматических конструкций / К. А. Клочко // Теория речевой деятельности – новая парадигма в науке о языке: материалы XXI Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации в преддверии 90-летия со дня рождения А. А. Леонтьева и к 90-летию со дня рождения Е. Ф. Тарасова (Воронеж, 5-7 июня 2025 г.). – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2025. – С. 265-267.

Кустова Е. Ю. Интеракционная типология французских интеръективов / Е. Ю. Кустова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interaktsionalnaya-tipologiya-frantsuzskih-interektivov> (дата обращения: 17.09.2025).

Сусов И. П. Введение в теоретическое языкознание / И. П. Сусов. – Москва: Восток-Запад, 2006. – 382 с. URL: http://homepages.tversu.ru/~ips/5_03.htm (дата обращения: 18.09.2025).

Ланкин В. Г. Язык: способы образования смысла и варианты ментальных систем / В. Г. Ланкин // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 494. – С. 60-72. doi: 10.17223/15617793/494/7.

Темиршина О. Р. Поэтика деформации. Образы телесного в поэзии Егора Летова / О. Р. Темиршина // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – 2017. – №17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-deformatsii-obrazy-telesnogo-v-poezii-egora-letova> (дата обращения: 15.09.2025).

Herr-Israel E., Mccune L. Successive single word utterances and use of conversational input: a presyntactic route to multiword utterances // Journal of Child Language. – 2011. №38 (1). – Pp. 166-180. doi:10.1017/ S0305000909990237.

Е. Э. Кравчук (Тверь, Россия)

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СПЕЦИФИКИ ВОСПРИЯТИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО- СМЫСЛОВОГО ТИПА ТЕКСТА-РАССУЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье обсуждаются результаты экспериментального исследования, направленного на изучение специфики восприятия / понимания функционально-смыслового типа учебного научного текста-рассуждения. Описывается сущность метода контртекста, излагается ход эксперимента, интерпретируются его результаты; устанавливается зависимость между восприятием / пониманием текста, которая выражается в соотношении релятивных и содержательных реакций испытуемых в зависимости наличия установки.

Ключевые слова: функционально-смысловой тип текста, эксперимент, контртекст, установка.

В предлагаемой публикации представлен анализ результатов эксперимента, который был направлен на изучение влияния функционально-смыслового типа (далее – ФСТ) текста на процесс и результат его восприятия / понимания.

Теоретической базой для экспериментального исследования послужило учение о функционально-семантических типах речи [Нечаева 1971; Рыбакова 1999], методика встречного текста А. И. Новикова [Новиков 2003] и теория установки Д. Н. Узнадзе [Узнадзе 2001]. Под ФСТ в этой статье понимается группа текстов, для которых характерен определенный способ изложения. Способом изложения, вслед за О. И. Рыбаковой, мы называем типизированные сочетания отдельных предложений, характеризующиеся относительно устойчивыми структурно-семантическими особенностями, функциональной обусловленностью и целостностью [Новиков 2003, с. 63].

Традиционно выделяется три способа изложения и, соответственно, три ФСТ текста: описание, повествование и рассуждение. Кратко охарактеризуем ФСТ-рассуждение, которому посвящена настоящая статья.

Основная задача текста-рассуждения заключается в описании мыслительного процесса и причинно-следственных отношений между какими-либо явлениями. В типичном тексте-рассуждении обязательно присутствие таких структурных компонентов, как тезис, аргумент (аргументы) и вывод, а также средств композиционной связи. Структура рассуждения может считаться условно жесткой, при которой один аргументативный блок (тезис и аргумент) является связанной конструкцией, но последовательность аргументативных блоков может иметь тенденцию к варьированию. В такой же степени может варьироваться и расположение аргументов.

Эксперимент проводился среди курсантов ВА ВКО им. Г. К. Жукова г. Твери. Для проведения эксперимента было подготовлено три текста, каждый из которых обладал типичными признаками текста конкретного ФСТ. В качестве материала эксперимента использовались учебные научные тексты по специальности «Автоматизированные системы управления».

Объем текста-рассуждения составлял 218 слов. Ниже дан пример текста-рассуждения, предназначенного для курсантов РФ:

Суть управления сложными системами заключается в сборе и обработке информации о состоянии объекта управления и окружающей среды с целью приведения объекта управления в заданное (желаемое) состояние.

При управлении вручную техническим объектом человек-оператор, наблюдая за значением выходной величины, устанавливает такие значения входной величины, при которых выходная величина принимает необходимое значение. При автоматическом управлении изменения выходной величины передаются на вход системы не с помощью действий человека-оператора, а с помощью совокупности устройств, называемых обратной связью. Выходная величина обратной связи «накладывается» на входную

величину, и на входе регулятора формируются регулирующее и управляющее воздействия.

В процессе осуществления автоматического управления для функционирования главной обратной связи необходимо обеспечить отрицательную обратную связь: $x_p = x_{вх} - x_{ос}$, где x_p – это регулирующее воздействие, $x_{вх}$ – входная величина, $x_{ос}$ – выходная величина обратной связи.

Если выходная величина объекта управления превысит желаемое значение, то на выход обратной связи поступит сигнал, больший того, который имел место при заданном значении выходной величины. Превышение величины сигнала на выходе приведет к уменьшению величины регулирующего воздействия и соответственно величины управляющего воздействия, что повлечет за собой уменьшение выходной величины. Аналогично при уменьшении выходной величины процесс управления также будет направлен на стабилизацию его значения.

Таким образом, главная обратная связь должна быть отрицательной. Если обратная связь положительная и выходная величина суммируется с входной величиной, то в этом случае управление невозможно: любое отклонение выходной величины от заданного значения будет системой увеличиваться [Филонов и др. 2017].

Эксперимент проводился по методике «встречного текста». Процедура методики заключается в последовательном предъявлении предложений из «разрезанного» текста испытуемым. Ии., читая текст, предложение за предложением, не забегают вперед и записывают любую свою реакцию на каждое предложение. Это могут быть ассоциация, оценка, визуализация, выражение мнения и суждения, вопросы к автору и к себе самому, связанные с недопониманием или непониманием и т.п.

«Встречный текст» представляет собою результат интеллектуальной деятельности реципиента, который может рассматриваться как в процессуальном, так и в субстанциональном аспектах. С процессуальной точки зрения, метатекст фиксирует следы когнитивных стратегий мыслительной обработки исходного текста. С субстанциональной точки зрения, метатекст может анализироваться как семантический субстрат (субстанциональная основа), результирующий процесс восприятия / понимания. При таком подходе метатекст рассматривается как код, подлежащий расшифровке того, какие стратегии восприятия / понимания использовались и что оказалось понятым / воспринятым.

А. И. Новиков выявил и описал виды реакций, составляющих «встречный текст», разделив их на две группы, включающие содержательные и релятивные виды. Первая группа объединяет реакции, «соотносимые непосредственно с содержанием текста»; вторая – реакции, выражающие отношение реципиента к воспринимаемой информации, т. е. «связанные со смыслом сообщения» [Новиков 2003, с. 69].

Содержательные реакции передают специфику восприятия фактографического содержания текста, а релятивные реакции работают на создание определенного эмоционально-аксиологического поля, определенных интенций и установок, что в итоге приводит к формированию целостного образа текста и «наглядно демонстрирует

не только непосредственную включенность такого рода операций в процесс восприятия текста, но и их “вес” в этой деятельности» [Новиков 2003, с. 69].

В качестве примеров содержательных реакций можно привести следующие ответы Ии.-курсантов РФ: *Суть управления; Автоматическое управление; Алгоритм управления; Отрицательная обратная связь; Алгоритм приведения в желаемое состояние*. Примерами релятивных реакций могут являться следующие суждения Ии.: *Физика в начальном классе; Это сложно, надо учиться; Это прекрасно; Воздействие – это тоже важно; Опять формулы; Интересно*.

Вслед за Д. Н. Узнадзе, мы исходим из того, что в основе всякого действия, в том числе речевого, лежит установка. По мнению Д. Н. Узнадзе, она возникает при восприятии предварительной экспозиции, например, информации, которую И. получает перед предъявлением текста. Таким образом, под установкой Д. Н. Узнадзе понимает состояние, которое «предваряет появление определенных фактов сознания или предшествует им» [Узнадзе 2001, с. 25].

Это значит, что получив информационное сообщение, которое предшествует тексту, заключающему в себе основную информацию, И. будет делать умозаключения, исходя из данных, содержащихся не только непосредственно в тексте, но и в том информационном сообщении, которое И. получил ранее, что, в свою очередь, может повлиять на построение контртекста.

По мнению Д. Н. Узнадзе, установка представляет собой внесознательный процесс, который, с одной стороны, не сознается человеком, а с другой – имеет возможность в перспективе дальнейшего восприятия информации трансформироваться в сознательный процесс. Следовательно, вслед за Д. Н. Узнадзе, под установкой мы понимаем «некоторое общее состояние, которое касается не отдельных каких-нибудь органов субъекта, а деятельности его как целого» [Узнадзе 2001, с. 59].

В эксперименте приняло участие 114 курсантов 2 и 3 курсов. Ии. были разделены в соответствии с количеством ФСТ текстов на три большие группы. Каждой группе предъявлялся один ФСТ текста. Задания внутри каждой из трех групп были дифференцированы следующим образом:

1. «Прочитайте предложение *из текста* и отреагируйте первой фразой, пришедшей в голову».
2. «Прочитайте предложение и отреагируйте первой фразой, пришедшей в голову».

Гипотеза эксперимента заключалась в том, что восприятие / понимание текста связано с наличием / отсутствием установки на текст. Таким образом, каждая из трех групп Ии.-курсантов РФ была разделена еще на две группы, одна из которых получила установку на текст, а другая

– нет. Группы Ии., которые читали отдельные предложения текста с установкой, мы будем называть группой 1; а группы, которые не получили установку на текст, – группой 2.

В ходе анализа соотношения количества содержательных и релятивных реакций было выяснено, что содержательные реакции преобладают над релятивными в ответах всех групп Ии.

Тип реакции	Количество реакций Ии.- курсантов группы 1 (Есть установка на текст)	Количество реакций Ии.- курсантов группы 2 (Нет установки на текст)
Содержательные (количество)	174	118
Релятивные (количество)	27	89

В результате анализа соотношения количества релятивных реакций в группах, читавших ФСТ с установкой и без нее, был сделан вывод о том, что в группе 2 Ии.-курсантов, работавших с текстами всех ФСТ, количество релятивных реакций оказалось больше, чем в группе 1. Это может свидетельствовать о положительном влиянии установки на восприятие / понимание текстов.

Исходя из результатов эксперимента, можно сделать вывод о том, что на восприятие / понимание текста-рассуждения отсутствие установки оказало наиболее существенное влияние. Это проявляется в большой разнице между количеством как содержательных, так и релятивных реакций в группах 1 и 2. Так, группа 1, которая работала с текстом-рассуждением, зафиксировала 174 содержательных реакции и 27 релятивных, в то время как группа 2, которая читала этот ФСТ текста, зафиксировала 118 содержательных и 89 релятивных реакций.

Таким образом, отсутствие установки привело к уменьшению количества содержательных реакций и увеличению количества релятивных. Такие результаты могут свидетельствовать о значительном влиянии установки на улучшение восприятия / понимания текста-рассуждения.

Литература

Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение): автореф. дисс. ... докт. филол. наук / О. А. Нечаева. – Москва, 1975. – 410 с.

Новиков А. И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания / А. И. Новиков // Вопросы психолингвистики. – 2003. – №1. – С. 64-76.

Рыбакова О. И. Структура и типологическое описание военно-инженерных текстов: дис. ... канд. филол. наук / О. И. Рыбакова. – Тверь, 1999. – 182 с.

Узнадзе Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 416 с.

Филонов А. А. Основы автоматизации выработки военно-управленческих решений. Теоретические основы автоматизированного управления: учеб. пособие / А. А. Филонов, В. Н. Федяев, В. Л. Белобородов. – Тверь: ВА ВКО, 2017. – 152 с.

Н. А. Лемяскина (Воронеж, Россия)

КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» В ДЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. Данная статья посвящена анализу концепта СЕМЬЯ в языковой картине мира младшего школьника. В настоящее время, в эпоху глобализации, отношение к семье в ее традиционном понимании меняется. Проведенный психолингвистический эксперимент показывает, насколько важной является семья для младшего школьника и какое место она занимает в языковой картине мира ребенка.

Ключевые слова: языковая картина мира, семья, младший школьник.

Для человека всегда на первом месте оставалась и остается семья. Семья, являясь общечеловеческой «универсалией», хотя и вариативной, имеет национальную специфику. «Семья, играя роль ячейки общества, является зеркалом, в котором отражаются социальные, правовые, демографические, культурные стороны жизни народов. Множество семей разных социальных слоев и страт составляет в целом общество и отражает палитру системы общественных отношений» [Любарт 2005, с. 9]. Передаваемые из поколения в поколение нормы семейного и брачного поведения со временем становятся традициями, определяющими образ жизни и мышления людей. Именно она играет важную роль в становлении личности ребенка [Железнова 2009].

Актуальность выбранной темы обусловлена высокой значимостью лингвокультурного концепта СЕМЬЯ для русской культуры, важным институтом формирования человеческих отношений и ценностей, культурной доминантой русского мира, как это свойственно и другим ключевым абстрактным концептам русской культуры – ДУША, СОВЕСТЬ, ДОБРО и пр.

Объектом исследования является концепт СЕМЬЯ. Предметом исследования выступают когнитивные признаки концепта СЕМЬЯ в детской концептосфере и его объективация в речи детей. Цель – описание семантического наполнения концепта СЕМЬЯ в детской концептосфере и его языкового воплощения. Методологической базой настоящей статьи являются научные труды М. К. Любарт, В. И. Карасика, И. А. Стернина; А. П. Седых, Ю. С. Степанова.

В России много веков существовала традиционная модель брака, в котором позиции лидера занимал мужчина. Для такой модели характерно

разделение социальных ролей: муж – «добытчик», обеспечивающий семью, общественно активный, жена – «хозяйка» и «мать».

Сегодня для русского общества традиционная модель брака остается актуальной, хотя появляются признаки начинающихся преобразований. Всё больше растет активность женщины в обществе: она может занимать высокие должности, экономически не зависеть от мужа, ее занятость увеличивается. Однако эти тенденции не являются массовыми. Для русской женщины остается актуальным стереотип «женщина должна быть замужем», поддерживаемый социумом. Традиционно русская семья состояла не только из двух родителей и ребенка, но также дедушек, бабушек, братьев и сестер, внуков. Разрешению так называемого «конфликта поколений» всегда помогало чувство искреннего уважения к каждому члену семьи и к его роли. Бабушки и дедушки играют важную роль в передаче семейных традиций внукам. Дети – основная ценность семьи. Следует отметить, что для русского языкового социума характерен авторитарный стиль отношений родителей к детям, который выражается в контроле всех действий ребенка. Кроме того, для русского носителя ключевой фигурой является мать. Образ матери, которая вскармливает, оберегает и заботится, репрезентирует «комфортный архетип». Сфера его действия – бессознательное в психике человека, которое находится по ту сторону рациональности и никогда не может быть удовлетворено [Седых 2002, с. 55]. В русскоязычном концепте СЕМЬЯ лексемы «женщина», «жена», «невеста» являются ключевыми. Важным качеством для идеальной жены всегда считалась доброта, кроме того, жена должна быть хорошей хозяйкой и работницей. Представление о семье в русском национальном сознании тесно связано с представлением о родне, родственниках и браке. Семья с большим количеством родственников всегда считалась залогом успеха в любых начинаниях [Харитонов 2018].

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова содержит несколько определений слова «семья»: 1. Группа живущих вместе родственников (муж и жена, родители с детьми); 2. Единство, объединение людей, сплоченных общими интересами; 3. Группа животных или растений одного вида [Ожегов 1987, с. 580]. Общий денотат каждого определения «единство» или «группа». Определение семьи как «группы родственников» предполагает объединение на основе родства. В. И. Карасик определяет это как связь между людьми, основанную на «происхождении одного лица от другого или разных лиц от общего предка, а также на брачных семейных отношениях» [Карасик 2004, с. 215].

Представление о семье формируется посредством трех смысловых составляющих, которые являются основой концептуального содержания концепта в национальной концептосфере: (1) общее происхождение; (2) совместное проживание; (3) общность интересов, деятельности [Харитонов 2018].

Результаты проведенного психолингвистического ассоциативного эксперимента подтверждают это и позволяют определить основные признаки концепта СЕМЬЯ в языковой картине мира детей. Опрос 383 учащихся 2–4 классов г. Воронежа («Семья – это ...») дает возможность выделить составляющие: «общее происхождение», «совместное проживание», «общность интересов, деятельности», «название членов семьи», но кроме того, составляющие «включение домашних питомцев в члены семьи», «включение в состав семьи неодушевленных предметов» и группу «абстрактных существительных, называющих чувства». Полученные данные обобщены по принципу частотности отдельных признаков.

Как показывает исследование, для всех учащихся на первом месте оказалась составляющая «общность интересов, деятельности» (100% во всех классах): *помощь, хорошие советы, отводят в школу или в садик, ухаживают друг за другом, когда вместе проводим время! смотрим фильм, когда все отмечают семейные праздники* (2 класс); *помощь во всем, даже если ты в беде; когда возвращаешься из школы, тебя встречают; когда болеешь, за тобой ухаживают; далекие поездки, собираться всей семьей вечером и смотреть кино, гулять в лесу, ездить на рыбалку, родители воспитывают нас и учат новому, мама учит готовить, папа плавать* (3 класс); *поддержка в любую минуту, спасательный круг в любой ситуации; вытащат из любой передраги; помогают делать уроки, помогают делать разные поделки, времяпрепровождение, гулять, играть в настольные игры, праздники вместе, поездки вместе* (4 класс). Дети подтверждают пословицами об отношениях в семье: *горой стоять друг за друга; один за всех и все за одного*.

На втором месте составляющая, называющая чувства (100% у всех испытуемых): *любовь радость, тепло, доброта, ласка*. Далее расположилась составляющая «название членов семьи» (20%, 28% и 40% соответственно): *мама, папа, брат, сестра, бабушка, дедушка* (во всех группах). В 4 классе дают пояснения: *есть и другие родственники*, это подтверждает, что в детском языковом сознании представления о семье, как и традиционно в русском национальном сознании, тесно связаны с представлением о родне, родственниках. Следует отметить, что в члены семьи учащиеся включили домашних питомцев, с которыми у них проявляется эмоциональная связь, и неодушевленные предметы. Нами выделена составляющая «включение домашних питомцев в члены семьи» (4% во 2 и 3 классе, 50% в 4 классе): *папа, мама, сестра, коты и я; папа, мама, собака и я* (2–3 класс), *У меня в семье есть папа, мама и моя морская свинка; моя семья состоит из мамы, папы, меня, сестры, попугая и будущего брата; у меня в семье 6 человек и 4 питомца* (4 класс), а также составляющая «включение в состав семьи неодушевленных предметов»: в

нашей семье даже книги члены семьи (3 класс), У нас есть робот-пылесос Тихоня, мы принимаем его как члена семьи, ведь он у нас три года, а колонка Алиса 5 лет (4 класс).

Несмотря на снижение статуса семьи в современном обществе и ослабление семейных связей, которые считались всегда в России основной общественной жизни и культуры, полученные данные показывают, что в языковой картине мира младших школьников проявляются признаки традиционной модели брака. Так, ассоциативные репрезентации концепта СЕМЬЯ, существующие в сознании детей данного возраста, демонстрируют признаки образов мужа, жены, сына, дочери, бабушки, дедушки, которые отражают стереотипы русской культуры (жена – это уют, забота, хозяйство; муж – глава семьи, добытчик, опора). Эти образы четкие, так как формировались с рождения на собственном опыте:

В моей семье главный папа. Папа у нас главный по финансам и по семейным вопросам. Самый главный в семье папа, он дружелюбный, добрый, очень сильный. Папа зарабатывает на жизнь. Папа много работает и дарит много подарков. У папы грозный характер, у мамы нежный характер. Мама главная по уборке и обеду. Мама готовит ужин и убирается в доме. Мама очень добрая и помогает. Моя мама очень трудолюбивая и очень много устает. С бабушкой я готовлю. Бабушка добрая и любит нас с сестрой (3-4 класс).

Примечательно, что на слово-стимул **семья** практически нет отрицательных реакций. В нашем исследовании был единичный ответ: семья – это злость, семья – это ссоры (3 класс), большая часть ассоциаций обладает выраженной положительной коннотацией:

Свою семью надо любить! Это важно очень. Любите родителей и цените их (изображен рисунок с двумя сердечками), помогайте родным и дарите им счастье! Будет смех, радость, они вам мечты исполнять будут, и они не будут ругать за оценки, не переживайте вы!!! они добрые. (3 класс);

Семья – это счастье и радуга в небе и яркое солнце, прекрасный рассвет, семья это то, что нужно любому. Семья-это жизнь (3 класс).

Также дети с большим желанием и удовольствием рассказывали о своей семье. Приведем пример одного рассказа о семье, который демонстрирует, на наш взгляд, сформированность ценностного компонента концепта СЕМЬЯ у детей данного возраста.

Моя семья очень гостеприимная, добрая. Состоит моя семья из четырех человек: мама папа братик и я. По выходным мы иногда гуляем в парке, на детской площадке или играем в настольные игры (но не в полном составе). А еще мы смотрим фильмы, но не часто. А еще мы ссоримся и миримся. Но об этом история умалчивает! Моя мама добрая, красивая, милая. А папа шутник. Но никто не сравнится с моим любимым братиком. Это просто крошечный комочек радости, энергии и позитива.

А я... я озорная и веселая девчонка, которая вечно косячит, ну и ладно, меня уже не изменить! (4 класс).

Огромные изменения, происходящие в последние годы в нашем обществе, находят отражение в языке на всех его уровнях. Это касается и самого института семьи, и его лексического выражения. В условиях социальной нестабильности семья рассматривается как наиболее важный институт, в котором семейные ценности упрочняются, что и подтверждает наше исследование.

Литература

Железнова Ю. В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «Семья»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Железнова Юлия Владимировна. – Ижевск, 2009. – 27 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Гнозис, 2004. – 389 с.

Любарт М. К. Семья во французском обществе. Конец XVIII – начало XX в. / М.К. Любарт. – Москва: Наука, 2005. – 295 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва: Русский язык, 1987. – 748 с.

Седых А. П. Языковое поведение, конвенциональная семантика и национальные архетипы / А. П. Седых // Филологические науки. – 2002. – №3. – С. 51-56.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / С. С. Степанов. – Москва: Академия проект, 2001. – 973 с.

Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 112 с.

Харитонов О. В. Репрезентация концепта «семья» в русском языковом сознании / О. В. Харитонов, Л.В. Панова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2018. – №1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/15FISK118.pdf> (доступ свободный).

М. М. Махрова (Владимир, Россия)

КОНСТРУКЦИЯ «КАК БУДТО (БЫ)» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается явление частотности употребления носителями современного русского языка конструкции «как будто (бы)» в языке СМИ и онлайн-коммуникации. В определенном контексте конструкция приобретает значение смягчения степени уверенности, а в некоторых случаях имеет оттенок иронии. Автор предлагает ряд примеров, в которых прослеживается специфика употребления конструкции носителями языка, определяет вероятные причины популярности анализируемой конструкции в разговорной речи. До настоящего момента функционирование «как будто (бы)» в рассматриваемом контексте не подвергалось специальному лингвистическому описанию.

Ключевые слова: как будто бы, значение, языковое сознание, контекст, степень уверенности.

Интересным и неоднозначным явлением в современном русском разговорном языке в последние годы стало активное употребление конструкций *как будто* и *как будто бы* в значении смягчения степени уверенности. Как отмечают исследователи, это характерно в основном для дискурса СМИ и повседневной разговорной речи. *Как будто (бы)* используется носителями языка в подкастах и блогах, рекламных роликах, интервью и телеэфирах, в переписке и голосовых сообщениях [https://dzen.ru/a/aGj_ZfpxNXDzAJBm]. До настоящего момента не предпринималось попыток более глубокого изучения явления с точки зрения филологической науки, что обуславливает актуальность настоящей работы.

Известно, что в лингвистической науке описываются морфологические, орфографические и семантические особенности конструкций *как будто* и *как будто бы*, которые широко распространены в разговорной речи, языке СМИ, онлайн-коммуникации. В предложении конструкции обычно являются союзом или частицей. В первом случае в сравнительном значении «словно, будто» союзная конструкция вместе с придаточной частью выделяется запятыми: *Он звонил так громко, как будто был большим колоколом, а не маленьким звонком*. Частица обычно бывает неразрывно связана со сказуемым и не выделяется дополнительными знаками препинания, используется в значении «словно, будто, вроде»: *Она вся состояла как будто бы из мельчайших частиц воды*. Иногда частица *как будто (бы)* употребляется для утверждения и выражения несомненности обратного в восклицательных и вопросительных предложениях: *Как будто я тебе не напоминала об этом раньше!* – в контексте интерпретируется как «я напоминала» с дополнительной эмоциональной окраской.

И. А. Стернин рассматривал языковое сознание как совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека [Стернин 2005, с. 144]. С точки зрения актуального языкового сознания носителей языка интерес для исследователей представляет употребление конструкции в нехарактерном значении смягчения степени уверенности и противоречивость сверхчастотного использования *как будто (бы)*, когда в контексте начинает стираться смысловое наполнение и приобретаются черты элемента-паразита. В речи отдельных носителей языка конструкция приобретает в большей степени функциональную нагрузку и служит для заполнения пауз в речи, по аналогии с конструкцией *как бы*, которая многие годы в определенном контекстуальном значении рассматривается исследователями как паразит, засоряющий живую разговорную речь [Татаринова 2016, с. 79].

В современной коммуникации частотна конструкция **как будто (бы)**, которая с морфологической точки зрения является частицей, однако обладает некоторыми чертами вводного слова, проявляющимися в модальности смягчения степени уверенности, по аналогии с вводными словами *возможно, вероятно, мне кажется*: *Он как будто (бы) согласился приехать к нам как выражение неуверенности собеседника* [<https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/spravochnik-po-punktuatsii/kak-budto-by>].

В разговорной речи и дискурсе СМИ конструкция **как будто (бы)** может использоваться в разных интенциях. Так, журналист и редактор одного из современных журналов Евгения Кудинова приводит варианты значения с употреблением конструкции [https://dzen.ru/a/aGj_ZfpxNXDzAJBm]:

1) передача условного или предположительного сравнения, частица имеет оттенок недостоверности. В качестве контекста, на наш взгляд, можно привести следующий пример: *Она приказывает как будто (бы) он должен срываться и бежать* (по отношению к реальности не должен); вариант вежливой формы уточнения: *Не слишком ли много у меня историй, как будто бы на каждую тему что-то свое рассказываю*, по отношению к реальности историй объективно не слишком много, а достаточно;

2) смягчение коммуникации. Выражение может применяться, чтобы избежать конфронтации и сохранить дружеский тон: *Как будто бы этот вариант здесь не подходит, давай подумаем еще*. В качестве более решительной и жесткой альтернативы высказыванию можно привести фразу типа: *Это вариант не подходит, переделываем*;

3) желание казаться более мягким, дружелюбным и «простым» в общении. Особенно активно это выражение используют молодые люди, в том числе в онлайн-коммуникации и соцсетях: *Тебе звонили, приглашали на кастинг, как будто бы надо ехать*.

Кроме того, в языковой среде в связи с частотностью употребления конструкции в значении смягчения степени уверенности прослеживается контекст с оттенком иронии, когда носитель языка, осознавая избыточность или неуместность конструкции в речи другого, или стремясь вступить в языковую игру, выражает условное согласие с собеседником, использует конструкцию **как будто бы да**:

- *Как будто бы пора выпить кофе?*

- *Ну, как будто бы, да.*

Из контекстов, встречающихся в дискурсе СМИ, можно привести пример из вокального шоу «Ну-ка, все вместе!»: *Ты наделал столько ошибок, что прощать как будто бы невозможно* (эфир от 19 сентября 2025 года на телеканале «Россия»). Такую фразу произнес певец и член жюри шоу Сергей Лазарев в адрес конкурсанта. Для того, чтобы точно

понять оттенки значения, необходим расширенный контекст. Без контекста в качестве вариантов для интерпретации могут быть два: 1) сделано столько ошибок, что конкурсант не пройдет; 2) сделано столько ошибок, но есть вероятность, что жюри даст конкурсанту шанс. Интересно, что в реальности в рамках шоу конкурсанта поддерживали члены жюри, но из-за несовершенного выступления и высокой конкуренции он так и не смог пройти в следующий этап шоу.

С точки зрения восприятия конструкции носителями языка интересные результаты мы получили в рамках небольшого опроса, который проводился онлайн в соцсетях и в устной форме. На вопрос «Часто ли вы встречаете в речи собеседников конструкцию *как будто бы* и используете ее сами?» из 100 респондентов разного пола, возраста и уровня образования 47% ответили положительно. В комментариях к опросу некоторые респонденты отметили, что, по их мнению, употребление конструкции в речи придает сказанному больший вес и значимость, подчеркивает деликатность собеседника (*дословно использую, когда хочу поумничать и считаю, что так говорить вежливо*). 26% ответили, что постоянно слышат *как будто (бы)* в разговорной речи, но считают, что сами используют редко.

Вариант ответа: *слышу, но не использую сам/сама* выбрали 7% респондентов. 20% ответили, что не слышали или не обращали внимания на конструкцию в речи.

Таким образом, с точки зрения современного языка *как будто (бы)* является весьма распространенной. Одной из особенностей является частотное употребление носителями языка в интернет-коммуникации, сфере СМИ в значении смягчения степени уверенности. При избыточном употреблении конструкции в рамках одного контекста, возникает вероятность стирания значения, использования частицы в качестве заполнителя речевых пауз (слова-паразита).

Можно предположить, что частотность употребления *как будто бы* в значении смягчения степени уверенности связана со стремлением носителей языка быть менее категоричными, более сдержанными в высказываниях для создания наилучшего впечатления о себе в глазах конкретного собеседника или целой аудитории. В интернет-коммуникации и СМИ это может быть продиктовано в том числе желанием вызывать и поддерживать интерес и лояльность зрителей/подписчиков.

В культурологическом аспекте, как фиксируется в некоторых источниках, с конца XIX–XX веков в России в сознании носителей языка сложился стереотип, что избегание точных формулировок и категоричных высказываний является маркером интеллигенции, образованного круга людей. На наш взгляд, конструкция имеет широкие перспективы применения в языке, в том числе в значении смягчения степени

уверенности, требует дальнейшего изучения и описания контекстов употребления.

Литература

Как будто (бы) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/spravochnik-po-punktuatsii/kak-budto-by>, свободный (дата обращения: 21.09.2025).

Стернин И. А. Язык и национальное сознание / И. А. Стернин // Логос. – 2005. – №2 (49). – С. 140-155.

Татарина Л. В. Анализ функционирования сочетания «как бы» с использованием корпусных технологий / Л. В. Татарина // Национальная ассоциация ученых (НАУ). – 2016. – №10 (26). – С. 78-80.

Феномен «Как будто бы»: почему мы говорим так, хотя думаем точно [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dzen.ru/a/aGj_ZfpxNXDzAJBm, свободный (дата обращения: 16.09.2025).

А. Р. Нурутдинова (Казань, Республика Татарстан, Россия)

ПАРЕМИИ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА: СОМАТИЧЕСКИЙ И СЕНСОРНЫЙ АСПЕКТЫ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Сравнительное исследование паремий русского, английского и японского языков демонстрирует, как телесные и чувственные образы формируют ядро коллективных эмоциональных представлений. Анализ выявляет общие и специфические модели: в противовес европейскому дуализму «разум / сердце» японская паремиология актуализирует холистический концепт «хара» (живот) как единый психофизический центр личности, где интегрированы мысль, чувство и воля. Сенсорные коды (зрительный, тактильный) служат универсальным средством концептуализации эмоций, однако их языковое воплощение культурно обусловлено.

Ключевые слова: сравнительная паремиология, эмоциональная картина мира, соматизмы, сенсорные коды, лингвистика.

Актуальность паремиологических исследований в современной лингвистике определяется их уникальной ролью в репрезентации культурного кода народа. Пословицы и поговорки, будучи концентрированным выражением многовекового опыта, фиксируют не только аксиологические ориентиры и поведенческие модели, но и фундаментальные основы национального мировосприятия. В этом контексте сопоставительный анализ паремиологических фондов разноструктурных языков открывает новые перспективы для реконструкции глубинных, зачастую невербализованных пластов коллективного сознания, в частности, для моделирования этноспецифической эмоциональной картины мира.

Несмотря на устойчивый интерес к пословицам как к универсально-специфическим феноменам культуры, систематическое исследование их семантической организации в кросс-культурной перспективе остается фрагментарным. Значительный пласт нереализованного потенциала составляет анализ соматического и сенсорного кодов, которые формируют концептуальную основу значительного массива паремий. Телесный опыт и данные органов чувств служат первичным материалом для метафорического осмысления действительности, а их языковое воплощение в устойчивых формулах позволяет выявить механизмы категоризации эмоций и оценок. Отечественная научная традиция, уходящая корнями в работы Л. С. Выготского о фазовой структуре порождения речи и теорию речевой деятельности, разработанную Н. И. Жинкиным и А. А. Леонтьевым, предоставляет адекватный методологический аппарат для анализа [Minami 2007].

Особое внимание в работе уделено японскому языковому материалу, что обусловлено как его генетическим и типологическим несхождением с индоевропейскими языками, так и наличием в японской науке устойчивого интереса к проблемам вербализации внутреннего опыта [Lebra 1976]. Японская лингвистическая традиция, в особенности направления, связанные с изучением «языковой жизни» (*gengo seikatsu*) и культурных концептов «*ki*» (気) и «*kokoro*» (心), представляет особую ценность для решения поставленных задач. Разработка этих направлений связана с именами таких ученых, как Мотооки Токиэда (1900–1967), создателя теории языкового процесса [Токиэда 1983], и Харухико Киндаити, исследовавшего стратификацию национального языка [Киндаити 2010].

В рамках послевоенного периода в Японии сложилось два основных подхода к изучению языковой жизни: эмпирический (в Национальном институте японского языка) и теоретический, развитый Токиэдой [Токиэда 1983]. В дальнейшем, с 1970-х годов, эта проблематика получила развитие в рамках японской социолингвистики, например, в работах Дзюнко Хибия по количественному анализу языка Токио и Сатико Идэ о гендерных различиях в вежливой речи [Идэ 2005]. Исследования таких современных лингвистов, как Масахико Минами в области прикладной лингвистики и кросс-культурного анализа [Minami 2007], а также работы Масару Нагано и Синдзи Санада по социолингвистике, свидетельствуют о непрерывном развитии традиции изучения языка в его связи с сознанием и коммуникацией в японском научном сообществе.

Таким образом, настоящая работа направлена на осуществление системного анализа соматической и сенсорной семантики в паремиях разноструктурных языков (на материале русского, английского и японского) с целью выявления универсальных и этноспецифических закономерностей репрезентации эмоций через соматический и сенсорный коды в русской, английской и японской паремиологических системах.

Материалом исследования послужили тематические сборники пословиц и поговорок на русском, английском и японском языках. Для русского языка основным источником выступил сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа», а также современные словари русской паремиологии под редакцией В. М. Мокиенко. Для английского языка анализ проводился на материале классического справочника «Oxford Dictionary of English Proverbs» и работ ведущего современного паремиолога В. Мидера (W. Mieder). Для японского языка был использован фундаментальный сборник «Кодзикигэн» (故事ことわざ辞典) и другие японские лексикографические источники, содержащие классические пословицы (諺, kotowaza).

Методы исследования включают следующие этапы:

1. Сплошная выборка: из указанных источников были выписаны паремии, содержащие лексемы, обозначающие части тела и органы чувств, что позволило сформировать репрезентативный корпус для анализа.

2. Семантический анализ: отобранная паремия была проанализирована для определения того, какая конкретно эмоция или внутреннее состояние репрезентируется через соматический или сенсорный компонент.

3. Сопоставительный анализ: выявленные семантические модели в трех языках были систематизированы и сопоставлены. Целью было выделение трех типов закономерностей: универсальных, этноспецифических и контрастивных.

4. Культурно-историческая интерпретация: для объяснения выявленных этноспецифических различий были привлечены данные культурологии, этнопсихологии, что позволило связать языковую структуру паремии с особенностями национального мировосприятия.

Проведенное исследование дало возможность получить следующие ключевые результаты, систематизированные в соответствии с примененной методологией сплошной выборки, семантического и сопоставительного анализа паремиологических единиц.

Во всех трех языках идентифицирован универсальный набор концептов, связанных с внутренним миром человека. Наиболее частотными оказались соматизмы **сердце** / **heart** / **心 (kokoro)**, выполняющие функцию эмоционального центра, и **глаз (око)** / **eye** / **目 (me)** как органы восприятия и оценки внешнего мира. Русское *сердце* и английское *heart* имеют ярко выраженную **эмоциональную** коннотацию. Японское *kokoro* понятие гораздо более широкое и комплексное, включает в себя: **эмоции** (как и *сердце*); **мысли, интеллект** (ближе к русскому *ум*, *разум* или английскому *mind*); **душу, дух, намерения** (ближе к русской *душе*); **сердцевину, суть** чего-либо: поэтому, когда японец говорит 「**心が痛い**」 [Kotowaza Jiten, 2005] *kokoro ga itai* это переводится как

сердце болит (эмоция), но в выражении 「心に留める」 [Kotowaza Jiten 2005] *kokoro ni te oukeru* – *принять к сведению, иметь в виду* (интеллект). Универсальным является не конкретный орган – *сердце*, а концепт *внутренний центр личности*, который в разных языках кодируется разными, но функционально схожими соматизмами. Показательна в этом смысле пословица 「目は心の鏡」 [Kotowaza Jiten 2005] (*Me wa kokoro no kagami*. – *Глаза – зеркало души*), которая демонстрирует кросс-культурное единство в понимании связи зрения и внутреннего состояния, при этом японский вариант апеллирует к многогранному *kokoro*, что точнее передается русским словом *душа*, нежели *сердце*.

Аналогично, соматизм **глаз (око) / eye / 目 (me)** универсально выступает как орган восприятия, однако в японской культуре с ее высокой значимостью невербального общения – 「目」 (**me**) несет дополнительную смысловую нагрузку, связанную с социальной интуицией, умением «читать воздух» и понимать невысказанное, что обогащает его паремиологический потенциал. Концепт 「目配せ」 [Kotowaza Jiten 2005] (**meikube**) *обмен взглядами, понимание с полуслова* или фраза 「空気を読む」 [Kotowaza Jiten, 2005] (*Kūki o yomu*) *читать воздух* (т. е. понимать ситуацию без слов) часто подразумевают умение *читать* информацию именно через глаза. Таким образом, в японских паремиях на 「目」 может лежать дополнительный смысловой пласт, связанный с социальной интуицией и имплицитным пониманием.

Выявлены универсальные модели репрезентации эмоций через сенсорные характеристики: концепты **сладкий / sweet / 甘い (amai)** и **горький / bitter / 苦い (nigai)** устойчиво кодируют позитивные и негативные переживания соответственно. Противопоставление **甘い (amai) / 苦い (nigai)** как метафор позитивного и негативного опыта это классический и абсолютно универсальный для японского языка случай.

– **甘い (amai) сладкий**: наивность, снисходительность, легкомыслие (「甘い考え」 *amai kangae* – *наивная/легкомысленная идея*), что-то приятное [Kotowaza Jiten 2005].

– **苦い (nigai) горький**: неприятный опыт, страдание, трудности (「苦い経験」 *nigai keiken* – *горький опыт*) [Kotowaza Jiten 2005].

「甘い言葉に騙されるな」 [Kotowaza Jiten 2005] (*Amai kotoba ni damasareru na*. – *Не дай обмануть себя сладкими речами*, где **amai** прямо коррелирует с английским *sweet words* и русским *сладкие речи*, обозначая неискреннее, но приятное обольщение). 「親の甘い汁を吸う」 [Kotowaza Jiten, 2005] (*Oya no amai shiru o suu*) *буквально Пить сладкий сок родителей*, т. е. жить за их счет, пользоваться их благосостоянием.

「青春の苦い思い出」 [Kotowaza Jiten, 2005] (*Seishun no nigai omoide*) *Горькие воспоминания юности*. Данные примеры наглядно

демонстрируют, как универсальные сенсорные коды «сладкого-позитивного» и «горького-негативного» нашли свое прямое и естественное отражение в японской паремиологии.

Проведенное сопоставление подтверждает гипотезу о глубоком кросс-культурном единстве в использовании соматизмов для концептуализации внутреннего мира человека. Тем не менее, лингвокультурологический анализ позволяет уточнить, что это единство основано не на полном тождестве, а на **функциональной и образной аналогии**. Учет культурной специфики ключевых концептов и подбор аутентичных языковых примеров позволяют перейти от констатации поверхностного сходства к глубокому пониманию универсальных и национально-специфических механизмов образования паремий.

В японской паремиологии уникальная роль концептов 「気」 (*ki*) и 「腹」 (*hara*). Концепт 「気」 (*ki*), не имеющий прямого эквивалента в русском и английском языках, – это центральный концепт японского языкового сознания, обозначающий психическую энергию, внимание, намерение, дух, настроение, то есть то, что направляет сознание и чувства: 「気が重い」 (*Ki ga omoi*) – Тяжелый *ki* – есть чувство подавленности; 「気が散る」 (*Ki ga chiru*) – *Ki* рассеивается (быть рассеянным, терять концентрацию) – демонстрирует связь *ki* с вниманием; 「気を使う」 (*Ki o tsukau*) – *Использовать ki* (проявлять внимательность, заботу, напрягаться в общении) – ключевая фраза для понимания японской коммуникации, где нужно чутко следить за чувствами других. 「彼にはやる気がある」 (*Kare ni wa yaruki ga aru*) – *У него есть ki, желающий делать* (он мотивирован) – показывает, как *ki* формирует сложные понятия для описания внутреннего состояния. 「気」 (*ki*) это не просто *настроение*, а **динамический фокус психической энергии**, который может быть большим, маленьким, слабым, рассеянным, направленным на кого-то и т. д. Его универсальность в паремиологии и фразеологии подтверждает тезис об этноспецифичности.

Концепт 「腹」 (*hara*) является центром глубоких, истинных намерений и силы духа. В отличие от европейской традиции, где эмоции локализуются в сердце / груди, японская культура традиционно связывает подлинное Я, глубинные замыслы и решимость с областью живота [Моеган, 1984]. 「腹」 (*hara*) не просто живот, а *сэй-тай синтай* 「整態身体」 – *упорядоченное / центрированное тело* в традиционной японской антропологии, что подтверждается устойчивыми сочетаниями:

「腹を括る」 (*hara o kukuru*) буквальный перевод *собрать / подготовить свой живот* (значение: приготовиться к худшему, внутренне собраться, быть готовым к чему-либо (часто к трудностям); выражает состояние внутренней решимости и готовности принять любые последствия);

「腹を割る」 (*hara o waru*) буквальный перевод *разрезать / расколоть свой живот* (значение: откровенно разговаривать, говорить от сердца,

раскрывать свои истинные намерения; выражает полную искренность и доверие в коммуникации; 「腹を決める」 (*Hara o kimeru*) *Решить / определить свой hara* (принять твердое, непоколебимое решение) – *hara* – центр воли. 「腹を割って話す」 (*Hara o watte hanasu*) *Говорить, разрезав свой hara* (откровенно говорить по душам) – прямое указание на то, что истинные помыслы скрыты в животе.

「あの人は腹が据わっている」 (*Ano hito wa hara ga suwatte iru*) *У того человека hara утвердился* (он хладнокровен и решителен) – речь о силе духа. Примеры с 腹 (*hara*) подтверждают, что это не просто физический орган и не метафора гнева, а символическим центром воли, решимости и истинных помыслов в японской языковой картине мира [Moeran 1984].

Русские и английские контрасты: русская *душа* действительно несет более широкую смысловую нагрузку, чем английское *heart*, охватывая метафизические, эмоциональные и экзистенциальные аспекты. Прямое противопоставление некорректно, так как и в английском есть концепт *soul*, но его использование в повседневной паремиологии и фразеологии менее частотно и более специфично (чаще в религиозном или поэтическом контексте), чем универсальная русская *душа*.

Прагматизм английского *brain* vs. эмоциональность русского и японского: в английском языке существует множество паремий, подчеркивающих ценность интеллекта и рациональности **Brain is better than brawn** [Oxford Dictionary 1970], что отражает культурный акцент на прагматизме и индивидуальном мышлении. В русском языке акцент смещен на эмоционально-духовную сферу, но не в ущерб интеллекту. Соматизм «ум» активен **Ум – хорошо, а два – лучше** [Даль 1984], однако часто именно *душа* выступает мерилем искренности и правды.

В японском языке наблюдается смещение акцента на эмоционально-духовную сферу и отсутствие культа *brain*, но японская *эмоциональность* – это социально регулируемая, ритуализированная эмоциональность, направленная на поддержание гармонии (*wa* – 和). Интеллект и внимание (*ki*) направлены не столько на индивидуальное логическое мышление, сколько на чтение контекста и чувств других людей. В японском паремиологическом фонде прямого восхваления ума (*atama*) как абстрактного интеллекта мало. Однако ценится иной тип ума *кэйти-на* (**keichō-na**) – *осмотрительный, почтительный, скромный в суждениях* – это не отсутствие интеллекта, а его социально-интегрированная форма. Пословицы, призывающие к осмотрительности и согласию: 「出る釘は打たれる」 [Kotowaza Jiten, 2005] (*Deru kugi wa utareru*) – *Торчащий гвоздь забивают* (выделяться небезопасно) – демонстрирует, что *интеллект* в японском понимании – это скорее социальная и эмоциональная мудрость, а не абстрактная логика.

Сопоставительный анализ позволил выявить различные языковые стратегии для выражения одного и того же концепта. Например, концепт *любопытства* репрезентируется через разные соматические коды: **Любопытной Варваре нос оторвали** (*нос* как орган вмешательства в чужие дела); **Curiosity killed the cat** [Oxford Dictionary 1970] (акцент на последствиях, без привязки к соматизму); 「鼻を利かせる」 [Kotowaza Jiten, 2005] (*Hana o kikaseru* – дословно *заставлять нос работать* – совать нос в чужие дела, проявлять чрезмерное любопытство: данный пример идеально совпадает с русской «Любопытной Варваре...»; соматизм **kuchi (рот)** косвенно, через распространение сплетен, кодирует любопытство 「人の口に戸は立てられぬ」 [Kotowaza Jiten 2005] (*Hito no kuchi ni to wa taterarenu*) *Рта людского дверью не заткнешь* (аналог *Слово не воробей*); 「耳」 (*mimi*) – ухо 「耳が痒い」 [Kotowaza Jiten 2005] (*Mimi ga kayui*) дословно – *Уши чешутся* – означает сильное любопытство, желание узнать что-то, особенно услышать сплетню или новость – прямой и частотный соматический код любопытства в японском языке.

Аналогично, концепт *упрямство* в русском, английском языке передается через *шею*; в японском языке через образ 「石頭」 (*ishi-atama*) – *каменная голов*; и 「肚/腹」 (*hara*) – *живот* (уникальный японский код): 「肚が据わっている」 (*Hara ga suwatte iru*) дословно – *Живот утвердился* – означает не столько упрямство, сколько непоколебимость, хладнокровие и твердость духа; это важнейший культурный концепт, где *hara* является центром воли. Упрямство как негативная сторона этой твердости. Устаревший пример 「首っ筋」 (*kubisuji*) / 「筋金入り」 (*sujiganeiri*), означающие «закаленный», «упрямый», буквально отсылают к «прожилкам на шее» или «вставленному в жилы металлу»; этимологическая связь 「筋金入り」 (*sujiganeiri*) с шеей (*kubi*) для современного носителя неочевидна; данное слово воспринимается как метафора с *железными жилами* [Kotowaza Jiten 2005].

Проведенное исследование подтверждает, что соматическая и сенсорная лексика формирует универсальный концептуальный фундамент паремиологического фонда разноструктурных языков, однако интерпретация выявленных закономерностей требует культурологического подхода.

1. Уточнение универсальных закономерностей:

– *Доминирование сердца как эмоционального центра*: данный тезис верен на *функциональном*, но не на *терминологическом* уровне. Универсальной является сама **концептуализация внутреннего центра личности**, который в разных культурах локализуется в разных органах. Для Японии ключевым гиперконцептом является 心 (*kokoro*), объединяющий функции, которые в европейских языках распределены между *сердцем* (эмоции), *умом* (интеллект) и *душой* (духовное начало). Таким образом,

универсальность заключается не в анатомическом сердце, а в когнитивной потребности обозначить внутренний мир человека через соматический код.

– *Бинарность сладкий / горький*: противопоставление 甘い (amai) / 苦い (nigai) является в японском языке столь же фундаментальным и продуктивным для оценки жизненного опыта, как и в русском и английском, что подтверждает гипотезу об общих основах сенсорного опыта человека.

—

2. Углубление понимания этноспецифических моделей:

– Японские концепты «ki» и «hara»: уникальны, но их масштаб требует четкого определения.

○ 気 (ki) это не просто *настроение* или *внимание*, а **фундаментальная концепция психической энергии и направленного внимания**, регулирующая социальное взаимодействие. Пословицы и идиомы с **ki** (напр., 「気が置けない」 (Ki o okenai) человек, с которым можно расслабиться) отражают глубоко ритуализированный характер японской коммуникации, где постоянный контроль за распределением своего и чужого **ki** является нормой.

○ 腹 (hara) это **вместилище истинной, сокрытой сущности человека, его воли и решимости**. Концепт **hara** формирует *альтернативную, «глубинную» модель личности*, где публичное лицо (建前 – tatemae) может противоречить частным, истинным намерениям (本音 – honne) – ключ к пониманию многих японских поведенческих стратегий.

– Русская *душа*: в сравнительном контексте противопоставление «японское **hara** / русская **dusha** – оба концепта маркируют глубоко интимную, «истинную» сферу личности, однако если русская *душа* часто связана с искренностью, открытостью и эмоциональными порывами, то японское **hara** связано с сокрытием, терпением (忍耐 – nintai) и волевой твердостью.

Полученные результаты вносят вклад в теорию паремиологии и их практическое применение должно опираться на следующие уточненные принципы:

1. Для межкультурной коммуникации: понимание, что за прямыми переводами соматизмов (например, **heart / kokoro**) стоят принципиально разные объемы понятий, что позволит избежать смысловых ошибок. Знание о **ki** и **hara** необходимо для адекватной интерпретации поведения и высказываний японцев.

2. Для переводоведения: выводы исследования доказывают, что адекватный перевод паремий часто требует не лингвистической кальки, а *культурологической транспозиции*. Переводчик должен находить в целевом языке не прямой соматический эквивалент, а *функционально и концептуально близкий образ*. Например, японское 「腹を決める」 (hara o

kiteru) точнее переводить как *принять твердое решение / сделать выбор в душе*, а не буквально *решить животом*.

3. Для лингвокультурологии: работа наглядно демонстрирует, что паремиологические системы являются не просто отражением, а **активным механизмом воспроизводства уникальной национальной картины мира**. Уникальная триада японских соматических концептов **kokoro** (интегральный центр), **hara** (волевой центр), **ki** (энергетический ресурс) формирует особую модель человека, существенно отличающуюся от западной дихотомии «разум vs. чувства».

Таким образом, исследование не только подтверждает единство человеческого опыта, но и выявляет **культурно-обусловленные «маршруты» метафоризации** этого опыта.

Литература

Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В. И. Даль. – Москва: Художественная литература, 1984.

Идэ Сатико. Язык и гендер в японской культуре / Сатико Идэ // Гендер и язык / под ред. А. В. Кирилиной. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – С. 345-365.

Киндаити Харухико. История японского языка / Харухико Киндаити; пер. с яп. – Москва: Либроком, 2010. – 304 с.

Мокиенко В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва: Олма Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

Токиэда Мотооки. Сущность японского языка / Мотооки Токиэда; пер. с яп. – Москва: Прогресс, 1983. – 180 с.

Lebra T. S. Japanese Patterns of Behavior / T. S. Lebra. – Honolulu: University of Hawaii Press, 1976. – 298 p.

Mieder W. Proverbs: A Handbook / W. Mieder. – Westport, CT: Greenwood Press, 2004. – 320 p.

Minami M. Applying Vygotskian Concepts to Research on Japanese Literacy Acquisition / M. Minami // Journal of Applied Linguistics. – 2007. – Vol. 4, №. 1. – P. 23-45.

Moeran B. The Concept of «Haragei» in Japanese Social Interaction / B. Moeran // Ethos. – 1984. – Vol. 12, №. 1. – P. 1-25.

Oxford Dictionary of English Proverbs / compiled by W. G. Smith; revised by F. P. Wilson. – 3rd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1970. – 900 p.

故事ことわざ辞典 [Текст] / 時田昌瑞編. – 東京 : 東京堂出版, 2005. – 1050 с. / Kotowaza Jiten [Tekst] / edited by Masamizu Tokita. – Tokyo: Tokyodo Shuppan, 2005. – 1050 p.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. В. Варушкина, Ю. А. Талагаева (Воронеж, Россия)

МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ВОЕННОЙ СФЕРЫ

Аннотация. Статья рассматривает некоторые семантические модели терминообразования военной сферы. Проанализированы типы семантических преобразований – терминологизация, ретерминологизация и детерминологизация. Авторы приходят к выводу, что развитие терминологического значения представляет собой непрерывный и многоуровневый процесс.

Ключевые слова: военный термин, терминообразование, значение.

Военная терминология, играющая ключевую роль в понимании военных материалов, является наиболее подвижной частью подъязыка военных специалистов. Военная терминология непрерывно пополняется новыми терминами, отражая развитие военных технологий, средств поражения, методов ведения боя. Новые идеи, прирост профессионального знания и опыта требуют вербализации, концептуализации, что ведет к пополнению военно-профессионального языка новыми терминами [Новодранова 2003, с. 187].

Традиционно в качестве специальных терминов рассматриваются имена существительные и словосочетания [Ахманова 1966; Митрофанова 1973; Алексиев 2005]. Между тем ряд исследователей придерживаются мнения, что терминами могут являться и предикативные номинации [Даниленко 1977; Лейчик 2006].

Целью настоящего исследования является изучение семантических моделей предикативного терминообразования военной сферы в динамическом аспекте. Анализируемая лексика относится к тематической группе «военные действия», наиболее продуктивной в военной сфере [Лату 2009].

Размышляя о специфике военного терминообразования, зачастую указывают на отсутствие специфических моделей лексико-семантического военного терминообразования [Кочарян 2012].

Как известно, магистральными путями развития семантического значения термина являются терминологизация и детерминологизация. Терминологизация представляет собой когнитивно-коммуникативный процесс развития языкового знака, при котором общеупотребительное слово приобретает терминологическое значение в конкретной области [Мишланова 2003, с. 136].

Так, словари относят появление лексемы **retreat** «сделать шаг назад» к 1300 г., позже наблюдается закрепление данного глагола в военной сфере в значении «прекратить действия или учения». В XV в. данная лексема претерпевает дальнейшую специализацию «отступить, покинуть поле боя». В современной военной терминосфере **retreat** подразумевает «отступить вследствие превосходства сил противника или поражения» (*withdraw from enemy forces as a result of their superior power or after a defeat*).

Таким образом, процесс специализации значения рассматриваемой лексемы происходил как при первичной, так и последующей терминологизации, что выражается в постепенном приобретении концептуальности, однозначности. Способность выразить ряд значений посредством одного языкового знака является двигателем терминологической номинации [Косова 2004, с. 42].

Рассмотрим другие примеры. Так, глагол **campaign** происходит от лат. *campania* – «равнина, открытая местность». Во французский язык слово перешло как *campagne* с тем же значением. Изначально глагол был связан с жизнью и работой в сельской местности.

Значение «вести военную операцию» появилось в XVII в. Армии, выходявшие летом в поля (*campagne*) для ведения боевых действий, называли это «*going on campaign*». Так действие по пребыванию на определенной местности стало действием по ведению войны.

Процесс терминологизации находит отражение в семантической эволюции глагола **target**. Слово «*target*» произошло от старофранцузского *targe* – «маленький круглый щит» и с XIII в. именно в этом значении существовало в английском языке. К XVIII в. значение сместилось с самого щита на то, что на нем находилось, – мишень для стрельбы. Глагол **target** (нацеливаться, выбирать в качестве цели) появился уже в XX в., первоначально в военной авиации и артиллерии.

На примере глагола **screen** можно проследить, как в процессе терминологизации развивается полисемия на основе общего семантического ядра. Исходное значение глагола, восходящее к старофранцузскому *escren* («щит, заслон»), заключалось в физическом прикрытии или защите. В военном контексте это значение терминологизировалось и разделилось на две основные ветви.

Первая ветвь сохранила идею пассивного прикрытия: «**screen the main force**» – маскировать расположение и передвижение основных войск, выступая в роли живого щита. Вторая ветвь развила идею активного просеивания: «**screen a forest**» – тактическая зачистка местности, когда цепь бойцов буквально «просеивала» территорию для выявления противника. В современных военных наставлениях добавился и аспект безопасности – «наблюдать, опознавать и докладывать, вступая в бой лишь для самообороны».

Отметим, что развитие полисемии как способа номинализации стимулирует процесс потери термином его специального значения в результате употребления вне специальной сферы и в нетипичных контекстах.

Детерминологизация предполагает освоение общеупотребительным языком терминологических единиц, которое происходит в результате потребностей общества в обозначении новых понятий и приводит к смене функциональной сферы. Коммуникативная активность термина способствует его проникновению в общеупотребительный язык, приобретению прагматических свойств [Мунгалова 2019, с. 109].

В процессе детерминологизации термин может получать дополнительное образное значение, что нередко сопровождается эмоционально-экспрессивными коннотациями. Так, создание переносного значения (при помощи метафорического, реже – метонимического переноса), образование фразеологической единицы являются традиционными путями приобретения нового значения, в основе которого лежит сходство формы, функции и эмоциональных впечатлений [Мунгалова 2019, с. 110].

Так, военный термин **mobilize** «подготовиться к военным действиям», закрепившийся в военной сфере в 1840–1850х годах, в конце XIX века проникает не только в язык науки (экономика, финансы, медицина, химия, биология), так и в общеупотребительную сферу «организоваться, подготовиться к какой-то намеченной цели».

В процессе языковой эволюции одна и та же лексическая единица может последовательно проходить как терминологизацию, так и детерминологизацию. Сначала слово, получив узкоспециальное значение в определенной профессиональной сфере (часто в военной), становится термином, а затем, благодаря метафорическому переносу, возвращается в общеупотребительный язык, сохраняя при этом семантическое ядро исходного значения.

Ярким примером служит глагол **screen**, который, пройдя военную терминологизацию в значениях «прикрывать войска» и «прочесывать местность», подвергся детерминологизации, дав начало общеупотребительным значениям «отбирать кандидатов» и «экранировать сигнал». Аналогичный путь проделал глагол **target**: от военного «нацеливать оружие» он перешел в маркетинг со значением «ориентироваться на целевую аудиторию». Глагол **campaign** в результате детерминологизации стал обозначать любую организованную деятельность для достижения цели (например, предвыборную кампанию).

К этой же группе можно отнести глагол **deploy**, который, перейдя из военной лексики (где означал «развертывание войск или техники») в IT-сферу, стал обозначать «развертывание программного обеспечения», сохранив идею стратегического размещения ресурсов. Глагол **intercept**,

изначально имевший значение «перехватить» (сообщения или самолеты противника), сегодня используется в спорте («перехват мяча») и IT («перехват данных»), демонстрируя, как военный термин адаптируется для описания действий в гражданских областях.

Наряду с детерминологизацией при переходе терминологической единицы в разряд общей лексики термин может претерпевать и деспециализацию (функционирование специальных единиц в общеупотребительном языке при сохранении основного терминологического значения) [Макарова 2007].

Наблюдение в динамическом аспекте за становлением, закреплением термина в определенной сфере, переходом в общеупотребительную лексику и вхождение в состав устойчивых словосочетаний способствует выявлению специфики вербализации специальных военных концептов, моделированию динамики терминообразования военной сферы.

Еще одним способом терминообразования в военной сфере является ретерминологизация. В лингвистике существуют две основные трактовки данного термина. Согласно узкому пониманию, которое разделяют Н. А. Казак [Казак 2019], Ци Ванчжи и другие авторы, ретерминологизация представляет собой процесс возвращения термина в его исходную терминосистему после приобретения им нового значения в другой отрасли знания. Это не просто повторное использование, а именно семантическое обновление: термин уходит из своей сферы (Т-1), переносится в чужую, где приобретает новое, точное значение (Т-2), и затем возвращается обратно (Т-3), но уже с этим обновленным смыслом, который начинает сосуществовать с исходным или даже вытеснять его [Ци Ванчжи 2006].

В более широкой интерпретации Н. В. Васильевой [Васильев], О. Б. Адаева [Адаева 2009], ретерминологизация рассматривается как перенос готового термина из одной сформированной терминосистемы в другую, сопровождающийся его полным или частичным переосмыслением и ведущий к появлению межотраслевых омонимов. Эта вторая трактовка сближает ретерминологизацию с понятиями «транстерминологизация» и «межсистемное заимствование специальных лексем», подчеркивая ее роль как одного из ключевых механизмов пополнения лексики и возникновения многозначности в терминологии, обусловленного необходимостью языкового описания терминов, заимствованных из смежных научных дисциплин.

Процесс ретерминологизации наглядно прослеживается при анализе семантической эволюции глагола **abort**, который изначально функционировал исключительно в медицинской терминосистеме. Этимологически глагол **abort** восходит к латинскому слову *aborīrī*, которое означало «преждевременно рожать», «выкидывать», «исчезать».

В английский язык глагол вошел в середине XVI века и первоначально использовался именно в медицинском контексте для обозначения выкидыша или преждевременных родов. Позднее, уже в XIX–XX веках, значение специализировалось до «искусственного прерывания беременности».

В ходе междотраслевого перехода данный термин подвергся структурно-семантической трансформации в военно-авиационной терминосистеме, где приобрел специализированное значение «*to deliberately terminate*» (целенаправленно прекратить, прервать): *The commander ordered to abort the operation after the intelligence leak.* (Командир отдал приказ прервать операцию после утечки разведданных).

Аналогичный процесс наблюдается в развитии семантики глагола **execute**. Этимологически он восходит к лат. *exsequi* («доводить до конца, выполнять»), откуда через старофранцузскую форму *executer* вошел в английский язык в конце XIV века. Первоначально глагол функционировал в юридической и административной сферах в значениях «исполнять закон, приговор», «приводить к исполнению». В дальнейшем, при переходе в военную терминосистему **execute** приобрел значение «выполнять приказ, операцию, маневр», сохранив семантическое ядро идеи целенаправленного осуществления предписанного действия, но утратив правовую специфику.

Еще один пример – глагол **deploy**, в эволюции семантики которого также присутствует этап ретерминологизации. Этимологически он восходит к старофранцузскому *deployer* («разворачивать, раскрывать»), которое, в свою очередь, происходит от лат. *displicare* – «распрямлять, разворачивать». В английский язык глагол вошел в XV веке и первоначально использовался в инженерно-техническом контексте в значении «разворачивать механизм, раскрывать структуру, расправлять ткань». Впоследствии, особенно в XIX–XX веках, термин был заимствован военной сферой, где приобрел значение «развертывать войска, размещать силы, вводить в действие». Как видим, **deploy** утратил буквальный физический оттенок и стал обозначать стратегическое распределение или приведение в готовность ресурсов.

Таким образом, развитие терминологического значения представляет собой непрерывный и многоуровневый процесс, в ходе которого одно и то же слово может последовательно участвовать в различных типах семантических преобразований – терминологизации, ретерминологизации и детерминологизации. Исследованные примеры демонстрируют, что изменение профессиональных сфер употребления сопровождается сохранением семантического ядра, которое обеспечивает преемственность значений. Военная терминология в этом отношении выступает особенно динамичной областью, активно заимствующей и переосмысляющей лексику из других сфер знания.

Литература

- Адаева О. Б. Новые понятия лингводидактики / О. Б. Адаева // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 6 (79). – С. 99-101.
- Васильева Н. В. Термин / Н. В. Васильева // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://les.academic.ru/1146/Термин> (дата доступа: 06.10.2025).
- Казак Н. А. Амбисемия и многозначность лингвистических терминов / Н. А. Казак // Гуманитарная парадигма. – 2019. – № 4 (11). – С. 45-50.
- Косова М. В. Терминологизация как лексико-семантический процесс / М. В. Косова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 2. – С. 42-48.
- Кочарян Ю. Г. Языковая природа военного термина / Ю. Г. Кочарян // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. – 2012. – № 1. – С. 206-210. <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-priroda-voennogo-termina> (дата обращения: 06.10.2025).
- Лату М. Н. Англоязычная военная терминология в ее историческом развитии: структурно-семантический и когнитивно-фреймовый аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М. Н. Лату. – Ростов-на-Дону, 2009. – 25 с.
- Макарова А. А. Детерминологизация единиц языка экономики и бизнеса в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А. А. Макарова. – Москва, 2007. – 24 с.
- Мишланова С. Л. Термин в медицинском дискурсе: Образование, функционирование, развитие: дисс. ... д-ра филол. наук / С. Л. Мишланова. – Москва, 2003. – 392 с.
- Новодранова В. Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте / В. Ф. Новодранова // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: сб. науч. трудов, посвященный юбилею В. М. Лейчика; под ред. В. Ф. Новодрановой и др. – Рязань: Пресса, 2003. – 188 с.
- Ци Ванчжи. Термины в языке газеты: дисс. ... канд. филол. наук / Ци Ванчжи. – Москва, 2006. – 155 с.

А. Ю. Володченко (Воронеж, Россия)

РАЗГРАНИЧЕНИЕ БЫТОВОГО И ЮРИДИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ КЛЕВЕТЫ (ЛИНГВОКРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. Статья посвящена проблеме разграничения бытового и юридического понятия клеветы. В тексте обсуждаются результаты исследования значения лексемы «клевета» в текстах различных функциональных стилей. На основе предпринятого анализа делается вывод о содержании понятия «клевета» в юридическом и бытовом языковом сознании. Настоящая статья вносит вклад в формирование методологии лингвистической экспертизы, выполняемой в рамках дел о клевете.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, клевета, бытовое и юридическое понятие клеветы.

Настоящая статья посвящена сопоставлению бытового и юридического понятий клеветы. Актуальность работы обусловлена необходимостью определения содержания указанного понятия в профессиональном юридическом и в так называемом неюридическом дискурсе. Гражданин, обращаясь в суд, нередко опирается на бытовое, неюридическое понимание «клеветы», что ведет к появлению большого количества необоснованных судебных исков. Кроме того, смешение бытового и юридического понятий клеветы является одной из причин, ведущих к некорректным результатам в заключениях экспертов-лингвистов. Последнее объясняется тем, что лингвист, будучи носителем в том числе обыденного языкового сознания, нередко делает выводы о наличии языковых признаков клеветы в спорном тексте, опираясь на свои бытовые представления о содержании описываемого феномена.

Обсуждаемое исследование состояло из трех этапов: 1) выявление так называемого общеупотребительного значения лексемы «клевета»; 2) выявление специального юридического значения лексемы «клевета»; 3) сопоставление лексического значения лексемы «клевета», отраженного в текстах толковых словарей, художественных и публицистических текстах, и значения, отраженного официально-деловых (юридических) текстах.

Материалом для выявления общеупотребительного значения послужили толковые словари русского языка [Ожегов 2003; Ефремова 2005; Евгеньева 1957-1960], ресурсы Национального корпуса русского языка (подкорпусы «Основной» [URL] и «Русская классика» [URL]). Специальное юридическое значение устанавливалось путем анализа контекстов, извлеченных из официально-деловых (юридических) текстов, размещенных в системах КонсультантПлюс [URL], Гарант [URL], «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» [URL].

Для первого этапа исследования было извлечено три дефиниции лексемы «клевета» из текстов толковых словарей русского языка, 50 контекстов из художественного подкорпуса, 50 контекстов основного подкорпуса, относящихся к публицистическому стилю.

В результате анализа лексикографической литературы было сформулировано интегральное значение лексемы «клевета», составленное путем обобщения словарных дефиниций по модели, предложенной И. А. Стерниным [Стернин 2017]: клевета – это заведомо ложный слух, распространение таких слухов, ложь или ложное обвинение, порочащее то или иное лицо.

В ходе анализа было выявлено, что в художественных текстах по большей части лексема «клевета» реализуется в системном значении, отраженном в словарях русского языка. Можно сформулировать обобщенное значение лексемы, полученное при анализе текстов

художественного стиля, следующим образом: клевета – это ложные (*охотнее принимаешь клевету за ложь, чем лезть за правду* [Л. Н. Толстой 1853]), негативные (*какие ужасные клеветы про наш милый город* [М. Ю. Лермонтов 1836]), порочащие сведения (*от лжи, клеветы и низких намеков мое доброе имя не пострадает* [Н. А. Некрасов 1841]), слухи (*какие ужасные клеветы про наш милый город* [М. Ю. Лермонтов 1836]). Примечательно, что в одном из контекстов лексема «клевета» сближается со значением слова «ложь»: *охотнее принимаешь клевету за ложь, чем лезть за правду*. Это указывает на наличие эмоционального компонента в структуре значения слова в обыденном сознании. Различие между оценочными и эмоциональными семами состоит в том, что оценочная сема выражает отношение говорящего к денотату с точки зрения хорошо / плохо, а эмоциональная – передает чувства, эмоции, которые вызывает денотат [Попова 2009]. Таким образом, в текстах художественного стиля лексема «клевета» содержит не только оценку, но и эмоцию.

Различие между лексикографическим значением и значением, реализуемым в художественном тексте, заключается в том, что лексикографическое значение включает в себя различные формы, в которых может быть реализована клевета (ложь, ложное обвинение, ложный слух).

В публицистических текстах лексема «клевета» также по большей части реализуется в общеупотребительном значении, однако оценочных и эмоциональных сем значительно больше, чем в художественных текстах: клевета – это ложные (*совершенно гнусная, не имеющая под собой никакой почвы клевета* [С. С. Шамардина 1960-1970]), порочащие (*его заслуги были затемнены клеветой* [А. С. Пушкин 1837]) сведения, злопожелание, которое может носить коллективный характер, то есть исходить от группы лиц (*клевета поднимается, свистит, раздувается, растет у вас на глазах... она превратилась в общий крик, crescendo всего общества, мощный хор из ненависти и проклятий* [Ю. Н. Тынянов 1943]), негативное действие (*злоба, клевета, насмешки – всё это на меня* [Ф. М. Достоевский 1869]), цель которого – воздействие на людей для умаления чьих-либо заслуг (*его заслуги были затемнены клеветой* [А. С. Пушкин 1837]), имеющее негативные последствия для того, в отношении кого она ведется (*Клевета подобна колдовству. Она опасна!* [П. В. Жеребцова 2002]; *Как с благостным огнем тлетворный дым, слилась навеки клевета глухая* [В. Катанян 1980-1989]), и наносящее серьезную моральную травму / моральный вред (*клевета есть убийство психическое* [Н. К. Рерих 1943]), искажение действительности (*это такая клевета на природу; природа в моем восприятии гораздо лиричнее, гораздо трагичнее. Те пейзажи, которые я пишу мысленно, когда гляжу на деревья, реки, поля, так отличаются от этих механически сделанных пейзажей...*

[К. И. Чуковский 1935]), дурное качество человека (*ложь, подлость, лесть, низкопоклонство, клевета, наущничество, предательство, шпионство, безмерная, неслыханная жестокость повсеместно становились основными законами жизни* [Н. К. Чуковский 1959-1965]).

При сопоставлении значения, реализованного в публицистических текстах, со словарными выяснилось, что в большинстве случаев (60% контекстов) значение слова «клевета» совпадает с лексикографическим значением.

Итак, в публицистических текстах дополнительные оттенки значения слова «клевета» передаются путем использования средств художественной выразительности (метафоры, сравнения, олицетворения). Эти приемы актуализируют следующие семы: «злопожелание, которое может носить коллективный характер, то есть исходить от группы лиц», «негативное действие, имеющее негативные последствия для того, в отношении кого она ведется, и наносящее серьезную моральную травму / моральный вред», «искажение действительности». Перечисленные средства художественной выразительности передают эмоциональный компонент значения слова. Соответственно, слово «клевета» становится не только неодобительно оценочным, но и эмоциональным.

Таким образом, в текстах публицистического стиля содержится ряд сем лексемы «клевета», которые не отражены в толковых словарях и текстах художественного стиля: «злопожелание, которое может носить коллективный характер, то есть исходить от группы лиц», «негативное действие, цель которого – воздействие на людей для умаления чьих-либо заслуг, имеющее негативные последствия для того, в отношении кого она ведется, и наносящее серьезную моральную травму / моральный вред», «искажение действительности», «дурное качество человека».

В современном российском законодательстве клевета определяется как «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию» [УК РФ Статья 128.1. Клевета, URL]. Всего было проанализировано 30 контекстов.

Исследование текстов официально-делового стиля, содержащих лексику «клевета», показало, что слово «клевета» реализуется в них исключительно в специальном юридическом значении, приведенном выше (*Клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, наказывается штрафом в размере до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов* [Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (УК РФ) (с изменениями и дополнениями)]; *Клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, а равно клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления сексуального*

характера, наказывается штрафом в размере до трех миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо обязательными работами на срок до четырехсот часов [Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (УК РФ) (с изменениями и дополнениями)]. Во всех контекстах реализуются семы «распространение заведомо ложных сведений» (одним из признаков **клеветы** является ложное сведение) и «сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию лица» (в случае, когда ложные сведения не являются порочащими, ответственность за **клевету** исключается). В юридических текстах лексема «клевета» используется в значении, не включающем в себя эмоциональные семы, регулярно реализуемые в художественной и публицистической речи. Данное различие обусловлено, несомненно, тем, что задача официально-деловых текстов – определить признаки правонарушения, но не выразить эмоции по отношению к феномену, который им номинирован. В официально-деловых текстах прослеживаются неодобрительно-оценочные семы лексемы «клевета»: «ложные», «порочащие» сведения. С юридической точки зрения, порочащими являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица [URL]. Тогда как в обыденном языковом сознании под порочащими обычно понимают сведения, сообщающие о предосудительном поведении того или иного лица [Евгеньева 1957-1960]. Таким образом, сема «порочащие сведения», хотя и реализуется в текстах всех функциональных стилей, не является в полной мере интегральной.

Предпринятое исследование показало, что лексикографическое и юридическое значения лексемы «клевета» имеют общий компонент – «распространение ложных сведений». Различие состоит в том, что в текстах официально-делового стиля реализуется сема «сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию» и отсутствуют коннотативные семы, такие как «негативные последствия», «наносящее серьезную моральную травму / моральный вред». С юридической точки зрения, клевета – это правонарушение, в то время как в разговорной (бытовой) речи клеветой называют не правонарушение, а проявление агрессивного речевого поведения.

Основные различия между бытовым и юридическим понятиями клеветы состоят в следующем.

Клевета в быденном употреблении воспринимается как ложные, порочащие сведения, слухи, злопожелание, которое может носить коллективный характер, то есть исходить от группы лиц, негативное действие, цель которого – воздействие на людей для умаления чьих-либо заслуг, имеющее негативные последствия для того, в отношении кого она ведется, и наносящее серьезную моральную травму / моральный вред, искажение действительности, дурное качество человека.

В юридическом дискурсе лексема «клевета» используется в значении «правонарушение, влекущее за собой уголовную ответственность».

Основные различия между бытовым и юридическим понятиями клеветы состоят в том, что бытовое понятие, в отличие от юридического, включает различные формы, в которых может быть осуществлена клевета, и эмоциональные семы. Таким образом, эксперту-лингвисту при анализе спорного текста на предмет наличия в нем языковых признаков клеветы с целью получения объективных выводов следует ориентироваться на юридическое понимание клеветы.

Литература

ГАРАНТ – Законодательство (кодексы, законы, указы, постановления) РФ, аналитика, комментарии, практика. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 05.10.25).

«КонсультантПлюс» – законодательство РФ: кодексы, законы, указы, постановления Правительства Российской Федерации, нормативные акты. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.10.25).

Малый академический словарь / Ред.: А. П. Евгеньева. – Москва, 1957–1960. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/> (дата обращения: 05.10.25).

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.25).

Попова З. Д. Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: URSS, 2009. – 172 с.

Стернин И. А. Словарные дефиниции и семантический анализ / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2017. – 34 с.

Судебные и нормативные акты РФ: Крупнейшая в сети база судебных и нормативных актов. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 05.10.25).

Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва, 2003. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 05.10.25).

Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразоват. единиц / Т. Ф. Ефремова. – Москва, 2005. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 05.10.25).

УК РФ Ст. 128.1. Клевета. URL: <https://legalacts.ru/kodeks/UK-RF/osobennaja-chast/razdel-vii/glava-17/statja-128.1/> (дата обращения: 05.10.25).

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНТРОПОНИМОВ В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ВАНЬКА»

Аннотация. Цель исследования – изучить роль антропонимов в рассказе А. П. Чехова «Ванька», определить их значимость в раскрытии авторской позиции и передаче отношения к персонажу, а также рассмотреть характерные словообразовательные модели анализируемых антропонимов. В ходе изучения теоретических вопросов, касающихся собственных имен, а также практических примеров антропонимики в экспериментальном материале были конкретизированы функции имен собственных и их сочетаний. Они являются частью художественного замысла, имеют идейно-содержательное значение и в концентрированном виде передают смысл произведения. Употребление имен собственных характеризует и стиль писателя. В исследуемом произведении имена собственные метафорически характеризуют героя, выделяя доминанту его личности и передавая авторскую оценку образа.

Ключевые слова: А. П. Чехов, антропонимы, Ванька, собственные имена, имя, отчество, фамилия.

А. П. Чехов начинает свое творчество с маленьких смешных рассказов. Героями их становятся обычные люди, часто простоватые и пошлые. Он пишет о будничном, мелком, но в его рассказах проявляется протест против униженности человека. Чехов считает, что «<...> тогда человек станет лучше, когда вы покажете ему, каков он есть», а также отмечает, что «пошлые люди не видят своих пороков, более того, они считают себя нормальными и даже хорошими людьми». В своих небольших произведениях Чехов раскрывает серьезные проблемы. Высмеивает самодуров и деспотов, которые способны унижаться, терять свое достоинство перед «денежными мешками». Он реально создает картину действительности, говорит о социальной подлости и искажении человеческой личности. Чехов подчеркивает, что деньги, чин, авторитет, поклонение им порождает страх, порабощающий и уничтожающий человека. За человека гордого, свободного, имеющего чувство собственного достоинства, борется он в своих рассказах. Всем своим творчеством писатель утверждает прекрасное в жизни, протестуя против невежества, нищеты духа и быта.

Чехов – мастер художественных приемов. Одним из наиболее ярких писатель считал использование «говорящих» имен, отчеств и фамилий. Но и обычные, традиционные антропонимы у писателя не случайны. Мы проанализировали рассказ Чехова «Ванька» в плане использования в нем антропонимов. Произведение было напечатано в «Петербургской газете» 25 декабря 1886 года, в разделе «Рождественские рассказы» за подписью А. Чехонте. Рассмотренный нами рассказ можно назвать одним из самых печальных в творчестве Чехова. Его герой, девятилетний мальчик Ванька,

отданный в учение к сапожнику после смерти родных, непрерывно понукаемый и обижаемый всеми, пишет горестное письмо «на деревню дедушке» и просит забрать его обратно. О судьбе Ваньки говорится со скрытым сочувствием и, как это ни парадоксально, с улыбкой – доброй и человеческой.

В этом произведении писатель стремится к простоте и близости к жизни не только в речах и делах действующих лиц, но даже в их именах и фамилиях. Не случайно здесь находит свое воплощение система традиционного именования персонажей. А. П. Чехов в выборе имен для своих героев опирается на многовековые традиции русского именословия. Комбинации из личных имен, отчеств, фамилий и прозвищ используются А. П. Чеховым в соответствии с принятыми в начале XX века нормами речевого этикета. В процессе подбора моделей именования для своих героев писатель учитывает их характеристики (социальный и материальный статус, возраст, степень знакомства и родства, моральные качества и т.п.). Автором подбираются имена и фамилии, вызывающие ассоциации, важные для понимания и раскрытия основных черт того или иного образа.

Рассмотрим подробнее использование антропонимов в рассказе А. П. Чехова «Ванька». Чаще всего персонажи в нем названы по имени.

1. Полные и краткие формы имени

Полное, или паспортное, имя (или полная форма) – это форма имени, официально используемая в документах и формальных ситуациях, обычно в сочетании с отчеством и фамилией. Примеры таких имен: *Анастасия, Анна, Екатерина, Елизавета, Мария, Александр, Борис, Владимир, Константин, Петр*. Эти имена придают персонажам официальности и статус, подчеркивая формальность ситуации.

Краткое, или сокращенное, имя применяется в неофициальных ситуациях, например, в частных или дружеских разговорах. Примеры таких имен: *Настя, Аня, Катя, Лиза, Маша, Саша, Боря, Володя, Костя, Петя*. Краткие формы часто создают более интимную или дружескую атмосферу. У личного имени также может быть несколько сокращенных вариантов, например, *Дима* и *Митя* для Дмитрия. Рассказ «Ванька» назван в честь главного героя именно краткой формой имени. А. П. Чехов часто использовал в качестве заголовка имена героев. Например, «Дядя Ваня», «Верочка», «Ионыч», «Володя», «Агафья», «Анюта», «Зиночка» и др. Иными словами, это заголовки-антропонимы.

Заголовок – это важная часть произведения, так как он задает тон всему повествованию и помогает сформировать первое впечатление у читателя. В случае с антропонимами в заголовках акцент на имени героя подчеркивает персонализированный подход к рассказу и указывает на центральную роль персонажа в развитии сюжета.

Антропоним «Ванька» в заголовке выполняет в рассказе сразу несколько функций. Прежде всего, имя дает возрастную характеристику герою. Полное имя «Иван» редко используется для наименования детей, гораздо чаще обращаются к сокращенным формам: *Ваня, Ванька, Иваишка* и т.д. Также сокращенная форма имени *Ванька* сообщает о низком происхождении главного героя, ведь именно таким образом сокращали имена крестьян: *Петька, Маишка, Настька, Егорка* и т.д. Неслучайно Ванька отмечает, что «пойдет в подпаски» вместо Федьки – такого же крестьянского мальчика, как и он сам. Добавление суффикса *-к-* к имени носит уничижительный характер, свидетельствует о презрительном отношении к человеку (в таком же ключе используются в рассказе и имена крестьянских ребят – *Егорка* и *Федька*). Неслучайно имя главного героя созвучно с кличкой собаки и строится по той же модели «Каштанка». Такая параллель прослеживается и в описании душевного состояния героя: «*Пропадающая моя жизнь, хуже собаки всякой...*» [Чехов 1985, с. 481]. Так Чехов самым выбором имени в рассказе «Ванька» показывает социальное положение персонажа и его возраст.

Характерно и то, как обращается к Ваньке его дед Константин Макарыч: «*Бывало, прежде чем вырубить елку, дед выкуривает трубку, долго нюхает табак, посмеивается над озявшим Ванюшкой...*». Выбор этой формы имени говорит о нежном, любящем отношении деда к своему внуку. Для этого используется уменьшительно-ласкательный суффикс *-юш-*.

Стоит отметить, что выбранное имя указывает и на типичность персонажа. Иван – одно из самых распространенных имен в России, оно нередко встречается в фольклоре (*Иван-царевич, Иван-дурак*). Тем самым Чехов предлагает рассматривать происходящее в рассказе не как частный случай, а как проблему всей страны – унижение людей низкого происхождения, тяжелое положение крестьян, особенно детей, отданных в «учение».

Кроме заголовка, форма «Ванька» часто используется в самом тексте: «*Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, в ночь под Рождество не ложился спать*» [Чехов 1985, с. 480] – именно такую форму имени Иван автор выбирает для того, чтобы представить главного героя. При этом Ванька подписывает письмо полным именем «Иван Жуков», так как именно такая форма необходима при оформлении важных документов: «*Остаюсь твой внук Иван Жуков, милый дедушка приезжай*» [Чехов 1985, с. 481].

Таким образом, в рассказе «Ванька» использование краткой формы имени героя в заголовке и тексте подчеркивает его возраст, социальное положение и происхождение. Эта форма имени помогает создать образ уязвимого и лишенного поддержки ребенка, вызывая сострадание у читателя. Одновременно, имя *Иван* указывает на типичность и

универсальность его судьбы, делая проблему, описанную Чеховым, отражением общенациональных социальных проблем.

Уменьшительные суффиксы (ласкательные, пренебрежительные и т. д.), используемые в именах художественных произведений А. П. Чехова, в частности, в рассказе «Ванька», обогащают текст эмоциональными оттенками, показывая как уничижительное отношение к герою, так и нежность со стороны близких. Таким образом, выбор антропонима и его вариаций формирует в рассказе многослойное восприятие персонажа и его окружения. Отметим, что чаще всего этот персонаж называется одним именем.

Также одним именем в рассказе названа мать главного героя – Пелагея. *«Когда еще была жива Ванькина мать Пелагея и служила у господ в горничных...»* [Чехов 1985, с. 480]. Это полное имя было широко распространено в крестьянской среде, где было не принято обращаться к женщинам по имени-отчеству. Отчетливо это заметно при сравнении крестьянского имени Пелагея и имени барышни Ольги Игнатьевны. *«Больше всех хлопотала барышня Ольга Игнатьевна, любимица Ваньки»* [Чехов 1985, с. 480]. Ольга – имя, популярное среди дворян, а использование отчества при обращении указывает на высокое социальное положение женщины. Большую роль как показатель социальной значимости имени играет его «огласовка, фонетическая модификация». Например, личные имена не дворян, преимущественно «простонародья» – *Арина, Маланья, Алёна*, а официальные дублиеты тех же имен – *Ирина, Елена, Мелания*. С одной стороны, само имя *Пелагея* указывает на низкий социальный статус персонажа (отчество отсутствует), но в то же время полная форма его (а не краткая – *Пелага, Пелагейка, Палага, Палашка* и т. д.) говорит о том, что это взрослая женщина.

В рассказе используются и такие номинативы, как клички животных, которые А. В. Суперанская выносит в отдельную подгруппу имен. В произведении встречаются клички собаки: *Каштанка* (данное слово происходит от окраса ее шерсти – каштанового) и *Вьюн* (происходит от слова «витья» и свидетельствует об активном характере животного).

Таким образом, использование кратких и полных имен в рассказе «Ванька» влияет на смысловую и идейную окраску произведения и передает читателю информацию, необходимую для правильной интерпретации рассказа.

2. Значение имен и отчеств

В представленном рассказе дважды встречаются персонажи, к которым главный герой обращается по имени и отчеству – Константин Макарыч, дедушка Ваньки, и барышня Ольга Игнатьевна, у которой работала мать главного героя.

Отчество на Руси могло иметь две формы: «Петр Иванов сын» и «Петр Иванович».

Первая форма получила название «полуотчество» и была основной, официально употребляемой для лиц всех сословий. При обращении к не дворянам слово «сын» в разговорной речи обычно опускалось.

Вторая форма отчества (со старославянским окончанием *-вич*) возникла в конце XVI в. и употреблялась как элемент особенно почетной формы обращения (имя и отчество). Право пользоваться ею рассматривалось как милость, государь указывал, кого следует именовать так. Эта традиция сохранялась и первое время при Петре I. В царствование Екатерины I был составлен список немногих лиц, которых в правительственных документах полагалось именовать отчеством с *-вич*. Это было несомненным признаком дворянской принадлежности. Затем форма отчества на *-вич* стала получать всё более широкое распространение в сфере частных отношений дворянства и чиновничества, а с середины XIX в. – и других сословий. После введения «Табели о рангах» употребление отчества стало согласовываться и с классом чина. Отчество на *-вич* соответствовало первым пяти классам, VI–VIII классу – полуотчество, а ко всем остальным обращались только по имени, без отчества или только по отчеству. Носители только отчеств – в большинстве случаев люди низших сословий. Представители господствующих классов обычно видели в назывании человека только по отчеству «унижение для себя». Интересно отметить, что накануне отмены крепостного права в крестьянской среде было принято именование друг друга только по отчеству с *-вич* (*Иванович, Васильевич*), а после реформы 1861 г. бывшие крепостные нарочито называли друг друга по имени и отчеству с *-вич*, а бывших помещиков – именем и полуотчеством без слова «сын». А. В. Суперанская указывает, что именование «было обусловлено социальным положением человека и менялось в зависимости от его общественного положения и от отношения общества к нему. От нейтрального уровня (*Иван Петров сын*) возможно было как подняться на ступеньку (*Иван Петрович*), так и снизиться (*Ивашка Петров*). Если вне закона оказывался даже самый именитый человек, его начинали именовать в сниженном плане» [Суперанская 1981, с. 112].

Обращение Ваньки к дедушке *Константин Макарыч* свидетельствует о его уважении к близкому человеку: «*Милый дедушка, Константин Макарыч! – писал он. – И пишу тебе письмо*» [Чехов 1985, с. 480] и, в том числе, о преклонном возрасте дедушки – «*не по годам озорного старика, служащего у господ ночным сторожем*».

Можно предположить, что именно так деда называли окружающие люди, что свидетельствует о том, что Константин Макарыч пользовался уважением среди односельчан. При этом, характерен выбор для обращения разговорной формы *Макарыч*, а не полной *Макарович*, так как такая форма больше характерна для письменной речи: «*Ванька перевел глаза на темное окно, в котором мелькало отражение его свечи, и живо вообразил себе*

своего деда Константина Макарыча, служащего ночным сторожем у господ Живаревых» [Чехов 1985, с. 480].

Не случайно отчество Ольги Игнатьевны Ванька произносит полностью, не «прожевывая» звуки. К ней он относится с особым почтением, ведь та проявила к главному герою заботу и сострадание: *«Ольга Игнатьевна кормила Ваньку леденцами и от нечего делать выучила его читать, писать, считать до ста и даже танцевать кадрили» [Чехов 1985, с. 480].*

3. Использование фамилий

Появление фамилий было связано с социальной дифференциацией общества. В России княжеские, а за ними боярские фамилии возникали с XIV до середины XVI в.; помещичьи – формировались в XVI–XVII вв. К началу XVIII в. фамилии имели уже все дворяне-помещики. Их фамилии большей частью образовались от отчеств (имени отца) и определили названия владений (деревень) [Суперанская 1981, с. 141]. Фамилии же горожан, за исключением именитого купечества (у купцов фамилии начинали возникать еще в XVI в., но только у крупнейших), еще не установились окончательно и в начале XIX в. Даже фамилии духовенства созданы только в XVIII и первой половине XIX в., а подавляющее большинство крепостных крестьян и до середины XIX в. не имело фамилий. Они формируются особенно активно после отмены крепостного права в 1861 г. (от фамилий помещиков, названий населенных пунктов, прозвищ, отчеств). Сама форма фамилии была социально детерминирована. Например, при перечислении *Иванов, Петров, Сидоров* имелись в виду не просто русские люди, а люди, принадлежавшие в России XIX века к низшему сословию, так как фамилии, образованные от личных имен, в России XVIII–XIX вв. давались приказным людям, солдатам, крестьянам, не имевшим каких-либо ярких личных прозвищ или наследственных фамилий. Исследователи указывают, что до 1917 г. социальную значимость, родовитость, принадлежность к старинным дворянским родам или к духовенству обозначали фамилии с суффиксом *-ск-*, например: *Воротынский, Галицкий, Ржевский*.

Рассмотрим фамилии, использованные в рассказе Чехова. Главный герой носит фамилию Жуков, что свидетельствует о его крестьянском происхождении. А. В. Суперанская предлагает следующий перечень признаков, по которым можно определить принадлежность фамилии к крестьянским:

✓ Фамилии крестьян часто образовывались от имени отца, отражая родственную принадлежность к главе семьи. Например, если главу семейства звали Иваном, то фамилия была Иванов, если Алексей — Алексеев.

✓ Нередко фамилии присваивали по внешнему виду, характеру или роду деятельности. Примеры: Удалов, Большов, Кузнецов, Портнов, Плотников.

✓ Иногда фамилии возникали от прозвищ, отражающих внешность или характер человека. Например, если человек был светловолосым, его могли назвать Беляковым, если рыжим – Рыжковым, а если плотного телосложения – Толстых.

✓ Источником фамилии иногда становилось место проживания предков, особенно если семья происходила из определенного региона или города.

✓ Фамилии иногда образовывались от названий животных, отражая особенности или ассоциации, связанные с носителями фамилий. Примеры: Жуков, Соколов, Медведев, Волков, Лебедев [Суперанская 1981, с. 210].

Таким образом, фамилия Ваньки была образована от названия насекомого – жук, видимо, по темному цвету волос. Это свидетельствует о крестьянском происхождении его семьи.

Можно предположить, что фамилия сапожника Аляхина, к которому мальчика отдали в учение, также является говорящей. Если обратить внимание на происхождение имени, то оно восходит к древнерусскому слову «алеха», обозначающему чужака, купца, пришедшего издалека. Из этого можно сделать вывод, что сапожник имеет не крестьянское происхождение. Также в Большом словаре русских поговорок отмечено следующее значение слова «алеха»: «Глупый, невежественный человек». Такая переключка может свидетельствовать о неслучайном выборе фамилии автором – для жестокого, невежественного героя была выбрана соответствующая фамилия. Помимо этой фамилии, для наименования сапожника используется номинатив «хозяин». Он указывает не только на то, мальчик находится в подчинении у Аляхина, но и на то, что сапожник имеет над ним неограниченную власть.

Фамилия дворян, которым служила семья Ваньки, – Живаревы. *«Ванька перевел глаза на темное окно, в котором мелькало отражение его свечи, и живо вообразил себе своего деда Константина Макарыча, служащего ночным сторожем у господ Живаревых»* [Чехов 1985, с. 480]. Можно предположить, что ее выбор также представляет собой художественный прием: она созвучна со словом «живой», ведь Ольга Игнатьевна Живарева проявила живое участие по отношению в Ваньке, научила его читать и писать, подарила ему человеческое тепло.

Лингвистический анализ показал, что чаще всего фамилии героев в рассказе А. П. Чехова «Ванька» образованы суффиксальным способом от имен нарицательных и являются способом неявной характеристики и оценки героев.

Таким образом, в рассказе «Ванька» Антон Павлович Чехов использует реально существующие, а не вымышленные имена, отчества и

фамилии. Он опирается на традицию их употребления в России и дает читателям возможность уже по форме их использования представить возраст, социальное положение персонажа, а также понять отношение к нему других героев произведения. Значит, важнейшая функция антропонимов в рассказе «Ванька» – характерологическая. Однако автор не ограничивается ею.

Антропонимы в этом рассказе несут сразу несколько функций. Например, передают эмоциональное отношение персонажа к людям, окружающим его («Милый дедушка, Константин Макарыч!», «Ванюша»), демонстрируют их социальное положение (*Ванька* – форма имени, используемая при обращении к крестьянам), возраст (*Пелагея*) и происхождение (фамилия Жуков говорит о крестьянском происхождении героя), намекают на черты характера или поведения (фамилия Аляхина, этимологически восходящая к слову «алеха», означает «чужак», может символизировать чуждость семьи сапожника для Ваньки). Будучи вынесенным в заголовок, имя усиливает идею произведения, подчеркивая типичность героя рассказа.

Имена собственные занимают важное место в рассказе «Ванька» и по праву могут считаться как средством создания ярких колоритных образов, так и способом раскрытия идейного содержания рассказа. Это яркое средство художественной изобразительности, характерное для стиля А. П. Чехова.

Литература

Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий / И. М. Ганжина. – Москва: Астрель: АСТ, 2001. – 672 с.

Суперанская А. В. Ваше имя? / А. В. Суперанская. – Москва: Армада-пресс, 2001. – 254 с.

Суперанская А. В. Имя – через века и страны / А. В. Суперанская. – Москва: ЛКИ, 2007. – 192 с.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Москва: Стереотип, 2023. – 366 с.

Суперанская А. В. Современные русские фамилии / А. В. Суперанская, А. В. Суслова. – Москва: Наука, 1981. – 176 с.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах / А. П. Чехов. – Москва: Наука, 1985. – Т. 5. – 707 с.

*М. В. Камашева, А. И. Кмин, А.Д. Пивоварова
(Елабуга, Республика Татарстан, Россия)*

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В МОЛОДЕЖНОМ ДИСКУРСЕ: КОРРЕЛЯЦИЯ ЧАСТОТНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ И СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДИФИКАЦИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу англоязычных заимствований в молодежном дискурсе и исследованию корреляции между частотностью их употребления и семантическими модификациями. Целью работы является определение характера семантических сдвигов заимствований и выявление причин, которые обуславливают эти изменения в молодежной коммуникативной среде.

Ключевые слова: сленг, семантика, молодежь, англицизмы, лингвистика.

Современный этап развития языка во многом определяется процессами глобализации, культурной интеграции и интенсивным распространением информационных технологий. Одним из наиболее заметных проявлений этих процессов является рост количества англоязычных заимствований, активно проникающих в различные сферы общения. Особенно ярко данное явление проявляется в молодежном дискурсе, который традиционно отличается динамичностью, открытостью к инновациям и стремлением к языковой креативности.

Англицизмы выполняют в молодежной речи не только номинативную, но и стилистическую функцию, выступая средством выражения «модности», принадлежности к определенной социальной группе, а также способом демонстрации вовлеченности в глобальные культурные процессы.

Не менее значимым является и процесс семантических модификаций: многие заимствованные слова в молодежном дискурсе подвергаются трансформациям – от изменения объема значения до приобретения новых коннотаций. Именно в среде молодых носителей языка проявляется наибольшая гибкость в использовании заимствований, что делает данное явление особенно перспективным для лингвистического анализа.

Настоящее исследование направлено на анализ корреляции между частотностью употребления англоязычных заимствований и характером их семантических модификаций в молодежном дискурсе.

Молодежный дискурс традиционно рассматривается как одна из самых динамичных сфер функционирования языка. Он выступает не только средством коммуникации, но и маркером социальной идентичности, принадлежности к группе, а также способом отделения от старших поколений. Для молодежной речи характерна особая открытость к инновациям: она активно заимствует новые слова, создает аббревиатуры и неологизмы. Именно поэтому заимствования являются значимой и заметной чертой данной разновидности речи.

Влияние молодежной культуры определяет лексические, семантические и композиционные черты заимствований из английского в русском молодежном сленге. По мнению Е. В. Ивановой, «ассимиляция английских слов происходит в основном через преобразование слов английского языка под русскую орфографию» [Иванова 2016, с. 3].

Применение англицизмов в русском молодежном сленге объясняется не только желанием владеть иностранными словами, но и потребностью в самовыражении, формировании уникального языкового инструментария, демонстрирующего их социокультурные интересы. Согласно исследованию В. И. Карасика «Языковая личность: основные концепты и структурные искажения», молодежный сленг служит средством формирования собственной идентичности и выражает несогласие с принятыми устоями и идеалами [Карасик 2004].

Молодежный сленг активно и стремительно поглощает англицизмы. Как отмечает М. В. Лебедева, «в условиях быстрого развития информационных технологий и трансляции американской культуры англицизмы становятся неотъемлемой частью русской разговорной речи молодежи» [Лебедева 2012, с. 13].

Особенности англицизмов в молодежном сленге проявляются в нескольких аспектах. Во-первых, они часто приобретают несколько значений, а также могут использоваться в совершенно новых, ранее не свойственных им смыслах. Во-вторых, из них образуются более сложные языковые конструкции, активно применяется игра слов. Заимствованные слова и выражения быстро завоевывают популярность в молодежном общении и играют роль в становлении новых языковых традиций.

Частотность играет решающую роль в определении статуса заимствования. Чем чаще слово используется в молодежной речи, тем выше вероятность его интеграции в повседневной лексикон. По наблюдениям Е. А. Земской, заимствованные слова, активно используемые в повседневной коммуникации, быстро утрачивают «чуждость» и становятся частью лексической системы языка [Русский язык конца XX столетия 1996].

Заимствованные слова редко сохраняют исходные значения полностью. В процессе функционирования они могут сужать или расширять свою семантику, приобретать переносные значения или новые коннотации.

Взаимосвязь между частотностью употребления и семантической модификацией является ключевым аспектом изучения англицизмов в молодежном дискурсе. Чем чаще заимствования используются, тем больше контекстов, в которых оно может подвергнуться переосмыслению. Напротив, редкие слова чаще сохраняют первоначальное значение, близкое к оригиналу.

Таким образом, **молодежный дискурс является динамичной площадкой для изучения англицизмов**, где наблюдается активное взаимодействие между частотностью употребления и характером семантических модификаций, что формирует новые языковые традиции и отражает социокультурные интересы молодого поколения.

Среди распространенных англицизмов, используемых в русском молодежном сленге, можно выделить следующие слова и выражения (Таблица 1).

Таблица 1

Оригинальные и трансформированные значения англицизмов

Лексическая единица	Классическое (общеупотребительное) значение	Новое (сленговое) значение
Prime	Первоначальный, основной, первичный, простой	Наилучший
Slay	Убивать	Выглядеть потрясающе, превосходно справляться с чем-либо, быть впечатляющим.
Low-key	Неброский, тихий, сдержанный	«В глубине души», «не особо афишируя»
Cap / no cap	Без кепки (дословно)	Правда / ложь
Ate	Есть, съел	Превосходно справился, «сделал это великолепно», покорила
Cram	Впихивать, втискивать, переполнять	Зубрить, заучивать материал
Brain rot	Гниение мозга	Бессмысленный, тривиальный, низкокачественный цифровой контент; умственная деградация от чрезмерного потребления такого контента
Fire	Огонь, пламя; каление	Очень хороший, отличный
Drip	Капать, падать каплями	Стильный образ, дорогая эффектная одежда

Проведем анализ вышеперечисленных лексических единиц. В классическом употреблении слова «**prime**» (рус. *прайм*) относится к чему-то, что является базовым, фундаментальным, первым по порядку или значению. В современной речи русскоговорящих молодых людей слово *prime* употребляется в своей исходной форме, то есть является англицизмом: *She is in her prime now.* – *Она сейчас в своем прайме.*

Похожая ситуация со словом «**slay**». Традиционно глагол *to slay* (рус. *убивать, умерщвлять*) означает «лишать жизни», часто в драматическом или литературном контексте, например, *slay a dragon* (*убить дракона*). Данная лексическая единица вошла в русскую речь и стала англицизмом «гибридом», так как она изменяется по модели русских прилагательных и наречий, например, *слейный, слейно*: *Your outfit is so slay!* – *Твой новый*

образ такой слейный! (великолепный, неотразимый). Используется для выражения восхищения чьим-то видом, действием, успехом; «быть неотразимым», «справляться блестяще».

Классически выражение «**low-key**» (рус. *низкий ключ, неброский*) описывает что-либо, что является скромным, сдержанным, не привлекающим особого внимания или неформальным. Например, *a low-key party* (негромкая, скромная вечеринка). В сленге *low-key* используется как наречие или прилагательное, указывающее на то, что что-то происходит или ощущается скрытно, вполголоса, неявно или не совсем открыто. Оно часто используется для выражения умеренной степени чувства или действия, которое не является публичным или сильно выраженным. Например, *I'm low-key tired* (Я как бы устал, но не особо это показываю) или *She's low-key obsessed with that show* (Она втайне / в глубине души одержима этим сериалом).

Слово «**Cap**» (рус. *кепка, шапка*) в своем прямом значении – это головной убор. Выражение «без кепки» (*no cap*) в буквальном смысле означало бы отсутствие головного убора. Однако стоит отметить, что слово *cap* имеет множество классических значений, включая «крышка», «верхушка», «лимит». В английском языке *to cap* может также означать «преувеличивать» или «лгать» в неформальном контексте и до появления сленга. В современном сленге *cap* (как существительное) означает «ложь, выдумка или преувеличение». Соответственно, ***no cap*** (рус. *без кепки*) используется для подтверждения правдивости сказанного, означая «без обмана», «правда», «серьезно», «без преувеличений». Это выражение получило широкое распространение из афроамериканского разговорного английского. Например, *That's cap!* (Это ложь!) или *I'm telling you, no cap, it really happened* (Говорю тебе, без обмана, это действительно случилось).

Слово «**Ate**» – «есть, съел» (прошедшее время от *to eat*). В сленге *ate* используется для описания чьего-либо превосходного выступления, блестящего исполнения задачи или полного доминирования в какой-либо ситуации. Это метафора, подразумевающая, что кто-то «поглотил» или «переварил» вызов, справившись с ним безупречно и впечатляюще. Например, *She ate that performance!* (Она блестяще выступила!) или *You ate that challenge!* (Ты справился с этим испытанием великолепно!).

Лексическая единица «**cram**» в своем общеупотребительном значении переводится как «втискивать, переполнять». Классически *to cram* (рус. *впихивать, втискивать*) означает заполнять что-либо слишком большим количеством предметов или людей, или проталкивать что-либо в ограниченное пространство. Например, *cram clothes into a suitcase* (впихивать одежду в чемодан). Семантически изменившись, *to cram* используется для обозначения интенсивной, часто поспешной учебы или запоминания большого объема информации за короткий промежуток

времени, особенно перед экзаменом. Это часто связано с механическим заучиванием, а не глубоким пониманием материала. Это значение является распространенным в неформальном языке, близком к сленгу. Например, *I need to cram for my history exam tonight* (Мне нужно зубрить к экзамену по истории сегодня вечером).

Выражение дословно «**brain rot**» (рус. *гниение мозга*) относится к патологическому процессу разложения или деградации мозговой ткани, что является медицинским или, возможно, научно-фантастическим / хоррор-термином. Под влиянием интернета лексическая единица *brain rot* обрела новую семантику – теперь она описывает низкачественный, бессмысленный, повторяющийся или чрезмерно упрощенный цифровой контент, который в больших количествах встречается в социальных сетях (например, короткие видео, мемы). Кроме того, этот термин также обозначает предполагаемое ухудшение когнитивных функций, снижение внимания и умственное притупление, вызванное чрезмерным и бесконтрольным потреблением такого контента. Идея заключается в том, что этот контент буквально «разлагает» мозг.

Слово «**Fire**» (рус. *огонь, пламя*) в своем основном значении – это процесс горения, сопровождающийся выделением тепла и света. Оно также может означать «страсть, пыл или обжиг» (например, керамики). Новое (сленговое) значение – очень хороший, отличный. В сленге *fire* используется как прилагательное для описания чего-либо, что является исключительно хорошим, крутым, впечатляющим или модным. В русском языке также произошло изменение семантики этого слова, оно обрело качественную характеристику. Например, *That song is fire!* (Эта песня просто огонь / отличная!).

Слово «**Drip**» – в переводе на русский *капать, падать каплями*. В современном сленге *drip* (как существительное) относится к исключительно модному, стильному и часто дорогому внешнему виду человека, особенно его одежде и аксессуарам. Это подразумевает, что стиль настолько хорош, что он «капает» или «истекает» с человека, создавая сильное впечатление. Оно стало ассоциироваться с «каплями» стиля – блеском ювелирных украшений, лоском кроссовок, роскошью брендов. Глагол *to have drip* или *to be dripping* означает «быть чрезвычайно стильным». Например, *Look at his drip, it's amazing!* (Посмотри на его стиль / прикид, это потрясающе!).

Можно выделить следующие причины изменения в семантике слов молодежного сленга:

1. Метафоризация и переосмысление: молодежь часто берет знакомые слова и переносит их в новые контексты. Например: **fire** (огонь) – «очень хороший, отличный»; **ate** (буквально «поел») – «превосходно, покорила».

2. Интернет-культура и мемы: слова быстро меняют значение из-за вирусного распространения в социальных сетях. Сленговое значение

закрепляется не из словаря, а из контекста и трендов. Например: **slay** («убивать») – «потрясающе, быть впечатляющим»; **prime** («основной») – «наилучший».

3. Идентичность и групповая принадлежность: молодежный сленг – способ показать, что ты «в теме». Использование свежих значений слов отличает своих от «чужих». Например: **drip** («капать») – «стильный образ»; **sap / no sap** («с кепкой / без кепки») – «правда / ложь».

4. Ирония и игра с языком: слова часто употребляются нарочито в противоположном или преувеличенном значении, создавая эффект юмора, сарказма или самоиронии. Например: **cram** («впихивать») – «зубрить, заучивать».

Таким образом, молодежный сленг, обогащаясь англицизмами, отражает не только языковые, но и культурные, социальные и психологические особенности современного молодого поколения, демонстрируя его креативность и способность к адаптации языка под свои нужды.

Материалом для анализа корреляции между частотностью употребления англоязычных заимствований и характером их семантических модификаций в молодежном дискурсе послужили результаты опроса «Выявление частотности употребления семантически изменившихся английских слов» среди студентов Елабужского института Казанского федерального университета.

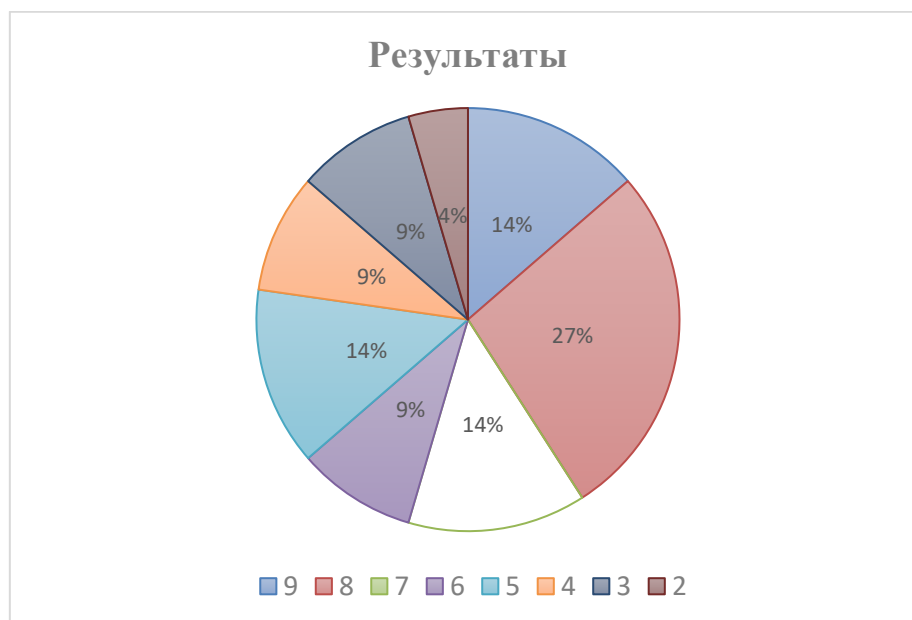
Для тестирования было выделено 9 лексических единиц, которые использовались в классическом и сленговом (семантически измененном) контекстах. Студентам был предоставлен выбор предложения, в котором выделенное слово используется ими в процессе коммуникации чаще всего. Примеры предложений (в оппозиции):

*The hero used his sword to **slay** the mythical beast.* – Герой использовал свой меч, чтобы убить мифического зверя. *That outfit is absolutely gorgeous; you **slay** in those heels!* – Этот наряд просто великолепен; ты просто «слэй» на этих каблуках!

*The **prime** number 7 is only divisible by one and itself.* – Простое число 7 делится только на единицу и само на себя. *She is in her **prime** era because of pilates and yoga.* – Она в своей «прайм-эре» благодаря пилатесу и йоге.

В тестировании поучаствовало 22 студента. Анализ распределения правильных ответов среди респондентов, где «правильный ответ» означал выбор семантически измененного варианта контекста, показал, что студенты обладают высокой степенью осведомленности о современном употреблении данных лексических единиц и сами используют сленговые английские слова в общении друг с другом. Самое частотное значение было зафиксировано на 8 правильных ответах, которые дали 6 респондентов, что составило 27% от общего числа. Также 3 студента смогли дать 9 правильных ответов (14%), что свидетельствует о хорошем

понимании целевой аудиторией особенностей семантического сдвига или закрепления заимствований. При этом 22% студентов (суммарно) выбирали преимущественно варианты с использованием лексических единиц в их традиционном значении. Они дали от двух до четырех вариантов ответа, в которых выделенные слова употребляются в своем новом, измененном значении.

Данные проведенного эксперимента показывают, что наиболее частотно в речи молодежи употребляются такие лексические единицы, как *slay*, *drip*, *brain rot*, *prime*, *cram*, преимущественно в своих семантически модифицированных, «сленговых» контекстах. Это подтверждает гипотезу о том, что активное заимствование и внедрение англоязычных слов в молодежный дискурс часто сопровождается их переосмыслением и адаптацией под новые экспрессивные нужды. Модифицированные значения позволяют молодежи более точно, эмоционально и лаконично выражать свои эмоции и мысли.

В то же время, в своем традиционном контексте чаще употребляются такие слова как *ate*, *no cap*. Для слова *ate* (прошедшее время от *eat* – есть), его более частотное употребление в традиционном контексте (*поел*) по сравнению с его относительно новым сленговым значением («справился с чем-то блестяще», *she ate that up*) может указывать на то, что это сленговое значение еще не достигло такой широкой распространенности или стабильности в повседневной речи данной группы студентов, либо его буквальное значение остается более универсальным для большинства бытовых ситуаций.

Случай с *no cap* является особенно интересным. Поскольку само выражение *no cap* является сленговым (означает «без обмана», «чистая правда»), его отнесение к «традиционному контексту» в рамках данного

теста, вероятно, означает выбор его наиболее устоявшегося и широко известного сленгового значения, а не какого-либо дальнейшего семантического видоизменения или буквальной интерпретации. Это говорит о том, что *no cap* прочно закрепилось в молодежном дискурсе именно в этом значении и не подвергается существенным дальнейшим трансформациями, выступая как стабильная лексическая единица.

Значительная часть англоязычных заимствований, таких как *slay*, *drip*, *brain rot*, становятся популярными именно благодаря приобретению новых, уникальных для молодежного дискурса значений. Эти модификации делают слова более выразительными и точно соответствующими потребностям современного общения.

Некоторые заимствованные выражения интегрируются и закрепляются в своем новом, сленговом значении, становясь стабильными элементами языка без дальнейших существенных семантических сдвигов. При этом слова, имеющие сильное и универсальное традиционное значение, могут сохранять свою доминирующую позицию, несмотря на появление параллельных сленговых употреблений.

Исследование показало, что студенты (22 человека) в целом хорошо осведомлены о современном употреблении англоязычных сленговых слов. Большинство демонстрирует понимание и использование этих слов в их модифицированных, «сленговых» значениях, особенно таких как *slay*, *drip*, *brain rot*, *prime*, *cram*. Однако наблюдается и дифференциация в употреблении. Некоторые слова, такие как *ate*, чаще используются в традиционном значении, что может указывать на то, что их сленговое значение еще не получило широкого распространения. Выражение *no cap*, напротив, прочно закрепилось в своем сленговом значении и используется стабильно.

Современный этап развития языка характеризуется влиянием глобализации, культурной интеграции и информационных технологий, что приводит к увеличению англоязычных заимствований, особенно в молодежном дискурсе. Молодежь активно использует англицизмы не только для обозначения предметов и явлений, но и как средство выражения своей идентичности и принадлежности к определенной социальной группе. Заимствованные слова часто подвергаются семантическим модификациям, что делает их значимой частью молодежного сленга.

Анализ показывает, что частота употребления англицизмов напрямую влияет на их семантические изменения: чем чаще слово используется, тем больше контекстов, в которых оно может быть переосмыслено. Молодежный сленг, обогащаясь англицизмами, отражает культурные и социальные особенности современного поколения, демонстрируя его креативность и адаптивность языка. Исследование, проведенное среди студентов, подтверждает высокую степень осведомленности молодежи о

современных значениях англоязычных заимствований, что свидетельствует о динамичности и изменчивости языка в условиях современного общества.

Литература

Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / [В. Л. Воронцова, М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова и др.; Отв. ред. Е. А. Земская]; Ин-т рус. яз. Рос. акад. наук. – Москва: Языки рус. культуры, 1996. – 473 с.

Иванова Е. В. Лексико-семантические и структурные особенности англицизмов в современном русском молодежном сленге / Е. В. Иванова // Молодой ученый. – 2016. – № 3(109). – С. 46-48.

Карасик В. И. Языковая личность: основные концепты и структурные искажения / В.И. Карасик. – Санкт-Петербург: Издательство РХГА, 2004. – 389 с.

Лебедева М. В. Англицизмы в современном русском языке: содержание, функции, процессы аппаратно-терминологической / М. В. Лебедева // Научный вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 13.

Файзуллин А. В. Англицизмы в русском молодежном сленге / А. В. Файзуллин, Я. В. Лето // Юный ученый. – 2024. – № 2 (76). – С. 46-48.

В. А. Лошкарева (Тверь, Россия)

СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА ОСВОЕНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В УЗУАЛЬНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ

Аннотация. Рассматриваются причины появления заимствований в принимающем языке. Подчеркивается роль узуальных употреблений в процессе вхождения заимствования в систему языка-реципиента. Устанавливается зависимость между способом перевода заимствования и этапом его вхождения в систему языка.

Ключевые слова: англицизм, заимствование, система языка, узус, освоение слова.

За последние десятилетия русский язык претерпел значительные изменения. И. А. Стернин выделяет три основных направления, в рамках которых могут быть описаны основные изменения в системе языка:

- 1) изменения в дискурсе;
- 2) изменения в лексико-фразеологической системе языка;
- 3) функциональные изменения в русском языке [Стернин 2004, с. 12].

В русле настоящего исследования остановимся подробнее на изменениях в лексико-фразеологической системе языка, а именно на проблеме освоения заимствований русским языком. В условиях глобализации и интенсивного межкультурного взаимодействия русский язык активно заимствует лексику из иностранных языков, что приводит к появлению большого количества заимствований в современном русском языке.

Рассмотрим причины появления иноязычных заимствований в языке-реципиенте. М. А. Брейтер к причинам появления иноязычной лексики в принимающем языке относит следующие факторы:

- 1) язык-реципиент не обладает названием для новой реалии или нового понятия (пример *спонсор*);
- 2) когнитивная база языка-реципиента не имеет соответствующего наименования (пример *бренд*);
- 3) стилистический эффект не может быть достигнут при помощи исконной лексики;
- 4) новое иноязычное слово заменяет понятие, ранее обозначавшееся с помощью местоимения (пример *рейтинг – положение фирмы в списке себе подобных*) [Брейтер 2011, с. 33].

Л. П. Крысин разделяет внешние и внутренние причины появления заимствований в языке-реципиенте. К внутренним причинам появления заимствований в языке исследователь относит:

- 1) потребность в уточнении понятия, упрощении его смысловой структуры, разграничении оттенков смысла, составляющих понятие;
- 2) наличие структурно аналогичных слов в принимающем языке;
- 3) «тенденцию к соответствию нерасчлененности обозначаемого понятия с нерасчлененностью обозначающего» [Крысин 2002, с. 27-32].

К внешним причинам, по мнению Л. П. Крысина, относятся политические, социально-экономические и культурные связи между народами.

Э. Ф. Володарская выделяет пять периодов истории, на которые приходится пик заимствования иноязычной лексики (в особенности англицизмов) в русский язык, и рассматривает лингвистические и экстралингвистические факторы, послужившие причиной проникновения иностранной лексики в систему русского языка.

Первый период вхождения заимствований в русский язык ведет свое начало от взаимодействия славян с различными племенами. Русско-английские контакты зарождаются гораздо позднее и датируются XVI в. Английские слова, заимствованные в русский язык в тот период времени, в основном, относились к торговой и общественно-политической сфере, а также включали в себя названия английских административных должностей (*lord – лорд*). Лексика, заимствованная русским языком в этот период времени, также включала в себя торговую терминологию в связи с успехами внешней торговли России в XVI в.

Второй период вхождения заимствований в русский язык относится ко времени правления Петра I (1682–1725). В русский язык проникали англицизмы и нидерландизмы из сферы кораблестроения, математики, общетехнических и морских наук. Именно при Петре I была заложена мода на иностранные языки в России.

Третий период вхождения иноязычной лексики в русский язык

приходится на 20-е гг. XIX в. В основе пика проникновения заимствований лежала эволюция этого процесса в период между эпохой правления Петра I и первой четвертью XIX в. Важной вехой на пути этого процесса являлась «англофильская направленность» Екатерины II. Именно в это время в России развиваются переводческая деятельность и преподавание английского языка. Из узкого аристократического круга английский язык выходит к широким кругам российского общества, что способствует увеличению количества английских слов, использованных в речи носителей русского языка.

Четвертый период датируется концом XIX – началом XX в. (предреволюционный период). В русский язык пришла лексика из немецкого, французского и английского (в меньшей степени) языков, почерпнутая из произведений иностранной литературы революционерами. Политическая революция 1917 г. и научно-технический прогресс только усилили влияние иноязычной лексики на русский язык. Тем не менее, в период после Первой мировой войны популярность германизмов снизилась на короткое время по причине антинемецких настроений. Германизмы были заменены русскими словами. Приток английской лексики в русский язык наблюдается в 1920-е гг. и затем идет на спад в середине 1930-х гг. Процесс замены иноязычной лексики русскими словами характерен для периода Второй мировой войны, холодной войны (*голкипер* – *вратарь*). Слова, пришедшие в то время русский язык, как правило, сохраняли негативную коннотацию (*бизнес*) или являлись экзотизмами (*бестселлер*).

5. Начиная с 1960-х гг. наблюдается потепление в отношении лингвистического влияния иноязычной лексики. Так, пик заимствования лексики русским языком приходится на 1970–1980-е гг. (*импичмент*, *истэблишмент*, *консенсус*). В этот период были заимствованы кальки из английского языка (*белые воротнички*) [Володарская 2002].

Настоящее исследование посвящено выявлению специфики процесса освоения англицизмов русским языком через призму переводческой деятельности на узуальном материале. Датский лингвист Л. Ельмслев описывал языковую систему как состоящую из четырех составляющих: «схема → норма → узус → речевой акт» [Ельмслев 2006, с. 164-174]. Полагаем, что выявление специфики употребления заимствований носителями принимающего языка на этапе их стабилизации, который предшествует кодификации, может осуществляться на узуальном материале. Иными словами, вхождение нового слова в систему принимающего языка происходит через узуальные употребления. Это необходимый этап формирования нормы.

Освоение заимствования принимающим языком берет свое начало в типичных индивидуальных употреблениях слова, связанных с освоением слова индивидом. Таким образом, процесс индивидуальных употреблений

заимствований может быть рассмотрен в аспекте индивидуального в рамках психолингвистических исследований и в аспекте типичного, что и находится в фокусе настоящего исследования.

Процесс освоения лексической единицы системой языка-реципиента и процесс освоения слова индивидом могут быть описаны в единицах когнитивных стратегий. С. Ю. Нарциссова говорит об «однотипности когнитивных процессов у разных носителей языка [Нарциссова 2010, с. 395]. То есть универсальные когнитивные стратегии закрепляются в узуальном употреблении языковых единиц. Когнитивные стратегии могут описывать процессы, происходящие в системе языка в целом, а не только процессы, происходящие в сознании индивида.

Для проверки истинности настоящего предположения разработано и проведено экспериментальное исследование. Языковым материалом послужили 30 англицизмов: **авторизация, аутлет, баннер, блэкаут / блэк-аут, боди, бокс-офис, бэкграунд, воркшоп, демпинг, диверсификация, истеблишмент, камбек / камбэк, кампейн, коллектор, криэйтор / креатор, лаунж / лаундж, листинг, лузер, мейджор, месседж, милитари, опен-эйр, офшор / оффшор, паркинг, релиз, ридер, роялти, саунд, сток, эквайер.**

Языковой материал исследования был отобран нами в соответствии со следующими критериями:

- 1) слова являются англицизмами, относительно недавно заимствованными в русский язык;
- 2) используются в сфере СМИ, маркетинга, экономики;
- 3) потенциально неизвестны широкому кругу носителей языка,
- 4) значение слова в русском языке отличается от значения его аналога в английском языке;
- 5) слово зафиксировано в англо- и русскоязычных лексикографических источниках.

Основным источником отбора единиц языкового материала исследования стал «Словарь новейших иностранных слов» Е. Н. Шагаловой, включающий в себя заимствования, появившиеся в русском языке в первых двух десятилетиях XXI века [Шагалова 2019].

Когнитивные стратегии освоения англицизмов были выявлены на лексикографическом материале. Для 25 задействованных в нашем исследовании заимствований характерна когнитивная стратегия сужения значения в языке-реципиенте, примером является слово **роялти**. Стратегией замещения значения слова характеризуются 4 слова, пример – **сток**, стратегией сохранения тождественности 1 слово – **диверсификация**.

Для проведения экспериментального исследования были задействованы носители русского языка, имеющие отношение к переводческой деятельности. Задача испытуемых заключалась в том, чтобы перевести на русский язык английские предложения (с каждым

эквивалентом из языка-донора интересующих нас англицизмов были составлены по 4 предложения). В ряде предложений перевод англицизмом уместен по контексту, например в предложении *This type of **parking** is the most optimal for tenants*. В других предложениях перевод при помощи англицизма неуместен по контексту, например в предложении ***Parking** fines are given for **parking** offences*. Отбор предложений производился при помощи электронных ресурсов Cambridge Dictionary и WoordHunt.

Результаты экспериментального исследования помогают прийти к следующим выводам.

1. В предложениях, по контексту предполагающих перевод при помощи англицизма, испытуемые прибегали не только к переводу заимствованием, но и к синонимичному и экспликативному переводу. Полагаем, что способ перевода связан со степенью освоения заимствования системой русского языка. Синонимичный перевод свидетельствует о начальном этапе освоения англицизма (**authorization** – *подтверждение*). Экспликативный перевод занимает промежуточное положение, демонстрируя, что принимающий язык не предлагает ни синонимичной замены, ни слова-заимствования, а нуждается в новом слове (**major** – *крупная компания*). Перевод при помощи англицизма сигнализирует об устойчивой позиции заимствования в системе языка-реципиента (**collector** – *коллектор*).

2. В целом, когнитивные стратегии освоения заимствований, выявленные на лексикографическом материале и полученные при переводе слов испытуемыми, имеют прямую корреляцию. Если словарная статья говорит о сужении значения заимствованного слова, то и переводы испытуемых характеризовались когнитивной стратегией сужения значения заимствования. Встречались не носящие системный характер исключения, которые можно оценивать как некорректные переводы. Например, в предложении ***Majors** sponsor commercial projects* встретился перевод слова **majors** как **майоры**, то есть перевод при помощи стратегии сужения значения, что неуместно в данном контексте. Такие случаи нельзя рассматривать как специфику узуального употребления.

Дальнейшее изучение процесса освоения заимствований принимающим языком на материале узуального употребления языковых единиц (обязательного этапа вхождения заимствования в языковую систему) является предметом наших последующих исследований.

Литература

Брейтер М. А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы. Пособие для иностранных студентов-русистов / М. А. Брейтер. – Владивосток: Изд-во Диалог, 2011. – 210 с.

Володарская Э. Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов / Э. Ф. Володарская // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 96-118.

Ельмслев Л. Пролемгоны к теории языка / Л. Ельмслев; пер. с англ.

[В.А. Звегинцев и др.]. – Москва: Ленанд, 2005. – 243 с.

Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 27-34.

Нарциссова С. Ю. Когнитивная модель и когнитивные стратегии / С. Ю. Нарциссова // Наука и современность. – 2010. – №6-1. – С. 393-397.

Стернин И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века / И. А. Стернин. – Воронеж, 2004. – 93 с.

Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов / Е. Н. Шагалова. – Москва: АСТ-Пресс, 2019. – 576 с.

С. О. Малевинский (Краснодар, Россия)

РУССКИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С РЕЛЯЦИОННЫМИ ЛЕКСИЧЕСКИМИ ЗНАЧЕНИЯМИ

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме выделения основных типов имен существительных, имеющих реляционные лексические значения, в русском языке. Автор выявляет и описывает свойственные таким именам значения реляционного универсализма и субъективных отношений, присущих отдельным личностям. В соответствии с их семантическим содержанием автор выделяет эмоциональные реляционные значения, значение неопределенности референта и значения субъективной значимости референта.

Ключевые слова: реляционное лексическое значение, значение реляционного универсализма, значение эмоциональной реляционности, значение неопределенного референта, значение субъективной значимости референта.

Реляционные значения, отражающие в своем содержании различные субъективные отношения людей к тем или иным лицам, предметам и явлениям, образуют особый семантический тип лексических значений полнозначительных слов (стоящий в одном ряду с дескрипционными, компаративными, дейктическими, анафорическими и критериально-оценочными значениями). Значения такого рода могут выражаться именами прилагательными, местоимениями, вводными словами и целым рядом имен существительных, обозначающих какие-либо объекты, характеризующиеся с точки зрения чьего-либо субъективного отношения к ним. В последнем случае, будучи свойственны именам существительным, реляционные значения зачастую предстают в не очень проявленном виде, слабо рефлексированы и далеко не всегда бывают осознаваемы как рядовыми носителями языка, так и профессиональными лексикографами, занимающимися составлением толковых словарей. Во многом это объясняется тем, что в семантике многих существительных значения реляционного характера выступают в качестве вторичных, производных от каких-то других (дескрипционных или критериально-оценочных)

лексических значений. Бывают даже случаи, когда реляционные значения могут «теряться» среди множества нереляционных значений и оттенков значений многозначных слов и не получать, таким образом, адекватного лексикографического отражения. Именно этими соображениями во многом обуславливается актуальность и новизна данного исследования.

Еще одна сложность осмысления реляционных значений как отражающих какие-то субъективные отношения к обозначаемым именами существительными объектам заключается в том, что само понятие субъективного отношения охватывает такие разноплановые психические феномены, как свойственные людям чувства, эмоции, эмоциональные тоны каких-либо ощущений, переживание каких-то желаний, продукты деонтического или ценностного осмысления чего-либо, определенность или неопределенность того или иного объекта, его смысловая идентифицируемость или неидентифицируемость, понимание или непонимание чего-либо, мера субъективной значимости какого-либо предмета или явления реальной действительности для воспринимающего его субъекта. Гипотетически все перечисленные здесь эмоциональные и ментальные психические проявления могли бы служить основой для формирования у имен существительных определяемых как реляционные основных (стержневых, словарных) лексических значений, не говоря уже о возможностях соответствующей реляционной семантической коннотации.

С помощью метода сплошной выборки в современных словарях русского языка нами были обнаружены 228 общеупотребительных и жаргонных существительных, имеющих реляционные значения, функционирующие не как коннотативные или ассоциативные (сопутствующие) смыслы, а как самостоятельные (основные, стержневые) словарные значения, могущие быть как неприменованными (исходными), так и производными (вторичными).

Наиболее значительную группу среди этих слов (97 единиц) составляют существительные, имеющие значения, определяемые нами как значения реляционного универсализма. Специфика значений такого рода заключается в том, что они отражают в своем содержании такое субъективное отношение к обозначаемому объекту, которое может быть приписано не только конкретному человеку или группе людей, но и всем людям вообще. Существительные, относящиеся к данной группе, могут обозначать:

1) объекты, продуцирующие определенный эмоциональный тон возникающих при их восприятии вкусовых и обонятельных ощущений (*вкуснота, вкусность, вкуснятина, вкуснотища, объедение, отравка, вонючка*);

2) объекты, которые мыслятся как вызывающие приятные психические переживания и состояния (*благодать, удобство*);

3) объекты, представляющиеся смешными (*умора, смехота, ржаса, ржачка, комик*);

4) объекты, вызывающие чувство страха (*страх, страсть, ужас, жуть, пугало, жупел, страшилка, ужастик*);

5) объекты, воспринимаемые как что-то скучное и нудное (*скука, скукота, скокотень, скучища, скукотища, нудь, нуда, нудота, нудотина, нудятина, тягомотина, мутота, нудеж, зануда, нуда*);

6) объекты (по большей части лица), представляющиеся красивыми или некрасивыми (*красавец, красавчик, миляга, симпатяга, красавица, красотка, красуля, красотуля, милаха, милашка, милочка, милушка, очаровательница, очаровашка, обаяшка, красота, пугало, крокодил, крокодилица, жаба, крыса, чувырла, чувырло*).

7) объекты, представляющие собой что-то достойное осуждения с моральной точки зрения (*гадство, блядство, стыд, стыдоба, стыдобища, стыдобище, стыдуха, срам, срамота, срамотища, срамотище, позор, позорище*).

Особо следует отметить наличие среди существительных со значениями реляционного универсализма слов, обладающих многозначной реляционностью, т. е. способных выражать сразу два или несколько из отмеченных выше эмоциональных реляционных значений (*прелесть, сказка, чудо, ништяк, дрянь, дерьмо, говно, кака, бяка, погань, мразь, гадость, гнусность, гнусь, мерзость, пакость, паскудство, страшило, страшила, страшилище, страховище, страхолюдина, чудовище, чудище*).

Вторую по величине группу существительных с реляционной семантикой (90 единиц), образуют слова, имеющие лексические значения, которые мы предлагаем называть значениями относительной реляционности. Эти слова обозначают те объекты, которые характеризуются тем или иным субъективным отношением к ним со стороны какого-то отдельного лица или группы лиц. Такое лицо или лица могут обозначаться притяжательными местоимениями, притяжательными прилагательными или прилагательными на *-ский*, а также существительными в форме родительного падежа с предлогом *для* или без него. Существительные со значениями относительной реляционности могут обозначать:

1) людей, выступающих в качестве объектов направленного на них устойчивого любовного чувства (*дроля, дролечка, зазноба, зазнобушка, лада, любовь, любя, любушка, миленок, милка, милашка, милочка, милушка, симпатия, увлечение*);

2) различные объекты устойчивых чувств не любовного, а какого-то иного характера (*антипатия, любимец, любимчик, любимица, идол, кумир, святыня, фетиш, увлечение, пристрастие, страсть, страстишка, докука, обуза*);

3) какие-либо объекты как предметы, вызывающие те или иные эмоциональные переживания, позитивные (*деликатес, лакомство, балдеж, забава, кайф, лафа, наслаждение, отрада, потеха, радость, развлечение, развлекалово, развлекаловка, развлекауха, удовольствие, услада, утеха, утешение, счастье*) и негативные (*горе, горесть, кошмар, неприятность, несчастье, обида, оскорбление, печаль, тягость, тягота, раздражитель, укол*);

4) объекты, представляющиеся неопределенными или неидентифицируемыми с точки зрения автора речевого сообщения или какого-то другого лица (*вещь, предмет, явление, штука, штуковина, штукенция, ерунда, лабуда, мура, муть, мутота, фигня, фиговина, хрень, хреновина, хренота, хреночень, чепуха, загадка, заморочка, ребус, тайна*);

5) объекты, характеризующиеся как отличающиеся субъективной значительностью или малозначимостью (*авторитет, событие, ерунда, ерундистика, ерундовина, лабуда, мура, мелочь, пустяк, пустячок, пустяковина, фигня, хрень, хреновина, хренота, хреночень, чепуха*).

К третьей группе существительных, обладающих реляционными лексическими значениями, относятся слова, способные выражать позитивное или негативное эмоциональное отношение к тем или иным объектам (преимущественно лицам), исходящее от автора речевого сообщения. Негативное эмоциональное отношение, проявляемое в таких формах, как раздражение, недовольство, возмущение, негодование и под., может выражаться словами *бес, дьявол, черт, блядь, курва, педераст, пидорас, засранец, падла, паскуда, паскудина, чувырла, чувырло, гнус, гондон, гад, гадина, гадюка, гнида, жаба, козел, коза, крыса, паразит, пес, поросенок, свинья, собака, сука, сучка, падал, зараза, холера, чума*. А кроме того, такое отношение может быть репрезентировано и при помощи некоторых слов, способных выражать, помимо него, универалистское по своей сути значение морального осуждения обозначаемого объекта: *дерьмо, говно, дрянь, мразь, погань*.

Позитивное эмоциональное отношение автора речевого сообщения к какому-либо объекту может выражаться существительными *молодец, молодчина, молодчага, отпад, улет, кайф* и *класс*. Первые три из них используются для обозначения лиц, действия которых вызывают чувство эмоционального одобрения в таких его проявлениях, как переживание восхищения, восторга или простого удовлетворения. Остальные же слова могут употребляться при необходимости выражения позитивных эмоциональных переживаний по поводу каких-то неодушевленных (обычно артефактных) предметов, а также заслуживающих позитивной оценки событий, действий, состояний и т. п. Эмоциональное одобрение какого-либо лица, обусловленное восхищением какими-то его действиями, может выражаться существительными *бес, дьявол, черт, собака, зараза*. А

вызывающие какие-то позитивные эмоции неодушевленные объекты в современной молодежной среде зачастую характеризуется словом **чума**.

Как показало проведенное нами исследование, абсолютное большинство (87%) рассмотренных в нем существительных выражают реляционные значения эмоционально-оценочного характера. Они характеризуют обозначаемые ими объекты как вызывающие (продуцирующие) те или иные эмоциональные тоны ощущений, различные эмоциональные состояния, более или менее устойчивые чувства, собственно эмоциональные переживания, переживания эстетического наслаждения или неудовольствия.

13% существительных, обладающих реляционными лексическими значениями, способны характеризовать различные предметы и явления с точки зрения их определенности или неопределенности для кого-либо, а также в плане их значительности или малозначимости для каких-то для лиц.

Не нашли своего адекватного (развернутого, детализированного) отражения в семантике русских существительных реляционные значения дезидеративного и деонтического характера. Дезидеративные значения того, что кем-то желается или не желается, выражаются только при помощи соответствующих субстантивированных прилагательных (*желательное, желанное, нежелательное* и под.). Деонтическая характеристика тех или иных человеческих действий и форм поведения передается словами *обязанность* и *долг*. А ценностное отношение к каким-либо объектам реальной или виртуальной действительности нашло свое выражение в значениях слов *ценность, неценность* и *антиценность*.

О. Ю. Мельник (Москва, Россия)

АНГЛИЦИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ФАКТОР ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ

Аннотация. В статье анализируются причины заимствований лексики из английского языка в русский язык на современном этапе, приводятся примеры «оправданных», с точки зрения автора, англицизмов. Их появление в русском языке обусловлено фактором языковой экономии и компрессии, а также, зачастую, отсутствием эквивалента в языке-реципиенте.

Ключевые слова: заимствование, англицизм, исконная лексика, языковая экономия, языковая компрессия.

Язык — явление социальное, существование которого вне человеческого общества не возможно. Причиной его возникновения

является потребность определенной общности людей в координации их совместной деятельности. С одной стороны, язык – общественное явление, в котором хранится информация о мире, добытая всеми членами определенной культурно-языковой общности людей. С другой стороны, язык, усвоенный человеком, всегда индивидуален и может выступать в качестве хранителя жизненного опыта.

В процессе социализации индивида язык транслирует ему сведения, накопленные на протяжении жизни его носителями. С помощью языка передаются этические нормы поведения, установки и правила. Процесс коммуникации является одним из основных способов передачи культурных ценностей из поколения в поколение.

В условиях поликультурного мира нет такого общества, которое было бы абсолютно изолированным от общения с внешними культурами. В результате межкультурного общения (межкультурной коммуникации), т. е. общения носителей разных культур (и обычно разных языков) неизбежно возникают межъязыковые контакты.

Объем знаний, полученных в результате контактов носителей языка с иноязычными культурами, отражается в лексических заимствованиях. Лексическое заимствование помогает заметить пробелы между собственной картиной мира и картиной мира других. Главным условием восприятия иноязычных элементов одним языком из другого традиционно считают наличие контакта между языком-реципиентом и языком-источником (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, Э. Хауген и др.). Коммуникативные потребности носителей языка постоянно меняются, в связи с этим языковая система должна адаптироваться с целью обеспечения адекватной коммуникации как за счет внутренних, так и внешних средств.

Среди причин лексического заимствования разделяют лингвистические и экстралингвистические причины. В качестве основных лингвистических причин исследователи называют:

- отсутствие соответствующего наименования (или его «проигрыш» в конкуренции с заимствованием) в языке-реципиенте,
- тенденция к устранению омонимии или полисемии исконного слова,
- необходимость восполнить недостающие звенья в лексической системе языка,
- слова заимствуются вместе с понятием или предметом,
- необходимость разграничить содержательно близкие, но всё же различающиеся понятия,
- принцип языковой экономии (компрессии),
- обеспечение стилистического эффекта, тенденция обогащать речь экспрессивными средствами,

– установка позитивных (негативных) коннотаций, которыми не обладает эквивалентная единица в языке-реципиенте.

В качестве основных экстралингвистических причин заимствования указывают социально-психологические, коммуникационные и демографические причины. Социально-психологические причины заключаются в определенной «моде» на иностранные слова и так называемом «социальном давлении», когда заимствованные слова, подобно терминам, предпочитают исконным как более точные. Среди коммуникационных причин выделяют стремительное развитие всемирной интернет сети и развитие туризма. Демографическая причина состоит в том, что интенсивная миграция населения обуславливает все более широкое распространение билингвизма. Иммигранты неизбежно обогащают язык принявшей их страны элементами родного языка [Сумцова 2012].

Англицизмы стали проникать в русский язык с начала XIX века, но их приток в нашу лексику оставался слабым вплоть до 90-х годов XX века. После началось активное заимствование компьютерной терминологии и деловой лексики, а также замещение русских слов английскими для выражения положительности или отрицательности, отсутствующих у исходного слова в принимающем языке [Калинина 2018, с. 43].

Кроме прямых заимствований лексики английского языка в русском языке также происходит процесс словообразования псевдоанглицизмов (ложных англицизмов). Они представляют собой неологизмы, обозначающие понятия или явления, новые для языка-реципиента и одновременно отсутствующие в языке-источнике. Такие англицизмы могут образовываться словосложением как английских основ (например, *шоп-тур*, не имеющий эквивалента в английском), так и композицией английской и русской основ (например, *шуб-тур*) [Дьяков 2003].

Говоря о большом количестве англицизмов в современном русском языке, необходимо упомянуть причины их появления:

– отсутствие соответствующего понятия в базе русского языка. Как правило, необходимость наименования новых явлений и понятий является основной причиной появления заимствованной лексики в языке, по мнению многих исследователей и лингвистов;

– присутствие русской лексической единицы, не совсем точно обозначающей понятие, которая со временем вытесняется более точным англицизмом. Например, *имидж* вместо *образа*, *бренд* вместо *марки*, имени, *тур* вместо *путешествия*. В данном случае заимствования более конкретны и зачастую легче произносятся;

– тенденция к использованию одного заимствованного слова вместо описательного оборота (компрессия): гостиница для автотуристов – *мотель*, короткая пресс-конференция для журналистов – *брифинг*, встреча

на высшем уровне – *саммит*, фигурное катание на лыжах – *фристайл*, меткий стрелок – *снайпер* и т. д.;

– дань моде. Знание английского языка считается престижным, употребляя в русской речи англицизмы, говорящие хотят выглядеть современными: *шопинг, презентация, рейтинг, пати, перформанс, шоу, чарт, бойфренд, личный аккаунт, сервис, секьюрити, ресепшн* и т. д.;

– расширение межгосударственных и международных отношений между Россией и англоязычными странами, участие России в международных культурных мероприятиях, фестивалях, конкурсах, слетах, показах мод; зарубежный туризм.

Перечисленные факты являются одновременно и причинами, и условиями появления англицизмов в русском языке [Брейтер 1997, с. 34-35].

Несмотря на широкое использование англицизмов в современном русском языке наряду с его исконной лексикой, их все же можно отличить от «родных» слов принимающего языка. По мнению исследователей, самым надежным критерием при определении заимствования слова является его фонетический состав. Противоречие звуков в слове фонетическим законам, характерным для принимающего языка, свидетельствует об иноязычном происхождении данного слова. На современном этапе заимствования англицизмов русским языком выделяют следующие признаки заимствований из английского языка:

1. Сочетание согласных «дж», «тч». Примеры: *бейджик, анти-эйдж, имидж, гаджет, менеджмент*.

2. Суффиксы «ер», «ор» в конце слова, которые в английском языке присоединяется к глаголу и образованные с их помощью слова обозначают человека, который совершает это действие. Примеры: *инвестор, провайдер, тьютор, дистрибьютор, девелопер*.

3. Окончание «инг», использующееся в английском языке для образования форм глаголов, а также форм других частей речи. Примеры: *брифинг, маркетинг, демпинг, тюнинг, лизинг, кайтинг*.

4. Словообразовательный суффикс «мент». Примеры: *импичмент, менеджмент, истеблишмент*.

5. Сочетание звуков «ай», «ей». Примеры: *имейл, интерфейс, сайт, онлайн, офлайн, дисплей, хайвэй* [Щербакова 2012].

Распространенным и эффективным проводником англицизмов в русскую речь принято считать сленг, продолжающий теснить нормативную лексику. Молодежь активно использует новые заимствования в своей речи благодаря общению в интернете. К тому же, именно эта возрастная группа населения является наиболее открытой для различного рода новшеств во всех сферах жизнедеятельности. С одной стороны, появление новых слов расширяет словарный запас носителей языка, а с другой – утрачивается его самобытность и неповторимая красота [Лисицына 2014].

Мы провели анализ распространенных в современном русском языке англицизмов, отобрав 35 лексических единиц (их, конечно, значительно больше), которые обозначают уже существовавшие на момент заимствования понятия в языковой картине русских. Данные примеры, на наш взгляд, иллюстрируют стремление говорящих к языковой экономии и компрессии, а в ряде случаев свидетельствуют о более конкретном значении англицизма, т. е. представляют собой «оправданные» заимствования.

1. *Байопик* (*biopi* – (*biography* + *picture*) – *биографический фильм*), обозначает кинофильм, в котором рассказывается биография какого-либо известного человека, синоним *биографический фильм*.

2. *Букридер* (*ридер*) (*book reader* – «устройство для чтения книг»), обозначает устройство для чтения текстовых файлов в специальных форматах, представляет собой синоним уже имеющегося в языке понятия *электронная книга*.

3. *Вейп* (*to vape* – «вдыхать пар»), обозначает электронную сигарету, при курении которой человек выпускает пар, синоним уже имеющегося в языке понятия *электронная сигарета*.

4. *Дайджест* (*digest* – «справочник, список»), обозначает краткое изложение большого объема информации на определенную тематику для более удобного ознакомления с ней, представляет собой синоним понятия *краткое изложение*.

5. *Дедлайн* (*deadline* – «крайняя черта»), обозначает конечный срок завершения какого-либо проекта; синоним понятия *крайний срок*.

6. *Демпинг* (*dumping* – «сброс»), обозначает сбыт товара по искусственно заниженной цене, которая выгоднее рыночной стоимости данного товара, синоним уже имеющегося в языке понятия *продажа товара ниже себестоимости*.

7. *Импичмент* (*impeachment* – «недоверие, оспаривание»), обозначает предусмотренную законом процедуру привлечения к ответственности и *отстранения от должности высших должностных лиц государства*.

8. *Истеблишмент* (*establishment* – «создание, учреждение»), обозначает элитарную группу людей, находящихся у власти, синоним понятия *правящие круги общества*.

9. *Кейс* (*case* – «ситуация»), обозначает подробное описание какой-либо ситуации, которое помогает при решении определенных проблем в социальной и бизнес сферах.

10. *Кликать* (*to click* – «щелкать»), обозначает нажатие клавиши или кнопки компьютерной мыши, которое обеспечивает пользователю открытие интересующей его интернет-страницы или переход на нее, синоним понятия «нажимать клавиши»; стало омонимом к слову «звать».

11. *Коворкинг* (co-working – «совместная работа / деятельность»), обозначает общее пространство для людей с разной занятостью, синоним понятия *совместная работа*.

12. *Копирайтинг* (copywriting), обозначает деятельность по созданию рекламных текстов и презентаций на заказ; является синонимом понятия *написание рекламных текстов*.

13. *Краудфандинг* (crowdfunding – «финансирование за счет толпы»), означает финансирование какого-либо бизнес-проекта различными людьми, которые им заинтересовались, синоним имеющегося в языке понятия *совместное финансирование*.

14. *Кэшбэк* (cashback – «возвращение части денег покупателю при оплате товара дебетовой картой»), обозначает возврат определенного процента денежных средств покупателю при использовании кредитных карт, особенно при совершении покупок в Интернете, представляет собой синоним уже имеющегося в языке понятия *возврат денег*.

15. *Лайфхак* (life hack – «хитрости в жизни»), обозначает полезные советы и рекомендации для упрощения жизни и решения каких-либо вопросов новым способом, представляет собой синоним понятия *полезный совет*.

16. *Лонг-лист* (long list – «длинный список»), обозначает список кандидатов, достойных для участия в конкурсе, чаще всего в международных и творческих фестивалях, синоним уже имеющегося в языке понятия *список кандидатов*.

17. *Маст-хэв* (must have – «должен иметь»), обозначает что-либо, без чего человек просто не может обойтись в современном обществе (список вещей на какие-либо мероприятия, праздники и на каждый день), синоним понятия *необходимые вещи*.

18. *Мейнстрим* (main stream – «главное течение»), обозначает современные модные тенденции в различных сферах человеческой жизнедеятельности, синоним понятия *современная тенденция*.

19. *Нетворкинг* (networking – «создание сети»), обозначает форму долгосрочных, взаимовыгодных отношений между людьми и бизнес партнерами для более быстрого и простого решения стоящих перед ними задач, синоним понятия *создание деловых связей*.

20. *Оверсайз* (oversize – «большой размер»), обозначает стиль одежды, в соответствии с которым люди носят свободные вещи, на несколько размеров больше той одежды, которая им подходит по параметрам, представляет собой синоним уже имеющегося в языке понятия *безразмерные вещи*.

21. *Прайм-тайм* (prime time – «основное время»), обозначает время трансляции на телевидении, радио с максимально большим количеством аудитории и наиболее дорогое для рекламодателей, синоним уже имеющегося в языке понятия *основное эфирное время*.

22. *Респондент* (*respondent* – «отвечающий»), обозначает опрашиваемого человека в каком-либо исследовании или анкетировании, синоним понятия *участник опроса*.

23. *Ретейлер* (*retailer* – «розничный продавец/поставщик»), означает компанию или лицо, которые продают товары конечному потребителю, представляет собой синоним уже имеющегося в языке понятия *розничный торговец*.

24. *Селф-мейд* (*self-made* – «сделанный самостоятельно»), обозначает стиль жизни, при котором человек самостоятельно добивается успеха в карьере и других сферах жизни деятельности, постоянно работает над собой, представляет собой синоним понятия *добившийся успеха самостоятельно*.

25. *Скоринг* (*scoring* – «подсчет очков в игре»), обозначает компьютерную систему в банках для оценки кредитоспособности потенциальных клиентов, синоним понятия *оценка кредитоспособности*.

26. *Стартап* (*startup* – «старт процесса»), обозначает новый коммерческий проект, созданный для получения прибыли от бизнеса, синоним понятия *новый коммерческий проект*.

27. *Стрим* (*stream* – «поток»), означает процесс передачи потоков информации через сеть Интернет. Иначе говоря, это трансляция видео или аудио материалов через Интернет, представляет собой синоним уже имеющегося в языке понятия *поток информации*.

28. *Таргетинг* (*targeting* – «нацеливание»), обозначает показ рекламы, нацеленный на определенную целевую аудиторию, синоним уже имеющегося в языке понятия *реклама для целевой аудитории*.

29. *Тимбилдинг* (*team building* – «построение команды»), обозначает технологию формирования команды / коллектива за счет проведения нерабочий совместных мероприятий для сплочения сотрудников, синоним уже имеющегося в языке понятия *создание, формирование команды, коллектива*.

30. *Фидбэк* (*feedback* – «критическая оценка деятельности и ее результатов»), обозначает обратную связь, отклик, представляет собой синоним уже имеющегося в языке понятия *обратная связь*.

31. *Флэшмоб* (*flash mob* – «вспышка большой группы людей»), обозначает заранее спланированную, как правило, в сети Интернет, массовую акцию, которую осуществляет в общественном месте группа людей, синоним понятия *массовая акция*.

32. *Хендмейд* (*hand made* – «сделано вручную»), обозначает вручную созданные какие-либо уникальные предметы для продажи, представляет собой синоним уже имеющегося в языке понятия *созданное что-либо своими руками*.

33. *Шатдаун* (*shutdown* – «остановка, отключение»), обозначает временное закрытие или приостановление деятельности государственных

учреждений или предприятий, синоним понятия *временное закрытие учреждения*.

34. *Шопинг* (*shopping* – «делать покупки»), обозначает времяпрепровождение в виде посещения магазинов и торговых центров, синоним понятия *ходить по магазинам*.

35. *Шорт-лист* (*short list* – «короткий список»), обозначает окончательный список кандидатов, отобранных из лонг-листа, синоним понятия *список кандидатов на победу*.

На протяжении последних десятилетий ученые-лингвисты, журналисты и интеллигенция высказывали свои опасения из-за нависшей угрозы русскому языку в результате большого количества иностранных слов, пренебрежением установленными нормами речи не только в бытовой коммуникации, но и в СМИ. Так, ректор МГУ имени М. В. Ломоносова В. А. Садовничий отмечал, что в последнее время значительно сократилась сфера использования русского языка под натиском зарубежного влияния. По мнению ученого, русский язык превращается в средство примитивного общения ввиду доминирования интернет-опосредованной коммуникации, где основным требованием вербального общения являются краткость, скорость и простота речи [Садовничий 2007].

Сходную позицию занимают большое количество лингвистов, считая, что необходимо призвать общество к более внимательному отношению к использованию русского языка и русской речи, так как язык является основой мировоззренческих установок человека, отражением уровня его общей культуры и залогом сохранения общей языковой картины мира, служащей базой для особого культурно-детерминированного мировосприятия [Петрулевич 2015].

Однако, несмотря на безусловную необходимость политики языкового пуризма на государственном уровне, а также важность поддержания первоначальных концептуальных установок русского языка, невозможно игнорировать факт обоснованности и оправданности некоторых заимствований, в первую очередь, из английского языка, в силу объективных языковых и социокультурных причин. Проблема сохранения и поддержания балансного состояния языковой ситуации является одной из основных в языковой политике России на современном этапе.

Литература

Брейтер М. А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: пособие для иностр. студентов-русистов / М. А. Брейтер. – Владивосток: Диалог-МГУ, 1997. – 156 с.

Дьяков А. И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке / А. И. Дьяков // Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – С. 35-43.

Калинина М. В. Экология языка. Заимствования в средах массовой информации / М.В. Калинина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2018. – № 15. – С. 43-47.

Лисицына С. Г. Заимствование англицизмов в русском языке / С. Г. Лисицына // Молодой ученый. – 2014. – № 1 (60). – С. 674-675.

Петрулевич И. А. Современная языковая политика Российской Федерации: основные векторы и тенденции развития / И. А. Петрулевич, Л. М. Месропян // Гуманитарий Юга России, 2015. – №4. – С. 66-76.

Садовничий В. А. О гуманитарной составляющей / В. А. Садовничий // Студенческий меридиан. – 2007. – №5. – С. 12-17.

Сумцова О. В. Причины использования англицизмов в русском молодежном сленге / О. В. Сумцова // Молодой ученый. – 2012. – №4 (39). – С. 247-250.

Щербакова А. В. Функционирование англицизмов в русском языке последних десятилетий как фактор влияния иноязычной культуры в современных условиях глобализации / А.В. Щербакова // Вестник Тамбовского университета. – 2012. – №3. – С. 240-243.

И. А. Меркулова (Воронеж, Россия)

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЭКСПРЕССИВНЫХ ФОРМ РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ РОДСТВА)

Аннотация. Статья посвящена исследованию семантико-стилистической дифференциации экспрессивных форм русских терминов родства. Языковые единицы рассматриваются как члены парадигматического ряда, анализируются с точки зрения частотности, степени близости значений, возможности взаимозамены, определяются коннотативные особенности, принадлежность стилям.

Ключевые слова: термин родства, семантика, экспрессивное средство, стилистика, коннотация.

Еще М. В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» различал имена увеличительные и умалительные, а последние делил на ласкательные и презрительные, причем увеличительность и умалительность, по его мнению, получаются от соответствующих окончаний [Ломоносов 1952, с. 412]. Действительно, в размерной парадигме русских существительных, как правило, сочетаются несколько значений: *аугментативность* – это не только увеличительность, но и усиление, а *диминутивность* – не только уменьшительность, но и ласкательность или пренебрежительность. Совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи по традиции называется экспрессивностью. Она может быть представлена оппозицией: нейтральная форма – экспрессивная форма (положительная и отрицательная), хотя строгое их разграничение возможно не всегда.

Для этой парадигмы характерно то, что к объективному называнию присоединяется еще суффикс, предлагающий, кроме того, определенную точку зрения на объект. Соответствующий фрагмент действительности уже обозначен единицей лексикона и извлекается из него, формообразование осуществляется с прагматической направленностью, отражая сферу интересов, пристрастий говорящего в данной коммуникативной ситуации: *папа – папАНя, папЕНЬКа, мама – мамАШя, мамУЛЯ, мамУСя, зять – зятЁК* и др.

Предметом нашего исследования являются отношения между экспрессивными формами, способствующие разграничению оттенков значения слов.

Обобщая методику Н. В. Меньковой [Менькова 2015], предложим следующий план анализа.

1. Члены парадигматического ряда и их частотные характеристики.
2. Анализ значений.
3. Возможность взаимозамены и степень близости значений.
4. Сочетаемость с прилагательными.
5. Связь с размерностью (димиинутивность, аугментативность).
6. Коннотации (положительные или отрицательные), прагматические особенности.
7. Принадлежность стилям речи.
8. Наличие структурных особенностей.

Отметим, что не все пункты плана могут быть представлены в полном объеме.

Покажем результат анализа на примере некоторых терминов родства, так как это, по нашим наблюдениям [Меркулова 2000], основанным на сочетаемости аффиксов русского языка, наиболее экспрессивно нагруженная лексико-семантическая группа. Это видно и по объему словарных статей «Словаря субъективно-оценочных изменений русских слов» [Химик 2024], который стал источником примеров. Мы снабдили их частотой употребления по данным Национального корпуса русского языка.

Пример 1. СЫН

1. СЫН $\Rightarrow$ разг.: уменьш.-одобр. сынóк (6518) $\Rightarrow$ ласк. сынóчек (1281); прост. сыночка (0), ласк. сынúля (78) $\Rightarrow$ уменьш.-ласк. сынúлька (11), усил.-ласк. сынúленька/сынулечка (1); уменьш.-ласк. сынíшка (1261) $\Rightarrow$ усил.-ласк. сынíшечка (3), увел. сынíще (6).

2. Основное значение, разделяемое всеми членами экспрессивного ряда – лицо мужского пола по отношению к своим родителям. Некоторые дериваты функционируют как особые обращения, имеющие отличное от первоначального значения, так, например **сынок** реализует значение обращения пожилого человека к молодому. *Отец брал булку хлеба с солью в солонке и три раза проводил ею над головами молодых со словами: «Вот*

тебе, сынок Петр Иванович, наша дочь [Свадьба тюменских старожилов // «Народное творчество», 2004]. **Сынишка** помимо оценочной окраски, может указывать на юный возраст.

3. Несмотря на преимущественно положительные коннотации и семантическую идентичность, взаимозамена не всегда возможна. Так, например, **сынок** и **сыночек** допускают возможность негативной оценки говорящим в контексте и упрочивает такие позиции устойчивой сочетаемостью в отрицательных фразеологических сочетаниях. *Знаком особой милости стало прозвище Лопушок, коим Ваня провидчески наградил непутевого директорского сыночка, и «Лопушок» на всю оставшуюся жизнь приклеился к Андрею Сургееву* [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998].

4. Прилагательные с положительным значением характерны почти для всех существительных парадигматического ряда. Исключением можно считать устойчивое выражение «маменькин сынок».

5. В целом параметры объекта обычно не меняются, разнообразие форм объясняется обилием коннотативных значений и другими факторами. Однако было выявлено, что дериваты **сынишка** и **сынулька** чаще остальных указывает на юный возраст сына и редко обозначает взрослых сыновей. Имеется и аугментативная форма **сынище**.

6. Превалирующие коннотации – положительные. Однако встречается и негативное употребление (**сынок**). Формы **сына**, **сыночка** функционируют исключительно как обращение к родному сыну говорящего и являются разговорными (возможно, просторечными). Замечена тенденция употребления форм **сынуля** и **сынулька** в речи именно родителей этого человека или ребенка (*мой сынуля*). Люди, не находящиеся в родственных отношениях с объектом референции, как правило, отдают предпочтение другим формам.

7. Данные формы, как и подавляющее большинство уменьшительно-ласкательных слов, относятся преимущественно к разговорному стилю. **Сыночка** характерно для более старых текстов и выходит из современного дискурса.

8. Имеется нанизывание аналогичных по функции и значению суффиксов: **сынок – сыночек, сынуля – сынулька**.

Пример 2. БРАТ

1. БРАТ ⇒ разг.: уменьш.-одобр. бр^атик (867), одобр. бр^атишка (1303) ⇒ усил.-ласк. бр^атишечка (35); одобр. или ирон. бр^атец (15659), фам.-одобр. бр^ато́к (955) ⇒ усил.-ласк. бр^ато́чек (1); увел. бр^атище (4), сниж. фам. бр^ату́ха (153), одобр. бр^ату́ша (11) ⇒ фам.-ласк. бр^ату́шка (284), усил. ласк. бр^ату́шечка/бр^ату́шенька (0); уменьш.-ласк. бр^ате́нок (3) ⇒ усил.-ласк. бр^ате́ночек (0); trad.-нар. бр^ате́льник (209) ⇒ фам.-ласк.

братёльничек (1); жарг. фам. брата́н (612) ⇒ ласк. брата́нчик (2); фам. усил. шутол. братёлло (12) [Химик 2024, с. 37].

2. Слово **братик** может означать просто маленького брата без какой-либо положительной оценки, например, в данном контексте: *Сестра Мара была озорницей и умницей. Сестра Анеля – злокой и капризулей. Братик Рома – драчуном и забиякой* [Сергей Довлатов. Наши (1983)]. **Братишка** и **братушка** несут только положительную коннотацию и в качестве обращения могут применяться и по отношению к неродственному лицу мужского пола: *На плече у толстяка висела сумка для ноутбука, в руке болтался объемистый пакет с логотипом сети фастфуда. Извини, братишка, – обратился к нему Роман. Мне на Дубравную нужно* [Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)]. Формы **братуха** и **братан** также используется в качестве обращения часто в жаргонной речи: *А через три часа сказал: Братуха, я в долг не играю. Шмотки твои мне не нужны* [Битые козыри карточного шулера // «Криминальный отдел», 2010]. Форма **браток** имеет три значения. «БРАТО́К, -тка́, зват. Также бра́тка; м. 1. Ласк. К Брат (1 зн.). 2. Фам. обычно ед. Фамильярно-дружеское обращение к лицу мужского пола. Б., помоги мне домой добраться. 3. Жарг. обычно мн.: братки́, -ов. Член преступной группировки. Он похож на братка. Главарь братков» [БТС]. Форма **братенок** использовалась в начале прошлого века, на сегодняшний момент потеряла актуальность. Форма **брателло**, напротив, распространилась в начале XXI века.

3. Возможна взаимозамена. Если в функции обращения, то с сохранением фамильярного оттенка.

4. Сочетаемость с прилагательными возраста и родства демонстрируют формы **братик**, **братишка** (*младший, двоюродный*). Сниженные формы, используемые как обращения, с прилагательными не сочетаются.

5. **Братик** используется как диминутив, подчеркивая малый возраст или рост объекта.

6. Слова **братик**, **братишка**, **братушка** имеют положительные коннотации, причем в формах **братишка**, **братушка**, **братец** они могут привести к обобщению значения – любое лицо мужского пола, к которому говорящий испытывает симпатию. **Браток**, **братан**, **братуха** имеют сниженный характер и свидетельствуют о фамильярности обращения или отрицательной оценке объекта номинации.

7. Данные формы используются в разговорном и художественном (*братец Иванушка*) стилях, а также за пределами литературного языка (*браток, братан*).

8. Форма *братиха*, от которой можно образовать **братишка** в НКРЯ не фиксируется. Форма **брателло** является попыткой «стилизировать» новое русское слово под заимствованное, очевидно, итальянское.

Пример 3. СЕСТРА

1. Сестрица (4061), сестрёнка (1698), сестричка (1006).

1.1. СЕСТРА́ 1 (дочь по отношению к другим детям тех же родителей) ⇒ разг.: одобр. сестри́ца (4061) ⇒ ласк. сестри́чка (1006), усил.-ласк. сестри́чушка (1); уменьш. и/или ласк. сестрёнка (1698) ⇒ усил.-ласк. сестрёночка (25), нар.-поэт. ласк. сестрёнушка (0); сниж. фам. сестру́ха (87) ⇒ одобр. сестру́шка (14) ⇒ ласк. сестру́шечка (0).

1.2. СЕСТРА́ 2 (лицо среднего медицинского персонала в лечебных учреждениях) ⇒ разг.: одобр. сестри́ца ⇒ ласк. сестри́чка.

2. Общий денотат имеет несколько значений – дочь одних и тех же родителей по отношению к другим детям; лицо медицинского персонала в лечебных учреждениях (*сестричка*); обращение к женскому полу; монахиня. Указанная выше частота характеризует примеры с неснятой омонимией.

3. **Сестренка** чаще реализуется в значении младшей сестры для говорящего. **Сестрица** наиболее популярно как обращение к лицу женского пола. **Сестричка** может быть заменена на сестренку в некоторых контекстах без искажения первоначального смысла.

4. Форма **сестренка** проявляет устойчивую связь с прилагательными *младшая, мелкая, крохотная*. Остальные члены ряда могут сочетаться с различными прилагательными, не обнаруживая особых устойчивых связей.

5. **Сестренка** употребляется в контекстах, где говорящий отсылает к именно младшей сестре, обычно несовершеннолетнему ребенку. **Сестрица** и **сестричка** в своих значениях необязательно реализуют значение родства и часто используются как обращения. *Ему стало их жалко. Эй, сестрички, как ваши дела? Как, как? – огрызнулась Зина* [Виктор Кологрив. Медовый луг // «Мурзилка», 2002].

6. Форма **сестренка** носит только положительные коннотации. **Сестрица** и **сестричка** обычно также положительно окрашены, однако могут и не иметь оценки, выступая в роли обращения. **Сестричка** в народных сказках и баснях – эпитет лисы (*лисичка-сестричка*).

7. **Сестрица**, несмотря на широкую репрезентативность в корпусе, более характерна для художественных текстов и в современном дискурсе не функционирует. **Сестренка** – нейтральный, стилистически не окрашенный член парадигмы – имеет более свободное употребление. **Сеструха** – фамильярное, в ряде случаев, одобрительное.

8. **Сестренка** является образованием второго порядка от не отмеченного в НКРЯ, но существующего в системе языка *сестрена*. **Сестрица** и **сестричка** находятся в отношениях производности. **Сестричушка, сестреночка, сеструшечка** являются производными третьего порядка.

Подведем некоторые итоги.

Наличие у одного и того же производящего имени многочленного парадигматического ряда с экспрессивным значением ставит вопрос о том, как интерпретировать отношения внутри ряда – как отношения свободного варьирования, дополнительной дистрибуции (т. е. синонимии) или какой-либо иной формы корреляции?

Экспрессивные формы русских существительных имеют разную частоту употребления в современной коммуникации, демонстрируя динамику словосуществования, например, от потенциального *братиха*, малоупотребляемого *братенок* к широко известному и активно функционирующему *братец*. Предложенный анализ позволяет увидеть, что изменения значений носят преимущественно коннотативный характер, подтверждая статус грамматических форм для экспрессивных образований. Возможность взаимозамены и сочетаемость с прилагательными почти всегда определяется степенью близости значений слов. Синонимическая связь в процессе образования экспрессивных форм распадается крайне редко. Синтаксически экспрессивные формы обычно употребляются так же, как и слова, от которых они образованы, хотя встречаются случаи употребления отдельных экспрессивных форм только как обращений. Одни и те же формы в разных контекстах способны выражать как мелиоративные, так и пейоративные значения. Выбор того или иного члена экспрессивной парадигмы чаще всего определяется именно прагматическими целями говорящего.

Литература

БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 2000. – 1536 с.

Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. – Москва; Ленинград, 1950–1983. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1952.

Менькова Н. В. Семантическая дифференциация диминутивных форм *речка* – *речушка* – *речонка* – *реченька* / Н. В. Менькова // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2015. №. 2. – С. 14-19.

Меркулова И. А. Грамматическая сочетаемость русских морфем: дисс. ... канд. филол. наук / И. А. Меркулова. – Воронеж, 2000.

Химик В. В. Словарь субъективно-оценочных изменений русских слов / В. В. Химик. – Литрес, 2024. – 302 с.

НАИМЕНОВАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОДЕЖДЫ В ПОЛЬСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Аннотация. Статья содержит обзор лексических единиц, отражающих наименования одежды в польских народных сказках из сборника А. Глинского. Рассматриваются особенности лексикографирования этих единиц в разных толковых и этимологических словарях и приводятся примеры употребления и функционирования наименования предметов одежды из польских фольклорных текстов.

Ключевые слова: наименования одежды, фольклор, народные сказки, польский язык, этимологические словари.

Статья посвящена рассмотрению польской лексики, которая обозначает элементы одежды, особенностей ее толкования и этимологии, а также ее культурологической значимости. Выбор темы обусловлен недостаточностью научного материала, который дал бы относительно полную общую оценку особенностям наименований одежды в польских народных сказках. Источником материала данного исследования послужили польские народные сказки из сборника А. Глинского “*Bajarz polski. Baśni, powieści i gawędy ludowe*” в четырех томах [Gliński 1862, Gliński 1881].

Важно подчеркнуть, что указанный сборник сказок не был переведен на русский язык, поэтому приводимые цитаты из данного источника мы будем сопровождать собственным переводом и комментариями текстов.

В ходе исследования из сказок вышеупомянутого сборника были выбраны следующие лексемы: *berło, but, buty, chusta, chusteczka, czapka, frak, fraczek, hełm, kapelusz, kieszeń, kij, korona, kożuch, krzyż, odzienie, pancerz, pas, pieluch, pieluchy, pierścień, płatek, rękaw, siermięga, siermiężka, sukienka, suknia, spodenki, sukmana, szata, szaty, szyszak, trzewiki, ubiór, ubranie, wieniec, zbroja*. Чтобы более детально рассмотреть эти лексемы, мы объединили их и распределили по нескольким лексико-семантическим группам в зависимости от семантики.

Из всех выделенных лексико-семантических групп в данной статье мы остановим внимание на второй, а именно на наименованиях крестьянской одежды. Этот выбор неслучаен: заметное место в том или ином языке занимает лексика, которая отражает реалии быта и культурные традиции простого народа. Именно поэтому наименования предметов крестьянского костюма, как нам кажется, должны дать определенное представление об одежде как о символе этнического своеобразия.

Наименования крестьянской одежды встретились нам в десяти сказках: “*O królewiczu Niespodzianku*”, “*O nahajce wykonajce, butach samoskokach, czapce niewidce, i o górze miedzianej*”, “*O księciu na Gołoszyszkach Gołopiętskim, i o jego kocie*”, “*O us pionej królownie, karle*

siłobrodzie, i o głowie wielkoluda”, “O kmiotku Roztropku, i o jego kmiecym rozumie”, “O Jasiu głuptasiu, wieszczym siwku złotogrzywku, kaczce złotonosce i śwince perłosypce”, “O chciwcu z kwiatem paproci i o skarbie zaklętym”, “O Jane królewiczu, żar-ptaku i o wilku wiatrolocie”, “O królewiczu zaklętym w raka”, “O djable i o babie”.

Перейдем к рассмотрению слов-представителей лексико-семантической группы «Крестьянская одежда». В эту группу вошли следующие слова: **but** (встретилась в сказках “O królewiczu Niespodzianku”, “O nahajce wykonajce, butach samoskokach, czapce niewidce, i o górze miedzianej”, “O księciu na Gołoszyszkach Gołopiętskim, i o jego kocie”), **czapka** (“O uspanionej królewnie, karle siłobrodzie, i o głowie wielkoluda”, “O nahajce wykonajce, butach samoskokach, czapce niewidce, i o górze miedzianej”), **kożuch** (“O królewiczu Niespodzianku”), **siermięga** (*siermiężka*) (“O Jasiu głuptasiu, wieszczym siwku złotogrzywku, kaczce złotonosce i śwince perłosypce”, “O królewiczu Niespodzianku”), **sukmana** (“O Jane królewiczu, żar-ptaku i o wilku wiatrolocie”), **trzewik** (“O królewiczu zaklętym w raka”, “O djable i o babie”). Эти слова были внесены в группу «наименования крестьянской одежды» по двум причинам: 1) эти слова встречаются при описании внешности или поведения персонажей, являющихся крестьянами; 2) в толковых словарях указано, что эти слова являются наименованиями крестьянской одежды.

При изучении материала мы обратились к данным польского толкового словаря WSJP (Wielki Słownik Języka Polskiego – Большой словарь польского языка), а также польских этимологических словарей [Boryś 2008; Brückner 1927], чтобы выяснить, как польские источники толкуют значения исследуемых слов. Чтобы наиболее точно перевести рассматриваемые лексемы на русский язык, мы прибегли к помощи онлайн-словаря Glosbe, польско-русского и русско-польского словаря [Ковалева 2010], а также к помощи разных русских толковых [academic.ru; Грамота.ру] и этимологических [lexicography.com] словарей, чтобы через сравнение толкований лексемы на польском и на русском выявить ее максимально приближенный русский эквивалент.

But, башмак – 1. (на ноги) изделие из выдержанного и твердого материала, созданное для надевания на ногу для защиты, также для украшения.

Большой толковый словарь русского языка: **БАШМАКИ**, -ов; мн. (ед. башмак, -а; м.). [тюрк. *başmak*]. 1. Закрытая обувь – ботинки или полуботинки (обычно грубые, тяжелые, большие). [academic.ru]

Этимология: **but** – с XVI в. “верхнее покрытие стопы”, старопольск. XV в. *bot*, редк. *but* “т.с.”, кашубск. *bot* “ботинок, башмак”. Первичная форма *bot* – вероятнее всего, заимствование из старочешского – *bot* “ботинок” (из франц. – *botte*, происходящее из старофр. *bot*). Вторичная форма *but* возникла ввиду уподобления глагольной форме *obuć* (обуть) и

производным *obucie, obuwie* (обувь) [Boryś, с. 48].

Пример из сказки: ...uszyjesz parę *butów*, a jeżeli tego nie wykonasz – zginiesz! (...ты должен сшить пару *баумачков*, а если этого не сделаешь – умрешь!).

Czapka, шапка – общее название головных уборов, имеющих разный фасон и разные функции.

Этимология: **czapka**. Является заимствованием, как и много других славянских названий предметов одежды. Источником лексемы вероятно было старофр. *chape* “капюшон”, *chapel* “головной убор” (совр. фр. *chapeau* “шляпа”) из лат. *cappa* “вид головного убора”, нельзя исключать посредства ср.-верх.-нем. *schar(p)el* “головной убор” (нем. арх. *Schappel* “средневековое женское украшение для головы”) [Boryś, с. 90].

Пример из сказки: ...tłumy go ludu witają, *czapki* w górę wyrzucają... (...толпы народа его встречают, *шапки* вверх бросают...).

Kożuch, тулуп – верхняя одежда, крой которой напоминает плащ или куртку, сшитую из овечьей шкуры мехом внутрь.

Этимология: **kożuch**. Прасл. **kožuchъ* “кожа животного, покрытая волосами; одежда из такой кожи”, дериват с суфф. *-uchъ от прасл. **koža* [< **koz-ja*] “кожа”. Праслав. **koža* – производное от праслав. **koza* с суфф. *-ja с первичным значением “козья шкура” [Boryś, с. 254].

Пример из сказки: Czy nie widziałeś przechodzącego człowieka w nowym *kożuchu*, w baranięj *czapce*? (Не видел ли ты проходящего мимо человека в новом кожухе и в бараньей шапке?)

Siermięga, сермяга – одежда в форме короткого полотняного плаща с рукавами, носимый крестьянами в древней Польше.

Этимология. Шанский: Скорее всего, суф. производное (ср. дерюга) от той же основы, что *širmas* «серый». В таком случае **сермяга** исходно — «одежда из небеленого (серого) полотна». [lexicography.com]

Brückner: *siermięga*, ‘*sukmana*’, по цвету, польск. *siara* (серый); оба слова поздние; повсеместно на Руси – сермяга, бел. сермяга; *siermięga* будто из **sierm*, ‘серый’, лит. *szirmas*, ‘сивый’ (?) [Brückner, с. 489].

Пример из сказки: wkłada nową *siermięzką*... (надевает новый *кафтан*...).

Sukmana, сукман – длинная мужская верхняя накидка, растянутая внизу и носимая крестьянами.

Этимология. Фасмер: Сравнивают со *скасть, сукать, сукно*, ссылаясь на *дурман*, польск. *łochtan* и под. С др. стороны, предполагают заимств. через чув. *səkman, səxman* “кафтан” из распространенной тюрк. группы слов, представленной в тоб. *sükmän* наряду с *čikmän* “длинный кафтан, сукно”, тат. *čikmän*, алт. *čekmen*, чагат. *čekmen* “просторная зимняя одежда” (Радлов 4, 799; ср. также чекмёнь) [lexicography.com].

Пример из сказки: ...Jan królewicz przebiera się w najbliższej wiosce w *sukmanę* wieśniacze... (...королевич Ян наряжается в ближайшей деревне в

крестьянский *сукман*...).

Trzewik (мн. **trzewiki**), **ботинок** – закрывающий ногу по щиколотку, реже до середины голени, обычно на шнуровке или застёжках.

Этимология: **trzewik**. Праслав. **červikъ* “кожаный башмачок, башмак”, первично уменьш. от праслав. **červъ* / **červъjъ* “кожаная обувь, ботинок, башмак из кожи”, от праслав. **červo* “кожа брюха животного” [Boryś, с. 649].

Пример из сказки: *djabeł <...> poszedł obaczyć się z babą, żeby jej trzewiki oddać* (дьявол пошел к бабе, чтобы *ботинки* ей отдать).

Итак, мы с разных сторон рассмотрели наименования крестьянской одежды, встречающиеся в польских народных сказках. Подведем итог сказанному. Важно отметить, что лексика, называющая элементы крестьянской одежды в польских народных сказках из изучаемого сборника сказок А. Глинского, несмотря на свой немногочисленный состав, характеризуется разнообразием лексического состава и отличается особой культурологической значимостью.

Литература

- Грамота.ру [Электронный ресурс]. URL: gramota.ru (дата обращения: 24.10.2025).
- Ковалева Г. В. Польско-русский и русско-польский словарь / Г. В. Ковалева. – 9-е изд., испр. – Москва: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2010. – XV, [1], 528 с.
- Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка [Электронный ресурс]. URL: lexicography.com (дата обращения: 24.10.2025).
- Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: academic.ru (дата обращения: 24.10.2025).
- Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego / Wiesław Boryś. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005. – 865 s.
- Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego / Aleksander Brückner. – Kraków: Nakład i własność krakowskiej spółki wydawniczej, 1927. – 415 s.
- Gliński A. J. Bazarz polski. Baśni, powieści i gawędy ludowe. / A. J. Glinski. – Wilno: w Drukarni Gubernialnej, 1862. – Tom I. – 231 s.
- Gliński A. J. Bazarz polski. Baśni, powieści i gawędy ludowe. / A. J. Glinski. – Wilno: Nakładem księgarza I. Krasnosielskiego, 1881. – Tom II. – 216 s.
- Gliński A. J. Bazarz polski. Baśni, powieści i gawędy ludowe. / A.J. Glinski. – Wilno: Nakładem księgarza I. Krasnosielskiego, 1881. – Tom III. – 223 s.
- Gliński A. J. Bazarz polski. Baśni, powieści i gawędy ludowe. / A. J. Glinski. – Wilno: Nakładem księgarza I. Krasnosielskiego, 1881. – Tom IV. – 219 s.

КОЛЛОКАЦИОННЫЕ СВЯЗИ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСЕМЫ *APTITUDE* В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются коллокационные особенности и семантическая специфика английского существительного *aptitude*, номинирующего способности человека к какой-либо деятельности. На основе анализа словарных дефиниций и примеров из корпуса BNC выявляются ее отличия от близких по значению существительных, таких как *talent*. Анализируется влияние контекста на употребление существительного *aptitude*.

Ключевые слова: сочетаемость, коллокация, значение, английский язык.

Человеческие способности к выполнению различных действий имеют широкий диапазон номинирующих их языковых средств. В английском языке для номинации талантов, умений, сноровки, способностей существует ряд лексем, в который входят *talent*, *aptitude*, *knack*, *flair* и т. д. Каждое из приведенных языковых средств имеет собственную специфику, которая проявляется в их коллокациях.

Так, ранее нами были рассмотрены особенности сочетаемости лексем *knack* [Силецкая 2025a] и *talent* [Силецкая 2025б] в английском языке, а также их специфика на фоне лексемы *flair* [Кузьменко 2025].

В настоящей статье исследуется семантико-синтаксическая специфика лексемы *aptitude*, которая, наряду с упомянутыми выше существительными, обозначает естественную предрасположенность или врожденную способность индивида к освоению или эффективному выполнению определенных действий.

Для анализа были использованы данные различных словарей и баз данных: Cambridge Advanced Learner's Dictionary; The Barnhart Concise Dictionary of Etymology by Allan R. Bomhard; Collins English Dictionary; The Merriam-Webster Dictionary of English Usage; Британский национальный корпус.

В ходе исследования был проведен анализ 150 примеров употребления лексемы *aptitude*, полученных путем сплошной выборки из корпуса BNC.

Этимологический анализ лексемы *aptitude* показывает, что слово, предположительно, было заимствовано из латинского языка от *aptitudo* («пригодность») [The Barnhart Concise Dictionary of Etymology (1995) by Allan R. Bomhard].

Рассмотрим толкование интересующей нас лексемы, представленное в словаре «Cambridge Dictionary», который определяет ее как «natural ability or skill», т. е. «естественная способность или навык»:

*We will take your personal **aptitudes** and abilities into account.*

На первый взгляд, по своему значению лексема *aptitude* тяготеет к существительному *talent*.

Ранее мы выяснили, что лексема *talent* несет значение «выдающихся природных способностей или навыков, которые требуется развить» [Силецкая 2025б]. Существительное *aptitude*, в свою очередь, означает «естественную способность к какой-либо деятельности и вероятность достижения успеха в ней». Проиллюстрируем релевантность приведенных дефиниций с помощью примеров.

Значительная часть контекстов, в которых употребляется лексема *aptitude*, непосредственно связана с оценкой способностей, их тестированием на профессиональную пригодность:

*A number of researchers have looked at the predictive validity of various types of assessments, including **aptitude tests**...*

***Aptitude testing** developed from the realisation that a single IQ score was a rather rude measure.*

Как можно заметить, на процесс оценки способностей, выраженных лексемой *aptitude*, может указывать как левостороннее окружение лексемы, так и правостороннее.

Помимо приведенных коллокаций, можно также встретить словосочетание *aptitude battery*, означающее «набор тестов на определение уровня развития способности»:

*Multiple **aptitude batteries** are able to provide a measure of the individual's standing in each of a number of traits.*

Стоит отметить, что лексема *aptitude* может также указывать на персональные качества человека, которые могут развиваться самостоятельно, не подвергаясь внешнему влиянию. Так, разрабатываются различные учебные программы, системы, которые выстраиваются вокруг специальных способностей индивида:

*Is it possible to organise state schools on the basis of a curriculum which is **built around** the age, **aptitude** and abilities of individual children?*

*Each student has a personal tutor and 2-3 teachers, who **programme** the course **to** his particular needs and language-learning **aptitude**.*

Признаком, отличающим лексему *aptitude* от существительного *talent*, является непосредственная возможность оценить способности, выраженные лексемой *aptitude*, и уровень их развитости или актуальности:

*Other complex **aptitudes** that can be **measured** in tests are: musical aptitude, manual aptitude...*

*Unfortunately **aptitude** for singing and acting was not **regarded** as **important**.*

Степень развитости таланта, напротив, может быть охарактеризована лишь сочетанием лексемы *talent* с некоторыми прилагательными (*raw, growing, rough, ready*). Индивидов с выдающимися навыками могут описывать прилагательные *fresh, new, old*:

*Hockey team is preparing for the new season and looking for **fresh talent**. Many of these tend to be **old talents**, sometimes with a bit of a change.*

Немалое количество коллокаций типа *language aptitude test* доказывает факт, что способность, названная лексемой *aptitude*, может быть измерена в числах и процентах. Кроме того, можно получить «доказательства» наличия необходимых способностей:

*Philosophy or in another subject where there is **evidence** of the student's **aptitude** for studies in philosophy.*

*The entry requirement for admission to a first degree course, together with some **evidence of aptitude** for foreign languages...*

Отметим значительное количество словесных пар, включающих в себя лексему *aptitude*. Такими, например, являются *aptitude and ability*, *aptitude and general knowledge*, *aptitude and intelligence*, *skill and aptitude*, *aptitude and commitment*, *merit and aptitude*, *aptitude and age* и т. д. Приведенные пары позволяют сделать вывод о том, что способность, выраженная лексемой *aptitude*, нередко может указывать на навыки и качества, которые, наряду с другими характеристиками, являются необходимыми в определенной сфере профессиональной деятельности или области знания:

*The Minister later said he had nothing to add to a previous statement which said appointments were made on the basis of **aptitude and merit**.*

*Schools should aim at giving pupils information and understanding about all of these, bearing in mind the **age and aptitude** of pupils.*

Кроме того, лексема *aptitude*, подобно существительному *talent*, может иметь при себе наречие в сравнительной степени. Например, способности одного человека, обозначенные существительным *aptitude*, могут превосходить способности другого:

*Some students have **more aptitude** for academic work **than** others.*

Как и лексема *talent*, существительное *aptitude* может сочетаться с квантификаторами, обозначающими достаточность или недостаточность уровня развитости человеческой способности, выраженной лексемой *aptitude*:

*Clearly he had **little aptitude** for meekness either.*

Отсутствие способностей к какой-либо деятельности, названных существительным *aptitude*, выражается посредством использования отрицательного местоимения *no*:

*My son has **no aptitude** for sports.*

*...who were showing **no aptitude** or promise of improvement...*

Зачастую лексема *aptitude* в своем левостороннем окружении имеет прилагательные одного из двух типов: качественных оценочных, как правило, имеющих позитивную коннотацию (*great*, *natural*, *special*, *outstanding*, *pronounced*), и относительных, называющих сферу

деятельности или области знания, в которых человек добился успеха (*mechanical, scholastic, vocational*):

*The mind has an **astonishing aptitude** for skating off at tangents.*

*Such a short statement for such a large change of policy does, however, raise some questions of **political aptitude**.*

Как и существительное *talent*, лексема *aptitude* сочетается с глаголами *demonstrate, display, show*:

*He flew in all kinds of weather and he **showed** great **aptitude for** flying any airplane.*

Подобно лексеме *talent*, существительное *aptitude* в левостороннем окружении употребляется с глаголами, обозначающими развитие или усиление той или иной способности, выраженной существительным *aptitude*:

*The high function of the teacher is to create and **foster** the **aptitude** for work...*

*Students are encouraged to identify and **develop** their **aptitude** for either specialist or interdisciplinary projects...*

Как и лексема *talent*, существительное *aptitude* в правостороннем и левостороннем окружениях обладает предлогами *with* и *for* соответственно:

*Interviews should only be undertaken by those with some training, experience and **aptitude for** talking with children.*

*The successful candidate will be innovative, **with an aptitude** and keen interest in problem solving, method development and validation.*

Анализ сочетаемости существительного *aptitude* также позволяет установить сходство с одним из значений лексемы *knack*, а именно склонность человека к попаданию в «нестандартные, неловкие ситуации»:

*Colbert had curly red hair and an **aptitude for** getting into scrapes.*

Представляется, что в некоторых контекстах лексема *talent* и существительное *aptitude* могут выступать как взаимозаменяемые. Так, например, это возможно в предложениях, где констатируется факт обладания какой-либо способностью или ее демонстрация:

*Identifying **inborn aptitudes** can help individuals choose the right career path.*

*Although there are some children who have a **natural aptitude** or a special interest in art...*

Однако в ситуациях, требующих оценки или измерения уровня развитости способности, предпочтение отдается лексеме *aptitude*.

Для выявления возможной разницы между лексемами, сопоставим их словарные дефиниции. Так, словарь «Cambridge Dictionary» определяет лексему *talent* как «a natural skill or ability to be good at something, especially without being taught». Словарь «Collins Dictionary» определяет существительное *aptitude* как «someone's aptitude for a particular kind of

work or activity is their ability to learn it quickly and to do it well». Анализ приведенных определений и рассмотренных ранее примеров позволяет сделать вывод, что семантически лексемы имеют небольшую разницу.

Так, существительное *talent* указывает на имманентную «сторону» дара, присутствующего у человека с рождения. Словарь «Merriam Webster» также отмечает, что способность, выраженная лексемой *talent*, нередко проявляется в таких сферах, как спорт, искусство или творчество. В то же время умение, названное лексемой *aptitude*, представляет собой заложенную в человеке способность, обнаружение которой позволяет индивиду быстро и, как правило, без значительных усилий осуществлять ее развитие. При этом контексты, в которых чаще всего употребляется существительное *aptitude*, в большинстве случаев относятся к сфере образования, психологии, профессиональной ориентации.

Таким образом, сопоставительный анализ дефиниций, представленных в различных словарях, а также изучение примеров функционирования данной лексемы в контексте позволили выявить ее отличительные черты и особенности.

Литература

Силецкая А. М. Особенности семантики и сочетаемости лексемы *knack* в английском языке / А. М. Силецкая // Язык и национальное сознание: сборник научных работ / Науч. ред. М. А. Стернина и А. В. Рудакова. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2025а. – Вып. 31. – С. 61-64.

Кузьменко П. Б. Сопоставление коллокационных характеристик английских лексем *knack* и *flair* / П. Б. Кузьменко, А. М. Силецкая // Язык, коммуникация и социальная среда / Под ред. Л. Г. Кузьминой. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2025. – Вып. 23. – С. 80-89.

Силецкая А. М. Позиционно-проективные свойства лексемы *talent* в английском языке / А. М. Силецкая // Культура общения и ее формирование: сборник научных статей / Под ред. А. В. Рудаковой. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2025б. – Вып. 40. – С. 87-93.

Источники материала

Британский национальный корпус. English-Corpora: BNC. – Режим доступа: www.english-corpora.org (дата обращения: 03.10.2025).

The Barnhart Concise Dictionary of Etymology (1995) by Allan R. Bomhard. URL: <https://archive.org/details/barnhart-ed.-the-barnhart-concise-dictionary-of-etymology-1995/page/34/mode/2up> (дата обращения: 03.10.2025).

СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ДЛЯ НАИМЕНОВАНИЯ ПОМЕТ НЕГАТИВНОЙ ЭКСПРЕССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.)

Аннотация. В статье анализируются лексемы, используемые для номинации негативных помет в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова, «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «Словаре русского языка» А. П. Евгеньевой и «Академическом толковом словаре русского языка» Л. П. Крысина, с целью уточнения их значения.

Ключевые слова: дефиниция, лексема, негативная оценка, система помет, стилистическая маркировка.

При анализе системы помет, используемой в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова (1935–1940) (далее – СУш), «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1998) (далее – СОШ), «Словаре русского языка» А. П. Евгеньевой (1985–1988) (далее – СЕв) и «Академическом толковом словаре русского языка» Л. П. Крысина (2016) (далее – АСК), наибольшие трудности возникают с той группой, которая маркирует экспрессивность. Это обстоятельство существенно осложняет функционирование словарей как справочной литературы, что обуславливает актуальность и практическую значимость разрабатываемой проблематики. Сложности, связанные с маркировкой экспрессивной лексики, кроются как в специфике данного рода лексики, так и в особом статусе маркирующих ее стилистических помет. Наименование оттенков экспрессии, зафиксированное в стилистических пометах, само по себе нуждается в уточнении, которое, как правило, в пояснительной вводной статье к словарям или отсутствует, или описывается схематично.

Цель данной публикации – проанализировать семантику лексем, которые используются для номинации отрицательных экспрессивных стилистических помет в четырех словарях, исследование проводится с помощью метода дефиниционного анализа.

При анализе системы помет негативной оценки, которая используется в СУш, СОШ, СЕв и АСК всего обнаружено 8 негативных экспрессивных помет: *«бран.»*, *«ирон.»*, *«неодобр.»*, *«презрит.»*, *«пренебр.»*, *«укор.»*, *«уничиж.»*, *«груб.»* (см. табл. 1). В СЕв и АСК встречается уточняющая помета *«груб. прост.»* (грубо-просторечное), а в СОШ – *«уменьш.-унич.»* (уменьшительно-уничижительное).

Статус рассматриваемых помет, который определяется авторами словарей, тоже может быть подвержен анализу: пометы указывают на «выразительные оттенки и экспрессию слов» (СУш), на «стилистическую характеристику слов» (СОШ), на «эмоциональную окраску слов» (СЕв), на

«принадлежность слова к различным пластам лексики» (СЕв), передают «эмоционально-экспрессивную оценку» (АСК).

Иными словами, терминологически неупорядоченными являются не только именования помет, но и названия тех групп, к которым они принадлежат. В СЕв и СОШ используются более широкие формулировки, а СУш и АСК прямо сказано о наличии *выразительных оттенков / экспрессии слов / эмоциональной окраски слова / эмоционально экспрессивной оценки*. Такое положение дел представляется закономерным в силу дискуссионности сущностного вопроса о семантико-стилистическом статусе маркированной лексики.

Таблица 1

**Сопоставление систем стилистических помет
в толковых словарях XX – нач. XXI вв.**

Помета	Д. Н. Ушаков	С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова	А. П. Евгеньева	Л. П. Крысин
«бран.»	+	+	+	+
«ирон.»	+	+	+	+
«неодобр.»	+	+	+	+
«презрит.»	+	+	+	+
«пренебр.»	+	+	+	+
«укор.»	+			
«уничиж.»	+	+ +*«уменьш.- унич.»	+	+
«груб.»		+	+*«груб. прост.»	+*«груб. прост.»
Всего	7	7	7	7
Статус группы помет	«Пометы, указывающие на выразительны е оттенки и экспрессию слов»	«Пометы, указывающие стилистическую характеристику слова»	«Пометы, указывающие эмоциональную окраску слова» *«Пометы, указывающие на принадлежность слова к различным пластам лексики русского языка»	«Пометы, передающие эмоционально- экспрессивную оценку»

С целью прояснить, что именно понимается под используемыми стилистическими пометами, были проанализированы: во-первых, комментарии авторов словарей (пометы «бран.», «груб. прост.», «неодобр.», «презрит.», «пренебр.» в АСК), во-вторых, словарные дефиниции тех лексем, которые использованы в качестве названий помет, в том случае, когда комментариев отсутствует.

В словарной статье АСК автором поясняются следующие стилистические пометы:

– **«бран.»** (бранное; приписывается словам или их значениям, которые используются в качестве отрицательной характеристики человека по его интеллектуальным, психическим и физическим свойствам; это, например, а) слова, указывающие на какое-либо отрицательное свойство – реальное или, чаще приписываемое ему говорящим: глупость, предательство, низость, развратное поведение и др.; б) слова, сравнивающие человека – по каким-либо отрицательным свойствам – с животным, с другими объектами природы или артефактами) [Крысин 2016, с. 30];

– **«неодобр.»** (неодобрительно; помета приписывается словам, которые содержат в своем толковании компонент, указывающий на отрицательную характеристику говорящим свойства, объекта или действия) [там же, с. 33];

– **«груб. прост.»** (грубое просторечное; в отличие от пометы **«бран.»**, эта помета приписывается словам или и значениям, которые употребляются в просторечии для обозначения действий, качеств, явлений, имеющих место в некотором отвлечении от конкретного человека; при этом они также стилистически резко снижены) [там же, с. 31].

Как следует из приведенного выше комментария, пометы **«бран.»** и **«неодобр.»** используются для указания на отрицательную характеристику поименованного объекта. Отсутствует сопоставление по степени выраженности отношения говорящего к отрицательной характеристике. Вероятно, их противопоставление могло бы проводиться по линии: отношение к объекту в целом / отношение к характеристике объекта.

Также в данном словаре присутствует авторский комментарий к пометам **«презрит.»**, **«пренебр.»**:

– **«презрит.»** (презрительно; приписывается словам, обозначающим свойства, объекты и действия, к которым говорящий относится не только неодобрительно, но гораздо сильнее – с презрением);

– **«пренебр.»** (пренебрежительно; приписывается словам, выражающим пренебрежительное отношение говорящего к обозначаемому словом объекту ил действию) [там же].

Отсутствует авторский комментарий у помет **«ирон.»** и **«уничиж.»**. В СУШ, СОШ и СЕв также отсутствуют какие-либо комментарии к пометам негативной оценки. Таким образом, для пояснения анализируемых стилистических помет необходимо обратиться к словарной дефиниции первоисточника.

Традиционно в словарных статьях существует три принципа дефинирования: описательный (определение слова путем указания на явления реальной действительности), деривационный (определение дериватов путем семантики исходных языковых единиц) и

синонимический (определение слова путем тождественных или близких по значению слов). Для определения значения помет обратимся к толкованию, которое предлагает словарь-первоисточник.

Проанализировать дефиниции лексем **уничжительный** и **ироничный**, используемых в качестве помет «*ирон.*» и «*уничиж.*» в АСК, на данный момент не представляется возможным, т. к. не изданы тома словаря на соответствующие буквы. Проанализируем толкования необходимых лексем, предложенных в СУш, СОШ и Сев (см. табл. 2).

У лексемы **бранный** зафиксировано два значения в СУш, однако помете «*бран.*» соответствует первое, т. к. оно несет эмоционально-экспрессивную оценку. Толкование прилагательного **бранный** дано деривационным способом во всех трех словарях, а в СОШ прилагательное **бранный** совмещает в себе два вида дефинирования: описательный (*резко порицающий*) и деривационный (*содержащий брань*). Следовательно, необходимо обратиться к значению существительного **брань**: в СУш указано, что к брани относятся скверные слова, в СОШ и Сев существительное имеет два значения. Первое толкование, содержащее негативную оценку, частично совпадает с СУш (*ругань /ругательство*), но имеет более развернутое толкование: отмечается, что бранные слова содержат осуждение, оскорбление. Следовательно, к бранной относится резко осуждающая, порицающая и обидная лексика (напр., *иллюха*).

Лексема **иронический (ироничный)** аналогично поясняется деривационным способом. Существительное **ирония** поясняется как *тонкая, скрытая насмешка* (напр., «Да ты гений!» в значении *глупый*). Таким образом, к иронической относится лексика, содержащая скрытый, обратный буквальному, негативно оцениваемый смысл.

Слово **неодобрительный** толкуется как «*содержащий в себе неодобрение, порицание*». В данном случае наблюдается синонимический способ толкования, который является наиболее сложным для выделения ядерных сем анализируемой лексемы. В таком случае дифференцированные семы можно выделить, анализируя значение лексем, представленных в синонимическом ряду. В толковании синонимов **неодобрение** и **порицание** указано, что данная лексика содержит отрицательную оценку, осуждение. Следовательно, в отличие от неодобрительной бранная лексика содержит в своем значении резкое осуждение (ср.: дура «*бран.*» и клуша «*неодобр.*»).

Лексема **укоризненный** в СУш толкуется деривационным и синонимическим способами. И хотя у лексем **неодобрение** и **укоризна** зафиксирован синоним **порицание**, между лексемами **неодобрительный** и **укоризненный** существуют некоторые отличия: неодобрение связано с отрицательной оценкой действия, явления и т. п., а укоризна – с недовольством. Например, существительное **художник** в контексте предложения «*У всех сыновья как сыновья, а мой – художник*» имеет

оттенок укоризны, т. е. недовольства выбором профессии сына. А в предложении «*Мой сын, конечно, – художник никакой*» это же существительное в сочетании со словом «никакой» имеет отрицательную оценку и неодобрение.

У лексем **презрительный** и **пренебрежительный** отмечаем деривационный способ толкования. Дифференциальные семы показывают, что пренебрежение связано с отсутствием уважения, а презрение в большей степени соотносимо с причиной неуважения.

Лексема **уничижительный** совмещает в себе два способа толкования: деривационный и синонимический. Сравнивая близкие по значению лексемы, можно сделать вывод, что лексемы **уничижительный**, **пренебрежительный** и **презрительный** всё же имеют разные оттенки сниженности: презрительное связано с признанием моральной низменности (например, *потаскуха*), пренебрежительное – с отсутствием уважения по разным причинам (например, *баба*), уничижительное – с желанием унижить (например, *мусор* в значении «полицейский»).

Прилагательное **грубый** поясняется описательным способом, и в отличие от **бранной** лексики, которая также отличается резкостью, **грубая** не всегда относится к людям (напр., *халява*).

Таблица 2

Дефиниции лексем-помет в толковых словарях XX – нач. XXI вв.
(курсивом даны производящие лексемы)

Лексема	Д.Н. Ушаков	С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова	А.П. Евгеньева
Бранный	1) Прилагательное к сущ. Брань . 2) (церк.-книжн., поэт. устар.) Боевой, военный.	Содержащий брань , резко порицающий.	Прилагательное к брань .
<i>Брань</i>	Ругательство , сквернословие.	1) Осуждающие и обидные слова; ругань . 2) Война, битва.	1) Оскорбительные, ругательные слова; ругань . 2) Война; битва, бой.
<i>Ругательство</i>	Грубое, бранное выражение.	Грубое, бранное слово, выражение.	Грубое, бранное слово, выражение.
<i>Ругань</i>	Слова, которыми ругают, сквернословие.	Грубые, бранные слова, а также ссора, сопровождаемая такими словами.	Оскорбительные, грубые слова, которыми ругают. // Грубое осуждение, порицание, упреки .
Иронический (ироничный)	Закрывающий в себе иронию, выражающий иронию .	С иронией , исполненный иронией .	Закрывающий в себе иронию .

Лексема	Д.Н. Ушаков	С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова	А.П. Евгеньева
<i>Ирония</i>	<i>книжн.</i> Риторическая фигура, в которой слова употребляются в смысле, обратном буквальному, с целью насмешки (лит.).	Тонкая, скрытая насмешка.	1) Тонкая, скрытая насмешка. 2) Стилистический оборот, фраза, слово, в которых преднамеренно утверждается противоположное тому, что думают о лице или предмете.
Неодобри- тельный	Содержащий в себе неодобрение , отрицательная оценка чего-нибудь.	Содержащий в себе неодобрение .	Содержащий в себе неодобрение , выража- ющий неодобрение , порицание .
<i>Неодобре- ние</i>	Порицание .	Отрицательная оценка.	Неудовлетворенность чьими-либо действиями, поступками и т.п.; порицание , осуждение.
<i>Порицание</i>	Осуждение, выговор, неодобрение .	Выражение неодобрения, осуждения; выговор.	Осуждающий отзыв о ком-, чем-либо, выраже-ние неодобрения ; мера взыскания, выговор.
Презритель- ный	Выражающий презрение .	Проникнутый презрением , выражающий презрение .	1) Выражающий презрение . 2) Вызывающий чувство презрения , презренный.
<i>Презрение</i>	Такое отношение к кому-чему-нибудь, которое вызывается признанием кого- чего-нибудь недостойным, не заслуживающим уважения, подлым, морально-низким, ничтожным.	1) Глубоко пренебрежительное отношение к кому- чему-нибудь. 2) Подчеркнутое безразличие к чему- нибудь, пренебрежение чем- нибудь.	1) Чувство полного пренебрежения, крайнего неуважения к кому-, чему-либо. 2) Пренебрежительное отношение к чему- либо.
Пренебреж- ительный	Исполненный пренебрежения, выражающий пренебрежение .	Исполненный пренебрежения во 2 значении.	1) Исполненный пренебрежения в 1 знач., высокомерно- презрительный. 2) Исполненный пренебрежения во 2 знач.

Лексема	Д.Н. Ушаков	С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова	А.П. Евгеньева
<i>Пренебрежение</i>	1) Отсутствие внимания к кому-чему-нибудь, надлежащей заботливости о ком-чем-нибудь. 2) Высокомерно-презрительное отношение, недостаток уважения к кому-чему-нибудь.	Высокомерное, лишенное уважения и внимания отношение к кому-чему-нибудь.	1) Презрительно-высокомерное, неуважительное отношение к кому-, чему-либо. 2) Отсутствие должной заботы о чем-либо, внимания к чему-либо как незначащему, несущественному.
Укоризненный	Выражающий укоризну, исполненный укоризны .		
<i>Укоризна (укор)</i>	Упрек, порицание.		
<i>Упрёк</i>	Высказанное кому-нибудь или обращенное к кому-чему-нибудь неудовольствие, неодобрение, обвинение, укоризна .		
Уничижительный	Уничижающий, унижительный.	1) Уничижающий, унижительный. 2) В словообразовании: относящийся к образованию существительных – имеющих оттенок презрительности или пренебрежительности, часто в сочетании с уменьшительностью.	1) То же, что унижительный. 2) Относящийся к образованию имен существительных и прилагательных, имеющих оттенок презрительности, пренебрежительности.
<i>Уничижение</i>	<i>Действие по глг. унижить-уничить и состояние по глг. унижиться-унижаться.</i>	-	<i>Действие по знач. глг. унижить-уничить и состояние по знач. глг. унижиться-унижаться.</i>
Унижительный	Унижающий, оскорбляющий чье-нибудь достоинство, самолюбие.	Оскорбляющий достоинство, унижающий.	Оскорбительный для чьего-либо достоинства, самолюбия.
Унижать (ся)	Подвергать себя или кого-н., свое или чье-н. самолюбие оскорблениям, признавать себя или кого-н. ничтожным.	Унижать, оскорблять.	

Лексема	Д.Н. Ушаков	С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова	А.П. Евгеньева
Грубый		1) Недостаточно культурный, неделикатный, нечуткий, нетонкий. 2) Недостаточно отработанный, простой, без изыска, тонкости.	1) Недостаточно или плохо отделанный, обработанный; простой, без изыска. // Недостаточно тонкий, недостаточно искусный. 2) Жесткий, негладкий, шероховатый на ощупь. 3) Неприятный на слух, резкий (о голосе, смехе). 4) Отличающийся отсутствием необходимого такта резкий. // Выражающий неуважение, пренебрежение к кому-либо, задевающий кого-либо своей резкостью, неучтивостью. 5) Нарушающий элементарные правила чего-либо; непозволительный, недопустимый.

Таким образом, проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. В целом для маркировки сниженной лексики в словарях в совокупности используется **восемь** помет («*бран.*», «*ирон.*», «*неодобр.*», «*презрит.*», «*пренебр.*», «*укор.*», «*уничиж.*», «*груб.*»).

2. Количество используемых помет в анализируемых словарях одинаковое (7), однако в СУШ отсутствует помета «*груб.*», а в СОШ, СЕв, АСК – помета «*укор.*».

3. Статус той группы, к которой принадлежат пометы, определяется авторами словарей с разной степенью охвата широты описываемой сущности.

4. Уточнение того, как трактуются пометы, осуществлялось, с одной стороны, с опорой на комментарии автора, с другой – на словарную дефиницию лексемы, используемой для наименования пометы. При обращении к дефиниции для определения значения лексем, используемых в качестве сниженных помет, установлено, что преобладает деривационный тип дефинирования, что заставляет обратиться к анализу производящих слов.

5. Дефиниционный анализ лексем-помет дает возможность наметить некоторые дифференциальные признаки между анализируемыми лексемами, для уточнения которых необходимо обратиться к семному анализу лексем, т. к. «... в значении слова твердо закреплены многие семантические признаки, не выделяемые дефинициями толковых словарей. Эти признаки отражают результаты направления общественного познания на разные стороны предмета, в разных условиях его существования и взаимодействия с другими предметами. Все эти познанные человеком стороны, признаки входят в значение слова в виде сем, отдельных компонентов лексического значения» [Стернин 1985, с. 24].

Литература

- Академический толковый словарь русского языка. В 2 т. / Л. П. Крысин [и др.]. – Москва: Издательский дом ЯСК, 2016. – 1352 с.
- Евгеньева А. П. Словарь русского языка. В 4 т. / А. П. Евгеньева. – Москва: Издательство «Русский язык», 1981. – 2984 с.
- Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва: Азъ, 1998. – 941 с.
- Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. – 170 с.
- Стернин И. А. Семантический анализ слова в контексте: учебное пособие / И. А. Стернин, М. С. Саломатина. – Воронеж: Истоки, 2011. – 150 с.
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Д. Н. Ушаков [и др.]. – Москва: Сов. Энциклопедия, 1935. – 5618 с.

Е. Е. Смолицкая (Воронеж, Россия)

ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ОБЪЕКТЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются термины, обозначающие объекты налогообложения. Сделан вывод, что эти термины связывают гражданское и налоговое право и должны быть однозначными. Рассмотрены термины «имущество», «услуги», «аренда», выявлена и подвергнута критике их полисемия.

Ключевые слова: юридическая терминология, объекты налогообложения, полисемия, имущество, услуги, аренда.

При исследовании юридической терминологии обращает на себя внимание проблема пересечения терминосистем различных отраслей права и возникающие на этой почве неясности и споры о толковании законодательных норм.

В настоящей статье мы обратимся к исследованию терминов, обозначающих объект налогообложения, т. е. имущественные блага, с которых взимаются налоги, например: *имущество, услуги, работы* и т. д. Термины этой группы интересны тем, что входят в терминосистемы двух

отраслей права: гражданского и налогового, часто используются в юридической практике, в документах обеих названных отраслей: как гражданско-правовых договорах, так и в налоговых уведомлениях, налоговых декларациях, налоговой отчетности. От правильности употребления терминов данной группы зависит наличие или отсутствие обязанности лица уплатить налог. Ошибка в использовании таких терминов может обойтись лицу слишком дорого – в прямом смысле этого слова, поскольку придется платить дополнительные деньги в бюджет.

Анализируя текст Налогового кодекса России (далее – НК РФ), можно заключить, что объекты налогообложения обозначают следующие лексемы: имущество, недвижимое имущество, жилой дом, квартира, комната, доли в них, гараж, машино-место, единый недвижимый комплекс, объект незавершенного строительства, здание, строение, сооружение, помещение, транспортное средство, земельный участок, ценная бумага, вексель, услуги, работы.

При этом юридический статус обозначаемых выше названными терминами имущественных благ регулируется гражданским правом, поэтому такие лексемы употребляются в тексте Гражданского кодекса России (далее – ГК РФ) и в гражданско-правовых договорах.

Применяя функциональный подход, выделим задачи, которые рассматриваемые термины решают в языке права:

1) в гражданском праве перечисленные выше лексемы обозначают различные виды имущественных благ, позволяют разграничивать их между собой;

2) в налоговом праве соответствующие термины идентифицируют блага, с наличием которых связано появление обязанности уплатить налог. Например, в ст. 401 НК РФ закреплено: *«Объектом налогообложения признается <...> следующее имущество: 1) жилой дом; 2) квартира, комната; 3) гараж, машино-место; 4) единый недвижимый комплекс; 5) объект незавершенного строительства; 6) иные здание, строение, сооружение, помещение».*

Мы видим, что термины, обозначающие в гражданском праве виды имущественных благ, переходя в налоговое право, обозначают уже объект налогообложения, а значит, с ними связано возникновение налоговой обязанности. При этом денотат (обозначаемый объект действительности) у каждого из этих терминов должен быть один и тот же как в гражданском, так и в налоговом праве, иначе невозможно будет понять, за что именно нужно уплачивать налог.

Кроме лексем, обозначающих сами имущественные блага – объекты налогообложения, в гражданском и налоговом праве специальными лексемами обозначаются различные юридические свойства имущественных благ, а именно:

- правовой режим владения имуществом (**общая собственность, право собственности, аренда, право оперативного управления, право хозяйственного ведения** и т. п.);

- юридические факты, вследствие которых имущественные блага переходят от одного лица другому (**сделка, наследование, новация, отступное, договор**, названия различных видов договоров и т. п.);

- иные юридически значимые характеристики и действия с имущественным благом, которое в гражданском праве может быть предметом сделки, а в налоговом – облагаться налогом.

Все эти термины, как и предыдущие – родом из гражданского права. А в тексте НК РФ они употребляются по той причине, что от юридических свойств имущественных благ зависят правила налогообложения. Приведем примеры. Дома и квартиры являются объектами налогообложения для физических лиц, если те обладают *правом собственности* на указанное имущество (ст. 400 НК РФ). А земельные участки облагаются земельным налогом, если принадлежат лицу на *праве собственности, праве постоянного (бессрочного) пользования или праве пожизненного наследуемого владения* (ст. 388 НК РФ).

При этом то же самое имущество, *находящееся у лица по договору аренды*, не будет облагаться ни налогом на имущество физических лиц, ни земельным налогом, хотя формально оно и относилось бы к числу объектов налогообложения. Мы видим, что лексемы, обозначающие юридические свойства имущественных благ, играют огромную роль в правовом регулировании.

Таким образом, термины, обозначающие имущественные блага – объекты налогообложения, а также их юридические свойства, связывают налоговое и гражданское право и образуют пересечение терминосистем указанных юридических отраслей. Для обеспечения последовательности правового регулирования и ясности законодательства соответствующие термины должны быть однозначными в гражданском и налоговом праве.

Научный анализ показывает, что многие термины указанных групп действительно моносемантичны в текстах ГК РФ и НК РФ. Исключение составляют лексемы **имущество, услуги, аренда**. Обратимся к исследованию каждой из них.

Термин **имущество** в налоговом праве определен в ст. 38 НК РФ. Под имуществом в НК РФ понимаются *«виды объектов гражданских прав, относящихся к имуществу в соответствии с ГК РФ, но для налоговых целей не признаются имуществом имущественные права, за исключением безналичных денежных средств и бездокументарных ценных бумаг»*.

В ГК РФ дефиниция понятия имущества не содержится, а объем понятия можно определить исходя из контекстуального анализа гражданского законодательства.

Ст. 128 ГК РФ гласит: *«к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага»*. Следовательно, в объем гражданско-правового понятия имущества входят вещи и имущественные права.

Имущественные права в юридической литературе определяются как субъективные гражданские права на имущественные блага, в частности, права пользования, владения и распоряжения имущественными благами, право требовать уплаты долга, право обладателя ценных бумаг на часть прибыли от деятельности акционерного общества [Наурызбаев 2013].

Как видим, из объема понятия имущества в налоговом праве законодателем была исключена большая часть имущественных прав, т. е. понятие имущества в налоговом праве сужено. Таким образом, *в налоговом праве понятие имущества включает в свой объем вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги*.

Такой ход законодателя представляется нам спорным.

Исследовав налоги, взимаемые с имущества, мы выявили следующее:

1) исключение имущественных прав из объема понятия имущества не исключило их из налогообложения: доходы от передачи кому-либо имущественных прав облагаются налогом на добавленную стоимость и налогом на прибыль организаций (статьи 146 и 249 НК РФ);

2) налог на имущество физических лиц и налог на имущество организаций взимаются только с недвижимого имущества, а к нему имущественные права в принципе не относятся.

Таким образом, сужение понятия имущества как объекта налогообложения в налоговом праве бессмысленно. На основе сказанного мы настаиваем на однозначности юридического термина «имущество».

В рамках контекстуального анализа выявлена многозначность терминов **услуга** и **аренда**.

Для целей налогового права дефиниция **услуг** сформулированы в ст. 38 НК РФ: *«Услуга – это деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе ее осуществления»*.

В свою очередь, гражданское право регламентирует вопросы оказания услуг, но не дефинирует этот термин, в связи с чем понятие услуги толкуется контекстуально.

Как гласит ст. 779 ГК РФ, *«по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить*

определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги», а в целом оказание услуг регулируется главой 39 ГК РФ, которая распространяет свое действие на медицинские, аудиторские, информационные, туристические и другие услуги, за исключением услуг, урегулированных ГК РФ отдельно.

То есть к услугам не относятся аренда, лицензионные договоры по передаче авторских прав и др. Тем не менее, в налоговой практике эти виды договоров рассматриваются как разновидность услуг.

Некорректное употребление термина «услуга» в составе таких фраз, как «услуги по аренде» (в НК РФ), «покупатели услуг» (в судебных актах), искажают сущность услуг, порождают неправильное толкование закона.

Почему это происходит? Если аренду рассматривать как услуги, то доходы от аренды автоматически облагаются налогом на добавленную стоимость, который взимается с выручки от реализации товаров, работ и услуг (ст. 146 НК РФ). В Постановлении федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23.10.2003 сказано: «договор аренды причислен к возмездному оказанию услуг лишь для целей налогообложения».

Этот пример иллюстрирует неправильную методологию работы судов с юридическими терминами. Они порой произвольно рассуждают, меняют соотношение понятий в угоду налоговым целям.

С научной точки зрения решать вопросы о значении терминов нужно исходя из семантического анализа.

Согласно ст. 606 ГК РФ *по договору аренды арендодатель обязуется предоставить за плату имущество во временное пользование арендатору.*

Аренда специально регулируется главой 34 ГК РФ и не попадает под действие главы 39 ГК РФ, посвященной договору оказания услуг. Соотношение понятий «аренда» и «услуги» определяется структурой ГК РФ, из которой вытекает, что это понятия одинакового классификационного уровня.

Итак, понятие «аренда» не входит в объем понятия «услуги».

Нельзя достигать цели налогообложения, искажая значение терминов. В языке закона даже однократное такое нарушение создает множество проблем, поскольку правовые нормы обращены неопределенному кругу лиц и применяются постоянно. Поэтому присутствие в тексте НК РФ таких парадоксальных словосочетаний, как «услуги по аренде», заслуживает критики и требует переработки законодательства.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем: термины, обозначающие имущественные блага – объекты налогообложения, а также их юридические свойства, связывают налоговое и гражданское право и образуют пересечение терминосистем указанных юридических отраслей. Соответствующие термины в гражданском и налоговом праве должны

быть однозначными. Необходимо внести изменения в НК РФ для достижения однозначности терминов **имущество, услуги, аренда**.

Литература

Гражданский кодекс Рос. Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; 1996. № 5. Ст. 410.

Налоговый кодекс Рос. Федерации от 31 июня 1998 г. № 146-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824; 2000. № 32.

Наурызбаев А. Д. Понятие «имущество», «имущественные права» и их соотношение с категориями «собственность» и «право собственности» / А. Д. Наурызбаев // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2013. – №1-2. – С. 257-264.

Постановление федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23.10.2003 № А58-1386/03-Ф02-3562/03-С1 // Доступ из справ.-правовой системы «Референт».

М. А. Стернина (Воронеж, Россия)

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИКИ СЛОВА

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы контрастивного анализа лексической семантики и результаты такого анализа, представленные в виде контрастивных словарей разного типа. Констатируется, что для выявления национальной специфики семантики контрастивный анализ является наиболее точным, поскольку дает возможность выявить национальную специфику семантики лексических единиц на уровне всех видов сем: денотативных, коннотативных и функциональных.

Ключевые слова: контрастивный анализ, семантика, контрастивные словари.

В ряду сопоставительных исследований семантики контрастивные исследования занимают особое место. Это объясняется, в первую очередь, тем, что контрастивный анализ проводится на семном уровне, что дает возможность наиболее точно выявить и описать национальные особенности семантики слова в денотативном, коннотативном и функциональном компонентах значения.

Если при сопоставительном исследовании каждая лексическая группировка изучается и описывается отдельно, а затем результаты сравниваются и делаются выводы, то при контрастивном анализе последовательно описываются лексические единицы одного языка и все их соответствия в другом языке. При этом значение каждого слова описывается как набор конкретных сем: денотативных, коннотативных и функциональных. Параллельно представляется семный набор каждого переводного соответствия, где каждой семе слова исходного языка ставится в соответствие та или иная сема иноязычного слова.

В качестве примера контрастивного описания значений приведем семантемы лексем **отпуск** и **sabbatical**. Чтобы четко были видны имеющиеся семные несоответствия, несовпадающие семы выделяются жирным шрифтом, а отсутствующие семы в одном из языков обозначаются нулем.

ОТПУСК – sabbatical

Денотативные семы

период времени	период времени
для отдыха	0
свободный от основной работы	свободный от основной работы
0	свободный от учебы
0	для творчества
0	для научных исследований
0	для путешествий

Коннотативные семы

неоц.	неоц.
неэмоц.	неэмоц.

Функциональные семы

межстил.	книжн.
общенар.	общенар.
совр.	устар.
употр.	малоупотр.
общераспр.	общераспр.

Результатом контрастивных исследований семантики являются контрастивные семные словари. Наиболее удобным для использования оказался **контрастивный семный словарь**. Приведенный выше пример демонстрирует словарную статью из такого словаря.

Помимо контрастивного семного словаря, в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы, разработаны еще несколько типов контрастивных словарей:

Контрастивный толково-переводной словарь

Контрастивный дифференциальный словарь

Контрастивный семный фразеологический словарь

Контрастивный толково-переводной фразеологический словарь

Контрастивный дифференциальный фразеологический словарь

Приведем примеры словарных статей из этих словарей. Так, в **контрастивном толково-переводном словаре** приводится полное описание семного состава слова в исходном языке с указанием его отличий по значению от переводных соответствий в иностранном языке:

БАБУШКА-1 – лицо женского пола пожилого возраста, имеющее внуков;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

= grandmother;

ср. grandma / grandmamma *разговорное*;

ср. nanny / nan *зрелого или пожилого возраста, разговорное, обычно в детском обращении*;

ср. grandparent *женского или мужского пола*.

В семном описании исходного слова сначала приводятся денотативные семы, затем с новой строки – коннотативные, а после них, также с новой строки – функциональные.

Знак равенства перед иноязычным соответствием означает, что приводимое слово является эквивалентом, после сокращения *ср.* даются близкие соответствия, после которых приводятся несовпадающие (национально-специфические) семантические компоненты, которые выделяются курсивом.

В **контрастивном дифференциальном словаре** толкования значений слов исходного языка не приводятся, даются лишь иноязычные соответствия. При этом так же, как и в **контрастивном толково-переводном словаре**, полные соответствия приводятся через знак равенства, а остальные соответствия перечисляются после сокращения *ср.*

Несовпадающие с исходным словом семантические компоненты выделяются курсивом и перечисляются в следующем порядке: денотативные, коннотативные, функциональные.

Например:

БАБУШКА-1 (по отношению к внукам) = grandmother;

ср. grandma / grandmamma *разговорное*;

ср. nanny / nan *зрелого или пожилого возраста, разговорное, обычно в детском обращении*;

ср. grandparent *женского или мужского пола*

Аналогичным образом строятся и контрастивные фразеологические словари: **контрастивный семный фразеологический словарь**, **контрастивный толково-переводной фразеологический словарь** и **контрастивный дифференциальный фразеологический словарь**. Цель создания подобных словарей – показать наличие в языке сопоставления фразеологических эквивалентов и близких соответствий фразеосочетаниям исходного языка и дифференцировать близкие по семантике фразеологические единицы двух языков, выявив их национальную семантическую специфику.

Результаты контрастивных исследований семантики, отраженные в контрастивных словарях разного типа, находят непосредственное применение в практике преподавания иностранных языков и переводческой практике. Для переводчиков особенно полезными являются контрастивные семные словари, подготовленные с помощью инструментов разрабатываемого в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований. Использование сопоставительно-параметрического метода в контрастивных исследованиях позволяет не только наглядно представить семные различия сравниваемых лексем, но и определить тип переводного соответствия, тем самым дать подсказку переводчику, какое из возможных переводных соответствий лучше выбрать.

Тип переводного соответствия определяется на основе введенного Л. В. Лукиной индекса интегральной идентичности лексем, определяемого через среднее арифметическое индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем каждой пары, которые в свою очередь вычисляются через отношение совпадающих денотативных (коннотативных, функциональных) сем к общему числу сем этой категории, выделенных у рассматриваемых лексем [Лукина 2008].

В зависимости от значений интегрального индекса идентичности лексем переводные соответствия определяются как эквивалентные, оптимальные, подходящие, приемлемые, неподходящие, либо констатируется отсутствие соответствия [Козельская 2018]. Шкала определения типов переводных соответствий представлена в Таблице 1.

Таблица 1

Шкала определения типов переводных соответствий

Значение интегрального индекса идентичности лексем	Тип переводного соответствия
100%	Эквивалентное соответствие
76% - 99%	Оптимальное соответствие
51% - 75%	Подходящее соответствие
26% - 50%	Приемлемое соответствие
≥25%	Неподходящее соответствие
0	Отсутствие соответствия

В качестве примера словарных статей контрастивного семного словаря, подготовленного с помощью сопоставительно-параметрического метода, приведем ту же лексему **бабушка** и два ее английских соответствия:

БАБУШКА – grandmother

(эквивалентное соответствие)

• лицо	• лицо
• женского пола	• женского пола
• являющееся матерью отца или матери по отношению к детям своих детей	• являющееся матерью отца или матери по отношению к детям своих детей
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>межстилевое</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>
• <i>современное</i>	• <i>современное</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>общераспространенное</i>
• <i>высокоупотребительное</i>	• <i>высокоупотребительное</i>

Налицо полное совпадение семного состава, в результате чего индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем равны 100%, интегральный индекс идентичности лексем также равен 100%. Таким образом, данное соответствие согласно используемой шкале признается эквивалентным.

БАБУШКА – granny

(оптимальное соответствие)

• лицо	• лицо
• женского пола	• женского пола
• являющееся матерью отца или матери по отношению к детям своих детей	• являющееся матерью отца или матери по отношению к детям своих детей
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>разговорное</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>
• <i>современное</i>	• <i>современное</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>общераспространенное</i>
• <i>высокоупотребительное</i>	• <i>употребительное</i>

В данной паре полностью совпадают денотативные и коннотативные семы. Соответственно, индексы денотативной и коннотативной идентичности лексем равны 100%. В функциональных семах зафиксировано 3 совпадающих семы, 2 семы различаются. Таким образом, индекс функциональной идентичности лексем равен 60%. Значение интегрального индекса идентичности составило 86,6%, что

свидетельствует о том, что лексема **granny** является оптимальным переводным соответствием.

Используя подобный словарь, переводчик может безошибочно выбрать лучшее переводное соответствие и таким образом оптимизировать процесс перевода.

В заключение еще раз подчеркнем, что контрастивный анализ дает возможность выявить национальную специфику семантики лексических единиц на уровне всех видов сем: денотативных, коннотативных и функциональных и, таким образом, является наиболее точным инструментом выявления национальной специфики семантики.

Литература

Козельская Д. В. Контрастивный семный словарь наименований школьных педагогических работников и учащихся в русском и английском языках / Д. В. Козельская, М. А. Стернина. – Воронеж: РИТМ, 2018. – 90 с.

Лукина Л. В. Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Л. В. Лукина. – Воронеж, 2008. – 19 с.

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ

К. С. Алексеев (Тверь, Россия)

АРГУМЕНТАТИВНЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ СТИЛЬ: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. В статье обсуждается концепция изучения аргументативного коммуникативного стиля на экспериментальном материале, определяются исходные теоретические понятия (*коммуникативный стиль, когнитивный стиль, речевая стратегия, коммуникативная деятельность / речевая деятельность*), приводится анализ и описание когнитивных стилей, подчеркивается взаимосвязь когнитивных и коммуникативных стилей.

Ключевые слова: коммуникативная деятельность, речевая деятельность, коммуникативный стиль, когнитивный стиль, речевая стратегия.

Исследование коммуникативных особенностей «человека говорящего», детерминированных спецификой его когнитивной организацией, является одним из актуальных направлений современной лингвистики. Результаты подобных исследований могут найти широкое практическое применение в обучении эффективному общению и в

разработке конкретных рекомендаций, способствующих оптимизации коммуникации.

В рамках настоящей публикации обсуждается концепция изучения аргументативного коммуникативного стиля на экспериментальном материале.

Сначала определим исходные теоретические понятия: коммуникативный стиль, когнитивный стиль, коммуникативная деятельность / речевая деятельность, речевая стратегия.

Коммуникативный стиль – это особая манера коммуникативной деятельности в дискурсе, актуальная для цели коммуникации и опосредованная экстралингвистическими факторами. Под коммуникативной деятельностью мы понимаем весь процесс от порождения речи до вербальной экспликации. Термин «речевая деятельность» чаще используется в узко парадигмальном понимании [Мкртычян 2012, с. 50].

Под речевой деятельностью понимается:

1) один из трех ключевых аспектов языка, наравне с психологической организацией речи и языковой системой; «языковой материал», включающий в себя совокупность актов говорения и понимания [Щерба 1974, с. 24];

2) разновидность деятельности, наряду с трудовой, познавательной, игровой и др.

Согласно второй концепции, речевая деятельность организована психологически подобно другим видам деятельности, то есть характеризуется предметным мотивом, целенаправленностью и эвристическим характером, а также состоит из последовательных этапов: ориентировки, планирования, реализации плана, контроля. Речевая деятельность может существовать как самостоятельная деятельность, имеющая свою мотивацию и состоящая из речевых действий с подчиненными целями и речевых операций, которые варьируются в зависимости от обстоятельств [Леонтьев 1968, с. 30-31].

Под манерой речи подразумевается отбор и комбинация языковых средств в речи, которая детерминирована спецификой когнитивной организации говорящего (в частности, когнитивным стилем), интенцией и системой прагматических факторов.

Особенности вербального проявления коммуникативного стиля организуются речевыми стратегиями (единицами абстрактного интенционального уровня), которые реализуются в виде конкретных речевых тактик. Речевые тактики можно описывать с помощью языковых (выбор лексики, синтаксических конструкций, композиционная организация) и параязыковых средств (выбор тона и интонации, мимики, жестов и т. д.).

Таким образом, речевая стратегия охватывает интенциональный (превербальный) этап речепорождения, она обусловлена, в частности, когнитивным стилем говорящего. Речевая тактика тяготеет к собственно коммуникативному этапу речепорождения (вербальному) и способствует реализации речевой стратегии [Человек – язык – дискурс 2023, с. 77].

К существенным прагматическим (экстралингвистическим) параметрам, влияющим на коммуникативный стиль, можно отнести следующие.

1. Контекст – окружение, в котором происходит общение: временные, пространственные, социальные и культурные факторы. Например, коммуникация может происходить в неформальной обстановке (в кафе) или в формальной (на рабочем собрании).

2. Дистанция коммуникантов. Выбор языковых средств может быть расширен или ограничен в зависимости от степени близости участников коммуникации. Факторы, способствующие сближению или отдалению: возраст, пол, статус, должность, степень родства и т. д.

3. Ориентация на собеседника. Уровень понимания и ожидания слушателей влияет на выбор лексических единиц [Сусов 2006, с. 31-32].

Все перечисленные факторы являются неотъемлемой частью любой коммуникации, а также элементами коммуникативной ситуации, реализуемой в дискурсе, т. е. протекающей в реальных координатах пространства и времени, ситуативно и социально обуславливающей коммуникативную деятельность, одним из продуктов которой является текст.

Таким образом, коммуникативный стиль – это манера коммуникативной деятельности, а дискурс – среда его функционирования. Коммуникативная деятельность – единица динамического характера (это процесс), который может быть охарактеризован прежде всего с помощью единиц такого же динамического характера – речевых стратегий, маркирующих коммуникативный стиль. Иными словами, коммуникативная деятельность – это содержание, в то время как коммуникативный стиль – это форма его выражения. Такой подход не отрицает уровневого устройства языка, поэтому речевые тактики описываются с помощью традиционных уровневых единиц (лексема, предложение, словосочетание).

Полагаем, что когнитивным основанием, на котором можно выстроить типологию коммуникативных стилей, является когнитивный стиль.

Рассмотрим несколько вариантов определений понятия «когнитивный стиль», предложенных М. А. Холодной.

«Когнитивные стили – это индивидуально-своеобразные способы переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных

различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего» [Холодная 2004, с. 39].

«Когнитивный стиль – формально-динамическая характеристика интеллектуальной деятельности, не связанная с содержательными (результативными) аспектами работы интеллекта» [Холодная 2004, с. 20].

«Когнитивный стиль – характерные для данной личности устойчивые познавательные предпочтения, проявляющиеся в преимущественном использовании определенных способов переработки информации – тех способов, которые в наибольшей мере соответствуют психологическим возможностям и склонностям данного человека» [Холодная 2004, с. 20].

Зарубежные исследователи психологии Меннингерской клиники Дж. Клейн, П. Хольцман, Р. Гарднер, Г. Шлезингер и др. выдвинули идею когнитивного контроля. Их целью был поиск устойчивых элементов в когнитивной сфере человека, выступающих связующим звеном между эмоционально-потребностной сферой и внешними стимулами. Эти психические структуры были обозначены как «принципы когнитивного контроля» или «когнитивные контроли» [Холодная 2004, с. 28-29].

Когнитивные контроли выполняют две ключевые функции. Во-первых, они служат как «структурные ограничения» для аффективных импульсов, определяя индивидуальные различия в восприятии и, следовательно, в регуляции аффектов и потребностей. Во-вторых, они обеспечивают координацию психических ресурсов человека и требований окружающей среды, способствуя адаптивному поведению. Феноменологически, когнитивные контроли проявляются как индивидуальные способы оценки и интерпретации событий.

В рамках этого подхода было выделено шесть когнитивных контролей, которые в современной психологии часто называют когнитивными стилями: диапазон эквивалентности, ширина категоризации, ригидный / гибкий контроль, толерантность к нереалистичному опыту, фокусирующий / сканирующий контроль и сглаживание / заострение. В современной зарубежной и отечественной литературе можно встретить описание около двух десятков различных когнитивных стилей.

Таким образом, когнитивные контроли (когнитивные стили) представляют собой персональные критерии оценки точности познавательного отражения, свойственные каждой конкретной личности. В процессе адаптации к окружающей среде люди формируют уникальные стратегии интеллектуального поведения, самостоятельно выбирая наиболее эффективные методы обработки информации.

Иными словами, каждый человек, сталкиваясь с необходимостью соотнесения себя с миром, находит свой оптимальный способ восприятия и анализа информации. Следовательно, когнитивные различия между индивидуумами отражают разнообразие адаптивных подходов к реальности, представляющих собой, в равной степени, действенные

способы отражения действительности, даже если они и не являются абсолютно точными. Эти индивидуальные стратегии позволяют каждому человеку эффективно взаимодействовать с миром, несмотря на различия в подходах к познанию.

С опорой на описание когнитивного стиля можно выбрать характеристики, которые, с нашей точки зрения, могут повлиять на выбор коммуникативного стиля. В рамках нашего эксперимента, направленного на исследование аргументативных коммуникативных стилей, за основу берется пара когнитивных стилей конкретной / абстрактной концептуализации.

Своеобразие понятийной структуры индивида тесно связано с рассматриваемым когнитивным стилем. Согласно точке зрения Ч. Носала, конкретный тип концептуализации проявляется в склонности к обособлению идей, опирающейся на дискретный, ригидный и не пересекающийся набор концептов. В противоположность этому, абстрактная концептуализация предполагает наличие взаимосвязанной системы идей, формируемой посредством многократной и гибкой организации. Таким образом, конкретный полюс характеризуется логикой изолированных понятий, в то время как абстрактный полюс – логикой семантических полей [Холодная 2004, с. 87].

Для «конкретных» индивидуумов типичны следующие психологические качества: склонность к черно-белому мышлению, зависимость от статуса и авторитета, нетерпимость к неопределенности, стереотипность решений, ситуативный характер поведения, меньшая способность мыслить в терминах гипотетических ситуаций и т. д.

Напротив, полюс «абстрактной концептуализации» предполагает как высокую дифференциацию, так и высокую интеграцию понятий. Соответственно, для «абстрактных» индивидуумов характерна свобода от непосредственных свойств ситуации, ориентация на внутренний опыт в объяснении физического и социального мира, склонность к риску, независимость, гибкость, креативность и т. д. [Холодная 2004, с. 83].

Таким образом, конкретный способ концептуализации приводит к ригидности мышления, выражающейся в тенденции к излишнему упрощению восприятия ситуации и фиксации на единственном способе ее объяснения. Это можно сравнить с некой «когнитивной близорукостью». В противовес этому, абстрактный подход к концептуализации характеризует гибкость мышления, проявляющуюся в способности учитывать неожиданные факторы, генерировать несколько возможных интерпретаций и терпимо относиться к новым и необычным деталям.

Описанные М. А. Холодной методы диагностики данной пары когнитивных стилей основываются на методике незаконченных предложений в двух вариантах.

Методика «Завершение предложений» включает комплект фраз, обозначающих важные социальные обстоятельства с элементами противоречий (например, вина, семья, самооценка, пережитое). Задача испытуемого – добавить одно или два предложения к каждой фразе для ее завершения. Уровень концептуализации определяется по качественной шкале от 1 до 5 для каждого ответа, в зависимости от степени абстрактности. Итоговый балл вычисляется суммированием оценок, при этом более высокий балл указывает на большую склонность респондента к абстрактному мышлению.

Методика «Я считаю, что...» предлагает респонденту выразить свое понимание личного поведения или различных ситуаций, например, высказывания типа «Я считаю, что моя мать...», «Я считаю, что правила...». Уровень концептуализации оценивается посредством общего качественного анализа всех ответов, классифицируя их по одному из четырех уровней структуры системы понятий [Холодная 2004, с. 84].

В рамках нашего эксперимента, в частности, диагностики рассматриваемой пары когнитивных стилей формируется тест на их определение. Далее респондентам предлагается ответить на пять вопросов, относящихся к общественно-значимым темам. Испытуемым необходимо аргументировать выбранную позицию по тому или иному вопросу. Представленные вопросы относятся к разряду «щепетильных» и вызывают бурные дискуссии и многогранные мнения на их счет (смертная казнь, ношение оружия, искусственный интеллект, эвтаназия и т.д.). Анализ результатов опроса позволяет определить коммуникативный стиль испытуемого.

Эксперимент нацелен на определение коммуникативного стиля у испытуемых с разными когнитивными стилями. Гипотеза исследования состоит в том, что когнитивный стиль абстрактная / конкретная концептуализация получит отражение в коммуникативном стиле испытуемых.

Литература

- Леонтьев А. А. Теория речевой деятельности: Проблемы психолингвистики / А. А. Леонтьев; АН СССР. Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1968. – 271 с.
- Мкртычян С. В. Когнитивный аспект коммуникативной стилистики / С. В. Мкртычян // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – №4. – С. 47-57.
- Сусов И. П. Лингвистическая прагматика / И. П. Сусов. – Москва: «Восток – Запад», 2006. – 200 с.
- Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума / М. А. Холодная. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Питер, 2004. – 384 с.
- Человек – язык – дискурс: антропоцентрическая лингвистика и лингвистическая антропология: коллективная монография / Н. О. Золотова, В. В. Волков, С. А. Чугунова, С. В. Мкртычян, В. И. Карасик, Е. Н. Брызгалова, Н. В. Семенова, А. Б. Бушев, В. А. Миловидов; отв. ред. В. А. Миловидов. – Тверь: Тверской государственный университет, 2023. – 179 с.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность: сборник работ / Ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич; АН СССР. Отделение литературы и языка. Комис. по истории филол. наук. – Ленинград: Наука. Ленингр. отделение, 1974. – 427 с.

О. А. Андреева (Тверь, Россия)

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ ЖАНРА КРИТИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Аннотация. В статье обсуждаются результаты экспериментального исследования, направленного на выявление речевых стратегий жанра критического высказывания; представлена типология речевых стратегий в аспекте оценки их эффективности / конфликтности.

Ключевые слова: эффективное общение, речевой жанр критического высказывания, речевая стратегия, конфликтоген.

Основной качественной характеристикой общения является его эффективность. Данная категория предложена и описана И. А. Стерниным. В настоящем исследовании мы опираемся на концепцию, разработанную воронежским ученым.

Вербальная составляющая общения является дискретной и может быть описана в единицах речевых стратегий, которые используются как жанрообразующие (или жанроформирующие) составляющие речевого жанра. Объектом исследования является речевой жанр критического высказывания.

Эффективное общение, как его характеризует И. А. Стернин, предполагает достижение трех целей говорящего: 1) информационная (информирование собеседника); 2) предметная (получение желаемого результата); 3) коммуникативная. Коммуникативная цель связана с сохранением коммуникативного равновесия, предполагающего отведение собеседнику роли не ниже той, которую он сам себе отводит [Стернин 2009, с. 55-56].

Жанр критического высказывания является потенциально конфликтным, так как изначально включает в себя неодобрение действий собеседника. В рамках исследования мы сближаем понятия неэффективности и конфликтности, так как большинство неэффективных стратегий содержит конфликтоген. Согласно А. П. Егидесу, конфликтоген в психологии – это высказывание, слово, поведение, действие или бездействие, которое приводит к неизбежному началу конфликта [Егидес 2004, с. 14]. В рамках данного исследования мы сужаем представленное понятие до коммуникативного конфликтогена. ***Коммуникативный***

конфликтотген представляет собою такое коммуникативное действие, которое может привести к конфликту, поскольку характеризуется категоричностью, недоброжелательностью, императивностью.

Критика имеет отличительную черту в восприятии адресатом: публичная критика отвергается в 100% случаев, в то время как сохранение коммуникативного равновесия возможно в 60% случаев при критике наедине [Стернин 2001, с. 121]. Это связано с тем, что человек, обладая внутренней самооценкой, будет пытаться сохранить свое лицо [там же, с. 120]. П. Браун и С. Левинсон пишут о существовании у участников общения «позитивного лица», требующего социального одобрения, и «негативного лица», требующего права на личное пространство и свободу действий [Brown 1988, p. 61].

Под речевой стратегией (далее – РС) мы понимаем коммуникативную единицу интенционального характера. С целью выявления типичных речевых стратегий жанра критического высказывания мы провели эксперимент, в котором приняли участие 34 испытуемых, из них 10 мужчин и 24 женщины в возрасте от 17 до 78 лет. Испытуемым было предложено 10 искусственно смоделированных ситуаций, которые гипотетически могут иметь место в дискурсе повседневности. Укажем предложенные ситуации.

✓ *Ваш десятилетний сын взял жвачку в магазине и незаметно вынес ее, не заплатив.*

✓ *Ваш сосед-студент, с которым у Вас доброжелательные отношения, устроил вечеринку, громко включил ночью музыку и мешает вам спать.*

✓ *Ваш начальник, с которым у Вас натянутые отношения, не выплатил Вам премию, которую он Вам обещал в случае перевыполнения плана. Вы работали объективно безупречно.*

✓ *Пожилая женщина в автобусе стоит сзади и настойчиво толкает Вас в спину, чтобы Вы подвинулись в другое место.*

✓ *Подростки, которые шумно себя вели в автобусе и сквернословили, оскорбили пожилого мужчину, сделавшего им замечание.*

✓ *На кассе магазина собралась очень длинная очередь. Пожилая сотрудница магазина продолжает игнорировать просьбы своей коллеги открыть вторую кассу.*

✓ *Девочка лет восьми мучает кошку (тянет ее за уши, лапы, хвост и пытается искупать в луже).*

✓ *Ваш друг занял у Вас крупную сумму. Вы решили напомнить ему о его долге.*

✓ *Во время Вашего выступления с докладом на совещании Ваша коллега (Вашего возраста) постоянно Вас перебивает, задает вопросы, не относящиеся к Вашей теме, и делает неуместные комментарии.*

✓ *Ваш подчиненный (ему лет 25), с которым у Вас не складываются отношения, при Вас нахамил клиенту несмотря на то, что он уже получил выговор за подобное общение.*

Время на ответ не ограничивалось. Всего ответов получено – 340, из них 40 – нерелевантны в рамках исследования (итого 300 ответов). Задание было сформулировано следующим образом: «Ознакомьтесь с ситуациями и отреагируйте на них так, как Вы бы сделали это в жизни, то есть напишите фразу, которую Вы бы сказали (в прямой речи)». Эксперимент проводился на платформе Яндекс Формы.

В ходе исследования обнаружено 20 речевых стратегий (РС):

- РС выражения доброжелательного отношения: *Я понимаю, что хочется погулять...;*
- РС оскорбления: *Что ты делаешь, безумная?;*
- РС описания ситуации: *Ему очень больно...;*
- РС экспликации своей позиции: *На часах ночь, и мне хотелось бы видеть сны в тишине...;*
- РС экспликации позиции адресата: *Вы, наверное, не слышали...;*
- РС приказа: *Выйдите из автобуса;*
- РС просьбы: *Пожалуйста, откройте вторую кассу;*
- РС предложения выхода: *Геннадий, все вопросы, не относящиеся к моей теме, мы можем обсудить позже;*
- РС выяснения обстоятельств: *Почему вы мне не выплатили премию?;*
- РС ухода: *Промолчу;*
- РС угрозы: *Я напишу жалобу в суд!;*
- РС укора / упрёка: *Разве можно так относиться к животным?;*
- РС назидания: *Так нельзя!;*
- РС язвительного вопроса: *Цирк уехал, а клоуны остались?;*
- РС язвительного замечания: *Женщина, автобус от этого не станет быстрее ехать;*
- РС-перформатив: *Уволен;*
- РС объединения: *Теперь мы возвращаемся обратно;*
- РС межличностной критики: *Я подойду очень близко и скажу...;*
- РС апелляции к чувствам: *Представь, что мама делает с тобой то же самое;*
- РС извинения: *Извините...*

Самыми частотными оказались речевые стратегии приказа (18,7% ответов), просьбы (16,7% ответов), выяснения обстоятельств (15,7% ответов), описания ситуации (15% ответов), предложения выхода из ситуации (12,7%) и ухода (11,7%).

Менее используемыми стали такие стратегии, как РС угрозы (10,3% ответов), РС выражения доброжелательного отношения

(9% ответов), РС назидания (8,7% ответов), РС укора / упрёка (7,7% ответов), РС язвительного замечания (6,7% ответов), РС язвительного вопроса (4,7% ответов).

Среди ответов респондентов самыми редкими были перформатив (3,7% ответов), РС оскорбления (3% ответов), РС апелляции к чувствам (3% ответов), РС объединения (1,3% ответов), РС экспликации позиции адресата (1,3% ответов), РС экспликации своей позиции (3,3%), РС извинения (1,7%) и РС межличностной критики (0,3% ответов).

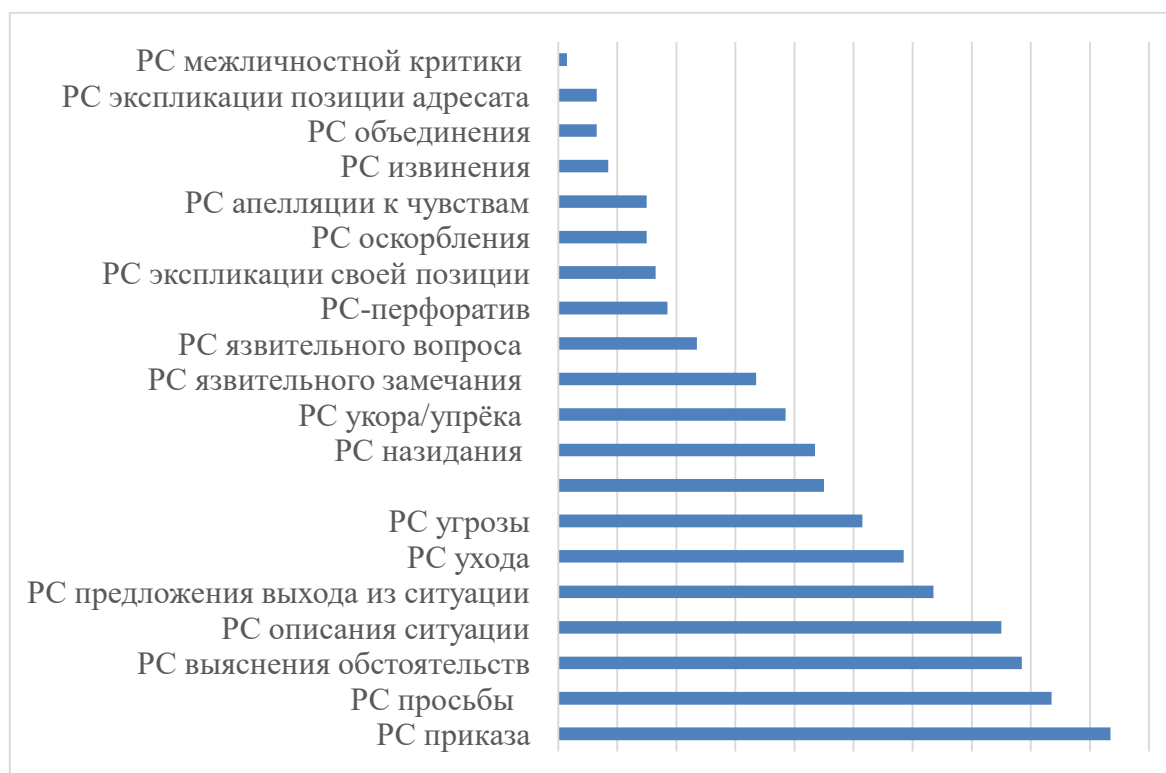

Рис 1. Количественное соотношение речевых стратегий

Исследование показывает, что к наиболее эффективным речевым стратегиям относятся РС описания ситуации, РС просьбы, РС выяснения обстоятельств, РС предложения выхода из ситуации, РС выражения доброжелательного отношения, РС экспликации позиции адресата, РС объединения, РС экспликации своей позиции, РС извинения и РС межличностной критики. Они являются кооперативными и, главным образом, направлены на сохранение коммуникативного равновесия. Например, РС описания ситуации, РС экспликации своей позиции и РС экспликации позиции адресата представляют собой одну из основных составляющих эффективной критики – аргументативность, которая снижает вероятность отторжения критики. РС просьбы отличается наличием вежливых форм обращения (*прошу, пожалуйста*), которые снижают категоричность высказывания, не требующую возражений. РС

объединения, РС извинения и РС выяснения обстоятельств также представляют собой стратегии, снижающие категоричность, поэтому могут быть отнесены к эффективным. Кроме того, РС извинения является одной форм обеспечения общекультурных форм поведения, принятых в цивилизованном обществе. РС выражения доброжелательного отношения выполняет одно из правил эффективной коммуникации – «отведение собеседнику... роли не ниже той», которую он себе отводит сам (сохранение коммуникативного равновесия) [Стернин 2008, с. 22]. В некоторых ответах испытуемых от 17 до 39 лет выражение доброжелательного отношения выражается в использовании диминутивов, которые, как правило, сводят к минимуму враждебность высказывания. РС межличностной критики, которая оказалась единичной стратегией в рамках исследования, отвечает закону отторжения публичной критики.

К неэффективным стратегиям относятся РС приказа, РС угрозы, РС назидания, РС укора / упрека, РС язвительного замечания, РС язвительного вопроса и РС оскорбления. В отличие от РС просьбы, РС приказа обладает высокой степенью категоричности, которая несет угрозу «негативному лицу» адресата. РС назидания являет собой критику, исключаящую аргументацию, что является одной из причин отвержения критики. РС угрозы и РС назидания предполагают невозможность совершения адресатом желаемых действий, представляя собой, как и РС приказа, угрозу «негативному лицу». РС язвительного вопроса, РС язвительного замечания, РС оскорбления (как правило, выражается в использовании обценной лексики и попытке унизить собеседника) несут угрозу «позитивному лицу» слушающего, которое нуждается в одобрении и положительном отношении к себе. Кроме того, представленные неэффективные стратегии могут рассматриваться как конфликтогены, поскольку содержат категоричность (РС приказа, РС назидания), негативное отношение к собеседнику (РС угрозы, РС укора / упрека, РС язвительного замечания, РС язвительного вопроса, РС оскорбления) и императивность (РС приказа).

Можно выделить ряд коммуникативных маркеров, которые могут быть свойственны конфликтогену:

1) категоричность реализуется посредством употребления оценочной лексики, модальных слов, императивных конструкций: *нельзя, запрещено, нехорошо, молчать, идите* и т.д.;

2) негативное отношение к собеседнику проявляется в использовании эмоционально-окрашенной лексики, в частности, обценной, сниженной, бранной (например, *хамло*), представляющей собой не только попытку выразить неодобрение поступка, но и оскорбить собеседника. Выражение негативного отношения, представленного в виде язвительных формулировок, отличается типом агрессии, которая приобретает пассивную форму за счет использования таких средств как

ирония, сарказм (*Умный склад ума, сынуля*), риторический вопрос (*У вас всё нормально с головой?*).

РС ухода через игнорирование в разных случаях может помочь уладить конфликт, в отдельных – будет одним из факторов его нарастания. РС ухода через переключение внимания во всех ответах респондентов сочеталась с юмором, который, как правило, используется для смягчения ситуации, хотя также может иметь конфликтогенный потенциал в зависимости от особенностей собеседника.

Несмотря на то, что самыми частотными среди ответов респондентов были фразы, содержащие языковую реализацию эффективных стратегий, большую часть высказываний нельзя отнести к кооперативным, так как чаще всего они содержат комбинации двух и более речевых стратегий, как эффективных, так и неэффективных, имеющих конфликтогенный потенциал.

Исследование позволило сделать следующие выводы.

Наиболее частотными среди эффективных стратегий являются РС описания ситуации, РС просьбы, РС выяснения обстоятельств, РС предложения выхода из ситуации. Наиболее частотной неэффективной стратегией является РС приказа. Многие неэффективные стратегии содержат конфликтогены, которым свойственны императивность, категоричность, передача недоброжелательного отношения к собеседнику посредством сниженной оценочной лексики, императивных конструкций, бранных обращений. Конфликтогены способствуют эскалации конфликта.

К сожалению, в речи респондентов одна из самых эффективных стратегий – РС межличностной критики – наименее представлена.

Литература

Егидес А. П. Психология конфликтов в деловом общении (концепции и технологии): автореф. дисс. ... докт. психол. наук / А. П. Егидес. – Москва, 2004. – 45 с.

Стернин И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 227 с.

Стернин И. А. Деловое общение: учеб. пособие / И. А. Стернин. – Воронеж: Родная речь, 2009. – 200 с.

Стернин И. А. Практическая риторика: учеб. пособие / И. А. Стернин. – Москва: Издательский центр «Академия», 2008. – 272 с.

Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some universals in language usage / P. Brown, S.C. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 345 p.

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: КОНЦЕПТЫ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу концептов делового общения в китайской и российской лингвокультурах. Рассматриваются сходства и различия в восприятии иерархии, роли межличностных отношений, эмоциональной экспрессии и временных ориентиров. Анализ показывает, что российская модель имеет гибридный характер, сочетая черты восточной и западной традиций, тогда как китайская сохраняет большую гармонизированность и ритуализированность.

Ключевые слова: высококонтекстная культура, дистанция власти, «сохранение лица» (miànzi), гибридная модель.

Языковое сознание представляет собой совокупность представлений, ценностей и когнитивных схем, которые закрепляются в языке и определяют восприятие и интерпретацию коммуникативных ситуаций. В контексте делового общения языковое сознание формирует не только способы выражения мыслей, но и саму организацию деловых взаимодействий, поскольку оно отражает культурные нормы, ожидания и стратегии поведения. Методологическую основу исследования составляют классические теории межкультурной коммуникации, в частности, концепция высоко- и низкоконтекстных культур Э. Холла, объясняющая степень имплицитности коммуникации, а также модель культурных измерений Г. Хофстеде, позволяющая операционализировать различия в ценностных ориентациях, таких как дистанция власти, коллективизм / индивидуализм и отношение ко времени. Интеграция подходов обеспечивает системный аналитический инструментарий для компаративного анализа, поскольку они взаимодополняют друг друга, связывая макрокультурные параметры с конкретными коммуникативными практиками.

Российскую бизнес-коммуникацию характеризуют как гибридную или транзитивную, поскольку она интегрирует элементы как восточной (коллективистской), так и западной (индивидуалистической) традиций. Российская деловая коммуникация в сравнении с китайской демонстрирует как точки пересечения, так и существенные различия.

В китайской лингвокультуре языковое сознание акцентирует ключевые ценности конфуцианской традиции: сохранение «лица» (面子, miànzi), уважение к иерархии, гармонизацию высказываний и косвенность в аргументации. Данные культурные ориентиры находят выражение в специфических лексико-грамматических средствах, устойчивых речевых оборотах и формальных структурах делового общения. Например, в переговорах китайские партнеры часто используют эвфемизмы, формулы

смягчения и коллективные местоимения, чтобы подчеркнуть уважение к собеседнику и избежать прямого противоречия. Подобные языковые стратегии обеспечивают сохранение гармонии и способствуют долгосрочному выстраиванию деловых отношений.

Российская модель языкового сознания амбивалентна: в ней сочетаются установки, характерные для коллективистских обществ (уважение к статусу, личные связи) с ценностными ориентациями, присущими индивидуалистическим культурам (открытое выражение позиции, эмоциональная окрашенность высказываний). В языке это проявляется в гибкости речевых стратегий: допустима прямолинейная критика, использование эмоционально окрашенных выражений, вариативность синтаксических и лексических конструкций в зависимости от ситуации. Одновременно сохраняется традиционное уважение к иерархии и формальным нормам, что отражает переходный характер российской деловой коммуникации.

Языковое сознание оказывает прямое влияние на успешность межкультурной коммуникации. Понимание того, как фиксируются культурные ценности в языке, позволяет российским специалистам корректно интерпретировать намерения китайских партнеров, предугадывать реакцию на высказывания и выбирать оптимальные стратегии ведения переговоров. Например, неверное толкование косвенных формулировок или смягчений в китайской речи может привести к конфликту или потере доверия, тогда как осознанное применение этих знаний повышает эффективность коммуникации.

Российская бизнес-коммуникация относится к высококонтекстному типу, что предполагает значительную роль невербальных сигналов, имплицитного смысла и учета межличностных отношений в процессе взаимодействия [Вилкова 2019, с. 50]. Китайская культура также является высококонтекстной – в обеих культурах участники коммуникации редко выражают свои намерения в прямой форме: гораздо важнее умение «читать между строк». Для Китая эта особенность укоренена в конфуцианской традиции, где гармония и социальный баланс выступают базовыми ценностями. В России же высокая контекстность во многом связана с историческим опытом: в условиях политической нестабильности и дефицита доверия прямое высказывание могло нести риск, что сформировало привычку к иносказательности и скрытому выражению мнений.

Ключевым элементом китайской коммуникации, как уже было сказано ранее, является концепт «лица» (面子, *miànzi*), который отражает репутацию, социальный статус и уважение со стороны других. Сохранение «лица» предполагает избегание прямой критики и открытых конфликтов. В российской деловой культуре идея «лица» также присутствует, но выражена менее ритуализированно: здесь допустимы более

эмоциональные формы несогласия, при этом сохранение авторитета руководителя остается приоритетом. Таким образом, в обеих культурах наблюдается стремление к гармонии, но в России оно менее формализовано и допускает элементы конфронтации.

Российская модель делового общения сочетает формализм и импровизацию: с одной стороны, соблюдение протокола и иерархии подчеркивает уважение к статусу партнеров, с другой – управленческие решения нередко принимаются ситуативно, на основе личных связей и гибкости подхода. Как и в Китае, в России значимо установление доверительных отношений перед переходом к деловым вопросам, однако здесь наблюдается меньшая степень ритуализированности, а структура коммуникации отличается меньшей предсказуемостью.

Для российской деловой культуры характерна высокая дистанция власти (по классификации Хофстеде) и централизованным принятием решений. Руководители, как правило, обладают значительной властью и ожидают безусловного подчинения от сотрудников. Обсуждение управленческих решений с нижестоящими звеньями встречается редко, а открытая критика начальства воспринимается как подрыв авторитета. Данный аспект контрастирует, например, с немецкой моделью, где сотрудники ожидают рациональной аргументации от руководства и допускают конструктивное обсуждение. Китайская модель ориентирована на сдержанность, гармонизацию высказываний и избегание чрезмерной эмоциональности [Ромченко 2010, с. 243].

В российской бизнес-коммуникации, напротив, присутствует тенденция к эмоционально окрашенной речи и спонтанности. Подобное поведение может восприниматься китайскими партнерами как нарушение норм делового общения. Российская культура сочетает формализм (уважение к статусу, протокол) с импровизацией и ситуативными решениями, что отражает переходный характер модели – от восточной сдержанности к западной ориентации на личную инициативу [Игнатенко 2024, с. 41].

В российской деловой культуре наблюдается полихронное восприятие времени с элементами монокронности: соблюдение сроков признается важным, однако на практике графики нередко трактуются гибко, особенно при наличии уважительных причин. В отличие от китайской модели, где временные рамки во многом зависят от межличностных факторов, российская культура занимает промежуточную позицию, сочетая элементы структурированности и вариативности.

Согласно параметрам Хофстеде, китайская культура демонстрирует более высокие показатели по шкале маскулинности, а также склонностью к долгосрочной ориентации и потворству импульсам. Однако по двум последним параметрам различия между Китаем и Россией оказываются не столь значительными. По наблюдению О. А. Родина, российская деловая

культура характеризуется высокой дистанцией власти, индивидуалистической направленностью и повышенным стремлением к избеганию неопределенности.

Среди структурных особенностей российской модели также выделяются «высокий уровень избегания неопределенности», «авторитарный стиль управления», «сверхцентрализация принятия решений», ограниченное участие сотрудников в процессе принятия решений и низкий уровень прозрачности в коммуникациях. В ряде случаев руководство использует ключевую информацию в собственных интересах, что ослабляет информированность коллектива и снижает эффективность обратной связи [Родин 2019, с. 139].

Несмотря на принадлежность обеих культур к высококонтекстному типу, российская модель бизнес-коммуникации демонстрирует более выраженную эмоциональность и ситуативность по сравнению с китайской. При общем уважении к иерархии и стремлении к личным отношениям различия проявляются в степени формализации процессов, предсказуемости делового поведения и допустимой вариативности выражения мнений. Контраст в уровнях централизованности принятия решений и подходах к информационной открытости подчеркивает специфику российской деловой среды в сопоставлении с китайской.

Показательным примером успешного взаимодействия между Россией и Китаем в сфере межкультурной деловой коммуникации является проект магистрального газопровода «Сила Сибири». Он стал результатом стратегического партнерства между российской компанией «Газпром» и китайской CNPC (China National Petroleum Corporation). Контракт на поставку 38 миллиардов кубометров газа ежегодно был подписан в 2014 году сроком на 30 лет и ознаменовал собой крупнейшую сделку в истории российско-китайского энергетического сотрудничества. Реализация столь масштабного проекта потребовала высокого уровня координации и выстраивания устойчивого канала коммуникации между сторонами, представляющими культуры с существенно различными моделями делового взаимодействия.

Российская сторона продемонстрировала гибкость в адаптации к протяженным по времени переговорам и подчеркнутому вниманию к процедурам согласования, характерным для китайского бизнес-контекста. Китайские партнеры, в свою очередь, проявили готовность к установлению доверительных отношений, а также к учету российской специфики в вопросах ресурсного распределения и государственного регулирования. Большую роль сыграло участие государственных структур обеих стран, что способствовало снижению неопределенности и усилению доверия. В данном кейсе прослеживается эффективная реализация принципов культурной адаптации, что позволило не только заключить соглашение, но

и обеспечить его поступательное исполнение в условиях глобальной политико-экономической турбулентности.

Примером неэффективной деловой коммуникации между Россией и Китаем можно считать переговоры 2013 года между российским производителем калийных удобрений «Уралкалий» и китайским государственным агрохимическим консорциумом CNAMPGC. После выхода из альянса с «Беларуськалием» и кардинального пересмотра стратегии продаж, «Уралкалий» рассчитывал на расширение экспортных поставок за счет снижения цен. Однако при переговорах с китайскими партнерами компания столкнулась с жестким торгом и отсутствием гибкости со стороны Пекина.

Китайская сторона, опираясь на наличие крупных внутренних запасов калийных удобрений и рост местного производства, настаивала на снижении экспортной цены с \$400 до менее чем \$300 за тонну. Российская делегация ожидала более прагматичного и оперативного подхода, в то время как китайские представители действовали в рамках иной логики, отводя значительную роль согласованию условий на межведомственном уровне и выжидательной тактике. Переговоры затянулись, и в результате объемы поставок существенно сократились, что повлияло на рыночные позиции «Уралкалия» и вызвало падение котировок акций компании. Впоследствии это взаимодействие было охарактеризовано как стратегически просчитанное. Коммуникативный сбой в переговорах «Уралкалия» с китайским консорциумом наглядно демонстрирует, как расхождение в культурных кодах усугубляет конфликт экономических интересов.

Неудача переговоров «Уралкалия» рельефно высвечивает последствия игнорирования кросс-культурных различий, описанных в теоретической рамке: ориентация российской делегации на быстрое достижение результата (краткосрочная ориентация) и низкоконтекстные ожидания прямой дискуссии вступили в противоречие с высококонтекстной и ритуализированной практикой китайских партнеров, для которых принципиальное значение имели долгосрочная устойчивость и необходимость достижения внутрикорпоративного и межведомственного консенсуса (высокая дистанция власти и коллективизм). Затяжной характер переговоров и их итог свидетельствуют о том, что различия в подходах к принятию решений (централизованно-иерархический в Китае против более ситуативного в России) и восприятию времени (монохронное с элементами полихронности в России vs выраженная полихронность в Китае) оказались критическими факторами, не позволившими сторонам найти взаимоприемлемую форму взаимодействия.

Рассмотренные кейсы межкультурной деловой коммуникации между Китаем и Россией демонстрируют, что успех или неудача взаимодействия в значительной степени зависят от уровня адаптации к культурным

различиям и стратегической гибкости участников. Удачные проекты характеризуются взаимным признанием различий, гибкостью в переговорах и уважением к локальным нормам. Конфликты и разрывы, напротив, чаще всего происходят при попытке навязать собственную модель поведения или при недооценке различий в институциональных и поведенческих установках. Культурная чувствительность и институциональное согласование выступают ключевыми факторами устойчивости международного делового партнерства.

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что кросс-культурные различия между российским и китайским деловым общением, детерминированные глубинными ценностными ориентациями, носят системный характер. Российская гибридная модель, сочетающая высококонтекстность с эмоциональной спонтанностью и ситуативностью, существенно отличается от гармонизированной и ритуализированной китайской модели с ее акцентом на долгосрочную перспективу и консенсус.

Практическая значимость исследования заключается в выработке конкретных рекомендаций для российских специалистов, нацеленных на минимизацию коммуникативных рисков при работе с китайскими партнерами. Для успеха взаимодействия целесообразно:

1) сознательно адаптировать коммуникативный стиль, то есть воздерживаться от прямолинейной критики и эмоционально окрашенных высказываний в пользу косвенных формулировок и смягченных конструкций, что соответствует китайской практике сохранения «лица» (mianzi);

2) учитывать временные ориентиры и процедурные аспекты необходимо проявлять терпение в рамках протяженных переговоров, признавая их природу их ритуалов и необходимость многоуровневых согласований, вместо ожидания оперативных решений;

3) целенаправленно выстраивать доверительные отношения на долгосрочной основе, отводя время на неформальное общение и демонстрируя уважение к иерархии и статусу китайских коллег.

Соблюдение принципов, основанное на понимании языкового сознания партнера, позволяет трансформировать культурные различия из источника потенциальных конфликтов в ресурс для построения устойчивого и эффективного стратегического партнерства.

Литература

Абилекова Г. К. КНР в эпоху реформ Дэн Сяопина / Г. К. Абилекова // Вестник Казахского национального университета. Серия Востоковедения. – 2012. – № 1 (58). – С. 9-13.

Алексеева О. И. О вербальных средствах делового общения / О. И. Алексеева // Вестник Национального института бизнеса. – 2017. – № 28. – С. 139-141.

Ван Ц. Даосизм как образ жизни / Ц. Ван // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2011. – № 6. – С. 77-81.

Веселова Л. С. Понятие и роль неформальных отношений «Гуаньси» в экономической жизни современного Китая / Л. С. Веселова // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 1 (49). – С. 218-221.

Вилкова А. С. Высококонтекстные и низкоконтекстные культуры / А. С. Вилкова // Наука, образование и культура. – 2019. – № 3 (37). – С. 49-51.

Вилкова А. С. Культура: сходства и различия высококонтекстной и низкоконтекстной культуры / А. С. Вилкова // E-Scio. – 2020. – № 3 (42). – С. 378-382.

Гайсумов А. А. Культурные измерения Хофстеде и их применение в анализе проблем, возникающих у транснациональных компаний на международных рынках / А. А. Гайсумов // Вестник Чеченского государственного университета. – 2019. – № 3 (35). – С. 111-115.

Игнатенко А. В. Особенности межкультурной коммуникации между деловыми сообществами России и Китая / А. В. Игнатенко, П. С. Чуриков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 2. – С. 39-46.

Родин О. А. Особенности и перспективы развития организационной культуры в России / О. А. Родин // Социально-экономические, институциональные и рыночные трансформации в условиях формирования цифровой экономики : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 14–15 февр. 2019 г.). – Воронеж: Научная книга, 2019. – С. 137-140.

Ромченко Е. Д. Базовые принципы китайской деловой культуры / Е. Д. Ромченко // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2010. – № 3. – С. 24-246.

В. А. Глазкова (Воронеж, Россия)

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ОРГАНИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные направления лингвистических исследований в области формирования имиджа организации в социальных сетях. Выявлены основные сферы интересов современной медиалингвистики в части исследования языковых средств создания имиджа организации. Предлагаемый обзор позволил определить наиболее перспективные направления отечественной лингвоимиджелогии, продемонстрировать возможности использования традиционных лингвистических методов для решения специфических задач, связанных с появлением нового медиапродукта – сетевого имиджевого текста.

Ключевые слова: языковые средства формирования имиджа организации, язык социальных сетей, речевое воздействие в социальных сетях, имидж организации.

В настоящее время основной платформой для формирования имиджа организации являются социальные сети. Особое внимание к ним вызвано тем, что компании имеют возможность контактировать с

непосредственным потребителем, создавать с ним эмоциональную связь и тем самым повышать уровень доверия к бренду. Однако эффективность использования социальных сетей для решения указанной задачи напрямую связана с качеством контента. Современные лингвисты изучают, как именно различные языковые инструменты влияют на восприятие организаций аудиторией [Базилян 2009; Васильева 2022; Кононов 2025; Лисенкова 2021; Молчанов 2017; Шиловский 2020 и др.].

Одно из наиболее активно развивающихся направлений современных лингвистических исследований имиджа связано с изучением языковых способов повышения эффективности эмоционального воздействия текстов в социальных сетях. Ученые анализируют, каким образом те или иные языковые приемы вызывают у читателей конкретные эмоциональные реакции и формируют устойчивые позитивные ассоциации с брендом. Так, С. В. Шиловский, ссылаясь на труды Р. Лавиджа и Г. Стейнера, в своей работе указывает на важность эмоциональной составляющей контента: «Стоит отметить модель рекламы, описанную Лавиджем и Стейнером. Авторы представили три компонента эффективности рекламы: познавательный (мысли человека), аффективный (эмоции) и конативный (мотивы человека). Исследователи утверждали следующую связь понятий: осведомленность (когнитивное) ведет к знанию (когнитивное), знание ведет к тому, что продукт нравится покупателю (аффективное), что, в свою очередь ведет к предпочтению продукта (аффективное), убеждению покупателя (конативное) и к покупке (конативное). Результаты данной работы показывают влияние эмоций на принятие решения о покупке» [Шиловский 2020].

Специфическим объектом изучения в лингвистике являются т. н. микронарративы – короткие истории, которые бренды рассказывают в рамках одного поста [Лисенкова 2021]. Интерес к данному жанру обусловлен высоким прагматическим потенциалом указанного типа текста, позволяющего в ограниченном объеме установить эмоциональную связь с аудиторией, используя архетипические сюжеты и универсальные человеческие ценности. Поскольку архетипы служат инструментом создания микронарративов, их роль как структурообразующего элемента изучается самостоятельно. А. С. Васильева в своей работе пишет: «Архетипы в рекламе – мощный инструмент для создания уникальной идентичности бренда и установления эмоциональной связи с потребителями» [Васильева 2022]. Таким образом, архетип в текстах социальных сетей является средством воздействия на аудиторию. Он выступает как ассоциативно-символическое средство воздействия на пользователя и позволяет создать цельный образ бренда, усилить эмоциональную связь потребителя с ним.

Важным сегодня становится изучение культурного аспекта в корпоративной коммуникации. Культурно обусловленные различия в

отношении потребителей к социальным сетям и маркетингу в частности могут оказывать значительное влияние на процесс формирования имиджа в разных странах. Бренды, которые эффективно адаптируют свои стратегии, учитывая культурные различия, могут усилить свои позиции на мировом рынке. Язык, стиль общения, потребительские предпочтения и местные обычаи позволяют брендам предлагать продукты и услуги, которые соответствуют культурным ожиданиям [Темирова 2024]. Имиджеобразующий текст в социальной сети должен быть адаптирован под культурную среду: важно здесь обратить внимание на символику цвета, цифр и жестов, учитывать местное отношение к шуткам и каламбурам, использовать идиомы, понятные в среде, к которой обращен текст.

Следующий важный аспект в изучении формирования имиджа в социальных сетях – этический аспект использования языковых инструментов в корпоративной коммуникации. Особый интерес представляют здесь исследования так называемого гринвошинга. Гринвошинг буквально переводится как «зеленое отмывание». А. Н. Кононов в своей работе определяет это понятие, как «трюки и уловки, которые ведут к тому, что в потребительском сознании возникает ложное представление относительно экологической безопасности продукта для общества и для окружающей среды» [Кононов 2025]. Организации используют определенные языковые маркеры для создания ложного впечатления о своих ценностях и деятельности. Исследователь приводит несколько примеров лингвистических приемов гринвошинга:

1) использование сложных терминов, непонятных рядовому потребителю, но наталкивающих на мысль о принадлежности товара или продавца к «экологическому стандарту»;

2) использование неактуальных утверждений (указание на то, что при производстве не используется определенное вещество, но в реальности, использование этого вещества запрещено на законодательном уровне);

3) бездоказательные утверждения, которые невозможно проверить (*альпийский шоколад прямиком с Альпийских гор*);

4) общие утверждения (*полностью натуральный, экологически чистый, отвечающий высоким стандартам качества*), которые заставляют потребителя верить в пользу продукта, подталкивая к мысли, что он улучшит здоровье, но за ними скрывается неопределенность критериев, а также отсутствие учета тех факторов, что, допустим, природные яды, также натуральны [Кононов 2025].

Актуальное в данный момент направление – это сентимент-анализ, целью которого является оценка эмоциональной окраски корпоративных публикаций и реакции аудитории на них. Термин «сентимент-анализ» используется также для обозначения «класса методов автоматического

выделения в текстах эмоционально окрашенной лексики и эмоциональной оценки авторов (их мнений) по отношению к объектам, речь о которых идет в тексте» [Богданов 2019]. Получаемые таким образом результаты дают возможность выявлять паттерны успешной коммуникации и прогнозировать эффективность различных языковых стратегий.

Также исследователи обращают внимание на нейролингвистическое воздействие имиджевого текста. Используя современные методы нейровизуализации, ученые изучают, как различные языковые приемы активизируют определенные зоны мозга и влияют на процессы принятия решений потребителями. Благодаря этому методу становится возможным выяснить, как именно приемы, применяемые в тексте, влияют на реакции потребителя, и тем самым выделить наиболее эффективные для формирования положительных ассоциаций с брендом. Таким образом, с помощью этого метода можно установить оптимальный набор лингвистических инструментов воздействия на аудиторию. В. С. Молчанов отмечает, что «нейромаркетинговые исследования являются достаточно важным научным направлением, целью которого является выявление и изучение скрытых реакций и ассоциаций потребителей на различные виды товаров. На основе полученной информации формируется общий эмоциональный потребительский портрет, который помогает более полно понять «желания» потребителя и в дальнейшем может использоваться для разработки рекламной кампании» [Молчанов 2017].

Современные исследования языковых инструментов формирования имиджа организаций в социальных сетях представляют собой динамично развивающуюся область научного знания, которая находится на пересечении лингвистики, журналистики, имиджелогии, теории медиа, психологии, социологии и технологий развития web-пространства. Понимание механизмов языкового воздействия в цифровой среде становится критически важным для успешного функционирования организаций в современном мире, где репутация формируется каждый день через миллионы цифровых взаимодействий.

Предпринятый анализ показал, что наиболее перспективными направлениями исследования языковых средств формирования имиджа организации в социальных сетях являются: изучение языковых способов повышения эффективности эмоционального воздействия текстов в социальных сетях, изучение культурного аспекта в корпоративной коммуникации, изучение этического аспекта в формировании имиджа организации, а также метод сентимент-анализа и нейролингвистического анализа.

Литература

Базилян С. А. Брендинг и мифотворчество: архетипы в рекламе / С. А. Базилян // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. 11. № 2 (48-49). – С. 335-341.

Богданов А. Л. Сентимент-анализ коротких русскоязычных текстов в социальных медиа / А. Л. Богданов, И. С. Дуля // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2019. – №47. – С. 220-241.

Васильева А. С. Архетипы в современной интернет-рекламе: возможности и перспективы / А. С. Васильева // Вопросы медиабизнеса. – 2022. – Т. 1. № 2. – С. 38-43.

Кононов А. Н. Гринвошинг как проявление недобросовестного маркетинга / А. Н. Кононов // Практический маркетинг. – 2025. – №3(333). – С. 61-64.

Лисенкова А. А. Цифровой сторителлинг и микронаративы – новые формы репрезентации персонального опыта и коллективного творчества / А. А. Лисенкова // Слово.ру: балтийский акцент. – 2021. – Т. 12. № 2. – С. 45-52.

Молчанов В. С. Нейромаркетинг как ключ к пониманию поведения потребителей / В. С. Молчанов // Экономика и социум. – 2017. – №1(32). – С. 172-177.

Темирова Ф. Влияние культурных различий на стратегии международного брендинга / Ф. Темирова // Экономика и социум. – 2024. – №12(127). – С. 1068-1073.

Шиловский С. В. Влияние контента на вовлеченность потребителей в отношения с брендом в социальных сетях. Традиционные модели рекламы и современные исследования, анализ теории и выявление разрывов / С. В. Шиловский // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – №3. – С. 311-317.

В. А. Глазкова (Воронеж, Россия)

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ОРГАНИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ НА СТРАНИЦАХ ЗАВЕДЕНИЙ ОБЩЕПИТА)

Аннотация. В статье излагаются результаты исследования текстов, размещенных на страницах в социальных сетях популярных заведений общественного питания. Предметом исследования является определение роли прилагательных в построении имиджа организации. Выявлены основные группы прилагательных, наиболее часто используемых для формирования положительных ассоциаций с брендом. Полученные результаты могут быть использованы при разработке маркетинговых стратегий для продвижения организации в этой отрасли.

Ключевые слова: прилагательное, имидж организации, языковые средства формирования имиджа организации, лингвоимиджелогия.

В эпоху цифровых коммуникаций социальные сети стали основной площадкой для взаимодействия брендов с аудиторией. Каждое слово, каждое высказывание в публикациях компании становится инструментом формирования корпоративного имиджа. Особое место в тексте, направленном на формирование имиджа организации, занимают прилагательные – слова, которые не только описывают качества и свойства продвигаемого товара, но и создают эмоциональную окраску текста, формируют определенное восприятие бренда у аудитории и в конечном итоге влияют на поведенческие реакции потребителей.

Прилагательное – «одна из знаменательных частей речи; класс слов, обозначающих непроецессуальный признак (свойство) предмета, события или другого признака и выступающих гл. обр. в синтаксич. функции определения (атрибута) или сказуемого (предиката)» [Большая российская энциклопедия 2005].

С целью выявления роли прилагательного в формировании имиджа организации мы изучили тексты, размещенные на страницах в социальных сетях популярных заведений общественного питания г. Воронежа: кафе «Дворик», кафе-пекарня «Кинолента», ресторан «Гоголь», ресторан «Москва», есторан «1586»; ресторан «Современники»; кафе «У Бильбо»; ресторан «Morena».

Был сформирован корпус прилагательных из 100 языковых единиц, которые используются авторами текстов указанных организаций для создания позитивных ассоциаций с брендом. Отобранные прилагательные были разделены на три группы: 1) общеоценочные прилагательные; 2) оценочные прилагательные, номинирующие конкретные свойства и качества объекта; 3) прилагательные в сравнительной и превосходной степени.

Также следует отметить, что мы исследовали страницы премиального сегмента общепита, то есть заведений, которые пользуются наибольшей популярностью среди потребителей, отличаются высоким уровнем сервиса и высокими ценами. Потенциальный посетитель такого заведения является более платежеспособным, но при этом избирательным. Именно поэтому данная категория заведений показалась нам наиболее интересной для исследования.

В ходе анализа было выявлено, что важной для продвижения данных организаций является группа прилагательных, указывающих на исключительность предмета. Полученные результаты подтверждают, что использование прилагательных направлено на позиционирование организации. Позиционирование – способ выгодно отличаться от конкурентов, занять особое место в сознании потребителей. Суть позиционирования в том, чтобы превратить сильные стороны продукта или компании в ключевое конкурентное преимущество для потребителя [Тлеумбетов 2023].

Первая группа – это общеоценочные прилагательные. Они выражают общую оценку явления по принципу «хорошо / плохо» без указания на конкретные признаки. Использование общеоценочных прилагательных позволяет вызвать эмоциональный отклик у целевой аудитории, сформировать положительное восприятие бренда и повысить лояльность потребителя. В формировании позитивного имиджа организации используются только языковые единицы с одобрительной оценкой: *идеальный*: **идеальный** вечер (ресторан «1586»), **идеальный** вечер, (кафе «Дворик»), **идеальное** место (кафе-пекарня «Кинолента»); *великолепный*:

великолепные пейзажи (ресторан «Москва»), **великолепные** гости (ресторан «Morena»); **восхитительный**: **восхитительные** минуты (ресторан «Гоголь»); **волшебный**: **волшебное** сочетание (ресторан «Москва»); **потрясающий**: **потрясающий** вид (ресторан «Москва»); **прекрасный**: **прекрасное** обслуживание (ресторан «Москва»); **отличный**: **отличное** настроение (ресторан «Morena»); **чудесный**: **чудесная** пара (ресторан «Morena»); **эффектный**: **эффектная** дата (ресторан «Morena»); **невероятный**: **невероятные** грибы (ресторан «1586»); **незабываемый**: **незабываемые** воспоминания (ресторан «1586»), **незабываемые** банкеты (ресторан «Современники»); **аппетитный**: **аппетитные** блюда (кафе «Дворик»); **захватывающий**: **захватывающий** городской пейзаж (ресторан «Москва»); **сказочный**: **сказочный** эликсир (кафе «У Бильбо»); **неожиданный**: что-то **неожиданное** (ресторан «1586»); **неукротимый**: **неукротимое** желание (ресторан «Morena»).

Вторая группа – это оценочные прилагательные, номинирующие конкретные свойства и качества объекта. Их особенность в том, что кроме оценочной функции, они выполняют еще информативную. Данные прилагательные способны акцентировать внимание на характеристиках предмета, тем самым усиливая доверие к бренду. По семантическому критерию их можно разделить на прилагательные, характеризующие:

1) вкус блюда: **тонкий**: **тонкой** грушевой желейной оболочкой (ресторан «1586»); **глубокий**: **глубокий**, терпко-сладкий соус (ресторан «1586»); **сытный**: **сытные** шашлыки (кафе-пекарня «Кинолента»), **сытные** угощения (кафе «У Бильбо»); **изысканный**: **изысканная** закуска (ресторан «Москва»); **богатый**: **богатый** вкус (ресторан «Москва»); **приятный**: **приятный** вкус (ресторан «Гоголь»); **сдержанный**: **сдержанный** коктейль (ресторан «1586»); **насыщенный**: **насыщенный** соус (ресторан «1586»); **утонченный**: **утонченный** крем (ресторан «Современники»); **сладковатый**: **сладковатое** послевкусие (кафе «У Бильбо»), **сладковатый** привкус (ресторан «Москва»); **терпко-сладкий**: **глубокий**, **терпко-сладкий** соус (ресторан «1586»); **карамельный**: **карамельный** вкус (ресторан «Гоголь»); **ядреный**: **ядреные** разносолы (ресторан «Гоголь»); **сливочный**: **сливочный** соус (ресторан «Гоголь»), **сливочный** крем (кафе «У Бильбо»); **грушевый**: **тонкой грушевой желейной оболочкой** (ресторан «1586»); **слаще**: **слаще** пирога (кафе «У Бильбо»); **вкусный**: **вкусная** кухня (кафе-пекарня «Кинолента»), **вкусные** мурашки (кафе-пекарня «Кинолента»), **вкусная** еда (ресторан «Москва»); **вкуснейший**: **вкуснейшие** бизнес-ланчи (кафе «Дворик»), **вкуснейшие** блюда (кафе «Дворик»), **вкуснейшая** воздушная шапка (ресторан «Современники»); **самый вкусный**: **самый вкусный** медовик (ресторан «Гоголь»); **вкуснее**: как дома – только **вкуснее** (кафе-пекарня «Кинолента»);

2) текстуру и консистенцию блюда: **легкий**: **легкая** сладость (ресторан «1586»), **легкие** голубцы (ресторан «Гоголь»); **нежный**: **нежный** мусс

(ресторан «1586»), **нежное** хачапури (кафе-пекарня «Кинолента»), **нежные** хинкали (кафе-пекарня «Кинолента»), **нежный** соус (ресторан «Москва»), **нежные** голубцы (ресторан «Гоголь»), **нежная** запеканка (кафе «У Бильбо»), **нежная** панировка (ресторан «Современники»); **сочный**: **сочные** шашлыки (кафе-пекарня «Кинолента»), **сочный** люля (кафе-пекарня «Кинолента»), **сочный** стейк (ресторан «Москва»); **мягкий**: **мягкий** коктейль (ресторан «1586»), **мягкая** текстура (ресторан «Москва»); **хрустящий**: **хрустящий** эклер (ресторан «1586»), **хрустящая** корочка (кафе-пекарня «Кинолента»), **хрустящее** тесто (ресторан «Москва»); **воздушный**: **воздушная** булочка (ресторан «Современники»); **бархатистый**: **бархатистой** сливочной текстурой (ресторан «1586»); **желейный**: тонкой грушевой **желейной** оболочкой (ресторан «1586»); **густой**: **густая** сметана (кафе «У Бильбо»); **нежнейший**: **нежнейший** дальневосточный гребешок (ресторан «1586»);

3) натуральность и пользу блюда и его отдельных ингредиентов: **домашний**: **домашняя** сметана (ресторан «Современники»), **домашнее** мороженое (ресторан «Современники»); **натуральный**: **натуральные** ингредиенты (ресторан «Современники»); **свежий**: **свежий** тунец (ресторан «Москва»); **разнообразный**: **разнообразные** начинки (ресторан «Современники»); **сбалансированный**: **сбалансированные** обеды (ресторан «Современники»); **дикий**: **дикая** слива (ресторан «Гоголь»); **локальный**: **локальный** деликатес (ресторан «Москва»), **локальные** ингредиенты (ресторан «1586»); **местный**: **местный** урожай (ресторан «1586»);

4) аромат блюда: **ароматный**: **ароматные** хачапури (кафе-пекарня «Кинолента»), **ароматная** кухня (кафе-пекарня «Кинолента»), **ароматный** шашлык (кафе-пекарня «Кинолента»), **ароматный** чай (кафе «У Бильбо»); **душистый**: **душистый** штрудель (кафе «У Бильбо»); **пряный**: **пряные** ароматы (ресторан «1586»);

5) цвет блюда: **золотистый**: **золотистая** корочка (ресторан «Гоголь»); **румяный**: **румяный** картофель (кафе «У Бильбо»), **румяная** корочка (кафе «У Бильбо»);

6) комфорт и атмосферу заведения: **уютный**: **уютное** место (кафе-пекарня «Кинолента»), **уютный** уикенд (ресторан «1586»); **теплый**: **теплый** плед (ресторан «1586»); **душевный**: **душевные** разговоры (кафе-пекарня «Кинолента»), **душевные** разговоры (ресторан «1586»); **гостеприимный**: **гостеприимная** семья (кафе-пекарня «Кинолента»); **деревенский**: **деревенское** лето (ресторан «1586»); **трогательный**: **трогательные** моменты (ресторан «1586»); **добрый**: **добрая** компания (кафе «Дворик»); **теплее**: становятся **теплее** (кафе «Дворик»); **внимательный**: **внимательный** сервис (ресторан «Москва»); **живой**: **живая** музыка (ресторан «Современники»); **красивый**: **красивые** моменты (ресторан «1586»); **яркий**: **яркие** снимки (ресторан «1586»);

интеллектуально-гастрономический: **интеллектуально-гастрономическая** роскошь (ресторан «Гоголь»);

7) выгоду для клиента: *выгодный:* **выгодное** решение (ресторан «Современники»); *профессиональный:* **профессиональная** кухня (ресторан «Современники»); *щедрый:* **щедрый** шарик мороженого (кафе «У Бильбо»), *щедрая* кухня (кафе-пекарня «Кинолента»);

8) высокий статус заведения и качества предоставляемых услуг: *авторский:* **авторские** блюда (ресторан «1586»), **авторские** коктейли (ресторан «Москва»), **авторские** настойки (ресторан «Гоголь»); *особенный:* **особенное** событие (ресторан «1586»), **особенные** выходные (кафе-пекарня «Кинолента»); *особый:* **особая** близость (ресторан «1586»), **особое** внимание (ресторан «Современники»); *изысканный:* **изысканная** текстура (ресторан «1586»), **изысканный** сет (ресторан «Москва»), **изысканный** вкус (ресторан «Москва»), **изысканные** колбасы (ресторан «Москва»); *фирменный:* **фирменный** соус (ресторан «Гоголь»), **фирменный** цезарь (кафе «У Бильбо»); *домашний:* **домашние** голубцы (ресторан «Гоголь»); *любимый:* **любимые** котлеты (ресторан «Гоголь»), **любимый** долгожданный сезон (ресторан «Гоголь»); *роскошный:* **роскошная** винная карта (ресторан «Гоголь»); *заморский:* сыры **заморские** диковинные (ресторан «Гоголь»); *диковинный:* сыры **заморские** диковинные (ресторан «Гоголь»); *безупречный:* **безупречный** вкус (ресторан «Гоголь»); *традиционный:* **традиционная** мамалыга (ресторан «1586»), **традиционный** рецепт (ресторан «Современники»); *уникальный:* **уникальные** эмоции (ресторан «1586»), **уникальная** шляпка (ресторан «Москва»); *необычный:* **необычный** ужин (ресторан «1586»); *индивидуальный:* **индивидуальный** сценарий (ресторан «Москва»); *специальный:* **специальный** сет (ресторан «Москва»); *эксклюзивный:* **эксклюзивные** напитки (ресторан «Москва»); *дизайнерский:* **дизайнерский** интерьер (ресторан «Современники»); *оригинальный:* **оригинальная** свадьба (ресторан «Современники»); *премиальный:* **премиальные** продукты (ресторан «Современники»); *неповторимый:* **неповторимое** ощущение полета (ресторан «1586»); *долгожданный:* **любимый** долгожданный сезон (ресторан «Гоголь»); *безусловный:* **безусловный** хит (ресторан «Гоголь»).

Отдельно следует выделить третью группу – это прилагательные в сравнительной и превосходной степени. Они являются грамматическими формами качественных прилагательных. По семантическому признаку они также входят во вторую группу, однако мы сочли необходимым выделить их в отдельную группу по грамматическому критерию. Особенностью данных прилагательных является то, что они не просто называют признак, а указывают, с одной стороны, на преимущества заведения, с другой, сообщают тексту эмоциональность. Это позволяет выделять бренд на фоне конкурентов: *теплее:* становятся **теплее** (кафе «Дворик»); *вкуснейший:*

вкуснейшие бизнес-ланчи (кафе «Дворик»), **вкуснейшие** блюда (кафе «Дворик»), **вкуснейшая** воздушная шапка (ресторан «Современники»); *самый вкусный*: **самый вкусный** медовик (ресторан «Гоголь»); *вкуснее*: как дома – только **вкуснее** (кафе-пекарня «Кинолента»); *нежнейший*: **нежнейший** дальневосточный гребешок (ресторан «1586»); *слаще*: **слаще** пирога (кафе «У Бильбо»).

Наиболее часто используются прилагательные, указывающие на высокий статус заведения и качества предоставляемых услуг, самые частотные из них: *изысканный* (4 примера) и *авторский* (3 примера). Их функция – позиционирование через превосходство. Это связано со стремлением брендов повысить ценность предлагаемых продуктов, указать на их эксклюзивность.

Также следует отметить, что самые частотные прилагательные: *нежный* (7 примеров), *аппетитный* (4 примера), *сочный*, *сливочный*, *хрустящий* и *вкусный* (по 3 примера). Они используются для описания вкуса блюда, его консистенции и запаха. «Вкусовые прилагательные – это прилагательные, которые обладают способностью передавать вкус того существительного, к которому относятся» [Чалей 2015]. Отсюда мы можем сделать вывод, что большее внимание уделяется описанию аромата и текстуры блюда. Активное использование этих прилагательных обусловлено тем, что они позволяют наиболее ярко передать свойства и качества блюда, описать специфику его подачи и, как следствие, продемонстрировать преимущества заведения перед конкурентами. Главное отличие прилагательных указанной группы от других заключается в том, что эти прилагательные должны вызвать сенсорные ассоциации и конкретные физические ощущения у потенциального клиента.

Таким образом, исследование показало, что в социальных сетях прилагательные являются одним из ключевых инструментов формирования имиджа заведений общественного питания. Были выявлены три группы прилагательных: 1) общеоценочные прилагательные; 2) оценочные прилагательные, номинирующие конкретные свойства и качества объекта; 3) прилагательные в сравнительной и превосходной степени. По частотности употребления первые две группы почти равны, примеров употребления прилагательных в сравнительной и превосходной степени оказалось значительно меньше. Это может быть связано с тем, что их манипулятивный потенциал более очевиден для потребителя, что может его оттолкнуть.

Проведенное исследование позволило сделать ряд существенных выводов о роли прилагательных в формировании корпоративного имиджа заведений общественного питания.

Языковая специфика рекламных текстов премиального сегмента общепита характеризуется активным использованием прилагательных как основного инструмента создания позитивного имиджа. Прилагательные

выступают не просто как описательные элементы, но как ключевые компоненты маркетинговой стратегии, формирующие восприятие бренда.

Семантическое ядро рекламных текстов сосредоточено вокруг прилагательных, указывающих на высокий статус заведения и качество услуг. При этом особое внимание уделяется описанию вкусовых характеристик блюд, их текстуры и аромата.

Лингвистическая стратегия премиальных заведений строится на создании многоуровневой системы оценок, где прилагательные выполняют следующие функции: позиционирование бренда; формирование сенсорных ассоциаций; создание атмосферы эксклюзивности; подчеркивание качества сервиса.

Практическая значимость исследования заключается в выявлении закономерностей использования прилагательных как инструмента имиджевой коммуникации. Полученные результаты демонстрируют, что прилагательные в современных рекламных текстах выступают как мощный инструмент формирования потребительского поведения.

Литература

Большая Российская энциклопедия: в 30 т. / науч.-ред. совет: Ю.С. Осипов (пред.) [и др.]. – Москва: Большая Рос. энцикл., 2005.

Тлеумбетов И. О. Разработка маркетинговой стратегии позиционирования организации / И. О. Тлеумбетов, С. З. Атикулла // Вестник науки. – 2023. – Т. 3. № 1. – С. 138-151.

Чалей О. В. Вкусовая перцепция и вкусовые прилагательные / О. В. Чалей // Международная междисциплинарная научная конференция «Человек ощущающий: Перцепция в современном гуманитарном знании». – 2015. – С. 146-148.

Д. Р. Городнов (Тверь, Россия)

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ОБЪЕКТА НОМИНАЦИИ РЕКЛАМНЫХ СООБЩЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОЛОГИИ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИХ ТОВАРОВ АМЕРИКАНСКИХ КОМПАНИЙ)

Аннотация. Научно-технические рекламные сообщения, направленные на специалистов в определенной области, отличается информационная насыщенность, строгость, точность и объективность изложения. Потребительские свойства сложной технической продукции – электродвигателей стандартизированы и чрезвычайно похожи. В статье рассматриваются коммерческие названия, которые выполняют аттрактивную функцию в рекламных сообщениях и формируют у потребителей целенаправленные ассоциации для создания у них образа товара, выделения его из ряда однородных объектов.

Ключевые слова: научно-техническая реклама, коммерческое название, образ предмета.

Поиск оптимальных языковых средств при создании вербального текста рекламы, направленной на определенные профессиональные или социальные круги, производится под большим или меньшим влиянием адресата и его превосходящего ответа [Бахтин 1986, с. 471]. Учитывать специфику социолектов – значит действовать рационально и логично. В текстах научно-технической рекламы использование терминов оправдано условиями коммуникации. Целевая аудитория деловой рекламы – специалисты, которые мыслят категориями понятийно-терминологической системы своей сферы деятельности.

Компании «ABB», «Innomotics», «Regal Rexnord» предлагают электротехническую продукцию. Всемирная организация International Electrotechnical Commission (IEC) содействует международной унификации стандартов и норм в сфере электрических технологий, подготавливает и обеспечивает реализацию согласованных международных стандартов, таких как Canadian Standards Association (CSA), National Electrical Manufacturers Association (NEMA), Underwriters Laboratories (UL) и др.

Таким образом, продукция компаний «ABB», «Innomotics», «Regal Rexnord» (низковольтные двигатели общего назначения, двигатели с постоянными магнитами, взрывозащищенные двигатели и т.д.) обладает одинаковыми или близкими потребительскими свойствами, к этому обязывают стандарты. Имена классов и видов рассматриваемых рекламных продуктов – термины-номинации. Чтобы выделить объект из ряда аналогичных объектов, в рекламных сообщениях компании создают коммерческое название рекламируемого продукта в виде конструкции «торговая марка + термин-номинация»:

- «ABB»: **ABB NEMA Motors**; **ABB Baldor Reliance® Motors**; **Baldor-Reliance® Severe Duty motors**;

- «Innomotics»: **Innomotics GP General Purpose Motors**; **Innomotics SD Severe Duty Motors**; **Innomotics High Voltage Motors**; **Low-vibration motor Innomotics HV C air-cooled**;

- «Regal Rexnord»: **LEESON Washdown Motors**; **LEESON DC motors**; **Severe Duty Marathon motors**.

Такая пометка формирует имидж компании, помогает ориентироваться в потоке информации, облегчает процесс выбора среди однородных товаров для потребителей, верных «своему» продукту.

Некоторые виды рекламных продуктов имеют коммерческое название, полученное путем комбинации терминов-номинаций с лексикой, формирующей определенное концептуальное содержание (смысл):

- «ABB»: **Baldor-Reliance® General Purpose electric motors**; **Duty Master Navy Motors**; **Baldor-Reliance® Food Safe motors**;

- «Innomotics»: **Medallion Series Motors**; **Advantage Series Motors**; **AboveNEMA motors**;

- «Regal Rexnord»: **Centurion®** *PRO pump motor by Century*; **LEESON Premium Duck Motors**; **TerraMAX®** *SCA IE2 Efficiency General Purpose Motors*; **Globetrotter®** *general purpose motors*; *Single-phase WASHGUARD motors*; **Blue Chip Series motor**.

А. А. Романов отмечает, что реклама, как составная часть рекламной деятельности, имеет своей целью, прежде всего, конструирование образа товара [Романов 1997, с. 12].

Созданный рекламный образ рождает ассоциации. Например, двигатели серии «*TerraMAX*» или «*Centurion*» включают воображение читателя и позволяют проникнуть сквозь «связь времен». Двигатели «*Globetrotter*» пользуются большим спросом у покупателей, «путешествуя» по всему миру. Двигатели «*Advantage*» составят преимущество и выгоду потребителя, как и двигатели «*AboveNEMA*», превосходящие все требования стандартов NEMA.

Как утверждает компания «Regal Rexnord», серия двигателей «*Blue Chip*» (голубая фишка) славится своим высочайшим качеством. Термин «*Blue Chip*» происходит из карточной игры покер. Самые простые наборы фишек для покера включают белые, красные и синие фишки, при этом в американской традиции синие фишки считаются самыми ценными. В США «голубыми фишками» традиционно называли ценные бумаги с высокой стоимостью, в настоящее время термин используется для обозначения акций ликвидных и надежных компаний.

Динамику слова и образа, создаваемого в тексте при участии других языковых средств разных уровней, можно проследить во всё более расширяющихся контекстах (минимальном, развернутом, расширенном, максимальном). В контексте смысловые и эмоционально-оценочные оттенки слова становятся глубже или ослабевают [Болотнова 2009, с. 475]. На примере двигателей «*Blue Chip*»: это ценное предложение, впечатление усиливает запатентованная система изоляции этих двигателей *Max Guard*, которая гарантирует многолетнюю бесперебойную работу. В максимальном контексте – двигатели «*Blue Chip*» уже более 30 лет являются лидерами в отраслях, где требуется высокая производительность и надежность. В совокупности складывается образ: двигатели «*Blue Chip*» – традиции, направленность в будущее, надежность.

С позиции семантико-когнитивного подхода любой языковой знак представляет в языке концепт, а точнее, несколько основных концептуальных признаков, передача которых является задачей говорящего, входит в его интенцию. Весь концепт во всем богатстве своего содержания теоретически может быть выражен только совокупностью средств языка, всем номинативным полем концепта, каждое из которых раскрывает лишь его часть. Языковая номинация как ключ, «открывающий» для человека концепт – единицу мыслительной деятельности. Слово является средством доступа к концептуальному

знанию, получив этот доступ через воспринятое слово, у читателя появляется возможность подключить и другие концептуальные признаки, непосредственно не названные данным словом [Стернин 2007, с. 55].

Промывочные двигатели серии *Duck Motors* предназначены для использования при производстве продуктов питания и напитков, где требуется регулярная промывка и дезинфекция оборудования. Лексикографическое значение слова «*duck*» – водоплавающая птица с плоским клювом, в значении глагола – нырнуть, увернуться [Oxford Сопере School Dictionary, p. 146]. В этом семантическом объеме данное слово понимает и употребляет основная часть носителей языка. Возможные ассоциаты к слову «*duck*» – *water, fat, wild ducks, duck eggs*, а также, например, *like water off a duck's back* [Oxford Dictionary of Idioms, p. 308]. После знакомства с двигателями серии *Duck Motors* можно утверждать, что «*motors*» участвует в формировании номинативного поля концепта «*duck*».

Отметим коммерческие названия рекламных продуктов с эмоционально окрашенной и оценочной лексикой:

- «ABB»: *ABB's IE5 **ultra-premium efficiency** SynRM motors; Baldor-Reliance® NEMA **Super-Premium®** motors; **The most reliable** NEMA motor;*
- «Innomotics»: *Innomotics SD **next generation** low voltage motors; High voltage motor Innomotics HV series A-compact **PLUS**; Innomotics SD Severe Duty Motors are available with **CHEMSTAR** technology;*
- «Regal Rexnord»: ***Extreme Duck Ultra** motor; **Premium Duck™** Motor; **The best** motors.*

В сознании человека существует отдельная система оценочных концептов и категорий, обеспечивающая оценочную интерпретацию полученных знаний о естественных предметах и явлениях [Болдырев 2014, с. 179]. В окружающем нас мире нет хороших или плохих вещей в абсолютном смысле. Они выделяются как таковые только в сознании человека, с точки зрения человека и только с его помощью и на основе языка. В рекламных текстах оценочная лексика способствует созданию образа продуктов.

Для формирования запланированных ассоциаций в рекламе широко используется цвет [Феофанов 2004, с. 105]:

- «ABB»: ***White** Washdown Motors; Exterior **Red** Paint RAL3002 (Fire Pump Motors);*
- «Innomotics»: *Motor **Blue**; RAL 7030 **Gray** (Advantage Series Motors);*
- «Regal Rexnord»: *Century V**Green** variable speed motor; **White Duck™** Motor; **Black and almond** color options.*

Компании «Regal Rexnord» и «ABB» для применяемых при производстве продуктов питания промывочных двигателей выбрали цвет чистоты и безопасности – белый. Двигатели пожарных насосов имеют стандартную цветовую кодировку, установленную Международной

организацией по стандартизации (ISO) – красный цвет. Двигатели компании «Innomotics» *Motor Blue* с воздушным охлаждением голубого цвета ассоциируются со спокойствием и умиротворением. Двигатели *Advantage Motors* серого цвета – это цвет умеренности и солидности. Двигатели Century VGreen с регулируемой частотой вращения зеленого цвета символизируют естественность и бережное отношение к природе. Двигатели «Regal Rexnord» для бассейнов и спа-салонов доступны в черном и миндальном цвете. Черный цвет – классический, стильный. Миндальный цвет – теплый и уютный, кроме того, важно, что в данное время он входит в группу предпочитаемых цветов.

Образ марки, товара или услуги – своеобразное «приручение» потенциального потребителя, когда предлагаемый образ коррелирует со способом восприятия действительности. Причем способ восприятия такой действительности задает рекламная деятельность в совокупности разнообразных форм воздействия на потребителей [Романов 1997, с. 9].

Образ, символ рождает ассоциации, которые позволяют потребителю путем приобретения товара решить некую психологическую проблему или причислить себя к некоей группе [Щепилова 2013, с. 39].

Итак, рассмотренные научно-технические рекламные тексты относятся к деловой рекламе – «Business to Business». Их отличает информационная насыщенность, специальная лексика, понятная профессионально ориентированной аудитории, логичность построения, точность и объективность. Выделить свою продукцию компании пытаются через создания образа, индивидуализацию объекта номинации. Это проявляется в коммерческих названиях рекламных продуктов компаний «АВВ», «Innomotics», «Regal Rexnord» путем комбинации терминов-номинаций с лексикой, формирующей определенное концептуальное содержание.

Литература

Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – Москва: Художественная литература, 1986. – 545 с.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н. Н. Болдырев. – Изд. 4, испр. и доп. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.

Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учебное пособие / Н. С. Болотнова. – Изд. 4. – Москва: Флинта: Наука, 2009. – 520 с.

Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.

Романов А. А. Тайны рекламы / А. А. Романов, И. Ю. Черепанова, А. А. Ходырев. – Тверь: ГЕРС, 1997. – 290 с.

Феофанов О. А. Реклама: новые технологии в России: учебное пособие / О. А. Феофанов. – Санкт-Петербург: Питер, 2004. – 376 с.

Щепилова Г. Г. Реклама в СМИ: теории и модели: учебное пособие / Г. Г. Щепилова. – Москва: МедиаМир, 2013. – 192 с.

Толковый словарь английского языка Oxford=Oxford Copere School Dictionary: 40 000 слов и выражений / Дж. Хокинс, Э. Делаханти, Ф. Макдональд. – Москва: Астрель, 2008. – 556 с.

The Oxford Dictionary of Idiom / J. Siefring. – Oxford University Press 1999, 2004. – 340 p.

Т. Н. Кузнецова (Челябинск, Россия)

РЕЧЕВЫЕ МОДЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В ЧАСТНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности речевых моделей профессионального общения в сфере здравоохранения на примере государственных и частных медицинских учреждений. Исследование опирается на теорию речевой деятельности А. А. Леонтьева, концепцию коммуникативного поведения И. А. Стернина и идеи Е. Ф. Тарасова о моделировании ситуации общения в сознании коммуниканта.

Особое внимание уделяется тому, что речевая модель специалиста определяется не только индивидуальными когнитивными и языковыми особенностями, но и социальным опытом, профессиональными нормами и организационной культурой учреждения.

Ключевые слова: речевая модель, теория речевой деятельности, профессиональное общение, коммуникативное поведение.

Профессиональное общение представляет собой особую форму взаимодействия, в которой обмен информацией и выстраивание социальных отношений происходит на основе специфических норм и ролей. Речевые модели коммуникантов – способы построения высказываний, выбор языковых средств и стратегий коммуникации – существенно зависят не только от индивидуальных когнитивных и языковых особенностей, но и от социального опыта участников общения. Изучение факторов, обуславливающих речевую специфику общения, находится в зоне внимания таких отечественных лингвистов, как А. А. Леонтьев, Е. Ф. Тарасов, И. А. Стернин, Л. А. Шкатова, Е. В. Харченко и др. В исследовании мы опираемся на понимание профессиональной речи как взаимодействия представителя организации (сотрудника, специалиста в конкретной области) и клиента (пользователя услуг, абонента, пациента и т.д. – в зависимости от специфики деятельности организации) [Харченко 2004].

Цель данной статьи – сопоставительное описание речевых моделей профессионального общения в сфере здравоохранения на примере частных клиник и государственных больниц. Интерес к этой области связан с тем, что пациенты, как правило, «чувствительны» к выбору речевых моделей со стороны сотрудников медучреждений, т. к. коммуникативные ситуации

здесь часто связаны с высокой эмоциональной нагрузкой. Например, пациенты и их родственники могут испытывать физическую боль, тревогу, волнение. В этом эмоциональном контексте любое слово сотрудника (медсестры, администратора, врача) усиливает или снижает уровень стресса.

В рамках теории речевой деятельности (ТРД) А. А. Леонтьева, отечественного психолингвиста, речевая деятельность рассматривается как сложная система, в которой высказывания формируются на пересечении внутренних мотивов, социальных целей и языковых средств. «Программа речевого действия существует обычно в неязыковом, вернее, не собственно языковом (лишь сложившемся на языковой основе) коде» [Леонтьев 1974, с. 27]. Согласно ТРД, речь зависит не от самой ситуации общения, а от модели этой обстановки, которая формируется у коммуниканта. А. А. Леонтьев выделял ключевые компоненты речевой деятельности: субъект (говорящий), объект (цель высказывания), коммуникативная ситуация и социальный контекст.

Как отмечает Е. Ф. Тарасов, лингвист, специалист в области психолингвистики и языкового сознания, «речь (выбор альтернативных речевых вариантов, вариативность речи) зависит не собственно от обстановки, а от модели этой обстановки, которая формируется у коммуниканта, причем очевидно, что модели одного и того же акта общения у разных коммуникантов могут отличаться по полноте... В психологии и психолингвистике между ситуацией общения и речью «помещается» сознание человека, отображающего, моделирующего эту обстановку» [Тарасов, 1979, с. 17]. Выбор речевой модели в профессиональном общении зависит не столько от объективной ситуации, сколько от того, как она представлена в сознании конкретного коммуниканта, «отфильтрована» его культурой и личным опытом. «Общность сознаний коммуникантов никогда не бывает полной, т. к. сознание, будучи продуктом деятельности присвоения этнической культуры, уникально как по содержанию, так и по объему, отображая индивидуальный жизненный путь каждого субъекта сознания» [Тарасов 2020, с. 15].

Если Е. Ф. Тарасов рассматривает речь как результат субъективного моделирования ситуации общения в сознании коммуниканта, то И. А. Стернин, российский лингвист, добавляет к этому культурный и социальный аспект: сама модель ситуации, которой руководствуется человек, не возникает «с нуля», а формируется в рамках определенной национальной и профессиональной коммуникативной традиции. «Под коммуникативным поведением понимается совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т. д. групп, а также отдельной личности» [Стернин 2000, с. 3]. Социальный опыт (в том числе профессиональный) закрепляет у коммуниканта

определенный набор норм, стереотипов, стратегий и возможных вариантов речевого поведения, из которых он выбирает подходящий в конкретном случае. Таким образом, модель ситуации общения у коммуниканта строится не только на индивидуальном восприятии контекста, но и на социальных, культурных и профессиональных установках, которые задают «рамки» выбора речевой модели.

Наши исследования (интервью, опросы специалистов организаций, наблюдение за речевым поведением непосредственно на рабочем месте и в учебных ситуациях) показывают, что сотрудники государственных медучреждений отдают предпочтение стандартным формулировкам речевого этикета, например, *спасибо, пожалуйста, здравствуйте, хорошо, верно*. Свой выбор специалисты объясняют тем, что эти формулировки «из жизни», всем понятны и воспринимаются пациентами однозначно. При этом многие сотрудники активно сопротивляются и не принимают фразы, где предлагается «отойти» от универсального речевого этикета за счет индивидуального подхода к пациенту. Например, во время обучения сотрудники государственных медучреждений практически всегда из двух вариантов выбирают фразу: *Хорошо, понял(а) вас. Ваш паспорт, а не Добрый день. Хорошо, понял(а) вас. Можно ваш паспорт? Спасибо*.

Если в частной клинике установление контакта с пациентом не просто приветствуется, а является необходимой частью практически любого речевого стандарта, то специалисты государственных больниц часто отказываются от фраз поддержки или аккуратных комплиментов в адрес пациентов, потому что считают эти речевые решения избыточными и неискренними, обосновывая это социальным опытом – собственным и пациента. Такая «сервисная» речевая модель воспринимается не как инструмент повышения качества коммуникации, а как «принижение» их профессионального статуса. Сопротивление более гибким и нестандартным формулировкам усиливается ожиданием негативных последствий: медицинский персонал предполагает, что акцент на вежливости приведет к тому, что пациенты станут позволять себе более смелое, а порой и грубое поведение, в итоге коммуникацию с пациентом будет сложно контролировать и направлять в нужное русло.

Интересно, что эти специалисты обосновывают не только собственной практикой общения из роли специалиста больницы или поликлиники, а также на основании своего социального опыта как пациента. Речевые обороты, такие как *Выздоровливайте, Я вас попрошу немного подождать, Вы знаете, где у нас можно выпить кофе?, Есть ли у вас вопросы?*, ассоциируются у них с коммерческими практиками частных клиник, а подобные речевые стратегии интерпретируются как косвенный сигнал «от вас хотят денег». Следовательно, слишком вежливое обращение, по их мнению, вызывает у пациента подозрение и недоверие.

Таким образом, речевая модель профессиональной коммуникации для частных клиник и государственных медучреждений будет отличаться по нескольким признакам:

1. Длина сообщения, то есть объем и развернутость высказывания в типичных коммуникативных ситуациях. Этот параметр напрямую связан как с организационно-социальными факторами (режим приема, нагрузка, число пациентов), так и с психологическими установками самих специалистов относительно целей общения.

В **государственных больницах** речь сотрудников, как правило, отличается **лаконичностью и функциональностью**. Высказывания здесь короткие, направленные на быстрое получение информации и передачу инструкции. Средняя длительность речевого акта минимальна, что обусловлено контекстом – высокой загруженностью приема, очередями и необходимостью обслужить большое количество пациентов за ограниченное время. Такая речевая модель отражает установку на эффективность в узком прагматическом смысле: «сказать ровно столько, сколько нужно для решения задачи». Например: *Следующий. Слушаю вас, Садитесь. Сейчас измерим давление. Что вас беспокоит?* В такой речевой модели отсутствуют развернутые формулы вежливости или пояснения, которые в другом контексте могли бы восприниматься как проявление внимания к собеседнику. Тем не менее, в профессиональной среде государственных клиник подобная краткость не рассматривается как грубость: напротив, она является **социально одобряемой нормой** при условии, если такие фразы произносятся доброжелательным или нейтральным тоном.

В **частных клиниках**, напротив, речевая модель строится по принципу **расширенного коммуникативного акта**, где длина сообщения увеличивается за счет включения формул вежливости, уточняющих вопросов и фраз эмпатического характера. Здесь ценится не только точность медицинской информации, но и создание эмоционально комфортной атмосферы для клиента. Например, *Добрый день! Как вы себя сегодня чувствуете?, Вы правильно сделали, что принесли все обследования. Доктор вас ждет.*

Таким образом, **длина сообщения становится маркером не просто стиля общения, а профессиональной культуры учреждения**. В платной медицине удлиненные речевые конструкции служат инструментом установления доверия и проявления заботы, что соответствует ожиданиям пациентов. В государственных больницах избыточная развернутость речи зачастую воспринимается как нарушение привычного ритма работы и как «неделовое» поведение.

С психолингвистической точки зрения различие в длине высказываний отражает **разные модели речевой деятельности**, формируемые под влиянием социального опыта. В терминах теории

речевой деятельности можно сказать, что «модель ситуации общения» у медицинских работников государственных учреждений строится вокруг цели – быстро и корректно обработать поток пациентов, тогда как у сотрудников частных клиник коммуникативная цель включает не только медицинскую, но и эмоционально-сервисную составляющую. Следовательно, различие в длине сообщения – это не просто результат разницы во времени и ресурсах, а проявление **разных мотивационных структур речевой деятельности**.

Таким образом, краткость речи в государственной больнице и развернутость коммуникации в частной клинике отражают два разных способа организации профессионального взаимодействия: первый – институциональный и регламентированный, второй – клиентоориентированный и эмпатический. В обоих случаях длина речевого высказывания является не столько индивидуальной особенностью говорящего, сколько социально закрепленным элементом профессиональной речевой модели.

2. Количество и характер слов вежливости

Вторым параметром, по которому различаются речевые модели сотрудников государственных и частных медицинских учреждений, является **частота употребления и разнообразие слов вежливости**.

Мы уже обозначали, что в **государственных клиниках** словарь вежливости обычно ограничивается стандартным набором формул: *здравствуйте, спасибо, пожалуйста*. Сотрудники объясняют такой подход необходимостью говорить коротко и понятно, что воспринимается как проявление профессионализма. Однако за этим стоит не только организационная установка, но и **социальное восприятие вежливости**.

В ходе полевых наблюдений и обучающих интервью медперсонал часто подчеркивает, что чрезмерное употребление вежливых форм воспринимается пациентами как «неестественное» или «подозрительное». Избыточная вежливость ассоциируется не с искренней заботой, а с коммерческим интересом.

В **частных клиниках**, напротив, обилие и разнообразие вежливых выражений является нормой профессионального общения. Здесь они воспринимаются как **инструмент эмоционального комфорта и доверия**, а не как формальность. Сотрудники активно используют фразы поддержки (*Не волнуйтесь, всё пройдет быстро*), комплименты (*Хорошо, что вы вовремя пришли*), благодарность за отзыв (*Спасибо за ваш положительный отзыв*).

Таким образом, различие в количестве слов вежливости обусловлено не просто стилем общения, а **разной смысловой и эмоциональной нагрузкой** этих выражений. В одной профессиональной культуре (госмедицина) вежливость интерпретируется как признак подчиненности и дистанцирования от профессионального статуса, в другой (частная

медицина) – как проявление клиентоориентированности и эмпатии. Следовательно, различие в коммуникативных нормах отражает глубинное различие в **социальных репрезентациях статуса и доверия**, а не только языковую привычку.

3. Обращение по имени

В частных клиниках обращение к пациенту по имени – обязательный элемент стандарта сервиса, способ установления личного контакта и доверия, а также вербальный маркер уважения и внимания. Например: *Ирина, как вы себя сегодня чувствуете?, Андрей Викторович, давайте уточним дату вашего следующего визита.* В государственных больницах использование имени встречается реже. Преобладают обезличенные формы обращения: *пациент, следующий, проходите.*

Причины этого отличия не столько в недостатке вежливости, сколько в **организационном и когнитивном контексте деятельности**. Поток пациентов велик, персонал ограничен во времени, а идентификация по имени воспринимается как избыточная деталь, не влияющая на эффективность медицинской помощи. Кроме того, для многих специалистов подобное обращение кажется «неестественным» в условиях короткого взаимодействия.

В этом смысле различие между учреждениями отражает не столько индивидуальные привычки, сколько **институциональную норму общения**: в частной клинике она строится вокруг принципа индивидуализации, а в государственной – вокруг принципа стандартизации.

4. Применение вопросов для организации диалога

В частных клиниках вопросы выступают как ключевой инструмент взаимодействия. Они используются для уточнения информации, включения пациента в диалог, проявления участия и заботы. Например, *Вам будет удобно прийти завтра утром?, Как вы себя чувствуете после процедуры?, Хотите, я провожу вас до кабинета?* Так пациент ощущает себя активным участником процесса, равноправным коммуникантом. Вопросы здесь служат не только для получения данных, но и для регулирования эмоционального состояния, для создания позитивной атмосферы коммуникативной ситуации в целом.

В государственных больницах преобладают утвердительные, директивные конструкции: *проходите, садитесь, возьмите направление.* Вопросы используются реже и преимущественно в функциональном смысле: *Жалобы есть?, Температура была?* Такое речевое поведение обусловлено высокой нагрузкой и институциональной иерархией, где акцент делается на четком управлении потоком пациентов и минимизации времени общения.

С точки зрения психолингвистики, различие в частоте вопросов отражает **разные модели распределения коммуникативных ролей**. В

частной клинике коммуникация ближе к диалоговой, в государственной – к монологической. Таким образом, частота и функция вопросов в речи медицинского персонала – это показатель не просто стиля общения, а **структуры социальной роли** в системе профессиональной коммуникации. Чем больше вопросов – тем выше степень партнерства и включенности пациента в диалог; чем меньше – тем сильнее институциональная дистанция и асимметрия ролей.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Речевая модель профессионального общения в медицинской сфере формируется под воздействием комплекса факторов: институциональных, социокультурных и когнитивных. В основе различий между речевыми практиками сотрудников государственных и частных клиник лежат не столько индивидуальные особенности коммуникантов, сколько устойчивые социальные установки и профессиональные нормы, определяющие допустимые способы речевого поведения.

Психолингвистический подход позволяет рассматривать речь как результат осмысленного моделирования коммуникантом контекста общения в соответствии с его профессиональными целями и социальными установками.

Сравнение речевых моделей показало, что различия между двумя типами учреждений проявляются на уровне структуры и протяженности высказывания, количества вежливых формул, формы обращения и характера вопросов. В государственных больницах речь более краткая, стандартизированная, ориентирована на функциональную эффективность и контроль взаимодействия. В частных клиниках, напротив, сообщения развернутые, насыщенные словами вежливости и эмпатическими элементами, что отражает клиентоориентированную и эмоционально поддерживающую модель коммуникации. Таким образом, речевая модель становится маркером организационной культуры и инструментом построения профессиональной идентичности.

Психолингвистический анализ, опирающийся на теорию речевой деятельности А. А. Леонтьева и концепцию коммуникативного поведения И. А. Стернина, позволяет объяснить выявленные различия через призму социального опыта и когнитивного моделирования ситуации общения. Для сотрудников государственных учреждений избыточная вежливость или индивидуализированное обращение воспринимаются как угроза профессиональному статусу и символической позиции в иерархии взаимодействия. В то же время в частных клиниках те же речевые элементы выступают как обязательные признаки компетентности, внимания и заботы. Следовательно, изменение речевых стандартов требует не только формальных регламентов, но и переосмысления их символического значения в профессиональном сознании коммуникантов.

Литература

- Леонтьев А. А. Основы теории речевой деятельности / А. А. Леонтьев. – Москва: Наука, 1974. – 367 с.
- Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения / И. А. Стернин. – Воронеж: Гарант, 2000. – 52 с.
- Тарасов Е. Ф. К построению теории речевой коммуникации / Е. Ф. Тарасов // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, А. М. Шахнарович.; отв. ред. А. А. Леонтьев. – Москва: Наука, 1979. – 328 с.
- Тарасов Е. Ф. Дополнительные модели речевого общения (к постановке проблемы) / Е. Ф. Тарасов // Организационная психолингвистика. – 2020. – №3 (11). – С. 10-21.
- Харченко Е. В. Межличностное общение: модели вербального поведения в профессиональных сферах: дисс. ... доктора филол. наук / Е. В. Харченко. – Москва, 2004. – 470 с.

М. С. Кулькова (Тверь, Россия)

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ ЖАНРА ОТКАЗА В АСПЕКТЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Аннотация. В статье обсуждаются результаты экспериментального исследования, направленного на изучение эффективности речевых стратегий в жанре отказа: определяется понятие коммуникативной эффективности, описывается ход и логика проведения эксперимента, предлагается типология речевых стратегий отказа в аспекте их эффективности.

Ключевые слова: речевой жанр, речевая стратегия, отказ, коммуникативная эффективность, эксперимент.

Одним из направлений современной коммуникативной лингвистики является разработка проблематики, связанной с эффективностью общения. Актуальность этого направления обусловлена возрастающим уровнем агрессии в обществе, в частности, в коммуникации.

Объект настоящего исследования – речевой жанр отказа, который является потенциально конфликтным. В рамках настоящей публикации обсуждаются результаты экспериментального исследования, направленного на выявление и типологизацию речевых стратегий жанра отказа в аспекте коммуникативной эффективности.

Исходными теоретическими понятиями являются следующие: *речевой жанр, речевая стратегия, коммуникативная эффективность*.

Вслед за М. М. Бахтиным под речевыми жанрами (далее – РЖ) понимаются устойчивые типы высказываний (а не предложений), характерные для каждой сферы языка и обладающие определенным содержанием, стилем и композицией. Они помогают нам структурировать

высказывание и зависят от ситуации общения, темы, цели и участников коммуникации [Бахтин 1996]. Позднее В. В. Дементьев расширил и дополнил идеи М. М. Бахтина, создав жанроведческую школу в Саратовском университете, в рамках которой речевые жанры рассматриваются с позиции их социальной и культурной обусловленности [Балашова 2022].

Речевая стратегия (далее – РС) – это «абстрактная единица, которая является конститутивным элементом РЖ. Она охватывает превербальный этап речепорождения и обусловлена когнитивным стилем говорящего, тем самым задавая основное направление коммуникации» [Мкртычян 2023, с. 78].

РС с точки зрения эффективности можно разделить на три типа: кооперативные (эффективные), конфликтные (неэффективные) и индифферентные.

Понятие эффективной коммуникации было введено И. А. Стерниным. Эффективной коммуникация будет считаться только тогда, когда достигнуты три цели: информационная, предметная (иногда составляет исключение) и коммуникативная (сохранение коммуникативного равновесия). Если в процессе общения человек достигает информационную и предметную цели, но портит отношения с собеседником (не достигает коммуникативную цель), то такую коммуникацию принято считать результативной, но не эффективной [Стернин 2012]. Говоря о РЖ отказа, стоит отметить, что в нем предметная цель никогда не будет достигнута, так как в этом лежит вся суть отказа. Таким образом, отказ будет считаться эффективным, если достигнуты две цели: информационная и коммуникативная.

С целью типологизации РС отказа, был проведен эксперимент, гипотеза которого заключалась в том, что в ответах участников будут содержаться как кооперативные, так и конфликтные РС отказа. Эксперимент проводился на платформе «Google формы», время прохождения не было ограничено. Всего в эксперименте приняло участие 33 человека разного пола (57,6% – женщины; 42,4% – мужчины) в возрасте от 17 до 26 лет, принадлежащие к гуманитарным и техническим направлениям. Испытуемым (далее – Ии) было предложено шесть типовых коммуникативных ситуаций, на которые они должны были ответить отказом. Ниже дан пример одной коммуникативной ситуации:

Ваша знакомая просит Вас посидеть с ее пятилетним сыном сегодня вечером с шести до десяти вечера, потому что ей нужно поехать к маме, которая позвонила ей и сказала, что плохо себя чувствует. Ей больше не к кому обратиться.

Все коммуникативные ситуации были смоделированы в рамках делового межличностного и бытового межличностного дискурса. Как известно, межличностное общение рассматривается как субъектно-

субъектное, т. е. оба участника коммуникации занимают активную позицию и могут непосредственно влиять на эффективность / неэффективность общения [Мкртычян 2009, с. 15-33]. Для уточнения характера межличностных отношений коммуникантов во всех ситуациях был дан развернутый прагматический контекст, который включал в себя следующие параметры: характер отношений, пол, возраст и степень сложности обстоятельств. В представленной выше коммуникативной ситуации дан следующий прагматический контекст: характер отношений (горизонтальные, дружеские), пол (женский), возраст (не указан, но предполагается средний), сложная степень обстоятельств.

Всего Ии было дано 198 ответов (принимая за 100%), среди которых 50 (25%) являются нерелевантными (отсутствовал либо непосредственный отказ в ответе испытуемого, либо сам ответ), а 148 (75%), соответственно, – релевантными. Релевантные ответы можно разделить на простые, то есть те, которые содержат только одну РС (34 ответа – 23%) и комбинированные, которые содержат несколько РС (114 ответов – 77%).

Для типологизации РС отказа необходимо было проанализировать каждый ответ. Всего было выявлено 298 РС (т. к. в одном ответе может содержаться сразу несколько РС, а сами РС неоднократно повторяются в разных ответах), что принимаем за 100%.

Все речевые стратегии можно разделить на три группы: кооперативные (эффективные) – 191 ответ (64%) (*Прости, не смогу помочь, сегодня уезжаю по делам*), конфликтные (неэффективные) – 58 ответов (19%) (*Нет*), индифферентные (могут быть и кооперативными, и конфликтными, в зависимости от других РС вместе с которыми они используются) – 49 ответов (16%) (*Я сама плохо знаю город*). Как видно из указанных данных, наша гипотеза, заключающая в том, что в ответах участников будут содержаться как кооперативные, так и конфликтные РС отказа, подтвердилась.

Рассмотрим подробнее кооперативные РС отказа, которые дали Ии. Пять самых частотных кооперативных РС отказа представлены в Таблице 1 в порядке убывания частотности их использования.

Таблица 1

Наиболее частотные кооперативные РС отказа

Название РС	Количество	Пример
РС обоснования с указанием на внешние обстоятельства	59	<i>...я буду за городом вечером.</i>
РС извинения	58	<i>Извини...</i>
РС выражения сожаления	17	<i>...мне действительно безумно жаль...</i>
РС смягчения отказа	15	<i>...сегодня никак не смогу.</i>
РС поддержки	8	<i>Надеюсь, ты найдешь решение.</i>

Все перечисленные в Таблице 1 речевые стратегии являются кооперативными, так как они способствуют достижению информационной и коммуникативной целей и могут предотвратить появление коммуникативных неудач в потенциально конфликтном РЖ отказа. Тем не менее, важно отметить, что РС редко используются по отдельности. Практически всегда в ответе присутствует сразу несколько РС. Например, отказ, в котором содержатся РС усиленного извинения, РС выражения сожаления и РС поддержки всегда будет эффективным, так как все три РС являются кооперативными (*Прости пожалуйста, мне действительно безумно жаль, но я не смогу. Удачи*). Если же в отказе содержится хотя бы одна конфликтная РС (в случае, если даны две РС) или преобладающее количество (если в ответе представлено больше двух РС), то полностью эффективным его назвать уже нельзя. Так, например, если в ответе представлены кооперативная РС извинения и конфликтная РС категоричного обоснования, то в этом случае кооперативная РС лишь немного смягчает отказ, но не делает его эффективным (*Извините, но я не смогу этого сделать. Это не входит в мои обязанности*).

Теперь рассмотрим конфликтные РС отказа более подробно. Пять самых частотных конфликтных РС отказа отображены в Таблице 2 в порядке убывания частотности их использования.

Таблица 2

Наиболее частотные конфликтные РС отказа

Название РС	Количество	Пример
РС категоричного обоснования	17	<i>Ответственность за чужих детей не беру.</i>
РС категоричного отказа	15	<i>Не смогу.</i>
РС необоснованного отказа	13	<i>...в этот вечер я не смогу помочь.</i>
РС дистанцирования	4	<i>...я даю в долг только близким людям.</i>
РС создания неловкости у просящего	2	<i>... не буду же я у родителей специально эти три тысячи выпрашивать?</i>

Все представленные в Таблице 2 РС отказа являются конфликтными, потому что они не способствуют достижению либо информационной, либо коммуникативной, либо сразу двух этих целей.

В ответах Ии также присутствовали индифферентные РС отказа. Как уже упоминалось ранее, они могут быть и кооперативными, и конфликтными, в зависимости от других РС, вместе с которыми они используются. Все индифферентные РС отказа представлены в Таблице 3.

Таблица 3

Индифферентные РС отказа

Название РС	Количество	Пример
РС перекладывания ответственности	21	<i>Возможно, стоит обратиться к близким или знакомым.</i>
РС обоснования с указанием на внутренние факторы	15	<i>...мне не удобно предоставлять такую сумму в долг.</i>
РС демонстрации схожести положения	13	<i>...сама не успеваю доделать свой отчет.</i>

Так, использование конфликтной РС категоричного отказа и индифферентной РС перекладывания ответственности сделают ответ неэффективным с точки зрения коммуникативной эффективности (*Не могу, возьми его с собой*). В то время как ответ *Я, к сожалению, не смогу помочь тебе с отчетом. У меня тоже есть задачи, которые нужно срочно выполнить* будет считаться эффективным, так как тут индифферентная РС демонстрации схожести положений используется с кооперативной РС выражения сожаления.

Таким образом, в ходе эксперимента было выявлено три группы РС отказа: кооперативные, конфликтные и индифферентные. Тем не менее, РС редко используются изолированно и практически всегда комбинируются с другими РС, поэтому эффективность отказа может зависеть не только от кооперативности и конфликтности отдельно взятых РС, но и от их комбинаций.

Изучение РС в речевом жанре отказа позволяет разработать типологию РС в аспекте эффективности коммуникации, что обладает существенным лингводидактическим потенциалом.

Литература

Балашова Л. В. Русские речевые жанры / Л. В. Балашова, В. В. Дементьев. – Москва: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 832 с.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 5 т. – Москва: Русские словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – С. 59-206.

Мкртычян С. В. Устный деловой дискурс: монография / С. В. Мкртычян. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – 172 с.

Мкртычян С.В. Современная лингвостилистика: традиции и перспективы / С. В. Мкртычян // Человек – язык – дискурс: антропоцентрическая лингвистика и лингвистическая антропология: коллективная монография / Н. О. Золотова, В. В. Волков, С. А. Чугунова, С. В. Мкртычян, В. И. Карасик, Е. Н. Брызгалова, Н. В. Семенова, А. Б. Бушев, В. А. Миловидов; отв. ред.: В. А. Миловидов. – Тверь: Тверской государственный университет, 2023. – С. 65-85.

Стернин И. А. Основы речевого воздействия: учебное пособие / И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2012. – 178 с.

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ И КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА АНАЛИЗА АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

Аннотация. В статье рассматривается потенциал теорий коммуникации и коммуникативной лингвистики для выявления и анализа способов выражения авторской позиции в публицистических текстах Л. Н. Толстого. На основе моделей Р. О. Якобсона и Ю. М. Лотмана, теории текста И. Р. Гальперина и концепции медиалингвистики Е. А. Ваулиной доказывается, что публицистика Толстого представляет собой сложное коммуникативное событие, характеризующееся диалогичностью, конфликтностью кодов и целенаправленным воздействием на адресата. Анализ статей «Не могу молчать!» и «Исповедь» позволяет выявить специфические лингвистические маркеры авторского «Я», трансформирующие монологическое высказывание в напряженный диалог с читателем и властью.

Ключевые слова: коммуникативная лингвистика, авторская позиция, публицистика, Л. Н. Толстой, медиалингвистика.

Публицистическое наследие Л. Н. Толстого, будучи объектом пристального внимания литературоведов и историков, до сих пор недостаточно изучено в лингвистическом аспекте, в частности, сквозь призму теории коммуникации. Между тем, эти тексты представляют собой уникальный пример художественно-публицистического дискурса, где авторская позиция не просто декларируется, но становится центральным конструктивным элементом, организующим всю коммуникативную стратегию. Цель данной статьи – продемонстрировать, как интеграция классических и современных коммуникативных теорий позволяет систематизировать и углубить анализ способов вербализации авторского «Я» в публицистике Толстого.

В статье рассматривается потенциал теорий коммуникации и коммуникативной лингвистики для выявления и анализа способов выражения авторской позиции в публицистических текстах Л. Н. Толстого. На основе моделей Р. О. Якобсона и Ю. М. Лотмана, теории текста И. Р. Гальперина и концепции медиалингвистики Е. А. Ваулиной доказывается, что публицистика Толстого представляет собой сложное коммуникативное событие, характеризующееся диалогичностью, конфликтностью кодов и целенаправленным воздействием на адресата. Анализ статей «Не могу молчать!» и «Исповедь» позволяет выявить специфические лингвистические маркеры авторского «Я», трансформирующие монологическое высказывание в напряженный диалог с читателем и государственной властью.

Теоретико-методологический фундамент исследования

Шестифакторная модель Р. О. Якобсона является отправной точкой для анализа любого речевого акта [Якобсон 1975]. Применительно к

публицистике Толстого можно выделить следующие доминирующие функции:

1. Эмотивная (экспрессивная) функция, ориентированная на адресанта, проявляется в максимальной субъективации текста. Авторское «Я» становится точкой отсчета: «Я вижу», «Я слышу», «Не могу молчать!».

2. Конативная (апеллятивная) функция, ориентированная на адресата (читателя, власть, общество), выражена чрезвычайно ярко. Толстой не информирует, а призывает, убеждает, требует, обвиняет. Это достигается за счет обилия повелительных наклонений, риторических вопросов и обращений.

3. Референтная функция связана с контекстом – социально-политической реальностью России конца XIX – начала XX века. Однако Толстой не просто отражает ее, а интерпретирует через призму своего учения.

4. Метаязыковая функция проявляется в постоянном уточнении и переопределении ключевых понятий («вера», «бог», «насилие», «прогресс»), что свидетельствует о сознательном выстраивании собственной концептуальной системы в противовес официальной.

5. Поэтическая функция, ориентированная на сообщение, демонстрирует, что даже в публицистике Толстой остается великим художником. Он использует мощные метафоры, развернутые сравнения, ритмику и синтаксические повторы для усиления воздействия.

Концепция Ю. М. Лотмана о двуплановости структуры текста и диалогичности культуры исключительно продуктивна для анализа толстовской публицистики [Лотман 1996]. Текст у Толстого функционирует как «мыслящее устройство», которое:

1. Провоцирует семиотический конфликт. Толстой сознательно помещает свой текст в поле напряжения между разными культурными кодами: кодом официальной государственной идеологии, кодом церковного учения, кодом светского либерализма и его собственным, созданным кодом «истинного христианства». Читатель оказывается втянут в этот конфликт и вынужден занимать одну из позиций.

2. Реализует модель «Я – Он» и «Я – Я». Если официальная коммуникация власти строится по модели «Я – Он» (монолог, не предполагающий ответа), то Толстой стремится к модели «Я – Ты», то есть к диалогу. Однако его тексты одновременно являются и интенсивной аутокоммуникацией («Я – Я»), что особенно ярко видно в «Исповеди», где автор ведет диалог с самим собой, переосмысливая свой жизненный путь.

И. Р. Гальперин, рассматривая текст как продукт речемыслительной деятельности, выделяет категорию информативности, которая подразделяется на содержательно-фактуальную, содержательно-

концептуальную и содержательно-подтекстовую информацию [Гальперин 1981].

Содержательно-фактуальная информация в публицистике Толстого (описание голода, репрессий, социальной несправедливости) служит основой для следующего уровня. Содержательно-концептуальная информация – это и есть квинтэссенция авторской позиции, та главная идея, ради которой создан текст: неприемлемость насилия, кризис цивилизации, необходимость нравственного самосовершенствования. Содержательно – подтекстовая информация часто носит обвинительный характер. Описывая казнь через повешение, Толстой не просто констатирует факт, но и создает эмоционально насыщенный образ, подтекст которого: «Вы, те, кто это допускает, – соучастники убийства».

Современная медиалингвистика, как ее определяет Е. А. Ваулина, изучает язык в единстве с социально-коммуникативным контекстом, рассматривая текст как медиасобытие [Ваулина 2020]. Публицистика Толстого, даже в XIX веке, была именно медиасобытием. Ее распространение через «посредников» (издательства, зарубежную прессу, нелегальные списки), реакция на нее официальных властей (отлучение от церкви, цензурные запреты) и общества делали каждый текст значимым актом общественной коммуникации, что усиливало весомость авторской позиции.

Анализ коммуникативных стратегий в публицистике Л. Н. Толстого

Статья «Не могу молчать!» (1908) – это яркий пример конфликтной коммуникации. Данный текст является классическим примером реализации конативной и эмотивной функций [Якобсон 1975].

Коммуникативная ситуация: Адресант (Толстой) обращается к множественным адресатам: к обществу, к отдельным группам населения и к самому себе (аутокоммуникация).

Лингвистические маркеры авторской позиции:

1. Риторические вопросы и восклицания: «Неужели никакого нет средства прекратить это?» – этот вопрос не требует ответа, он является формой обличения.

2. Лексические повторы: название статьи становится лейтмотивом. Многократное повторение местоимения «я» и глаголов восприятия («я знаю», «я слышу») акцентирует личную ответственность автора.

3. Оценочная лексика и метафоры: описание казней с использованием лексики, вызывающей физическое отвращение, превращает абстрактное «правосудие» в акт садистского насилия.

Текст построен на конфликте двух правд: правды государства, оправдывающей насилие «для порядка», и правды Толстого, основанной на евангельской заповеди «не убий». Текст становится полем битвы этих семиотических систем [Лотман 1996].

Публикацию «Исповедь» (1882) стоит рассматривать как текст-аутокоммуникацию. В нем доминирует эмотивная функция и модель «Я – Я» [Лотман 1996]. Несмотря на обращение к читателю, «Исповедь» является, прежде всего, диалогом автора с самим собой. Это текст-самоисследование.

Лингвистические маркеры авторской позиции:

1. Честность и саморефлексия: Толстой использует прием обнажения внутренних противоречий, что делает его позицию не догматичной, а искренней и потому убедительной.

2. Смена нарративных перспектив: автор описывает себя в разные периоды жизни, создавая сложный, динамичный образ человека, находящегося в поиске.

Биографические события служат основой для выведения содержательного концепта – кризиса смысла жизни и обретения новой веры в «неразумное знание» простого народа.

Интегративный подход, объединяющий классические теории коммуникации Р. О. Jakobsona и Ю. М. Лотмана с текстологией И. Р. Гальперина и современной медиалингвистикой Е. А. Ваулиной, позволяет создать целостную и многомерную модель анализа авторской позиции в публицистике Л. Н. Толстого.

Публицистические тексты Толстого предстают перед нами не как собрание моральных сентенций, а как сложно организованные коммуникативные акты, где авторская позиция вербализуется через:

1) явное доминирование эмотивной и конативной функций, превращающих текст в инструмент прямого воздействия;

2) сознательное создание семиотического конфликта с официальными дискурсами, что заставляет читателя занимать активную позицию;

3) многоуровневую организацию информации, где факты служат основой для концептуальных обобщений и мощного подтекста;

4) свойство медиасобытия, когда сам текст и реакция на него становятся частью общественной борьбы.

Таким образом, коммуникативная лингвистика является точным и эффективным инструментарием для перевода интуитивного ощущения «мощи слова Толстого» на язык строгого научного анализа, раскрывая механизмы той уникальной убеждающей силы, которая характеризует его публицистическое наследие.

Литература

Ваулина Е. А. Медиалингвистика: проблемы, методы, перспективы / Е. А. Ваулина // Медиалингвистика. – 2020. – Т. 7, № 1. – С. 6-18.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва: Наука, 1981. – 139 с.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – Москва: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 т. / Л. Н. Толстой. – Москва: Художественная литература, 1928-1958.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – Москва: Прогресс, 1975. – С. 193-230.

С. В. Мкртычян (Тверь, Россия)

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОНЯТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ И. А. СТЕРНИНА

Аннотация: В статье обсуждаются перспективы использования понятия *коммуникативной эффективности*, введенного в научный обиход И. А. Стерниным, при изучении вербальной агрессии; перечисляются направления исследований, проводимых в Тверском госуниверситете в обозначенном ракурсе; в качестве иллюстрации приводится фрагмент исследования уровня вербальной агрессии школьников через призму коммуникативной эффективности.

Ключевые слова: коммуникативная эффективность, вербальная агрессия, коммуникативное равновесие, антропометрические методы исследования.

Проблематика исследований, связанных с вербальной агрессией, находится в русле концепции речевого воздействия как самостоятельного лингвистического направления. Основоположителем речевого воздействия является профессор И. А. Стернин, который разработал авторскую концепцию этой сферы лингвистического знания. Предметом речевого воздействия выступает эффективное общение. Концепция, предложенная автором в 1990 г. [Стернин 1990], получила дальнейшее развитие в целом ряде таких его работ, как «Деловое общение» (1995), «Практическая риторика» (1996), «Введение в речевое воздействие» (2001).

Одним из центральных понятий речевого воздействия является «коммуникативная эффективность», которую И. А. Стернин определяет через достижение трех целей общения (информационной, предметной и коммуникативной [Стернин 2001, с. 61-62]). Существенной составляющей эффективного общения является сохранение коммуникативного равновесия [Стернин 2001, с. 65].

Обращение к проблематике, связанной с речевой агрессией, обусловлено прежде всего повышением уровня агрессии в современном обществе, дефицитом эффективного общения, необходимостью очертить «болевы́е зоны», вскрыть лингвистические особенности речевой агрессии через призму понятия коммуникативной эффективности. В этом ракурсе осуществляется целый ряд исследований в Тверском госуниверситете, которые проводятся аспирантами, магистрантами и бакалаврами.

Основные направления сводятся к следующему:

1. Определение состава лексико-семантической группы РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ и установление семантических особенностей составляющих ее лексем на основе лексикографических источников и с привлечением экспериментального материала.

2. Выявление жанрообразующих признаков речевых жанров, поименованных лексемами из лексико-семантической группы РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ.

3. Диагностирование уровня вербальной агрессии различных групп испытуемых посредством использования стимульных лексем лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ в качестве стимульного материала для проведения экспериментальных исследований.

4. Типологизация респонсивных речевых стратегий в ситуации проявления вербальной агрессии.

5. Разработка понятия косвенной речевой агрессии, которая реализуется, в частности, в речевых жанрах отказа, критического высказывания, в манипулятивном общении.

6. Проблематизация понятия *коммуникативный конфликтоген*.

В рамках настоящей публикации кратко остановимся на результатах исследования, направленного на диагностирование уровня вербальной агрессии у младших школьников. Гипотеза исследования заключается в том, что восприятие лексем лексико-семантической группы вербальной агрессии связано с агрессивностью школьников в аспекте их психологической чувствительности к проявлениям агрессии, которые поименованы лексемами анализируемой лексико-семантической группы. Мы исходим из того, что нарушение коммуникативного равновесия может рассматриваться как основной признак агрессивного общения.

Исследование проводилось в несколько этапов. Сначала был определен состав лексико-семантической группы вербальной агрессии, далее было проведено экспериментальное исследование (испытуемыми стали учащиеся четвертых классов): ранжирование лексем по уровню агрессивности методом субъективного шкалирования; ассоциативный эксперимент, в котором лексемы лексико-семантической группы вербальной агрессии были использованы в качестве стимульного материала; наконец, на заключительном этапе было сопоставлено лексикографическое значение с психолингвистическим, смоделированным на основе субъективных дефиниций.

Под вербальной агрессией нами понимается «словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [Щербинина 2008, с. 32].

Состав лексико-семантической группы вербальной агрессии в лексикографических источниках отсутствует. Обнаруженные синонимические ряды не образуют гиперо-гипонимических отношений:

языковая агрессия, словесное насилие, вербальное насилие, лингвистическая агрессия, устное нападение, речевая агрессия, словесная агрессия, языковое насилие, речевое насилие, словесное домогательство, устная агрессия..

Список лексем ЛСГ был сформирован на основе типичных способов проявления вербальной агрессии, который был заимствован из монографии Ю. В. Щербининой «Вербальная агрессия» [Щербинина 2008]. ЛСГ включает в себя 11 лексем: «оскорбление», «угроза», «грубый отказ», «грубое требование», «враждебное замечание», «порицание», «насмешка», «жалоба», «клевета», «сплетня», «ссора».

В результате ранжирования лексем (где «1» соответствует наименьшему уровню, а «3» – самому высокому) установлено, что «угроза» является основным проявлением вербальной агрессии – 31,25% ответов, далее «враждебное замечание» и «ссора». На втором уровне – «порицание» и «жалоба», наконец, самыми безобидными проявлениями агрессии испытуемые считают «насмешку» и «сплетню». Обращает на себя внимание тот факт, что испытуемые старались избегать высшей оценки по шкале агрессивности. Количественные данные представлены в Таблице. 1.

Таблица 1

Шкалирование форм проявления вербальной агрессии

Лексемы ЛСГ вербальной агрессии	1 (агрессия выражена меньше)	2	3 (агрессия выражена больше)
Оскорбление	62,5%	37,5%	0%
Угроза	18,75%	50%	31,25%
Грубый отказ	62,25%	31,25%	0%
Грубое требование	62,25%	37,5%	6,25%
Враждебное замечание	75%	6,25%	18,75%
Порицание	25%	68,75%	6,25%
Насмешка	75%	25%	0%
Жалоба	31,25%	62,5%	6,25%
Клевета	56,25%	31,25%	12,5%
Сплетня	75%	12,5%	12,5%
Ссора	25%	12,5%	18,75%

На основе результатов свободного ассоциативного эксперимента ассоциаты были классифицированы на две большие группы: субъект (*брат, сестра, одноклассник, учитель, мама и др.*) и эмоция (*неприятно, страшно, стыдно, обидно и др.*).

Данные, полученные в результате свободного ассоциативного эксперимента, представлены в обобщенном виде в Таблице 2.

Таблица 2

Обобщенные результаты свободного ассоциативного эксперимента

Стимульная лексема	Частотные ассоциаты
Оскорбление	Брат, сестра, одноклассники, неприятно, обидно
Угроза	Брат, сестра, страшно, одноклассники
Грубый отказ	Мама, одноклассники, сестра, неприятно
Грубое требование	Учитель, брат, одноклассники, сестра, мама, неприятно
Враждебное замечание	Учитель, одноклассники, старшеклассники, дежурный, сестра, страшно, неприятно
Порицание	Учитель, брат, одноклассники, мама, сестра, обидно, стыдно
Насмешка	Друг, брат, сестра, одноклассник, обидно
Жалоба	Учитель, одноклассница, сестра, неприятно, неудобно
Клевета	Одноклассница, брат, сестра, неприятно
Сплетня	Друзья, одноклассницы, сестра, неприятно
Ссора	Друзья, брат, сестра, обидно, грустно

На третьем этапе эксперимента было проведено сравнение семантических компонентов (из субъективных дефиниций) и ядерных сем, полученных методом компонентного анализа словарных дефиниций из «Толкового словаря русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (см. Таблицу 3). В целом школьники младших классов дают субъективные дефиниции, которые содержат меньше агрессивных семантических компонентов по сравнению с количеством сем, содержащихся в словарных дефинициях. Например, некоторые субъективные дефиниции лишены семантических компонентов, связанных в агрессией: *сплетня* – *слухи*, *насмешка* – *смеяться*, *клевета* – *враньё*, *угроза* – *обещать*.

Полученные результаты в некоторой степени могут послужить показателем чувствительности школьников к формам вербальной агрессии.

Анализируя полученный материал через призму понятия коммуникативной эффективности, можно прийти к выводу, что респонденты, демонстрирующие низкую чувствительность к наличию компонента агрессивности в значении лексем рассматриваемой ЛСГ, в коммуникации тоже отводят себе роль ниже моделируемой (роли) на основе кодифицированных дефиниций. Вероятно, это можно объяснить повышением уровня агрессии в обществе.

Таким образом, понятие коммуникативной эффективности, предложенное и сформулированное И. А. Стерниным, оставившем нам богатейшее по количеству и глубине идей, лингвистическое наследие, является одним из продуктивных понятий, которое может использоваться в том числе и при изучении вербальной агрессии как на дискурсивном материале, так и на уровне отдельной лексемы.

**Сравнительный анализ субъективных дефиниций
со словарными толкованиями**

Стимульные лексемы	Словарное значение из толкового словаря Ожегова	Основные семантические компоненты из субъективных дефиниций
Оскорблять	Оскорбительные слова, оскорбительный поступок	Семантический компонент 1: обидеть Семантический компонент 2: унижать
Угроза	Запугивание, обещание причинить кому-н. вред, зло	Семантический компонент 1: пугать Семантический компонент 2: обещать
Требовать	Просить в категорической форме	Семантический компонент 1: грубо просить
Отказывать	Отрицательно отвечать на просьбу	Семантический компонент 1: грубо ответить
Замечание	Указание на ошибку, выговор	Семантический компонент 1: угрожать
Порицание	Выражение неодобрения, осуждения выговор	Семантический компонент 1: обвинять Семантический компонент 2: замечание
Насмешка	Обидная шутка, издёвка	Семантический компонент 1: смеяться
Жалоба	Выражение неудовольствия по поводу чего-н. неприятного, страдания, боли	Семантический компонент 1: жаловаться Семантический компонент 2: ябедничество
Клевета	Порочащая кого-н. ложь	Семантический компонент 1: враньё
Сплетня	Слух о ком.-чем.-н., основанный на неточных или заведомо неверных сведениях	Семантический компонент 1: слухи
Ссора	Состояние взаимной вражды, серьезная размолвка	Семантический компонент 1: ругань

Литература

Стернин И. А. Планы семинарских занятий и методические указания по курсам «Культура политического общения», «Ораторское мастерство и культура речи», «Речевое воздействие» / И.А. Стернин. – Воронеж, 1990. – 63 с.

Стернин И. А. Практическая риторика / И.А. Стернин. – Воронеж, 1993. – 140 с.

Стернин И. А. Деловое общение / И.А. Стернин. – Воронеж, 1995. – 75 с.

Стернин И. А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 227 с.

Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия / Ю.В. Щербинина. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – 360 с.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАСТЕРИЗАЦИЯ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ¹

Аннотация. Исследование направлено на систематизацию и описание лексико-семантических средств вербализации агрессии в тексте интернет-комментариев (944 агрессивных комментария пользователей социальной сети «ВКонтакте» в период с 2021 по 2024 гг.). В ходе исследования с применением методики корпусного анализа и автоматизированных инструментов было выделено 25 лексико-семантических групп средств вербализации агрессии. В статье дается описание трех крупных групп: «Личностная неполноценность», «Женщина» и «Этнофолизмы».

Ключевые слова: речевая агрессия, интернет-комментарий, инвективы, вербальная агрессия, интернет-коммуникация.

Введение

Интернет является мощным проводником вербальной агрессии, ведь поведение пользователей, часто скрывающиеся за анонимными и вымышленными профилями, хуже поддается контролю в виртуальной среде.

Сетевой жанр интернет-комментария довольно показателен: он диалогичный, реактивный, экспрессивный, аксиологичный, зависит от публикации-стимула. Доступность комментирования открывает широкие возможности для стихийного выплеска речевой агрессии и создания конфликтной ситуации.

Актуальность исследуемой проблемы в том, что сокращение социальной дистанции между участниками интернет-коммуникации и снижение уровня речевой культуры может привести не просто к коммуникативной неудаче, но к серьезной конфликтной ситуации, в которой могут быть нарушены права и интересы всех участников виртуального общения. Таким образом, объектом изучения является эксплицитная речевая агрессия в пользовательских текстах интернет-комментариев. Цель исследования – описание и лексико-семантическая кластеризация речевых средств вербализации агрессии в интернет-комментариях для дальнейшей их обработки технологиями анализа естественного языка.

Речевая агрессия: проблема определения и терминологии

Большинством психологов и психиатров речевая агрессия выделяется как частный случай агрессивного поведения (А. Buss, Л. Берковиц, Р. Бэрн и Д. Ричардсон, С. Н. Ениколопов и др.). Отметим, однако, что единой трактовки термина *речевая агрессия* нет, хотя зачастую он

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М. В. Ломоносова

употребляется наравне с такими понятиями, как *вербальная агрессия*, *языковая агрессия*, *словесная агрессия* и т. д.

По мнению М. Н. Черкасовой, речевая агрессия, – это «интенциональное авторское действие, направленное на объект, заключенное в культурно-национальную специфику коммуникации и конструируемое определенным образом подобранными языковыми средствами» [Цит. по: Хмара 2021, с. 109]. Ю. В. Щербинина отмечает, что термины *вербальная агрессия* и *речевая агрессия* в целом синонимичны и могут определяться как «словесное выражение негативных чувств, эмоций или намерений в... неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [Щербинина 2001, с. 7]. Т. А. Воронцова также в равной степени обращается к терминам *вербальная агрессия* и *речевая агрессия* [Воронцова 2006]. К. Ф. Седов, напротив, отдает предпочтение термину *речевая агрессия*, так как в коммуникации агрессия может проявляться не только средствами языка. Речевой агрессией автор называет «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние у объекта речевого воздействия» [Седов 2016, с. 84]. В. Ю. Апресян оперирует термином *языковая агрессия*. Под ней автор подразумевает «все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств» [Апресян 2003, с. 1]. Б. Я. Шарифуллин, в свою очередь, использует понятие *языковое насилие (манипулирование)*, характеризующееся оказанием психического воздействия на личность [Шарифуллин 2005].

Так или иначе, контексты употребления вышеупомянутых терминов объединены понимаемым под ними намеренным психоэмоциональным воздействием на адресата, выраженным, как правило, средствами языка. В рамках настоящего исследования предпочтение отдано терминам *вербальная (речевая) агрессия*. В сформулированном нами рабочем определении под **речевой агрессией** понимается намеренное воздействие на адресата с целью осуществления коммуникативного давления, негативного влияния на его эмоционально-психологическое состояние. Вербальная агрессия реализуется средствами языка с определенной национально-культурной спецификой для выражения критического и враждебного отношения адресантом.

Методика корпусного исследования

В качестве материала исследования были использованы 944 эксплицитно агрессивных текстов в жанре интернет-комментария, оставленных пользователями под восемнадцатью тематически различными публикациями в популярной социальной сети «ВКонтакте». Информация о количественном соотношении общего числа комментариев и числа выделенных агрессивных комментариев, названиях сетевых сообществ,

количестве подписчиков и датах публикации представлена в Таблице 1. Орфографическое и пунктуационное написание названий сохранено.

Таблица 1

Общая характеристика источников материала исследования

№ публикации	Общее к-во комментариев	К-во выделенных нами агрессивных комментариев	Источник (сообщество)	К-во подписчиков	Дата публикации
1	225	31	ox	997 тыс.	21.05.24
2	125	27	virgincore	35 тыс.	16.05.24
3	440	157	Лепрозорий	4,1 млн.	21.05.24
4	37	16	Hey, Vita Clats	21 тыс.	19.05.24
5	1101	218	с каждым днем все радостнее жить	476 тыс.	18.05.24
6	167	21	Безмолвие искусства	53 тыс.	19.10.23
7	267	20	Naked Movie	187 тыс.	29.10.23
8	282	20	павуки	227 тыс.	21.10.23
9	69	10	ниче	200 тыс.	25.10.23
10	77	6	уволено	158 тыс.	14.10.23
11	63	6	травма детства	40 тыс.	24.10.23
12	909	86	Ван Гог за тушёнку	256 тыс.	17.05.24
13	229	17	TD - Склад уроков рисования	268 тыс.	29.11.22
14	357	10	virgincore	35 тыс.	25.05.24
15	962	166	красота народов мира	354 тыс.	03.05.24
16	52	19	Жизни Русских Важны	16 тыс.	14.07.21
17	452	48	киберпанк, который мы заслужили	214 тыс.	13.05.24
18	243	66	virgincore	35 тыс.	22.03.24
Итого:	6057	944			

Критериями эксплицитной агрессивности интернет-комментариев послужили типы вербальной агрессии Д. А. Инфанте [Infante 1987], «агрессивные субжанры» К. Ф. Седова [Седов 2016], классификация инвективных речевых жанров Ю. В. Щербининой [Щербинина 2001] и виды сценария речевой агрессии П. Л. Горелик и др. [Горелик и др. 2022]: 1) критика личных качеств; 2) критика способностей; 3) критика фактов биографии; 4) критика внешности; 5) проклятия; 6) поддразнивание; 7) насмешки, колкость; 8) угрозы; 9) ругательство, сквернословие; 10) злопожелание; 11) отсыл, грубое прекращение контакта; 12) грубое требование, грубый отказ; 13) обвинение, упрек; 14) жалоба.

Спорные случаи, где невозможно было провести однозначную грань между сниженной речевой культурой и речевой агрессией, опускались. Субъект и объект агрессии именуются инвектором и инвектумом соответственно [Голев 2003].

Для достижения цели исследования была поставлена задача собрать и разметить языковой корпус, в состав которого вошли собранные комментарии. Для просмотра и обработки данных были применены корпусные менеджеры AntConc (4.3.1) и Voyant Tools (v. 2025).

Корпусного анализа требовал углубленное понимание сетевой лингвокультуры и погруженность в конкретную коммуникативную ситуацию. Решающую роль в определении категориальной принадлежности той или иной единицы сыграл социокультурный контекст. Орфография и пунктуация комментаторов сохранена, за исключением случаев цензурирования ненормативной лексики.

Результаты исследования

В результате исследования было кластеризовано 25 лексико-семантических групп средств вербализации речевой агрессии. В Таблице 2 в порядке убывания представлено общее количество единиц в одной лексико-семантической группе (далее – ЛСГ). Числовые и родовые парадигмы существительных, авторские варианты написания слов (например, *тёлка* и *телка*), а также самоцензура (например, *д#б#лы* вместо *дебилы*) считались как одна единица.

Таблица 2

Общий список лексико-семантических групп инвективных единиц

№	ЛСГ	Общее количество единиц	Количество уникальных единиц
1	Личностная неполноценность	144	77
2	Женщина	85	36
3	Этнофолизмы	59	42
4	Дегуманизация	53	39
5	Предмет речи	46	38
6	Сообщение оппонента	44	26
7	Носитель заболевания	41	17
8	Приверженцы политических убеждений	39	14
9	Деклассированные элементы	33	24
10	Возрастной период	31	26
11	Физическая неполноценность и нездоровье	31	21
12	Социальные группы и субкультуры	30	20
13	Родственники и родственные связи	30	24
14	Мужчина	29	21
15	Искусство	29	26
16	Интимные части тела	27	13
17	Особенности сексуального поведения	25	22

18	Социально уязвимые	24	16
19	Голова и лицо	18	14
20	Наказание	14	9
21	Социально ущемленные	12	6
22	Нации и страны	13	11
23	Заболевание	10	10
24	Агрессор	4	2
25	Представитель профессии	4	4

Далее будет представлено детальное описание первых трех групп: «Личностная неполноценность», «Женщина» и «Этнофолизмы».

Лексические единицы в каждой из групп представлены в синтаксисе регулярных выражений. Выбор такого способа представления данных в таблицах объясняется тем, что а) он удобен и емок для отображения всех возможных словоформ; б) регулярные выражения позволяют реализовывать сложные и точные поисковые запросы в корпусном менеджере; в) обеспечивают дополнительные возможности цензурирования нежелательных языковых средств.

ЛСГ «Личностная неполноценность»

клоун	9	высерки	1	безграмотные крикуны	1
тварь*	9	вредители	1	одноклеточный	1
д.лбо.б+	7	глупые	1	пердун	1
у..ок	6	гавноед	1	п..да	1
быдло	5	глупенький	1	п..дабол	1
мразь*	5	глупышка	1	позорище несусветное	1
дура	4	гнида	1	предательница позорная	1
чучело	4	гнидо-персонаж	1	скудоумные	1
дурак+	4	дикари	1	сойжак	1
конченн?ый	4	додик	1	ссыкуны	1
выродок	4	д.лбо.бик	1	суки	1
дурач(о ё)к	3	дубина	1	тётка злобная	1
душнилка*	3	.б.нутая	1	тупорылы	1
ублюдки	3	завистник	1	тупые	1
г(о а)вно	2	закомплексованные	1	убогие	1
.б.наты	2	кидалы	1	у..ище	1
.б.нашка	2	кретин с бошкой в жопе	1	умственно отсталое быдло	1
.блан	2	курица	1	унтерок	1
мудак+	2	лицемерка	1	феерический д.лбонез	1
неуч	2	мерзкая	1	фрик	1
полудурок	2	мозги между ног	1	хам	1
селюк+	2	неадекваты	1	хлюпики	1
утырок	2	недокомментатор	1	х.йлуша	1
уроды	2	неудачник	1	х..ня	1
ушлепки	2	нищеврод	1	шваль	1

В ЛСГ «Личностная неполноценность» была включена вся бранная лексика, подвергающая деструкции интеллектуально-личностную полноценность инвектума. Принимая во внимание многозначность обценизмов, нельзя однозначно сказать, что подразумевали авторы, употребляя то или иное слово. Важную роль в кластеризации сыграли Толковый словарь русского мата Т. В. Ахметовой (2000), Лингвокультурологический словарь заимствований современного русского языка Т. А. Голиковой (2021), Словарь современного интержаргона асоциальных элементов В. Быкова (1992) и Толковый словарь уголовных жаргонов под редакцией Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова (1991).

Можно наблюдать, что инвекторы пытаются воздействовать на объект агрессии, выражая критическое отношение и сомнение в умственных способностях инвектума (*неуч, дубина* и др.), коммуникативной компетенции и уровне речевой культуры (*душиллка, хам, недокомментатор*), эмоциональном и психическом состоянии (*неадекваты, тётка злобная, закомплексованные*), степени социальной адаптированности (*быдло, фрик, вредители* и др.), социально-экономическом благополучии (*селюк, нищеврод, дикари* и др.). Агрессоры нередко приписывают конвенционально неприемлемые черты поведения и личности (*клоун, лицемерка, безграмотные крикуны, завистник* и др.).

На наш взгляд, в этой ЛСГ нельзя выявить какие-либо необычные явления: семантика обценной лексики довольно «гибкая» и требует не только длительных наблюдений и большего числа контекстов, но и феноменологический подход. Интересно, тем не менее, разнообразие диминутивов (*душиллка, дурачок, глупенький, глупышка* и т. д.), наблюдаемое в составе и других ЛСГ.

Большим смысловым наполнением обладают окказионализмы и лингвокреативные образования: *гнидо-персонаж, феерический долбонез, одноклеточный, недокомментатор, кретин с бошкой в жопе, мозги между ног* и т. д.

ЛСГ «Женщина»

баба*	16	девицы	1
чернильница*	8	женщинки	1
наташка*	7	кожаная самка	1
п..да	4	насадки для члена	1
девка*	4	нерентабельные шкуры	1
наташа*	4	нитакуся	1
бабьё	3	овуляхи	1
самка*	3	подстилки жалкие	1
шлюха	3	подтиршки для Чедовского х.я	1
т(ё е)лка*	3	позорница белой расы	1
яжмамка*	3	РСПэха	1
шкура	2	скот насадки на куй	1
яжмать	2	только пися и сися	1
рсп	1	тарелочница	1

бабища	1	тянки поюзанные	1
бабка	1	чернила	1
вечно орущая истеричка	1	эмансипированные сучки	1
гудронщица	1	истеричка с недотрахом	1

В ЛСГ «Женщина» вошла вся пейоративная и нецензурная лексика, антагонизирующая женщин по тому или иному признаку: по семейному положению (*рсп, яжмамка, яжмать* и т. д.), по национально-культурной специфике поведения (*подстилки жалкие*), по характеру сексуального поведения (*иллюха, истеричка с недотрахом* и т. д.), по особенностям репродуктивной функции (*насадки для члена* и т. д.) и даже по выбору партнера (*наташка, гудронщица, чернильница* и т. д.).

Некоторая доля лексики образована метонимическим способом: *наташка, чернила* и др. Семантика некоторых слов указывает на своего рода стратификацию женщин, которая, в частности, касается вопроса половых отношений с мужчинами и поведения в обществе: *тарелочница, овуляха, яжмамка, чернильница, РСПэха* и др. По всей видимости, дискредитации подвергаются многие, особенно интимная, стороны жизни женщины.

ЛСГ «Этнофолизмы»

ч(ю у)рка*	5	Магомед	1
ваньк(а и)	4	махмуды	1
арсэнка	3	мексы	1
иванушки	3	мерзкие гибриды новиопы	1
мартышка*	3	негр-ара	1
мага*	2	негрогруз	1
мастурбек*	2	негрохочики	1
обезьяны	2	недоафриканка	1
хачи	2	недогрузинка	1
Абдул	1	русачки	1
Ваня	1	русские Иваны	1
гастеры	1	русский Ванька	1
грузафрик	1	славяни	1
грузонегр	1	сородичи	1
даг	1	тель-авивский ботинок	1
дурачок Ванька	1	тураноиды	1
жирафятин	1	хинкали	1
жумайсынба	1	хохол	1
жыды	1	черножопый	1
кавказоид	1	черные	1
лумумба	1		

В ЛСГ «Этнофолизмы» входят все лексические единицы, дискредитирующие национальную и расовую принадлежность инвектумов. В данной группе распространен метонимический способ образования инвектив: *Абдул, Ваня, Магомед, лумумба, хинкали,*

жумайсынба и т. д. Наравне с этим употребляются и другие этнофолизмы: *хач, гастеры, даг, хохол, черножопый* и т. д. Объект агрессии также сравнивается с животным или животным продуктом: *мартышка, обезьяны, жирафятина, сородичи*.

Отвержение у агрессоров вызывают индивиды, рожденные в смешанных браках – на это может указывать окказиональная лексика, направленная на критику межрасового и / или межнационального происхождения: *грузафрик, грузонегр, негр-ара, негрохочки, мерзкие гибриды новиопы*. К переходу из одной культуры в другую также выражается враждебное отношение. В данном случае выражается оно в лексических новообразованиях с приставками «неполноты»: *недоафриканка, недогрузинка*.

Заставляет на себя обратить внимание лексика, образованная с применением суффикса «-оид-»: *кавказоид, тураноид*. В контексте враждебной коммуникации она приобретает оттенок псевдонаучности, используемой, по всей вероятности, для риторического «облагораживания» высказываний инвекторов. Параллельно можно отметить примеры эрративов – *жыды, славяни, арсэнка*, – предположительно употребляемых для создания эффекта комичности, пародии и / или пренебрежения.

Заключение

Речевая агрессия в сетевой коммуникации приобретает разнообразные формы, в которых грань сниженной речевой культуры плотно примыкает к грани лингвокреативных потенций русскоязычных участников интернет-общения. В таком случае нельзя не вспомнить карнавальную концепцию М. М. Бахтина, согласно которой карнавал – это игра, имеющая различные формы выражения, преобразующая культуру и язык. На карнавале нет статусного барьера, и между людьми складываются вольно-фамильярные контакты, а язык пронизан духом изменений и обновлений [Бахтин 1990]. Виртуальная среда близка к концепции бахтинского карнавала. В первую очередь, обращает на себя внимание фамильярность, пренебрежение правилами приличия и культурой общения в коммуникации, которая не встречает иерархических препятствий, что часто является первопричиной всех конфликтов. «Карнавальность» также оказала значительное влияние на речь и речевую агрессию, где степень напора на собеседника стала сильнее, а диапазон выбора вербальных средств – шире.

Широкое распространение, экспрессивность и повсеместность речевой агрессии вызывает беспокойство. Определенно есть причина, по которой тот или иной инвектор ведет себя подобным образом. Однако, не имея возможности это выяснить в индивидуальном порядке, реальные мотивы остается лишь предполагать.

Следует полагать, что при отсутствии должной профилактики данного коммуникативного феномена объемы речевой агрессии в сети будут расти.

Разработка мер борьбы с вербальной агрессией – важная задача, требующая участия исследователей разных областей: филологов, прикладных лингвистов, социо- и психолингвистов, психологов, психиатров, педагогов, технических специалистов, лингвокриминалистов, юрислингвистов и т. д.

Литература

Апресян В. Ю. Имплицитная агрессия в языке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Apresian.htm>. (дата обращения 27.01.2024).

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – Москва: Худож. лит., 1990. – 543 с.

Воронцова Т. А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство / Т. А. Воронцова; М-во образования Рос. Федерации, ГОУВПО «Удмурт. гос. ун-т». – Ижевск: Удмуртский университет, 2006. – 250 с.

Голев Н. Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы) / Н. Д. Голев // Актуальные проблемы русистики: Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. Т. А. Демешкина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 2. Ч. 1. – С. 92-98.

Горелик П. Л. Речевая агрессия как стратегическая коммуникация / П. Л. Горелик, М. М. Русакова, Л. В. Куценко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. №4. – С. 1242–1246.

Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика / К. Ф. Седов. – Москва: Издательский дом ЯСК, 2016. – 439 с.

Хмара Р. Ю. Речевые формы агрессии: лексико-семантический и стилистический аспекты (на материале аудиозаписей) / Р. Ю. Хмара // Политическая лингвистика. – 2021. – № 4 (88). – С. 108-115.

Шарифуллин Б. Я. Речевая инвектива на рандеву лингвистики и юриспруденции: Pro et contra / Б. Я. Шарифуллин // Юрислингвистика. – 2005. – №6. – С. 111-119.

Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия в школьной речевой среде: автореф. дисс. ... канд. пед. наук / Ю. В. Щербинина. – Москва, 2001. – 16 с.

Infante D. A. Aggressiveness / D. A. Infante // Personality and interpersonal communication. Newbury Park, CA: Sage, 1987. P. 157-192.

А. Д. Сытенкова (Брянск, Россия)

АББРЕВИАЦИЯ ЭВФЕМИЗМОВ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В данной статье исследуется лингвистический феномен аббревиации эвфемизмов как инструмента манипуляции общественным сознанием в политическом дискурсе. Теоретическая часть работы последовательно раскрывает природу политического дискурса как арены манипуляции, специфику эвфемизмов и аббревиатур как самостоятельных языковых явлений, а также синтезирует их манипулятивный потенциал. На примерах военных эвфемизмов доказывается, что сочетание эвфемизации и аббревиации создает «двойной» манипулятивный эффект,

основанный на камуфлировании негативного содержания и его последующей технической депрофанизации.

Ключевые слова: аббревиация, эвфемизм, политический дискурс, языковая манипуляция.

Современный политический дискурс характеризуется использованием сложных языковых технологий, направленных на формирование заданной картины мира в общественном сознании. В условиях информационной перегруженности особенно эффективными становятся стратегии, позволяющие не только трансформировать восприятие реальности, но и делать этот процесс максимально незаметным для реципиента. В данной связи особый интерес представляет явление эвфемизации и аббревиации, которые, будучи достаточно изученными по отдельности, требуют комплексного анализа именно в их сочетании.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью лингвистического противодействия манипулятивным технологиям в публичной сфере и декодирования скрытых смыслов, присутствующих в политических сообщениях.

Политический дискурс понимается как совокупность всех речевых актов, совершаемых в сфере политики и направленных на завоевание, удержание и легитимацию власти. Его ключевыми характеристиками являются идеологическая ангажированность, оценочность, конфликтность и ритуальность. Важнейшей функцией политического дискурса является не столько информирование, сколько воздействие на адресата с целью формирования определенных убеждений и моделей поведения.

В этом контексте манипуляция выступает одной из доминирующих коммуникативных стратегий. В отличие от убеждения, которое апеллирует к рациональным аргументам и сознательному выбору аудитории, манипуляция носит скрытый характер. Лингвистической основой манипуляции служит использование таких приемов, как неопределенные формулировки, метафоры, пресуппозиции и логические ошибки [De Marco 2025, с. 23]. Таким образом, политический дискурс создает идеальные условия для применения манипулятивных языковых технологий, среди которых эвфемизмы и их аббревиатурные формы занимают одно из центральных мест.

Эвфемизм — это слово или выражение, используемое для замены другого слова, которое считается социально неприемлемым, резким или неприятным [Warren 1992, с. 128]. В политическом дискурсе эвфемизация становится основным средством камуфляжа и легитимации.

Лингвистические механизмы образования эвфемизмов разнообразны и представляют собой: мейозис, негативную префиксацию и аббревиацию. «Манипулятивный эффект аббревиации заключается в смысловой неопределенности, сокрытие истинного значения слова, отсутствие негативных коннотаций, снижение уровня понятности сообщения,

придание благородного звучания словам с отрицательным значением» [Сур 2012].

Именно аббревиация позволяет не просто заменить одно понятие на другое, но и трансформировать саму форму его репрезентации, выводя манипуляцию на новый уровень.

Адресат, не способный или не желающий расшифровывать неизвестную ему аббревиацию, либо воспринимает ту часть текста, в которой она отсутствует, либо придает ей слишком значимое значение.

Традиционно аббревиация (образование сложносокращенных слов и акронимов) рассматривалась как способ языковой экономии. Однако в прагматическом аспекте ее функции выходят далеко за рамки простого сокращения. Буквенная последовательность сама по себе лишена оценочности [Sánchez Fajardo 2022]. Она воспринимается как нечто нейтральное, официальное, не подлежащее сомнению.

Англоязычный политический дискурс выступает оптимальным объектом исследования аббревиатур-эвфемизмов благодаря комплексу взаимосвязанных факторов: во-первых, статус английского языка как глобального языка политики и дипломатии обеспечивает широкую репрезентативность материала и его актуальность для международного анализа механизмов языкового манипулирования; во-вторых, развитая теоретическая база и доступность эмпирического материала в англоязычных СМИ и официальных источниках позволяют проследить развитие использования подобных эвфемизмов в различных исторических контекстах; в-третьих, структурные особенности английского языка, включая его аналитический строй и тенденцию к образованию сложных существительных, создают благоприятные условия для формирования аббревиатур и эвфемистических конструкций; кроме того, высокая степень публичности и открытости англоязычного политического дискурса, а также характерная для англосаксонской политической традиции формализация и стандартизация дискурса делают процессы эвфемизации более заметными и доступными для исследования, а активное заимствование терминов из других языков дополнительно обогащает аббревиатурный фонд и расширяет возможности для изучения механизмов языковой манипуляции [De Marco 2025, с. 293].

Так, например, *ADS* представляет собой яркий пример эвфемизации в военном дискурсе. Полное название «*Active Denial System*» [NATO.URL] маскирует истинную суть технологии под благозвучным термином «система активного сдерживания». Использование аббревиатуры позволяет создать впечатление, что речь идет о некоем высокотехнологичном решении, тогда как на самом деле это технология разгона толпы, звучащая как мера предосторожности. Манипулятивный эффект достигается за счет замены эмоционально окрашенных слов

нейтральными терминами, что снижает общественное осуждение применения подобных систем.

Операция *FONOP* демонстрирует классический пример политически корректного переименования. Термин «*Freedom of Navigation Operation*» (операция по обеспечению свободы навигации) [The Diplomat.URL] звучит как благородная миссия по защите международных прав, однако за этой аббревиатурой скрываются провокационные действия в спорных территориальных водах. Эвфемистическая природа аббревиатуры позволяет представить агрессивные военные маневры как законную деятельность по защите демократических принципов, что существенно влияет на общественное восприятие подобных операций.

Аббревиатура *DSCA* (*Defense Support to Civil Authorities*) [Canadian Forces.URL] служит эффективным инструментом манипуляции общественным мнением при описании военного вмешательства в гражданские дела. Термин «поддержка гражданских властей силами обороны» создает впечатление исключительно вспомогательной роли военных, тогда как на практике это может включать значительное ограничение гражданских свобод. Лингвистическая маскировка позволяет легитимизировать военное присутствие в мирное время, представляя его как помощь, а не как контроль.

Кампания *PSC* (*Pre-emptive strike campaign*) [Försvarsmakten.URL] является примером того, как аббревиатура используется для оправдания агрессивных действий. Термин «кампания упреждающих ударов» звучит как превентивная мера защиты, хотя фактически представляет собой агрессивное нападение под предлогом предотвращения гипотетической угрозы. Манипулятивный потенциал аббревиатуры заключается в создании иллюзии оборонительного характера действий, что облегчает их политическое обоснование.

Сеть *PSN* (*Proxy stabilization network*) [European External Action Service.URL] демонстрирует, как через аббревиацию скрывается реальная суть военных операций. Термин «сеть прокси-стабилизации» представляется как инструмент поддержания мира, однако на деле может означать поддержку вооруженных группировок в странах третьего мира. Эвфемистический характер аббревиатуры позволяет маскировать военное вмешательство под гуманитарную деятельность, что существенно влияет на международную оценку подобных действий.

В каждом из рассмотренных случаев аббревиация служит эффективным инструментом манипуляции общественным сознанием, позволяя представить агрессивные военные действия как легитимные операции по поддержанию мира и безопасности. Использование нейтральных терминов и сокращений создает иллюзию законности и оправданности военных действий, что существенно влияет на формирование общественного мнения и международных отношений.

Таким образом, аббревиация из сугубо номинативного инструмента превращается в мощное средство управления восприятием.

Литература

Сур Е. И. Эвфемизм как языковое средство манипулирования общественным мнением / Е. И. Сур // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – №4. – С. 169-172.

Canadian Forces [Электронный ресурс] // Department of National Defence of Canada: официальный сайт. URL: <https://www.forces.gc.ca> (дата обращения: 11.09.2025).

De Marco P. A. Guide to Modern Abbreviations / P. De Marco.: Pasquale De Marco, 2025. – 172 с.

European External Action Service [Электронный ресурс] // Европейская служба внешних действий: официальный сайт Европейского Союза. – URL: <https://eeas.europa.eu> (дата обращения: 06.10.2025).

Försvarsmakten [Электронный ресурс] // Swedish Armed Forces: официальный сайт. URL: <https://www.forsvaret.se> (дата обращения: 03.10.2025).

ICCoLLiC 2020: Proceedings of the First International Conference on Communication, Language, Literature, and Culture, ICCoLLiC 2020, 8-9 September 2020, Surakarta, Central Java, Indonesia / EAI Publishing. – б.м.: EAI Publishing, 2020. – 452 с.

NATO [Электронный ресурс] // North Atlantic Treaty Organization: официальный сайт. URL: <https://www.nato.int> (дата обращения: 03.10.2025).

Sánchez Fajardo J.A. Pejorative Suffixes and Combining Forms in English / J. A. Sánchez Fajardo. – Нидерланды: John Benjamins Publishing Company, 2022. – 229 с.

The Diplomat [Электронный ресурс] // The Diplomat: интернет-портал. URL: <https://thediplomat.com> (дата обращения: 23.09.2025).

Warren B. What Euphemisms tell us about the interpretation of Words // Studia Linguistica. 1992. Vol. 46, № 2. P. 128–165.

Е. В. Щенникова (Москва, Россия)

ТЫ МОТОЦИКЛИСТ ИЛИ БАЙКЕР? (СУБКУЛЬТУРНЫЙ ОЧЕРК)

Аннотация. Статья посвящена субкультуре байкеров в России. Ее представителям присущ особый код общения, причем не только вербальный, который реализуется в отличительной манере одеваться, вести себя, что обусловлено мировосприятием и ценностями носителей, спецификой их деятельности. Автор описывает детали байкерского облачения и облик мотоцикла, касается суеверных взглядов и характерных жестов, отмечает значимость групповой самоидентификации, а также говорит о креативной природе используемого байкерами социолекта. В статье приводится краткий словарь специализированной лексики современных московских байкеров.

Ключевые слова: субкультура, социолект, байкер.

Вынесенный в заголовок статьи вопрос может показаться аномальным, как если бы спросили, кто изображен на картинке, крокодил

или аллигатор (хотя для специалиста разница есть). Всем со школьной скамьи известны пары, именуемые лексическими дуплетами: *помидор – томат*, *бегемот – гиппопотам*. Между словами в них всё же имеются незначительные отличия, обусловленные природой денотата или стилистическими факторами, которые не всегда очевидны рядовому носителю языка. Иное соотношение мы наблюдаем в контекстуальных синонимах *убийца – киллер*, где значение второго слова осложняется компонентом профессиональной заинтересованности исполнителя. В паре *наездник – всадник* противопоставление опирается на уровень владения навыками верховой езды именуемого, но прослеживаются определенные параллели и с предыдущим примером. В то же время слова *мотоциклист* и *байкер*, на первый взгляд, отличает только их этимология. Тем не менее, сопутствующие смыслы прекрасно осознаются всеми причастными. Возможно, аналогия *водитель – автомобилист*, любезно предложенная одним байкером, поможет лучше уяснить их суть. Состоят отличия главным образом в отношении обозначаемого лица к эксплуатации мотоцикла, а именно в оппозиции ‘использовать как транспортное средство для перемещения из точки А в точку Б’ (мотоциклист) или ‘связывать с мотоциклом свои ценности, стиль жизни и мировосприятие’ (байкер).

Как и любая группа лиц, объединенных общностью увлечений, занятий, излюбленным способом времяпрепровождения, а может, даже активнее других байкеры используют собственный код общения, причем не только вербальный. Этот код призван, среди прочего, манифестировать их идентичность. Понятно, что человек, который восседает на мотоцикле или держит в руках шлем и чей облик включает элементы защитной экипировки, например, *мотоботы*, будет с большой долей вероятности опознан вами как мотоциклист. Однако указанными очевидными признаками отнюдь не ограничивается специфика внешнего вида и образа действий байкера.

Несомненно, вам не раз приходилось сталкиваться с атрибутикой байкеров в виде черепов и мрачных жнецов, крестов и ангелоподобных существ на одежде и в аксессуарах. В этом пристрастии можно усмотреть проявление мифологического сознания представителей субкультуры. Акцентуация связанных со смертью смыслов, символическая близость с ней призваны уберечь и оградить носителя от реальной опасности, порождаемой высокими скоростями неблагоприятными погодными условиями, хрупкостью человеческого тела и безответственными автомобилистами – извечными соседями по дорожному полотну. В схожей функции в западных странах, например, байкеры используют колокольчики (*Gremlin*, или *Biker Bell*), которые по преданиям гарантируют им безопасность в пути.

Предпочтение изделий из натуральной кожи, преимущественно бычьей, в одежде имеет под собой вполне практичные основания, учитывая ее износостойкость при возможном трении об асфальт. Байкера отличает ношение в быту шейных повязок и бандан, используемых при необходимости в качестве подшлемника, а также набедренной сумки, обеспечивающей удобный доступ к необходимым вещам, например, автодокументам (в рассматриваемом контексте, вероятно, уместнее было бы употребить окказионализм «мотодокументы»).

Байкеры нередко вступают в сообщества, в рамках которых находят единомышленников со сходными проблемами, интересами. Это относится к объединениям владельцев определенной марки или модели мотоцикла, мотоклубам со своей иерархией и строгим поведенческим кодексом. Одними из самых известных в России, бесспорно, является байкерский клуб «Ночные волки». Членство байкера символизируют *цвета* на одежде.

Кратко обрисованному здесь внешнему облику байкера соответствуют, однако, не все представители мотосообщества, ведь свои групповые особенности есть у тех, кто выбирает тяжелые мотоциклы, увлекается эндуро или предпочитает *стритфайтеры*.

Отличает байкеров и отношение к окружающим, в первую очередь к представителям своей субкультуры. При встрече, даже не знакомые друг с другом, они радушно приветствуют собрата взмахом руки, возможно, продемонстрировав указательным и средним пальцем V-образный жест, который по одной из версий отсылает к классической форме мотоциклетного двигателя, или салютуют ногой, если окажутся в седле. Байкерам присущи отзывчивость и внимание к проблемам мотоциклистов на дороге, готовность прийти на выручку, жертвуя собственными ресурсами.

Сам облик мотоцикла, обязательного спутника и товарища байкера, играет для представителей субкультуры очень важную роль. Кастомизация транспортного средства, художественное отражение в его экстерьере ценностей и пристрастий владельца является широко распространенной практикой. Для этих целей, в частности, используются *винил*, аэрография, *пинстрайтинг*. Байкеры, в отличие от мотоциклистов, которых снисходительно именуют «любителями», сами полностью вовлечены в процесс тюнинга и подготовки мотоцикла к *мотосезону*, не отдавая все работы на откуп мастерским и проявляя тем самым ответственное отношение к собственной безопасности.

Мотоцикл для байкера – это не только и не столько средство передвижения, сколько самоцель: имеет значение только езда вне зависимости от конкретного пункта назначения. Неслучайно в среде приверженцев субкультуры бытует выражение *долгий путь домой*, в котором воплотилось желание выбрать более протяженный маршрут, чтобы ощутить радость от поездки. Идея пути, дальней дороги без

предопределенной конечной точки отражена и в субкультурном фольклоре, поговорках наподобие *Мототуристы хотят ехать, мотоспортсмены – доехать, а байкеры хотят уехать*. Отсюда с очевидностью следует, что по натуре своей истинные байкеры – странники.

Помимо характерного внешнего вида и наличия двухколесного транспортного средства, важной особенностью байкеров является особый лексический код, а именно совокупность слов, напрямую связанных с предметной областью вождения мотоцикла, но не представленных в общеупотребительном варианте литературного языка или реализующих в нем иные значения. Так, фраза о том, что кто-то во время поездки *разложился*, у обывателей вызовет различные ассоциации, вряд ли соотносимые с ситуацией дорожного происшествия. Пополняется байкерский код за счет единиц «из лексикона “технарей”, представителей криминального мира, различных тусовочных “систем” и иностранных языков, в первую очередь – английского» [Гаук, 2009, с. 54], которые нередко претерпевают творческое осмысление. Интересный пример представляет собой употребление суффиксоида / корня -вод- со словами, обозначающими владельцев определенной марки мотоцикла, например, *варриовод* (от Warrior). Это название, с одной стороны, отсылает к профессиональной деятельности по разведению живности (*пчеловод*, *кроликовод*), а с другой – по сопровождению кого-либо (*коновод* и *групповод*) [Русская грамматика 1980, с. 248–249], что порождает яркие ассоциативные образы.

Особо стоит отметить распространенный в среде байкеров неформальный стиль именования транспортных средств. В своей статье В. К. Андреев отмечает, что существует более 70 различных наименований мотоциклов, «от “холодно-официального” до “любовно-иронического” и “дружески-шутливого”» [Андреев 2009, с. 38]. Для этих целей используются не только перевод (*воин* от Warrior) или усечение оригинала (*харлей* от Harley Davidson), но также более оригинальные способы, связанные с адаптацией иностранных слов и аббревиатур, подбором более привычных русскоязычному говорящему вариантов: *гусь* (BMW GS), *стыд* (Honda Steed), *вымах*, *вымя* (Yamaha V-Max). Автомобили, к слову, байкеры пренебрежительно называют *клеткой* или *коробкой*, что служит еще одним проявлением их свободолобного духа.

Необходимость исследования актуальных субкультурных единиц не вызывает сомнений, однако байкерский код не является объектом пристального научного внимания, и имеющиеся о нем сведения крайне скудны. Размещенные в сети Интернет словарики, безусловно, дают представление о его лексическом составе, однако не в полной мере отражают реальный узус мотосообщества в Москве. Возможно, виной тому региональная вариативность, а может быть, дело в специфике

индивидуального опыта. Впрочем, следует с осторожностью обращаться к подобным источникам в связи с тем, что их авторы, как правило, не являются профессиональными лексикографами и нередко допускают досадные ошибки, как в случае со следующим толкованием:

Байкер – водитель двухколесного транспортного средства, мотоциклист, едущий на хромированном мотоцикле, с которого свисают куски кожи, облепляющие мотоцикл [Кащенко 2017, с. 224].

Ниже дан краткий словарь, составленный нами на основе пилотного опроса среди русскоязычных московских байкеров в возрасте старше 35 лет; при его составлении также учитывалось содержание некоторых интернет-источников². Способ систематизации материала на данном этапе сбора информации исключительно алфавитный, в дальнейшем при расширении словника может потребоваться его тематическая рубрикация.

Бафф – многофункциональный шарф-труба, используемый как подшлемник.

Болезнь асфальтовая – травмы, полученные в результате падения с мотоцикла (син. *сыпь дорожная*).

Викторианец – владелец мотоцикла фирмы Victory.

Вили, вилли – езда на заднем колесе мотоцикла с отрывом переднего от земли [пример употребления слова на канале мотосообщества при описании правил езды во время мероприятия: ...*скорость до 50-60 (чтобы не нарушать)*, *большой безопасный интервал, запрет обгонов друг друга и бардака в пробеге (вилли и прочее)*].

Винил – термоусадочная пленка для декорирования мотоцикла.

Мотобат – моторизованный батальон ДПС (сотрудники полиции на мотоциклах).

Мотоботы – усиленная обувь для езды на мотоцикле.

Мотоджимхана – спортивное испытание, в котором мотоциклисты соревнуются в маневрировании на асфальтовой площадке среди искусственных препятствий в виде конусов.

Мотосезон – период, когда погодные условия, в первую очередь температурный режим, позволяют передвигаться на мотоцикле, традиционно наступление и завершение *мотосезона* знаменуют торжественные мероприятия, называемые *открытием* и *закрытием*

² Байкерский сленг: говори как настоящий воин дороги [Электронный ресурс]. URL: <https://www.adazing.com/ru/biker-slang/>;

Лучший мотоциклетный сленг, который должен знать каждый мотоциклист [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fodsports.com/ru/Блог/Мотоциклетный-сленг--который-должен-знать-каждый-мотоциклист/>;

Словарик байкерских слов [Электронный ресурс]. URL: <https://vtx-club.org/forum/viewtopic.php?t=123>;

Словарик мотоциклиста [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/YrkipSn5NXwuEtcC> (дата обращения: 08.10.2025).

мотосезона. В 2025 году они проводились в столице при поддержке Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы 26 апреля и 27 сентября, соответственно; «Ночные волки» завершили сезон в указанном году позднее, 11 октября.

Номер второй – пассажир мотоцикла.

Пинстрайпинг – техника ручной росписи мотоцикла с использованием тонкой кисти.

Покатушка – совместная поездка группы мотоциклистов, как правило, спонтанная.

Разложиться – упасть с мотоцикла.

Стритфайтер – максимально облегченный мотоцикл с мощным двигателем.

Стоппи – отрыв заднего колеса мотоцикла от земли при торможении, езда в таком положении.

Сыпь дорожная – травмы, полученные в результате падения с мотоцикла (син. *болезнь асфальтовая*).

Хруст – владелец спортивного мотоцикла; по словам байкеров, название происходит от звука, с которым ломаются пластиковые детали мотоцикла в момент аварии.

Цвета – знаки клубной принадлежности в виде нашивок на одежде; желаемым для байкера является ношение *полноцвета*, знаменующего полноправное групповое членство в мотоклубе.

Черепаша – мотоциклетная защитная экипировка по характерному расположению пластин на спине и груди.

Экипа – мотоциклетная защитная экипировка.

Все перечисленные выше субкультурные особенности представляют нам байкеров не только свободолобивыми и смелыми покорителями дорожных просторов, самоотверженными в отношениях с братьями, но также лингвокреативными личностями, умело адаптирующими общеупотребительный язык под свои коммуникативные нужды.

Литература

Андреев В. К. Особенности лексической номинации в языке российских байкеров / В. К. Андреев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 2 (4). – С. 37-39.

Гаук А. В. Феномен социального символизма в байкерской субкультуре / А. В. Гаук // Вестник Вятского государственного университета. – 2009. – № 4. – С. 53-56.

Кащенко А. С. Образ байкеров в представлениях студенческой молодежи / А. С. Кащенко // Инновационный потенциал молодежи: информационная, социальная и экономическая безопасность: материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 4–5 декабря 2017 г.). – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – С. 223-226.

Русская грамматика: В 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. – Т. 1. – Москва: Наука, 1980.

ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ

Л. М. Борисова (Воронеж, Россия)

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ «СЛОВО» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению прагматических аспектов значения метакоммуникативных высказываний с метаоператором «слово», характеризующих коммуникативное поведение повествователя и персонажей в романе Андрея Битова «Пушкинский дом». Анализируются способы вербализации речевых усилий повествователя и персонажей, характеризующих выбор и использование лексической единицы «слово», а также определяется функционально-прагматический потенциал метакоммуникативных высказываний, репрезентирующих метаоператор «слово».

Ключевые слова: художественный дискурс, коммуникативное поведение, метаоператор, рефлексив, коннотативное значение.

Вербализованные метаязыковые высказывания рассматриваются как продукт осознанной метаязыковой деятельности, контролирующей используемые языковые средства [Вепрева 2002, с. 49]. При этом важно учитывать, что метаязыковая деятельность имеет дискурсивную природу [Там же, с. 74].

Опираясь на метаязыковой комментарий, можно в определенном объеме реконструировать «картину мира человека, воссоздать исторически меняющееся мировоззрение языкового коллектива». Комплексный анализ метаязыкового дискурса позволяет рассмотреть вербализованные продукты речемышлительной деятельности как социокультурно значимую речевую деятельность, и, соответственно, метаязыковое высказывание как экспликатор социальных и ментальных параметров текущей языковой жизни [Вепрева 2002, с. 26-27]. Предметом нашего внимания является функционально-прагматический потенциал лексической единицы «слово» в художественном дискурсе. При этом следует учитывать, что унифицированное лексикографическое значение не является исчерпывающим для описания реального функционирования слова в современном языковом сознании и речи. Оно нуждается в дополнении и верификации экспериментальными методами и анализом актуализации смыслового содержания слова в контексте [Стернин 2017, с. 27]. Формальным сигналом к определению рефлексива является, по мнению И. Т. Вепревой, «наличие в анализируемом отрезке метаоператора, к которому относится лексическая единица “слово” и ... “речевые слова”. В данном случае языковой объект имеет референцию к самому себе» [Вепрева 2002, с. 79].

В примере (1) «слово» определяется как молчание. Значение лексической единицы «слово» определяется через антоним, что придает особый экспрессивный оценочный оттенок исследуемой лексеме. Известно следующее словоупотребление: *молчание – золото и молчание может быть красноречивей и многозначительней, чем слова*, которое ассоциируется с ниже приведенным контекстным употреблением. Словарные дефиниции не дают подобного прямого толкования.

(1) *Ведь не «дорога свободы», а дорога – свободна!.. Дорогою свободной – иди! Иди – один! Иди той дорогой, которая всегда свободна, – иди свободной дорогой. Я так понимаю, и Блок то же имел в виду, и Пушкин... Куда больше. Понять – можно. Немога нам обеспечена. Она именно затем, чтоб было время – понять. Молчание – это тоже слово... Пора и помолчать* [Битов 2007, с. 404-405].

Метафорический характер имеют следующие словосочетания: слова онемеют / накликают / утратили назначение / пережить свое значение / не истереть свое звучание в неправом употреблении / снаряды ложных значений / пережить собственную немоту / возрождение феникса смысла.

(2) *Объясняться не надо – не с кем. Слова тоже утратили назначение. И пророчить не стоит – сбудется... И последние слова онемеют от того, что сумели назвать собою, что – накликают. Они могут снова что-то значить, лишь когда канет то, с чем они полностью совпали. Кто скажет, достаточно ли они хороши, чтобы пережить свое значение? А тем более – признание. Признание – возмездие либо за нечестность, либо за неточность. Вот «немая борьба»* [Битов 2007, с. 405].

Какое же должно быть Слово, чтобы не истереть свое звучание в неправом употреблении? Чтобы все снаряды ложных значений ложились рядом с заколдованным истинным смыслом!.. Но даже если слово точно произнесено и может пережить собственную немоту вплоть до возрождения феникса-смысла, то значит ли это, что его отыщут в бумажной пыли, что его вообще станут искать в его прежнем, хотя бы и истинном, значении, а не просто произнесут заново?.. [Битов 2007, с. 405].

Наряду с фразеосочетанием *ловить себя на слове*, имеют место метафорические характеристики анализируемой лексической единицы, имеющие окказиональный характер и репрезентирующие индивидуальное авторское словообразование и словоупотребление: слова не оттрепетали в воздухе / застряли в нем / запрудив его душу / томят, как грех / темная масса погибших слов / слова по-губленные / за-губленные / при-губленные:

(3) *Леве вдруг не по себе. Он ловит себя на слове. ...Тошнотворное чувство овладевает им. Слово все произнесенные здесь хором слова никуда не делись, не оттрепетали в воздухе, а застряли в нем, запрудив*

*его душу и томят, как грех. «Сколько слов поняли люди за последние несколько лет! – думает, вспоминая, Лева. – Еще недавно ни одного не знали... Как быстро они научились! И как **страстно разменивают все новые и новые смыслы**. Будто они что-то поняли – как понимать...Люди поняли и не посчитались с тем, что поняли. Будто понять одно, а жить другое.... Ничего они не поняли, а – научились... Вот за что и придет возмездие – так это за Слово! Вот грех...» ... Он ощущает возмездие как некую слитную **темную массу погибших слов**, уплотнившуюся своими ядрами, тяжкую, как потухшая звезда; это мрачное тело, качающийся объем тошноты, **равный массе произнесенных слов...По-губленных, загубленных, при-губленных...** [Битов 2007, с. 313].*

Ярко выраженная оценочность коммуникативного поведения героев имеет место в следующем примере: мучаться мукой от собственных слов / деда выворачивало и переворачивало от ничтожности этих слов / он (Лева) слышал собственную пошлость:

*(4) Лева испугался и протрезвел: он устал **мучаться его мукой, не той, что в словах, а другой, которая была над его словами, от собственных слов**. Деда выворачивало и **переворачивало от ничтожности этих слов**. Он знал, что хотел сказать, – и не мог сказать. Он знал, что не стоит никому ничего говорить, – и не мог не говорить. Он раньше всех **слышал собственную пошлость**, даже если ее не слышал никто, его **стаинивало – и не наружу** [Битов 2007, с. 86].*

Личностно-прагматическая интерпретация представлена в примере (5): речь о растраченном слове / слову в нем было тошно, и оно вырывалось:

*(5) С гневом и болью произнес Лева эту **речь о растраченном слове**. Он говорил о неискупимом грехе перед ним, о неизбежном возмездии. О Вавилоне... **Слову в нем было тошно, и оно вырывалось**. Речь его была воспринята с восторгом [Битов 2007, с. 313].*

Репрезентация оценки в рефлексивных высказываниях относительно выбора подходящей лексической единицы имеет место в примерах 6 и 7.

*(6) Лева помнил входы – и не помнил выходов... **Что-то есть точное в Левином определении «опьянения»**, по крайней мере в отношении самого Левы: чем более отекал он в неподвижность и отсутствие тела, чем бездейственной было его вещество – тем стремительнее несло его существо...[Битов 2007, с. 314].*

*(7) Зал набился. Так они стояли, кто как встал, поглядывая каждый на то, что прямо перед ним находилось, и на потолок. «Щас, щас, рыба» – сказал серебряный, он от всех тут отличался изяществом формы, бог пожара (« **Брандмайор**», – **вспомнил я подходящее слово**), у него у одного была такая каска – у остальных были одинаковые серо-зеленые из какого-то тухлого металла...[Битов 2007, с. 398].*

Метафорическая отрицательная оценка слова предпринята в примерах (8) – (11): хромое слово / дурное слово / подцепив из воздуха черное и фрачное, как муха слово «отец» / обновил стертые слова:

(8) *Настоящее время губительно для героя. И в жизни герои населяют лишь прошлое, литературные же герои живут лишь в уже написанных книгах. Жалкое современное, трамвайное зрелище бывшего аса не докажет нам, что герой – жив. Не так же ли убога попытка написания второго тома (**хромое слово** «диалогия»...), как жизнь после подвига?* [Битов 2007, с. 360]

(9) *Ее «прошлое» было предложено Леве тут же, как бы все без остатка: муж, за которого она вышла без любви (**ни одного дурного слова о нем**), интеллигентный, мягкий человек, они разошлись по ее воле...* [Битов, с. 204-205].

(10) *И, подцепив из воздуха **черное и фрачное**, как муха, слово «отец», он быстровато заговорил о нем. извиваясь по мере этой быстроватости, и все сильнее чувствуя это свое извивание... О том, как он узнал, как отнесся, что узнал и как поступил, – и тут было все больше неправды и наговора: он раздвигал, отлеплял себя от отца как бы специальной лопаточкой, отдирал, отковыривал, подравнивал края разрыва... И они с отцом становились уже всегда, с самого рождения, противоположны* [Битов 2007, с. 94-95].

(11) *Они говорили, как один человек, как один такой громоздкий, неопределенно-глиняных черт человек, который, вобрав в себя всех, **обновил все стертые слова** тем одним, что никогда еще их не произносил этот глиняный рот, что никто еще их же из этого рта не слышал... Они говорили о погоде, о свободе, о поэзии, о прогрессе...* [Битов 2007, с. 306].

Следующие примеры репрезентируют не только оценочный регистр метаоператора «слово» (12) – (15), но и репрезентируют эксплицитно сам процесс вербализации, акцентируя его удачность или ошибочность (16) – (20), или затруднения в формулировке (21) – (24):

(12) *Они сидели на этом дурацком коврике, как на плоту, и плыли в этой тесной праздничной ночи, просто так, раз уж оказались на нем, **мимо остывших реликвий русского слова**...* [Битов 2007, с. 347].

(13) *Навстречу ему шло массовое народное гулянье. «Кремнистый путь» – был асфальтом. А ты видел когда-нибудь кремнистый путь? Разве такой бывает? Между тем это точнейшая метеосводка: поздняя осень и заморозок, прихвативший еще бесснежную дорогу... Какая неумышленная, истинная точность! Кремний – это песок, блестит – лед, **и слово «тернистый», неупомянутое, по соседству**... Надо проверить – это обязательно в ноябре написано...* [Битов 2007, с. 322].

(14) *Мы истратили дядю Митю в первой части, другого такого у нас нет. И все-таки он необходим именно в той части, чтобы уравновесить некрасоту деда. Он там «нужнее» (как бы он отнесся сейчас **к этому***

словечку!..). Он ведь всегда там, где кому-нибудь нужнее, (чем ему): Лева, стране, мне... [Битов 2007, с. 197].

(15) *Но покой этот был выражением глубочайшего возмущения и гнева, при котором так и **трепыхались и вились, как ленточки на ветру, слова, многочисленные и произнесенные*** [Битов 2007, с. 315].

(16) *Вот он сидит, с водкою внутри, и думает – о чем? Он думает о том, что странно и не может быть. Чтобы Митишатьев обнаружил «комплекс» (**приходится применить, так это не объясняющее ничего слово, потому что Лева этим словом думает...**); что «комплекс» всегда был его, Левы, монополией, а оказалось, что наоборот, и «демон» Митишатьев – весь закомплексован; что комплекс нынче и есть демон, время такое... [Битов 2007, с. 340-341].*

(17) – *Гениальные стихи! – прослезившись, перебили его. – Нет, господи! Да знаете ли вы хоть во всей мировой лирике что-нибудь подобное по обнаженности, по конкретности!.. Это же все здесь названо буквально, теми словами, никакого иносказания!* [Битов 2007, с. 311]

(18) *Митишатьев восхищен этими словами. Бланк единственный раз вмешивается, чтобы отметить, что они **искажают подлинный смысл этих частных слов** великого человека [Битов 2007, с. 308].*

(19) *И если Диккенс (дядя) не столько **выразил что-нибудь словом, сколько Слово выразило его чистую душу, то дед Одоевцев, по нашей гипотезе, мог сам что-то выразить Словом (скрыть в нем)**, поскольку в нашем допущении, нес в себе (вместо чистой души) черты гения [Битов 2007, с. 141].*

(20) *Это вот то самое чувство, **про которое можно сказать, что «писатель вместе с народом»*** [Битов 2007, с. 257].

(21) *«Ревнуешь? – сказала она, наклонившись к нему. – Выпей лучше». ... «Нет, что за глупости, нет, конечно!» – зло, впопыхах ответил Лева розовой соседке, тут же понимая, что если он и хотел ее разубедить, то не такой фразой этого возможно достигнуть. «Что и выпить не хочешь?» – насмешливо передергивая, сказала соседка. «Нет, это я в другом смысле, это я в смысле, – **окончательно смеялся Лева, – выпить то я с удовольствием...**» Они выпили [Битов 2007, с. 181].*

(22) *Разговора, впрочем, Лева тоже почти не помнил, словно где-то когда-то читал такое – и все. Так вдруг **испарился смысл...** Смысл сопротивлялся воспоминанию упруго и решительно. Лева оставил его тошнотворное усилие – память привычно и легко выстроила из остатков слов и фактов отношение, а **отношения, как известно, вполне заменяют утраченный смысл. И – опять тот же Лева!** [Битов 2007, с. 340].*

(23) *Хотя отец и не просвещал никогда Леву в этом смысле, ни в какие академические закулисы не посвящал: берег не то Леву, не то себя* [Битов 2007, с. 30].

(24) *Так что, хотя, поступив в университет, Лева вроде бы и приблизился к своей детской мечте о науке, – но тут же ему стало не до этого. Не то чтобы он объявил это благоговение ложным или наивным (Лева еще не был критичен), – просто стало лень* [Битов 2007, с. 30].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что лексическая единица «слово», являясь метаоператором в составе рефлексива-относительно законченного метаязыкового высказывания, содержащего комментарий к употребляемому слову или выражению [Вепрева 2002, с. 5], является объектом комментария, репрезентирует, как правило, коннотативный макрокомпонент значения, который выражает эмоционально – оценочное отношение говорящего к денотату слова, а также несет другую дополнительную информацию [Стернин 2008, с. 3]. Метаязыковые высказывания с метаоператором «слово» реализуются в художественном дискурсе в определенном общекультурном и конкретно-ситуативном лингвистическом контексте, репрезентируя индивидуально-авторское осмысление коммуникативного поведения персонажей в художественном дискурсе, демонстрируя важность и особую значимость подобного рода метакоммуникативных высказываний для достижения художественных целей повествования, акцентируя внимание реципиентов на релевантных аспектах индивидуальной картины мира автора художественного произведения и являются его стилеобразующими компонентами.

Литература

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 380 с.

Стернин И.А. Словарные дефиниции и семантический анализ / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2017. – 34 с.

Стернин И. А. Значение слова и его компоненты / И. А. Стернин. – Изд. 2, исп. и доп. – Воронеж: Истоки, 2008. – 20 с.

Битов А. Г. Пушкинский дом: Роман / А. Битов. – Москва: Вагриус, 2007. – 528 с.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЖЕНСКОГО ОБРАЗА В ТВОРЧЕСТВЕ А. И. КУПРИНА (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «ЯМА»)

Аннотация. В статье анализируется один из основных женских образов повести А. И. Куприна «Яма». Для этого используется перечень характеристик, которые лежат в основе создания положительного и отрицательного образа в художественном произведении. Помимо описания характерологических особенностей персонажа, анализируются средства создания его внешности.

Ключевые слова: языковой образ, А. И. Куприн, «Яма», языковые средства, текст.

При исследовании языкового образа необходимо учитывать тот факт, что главной функцией его является быть репрезентантом художественного образа, отражающего предметный мир, или такого, который создан творческой фантазией автора. Языковой образ складывается из множества факторов – описания пола, возраста, внешности, характера, умственных и творческих способностей персонажа и т. д. В него входят также речевая характеристика (речевой портрет) и интродукция персонажа.

Исследование языкового образа, являющегося важнейшей единицей анализа и интерпретации текста, помогает более полно и подробно изучить художественное произведение, найти скрытые смыслы и понять замысел автора.

Во время чтения художественной литературы человек может улавливать эмоции героя, пропускать их через себя, испытывая таким образом то же, что и тот, за чьей историей он следит. Художественное произведение построено так, что передает симпатию или антипатию автора к своему герою. В одних случаях у читателя появляется сопереживание, в других же – своеобразное «контрапереживание» [Чернухина 1984, с. 81], отсутствие сочувствия к герою, заключающееся в некоторой неприязни или вовсе равнодушию по отношению к нему. Это связано с существованием двух типов образа – «положительного» и «отрицательного», для обозначения каждого из которых существуют различные слова с противоположными по смыслу значениями.

И. Я. Чернухина выделяет 15 групп противопоставлений слов, с помощью которых создается положительный или отрицательный образ.

№ №	Противопоставление	
	<i>Положительный образ</i>	<i>Отрицательный образ</i>
1.	Добро	Зло
2.	Откровенность	Маска
3.	Общительность	Надоедливость
4.	Вкус	Безвкусица
5.	Осторожность	Подозрительность
6.	Любопытство	Любопытство
7.	Вежливость	Невежливость
8.	Серьезность	Легкомыслие
9.	Самостоятельность	Несамостоятельность
10.	Искренность	Неискренность
11.	Решительность	Нерешительность
12.	Жажда – желание – потребность	Жажда – желание – потребность
13.	Интерес	Равнодушие
14.	Радость	Злорадство
15.	Эмоциональность	Бесстрастность

В ходе исследования были проанализированы женские образы из повести А. И. Куприна «Яма». Особого интереса заслуживает одна из главных героинь произведения – Анна Марковна, хозяйка публичного дома. Интерес к данному персонажу вызван неоднозначностью образа. На вид милая старушка с блекло-голубыми, девичьими глазами, нежная мать, выколачивающая из «девиц» рубли для своей любимой дочери Берточки.

Представим основные характеристики образа:

1) властная:

*«Так как же, Фома Фомич? – спрашивает **искательно** хозяйка. – Это же дело выведенного яйца не стоит... Ведь вам только слово сказать...».*

*«Следом за нею пошла сначала Эмма Эдуардовна, потом Зося, несколько девушек и **даже сама Анна Марковна**».*

*– Сходите за Симеоном! – **распорядилась Анна Марковна**».*

То, что Анна Марковна спрашивает «искательно», говорит о том, что она манипулирует, ждет, что Фома Фомич откликнется на ее просьбу. Женщина старается снискать его благосклонность, но в то же время понимает, что он не откажет. Ее сила заключается не только во власти, но и в умении ею пользоваться – манипулировать и добиваться своего.

2) нежная и заботливая:

*«Эта кровопийца, гиена, мегера и так далее... – самая **нежная мать**, какую только можно себе представить».*

*«Если бы вы видели, сколько осторожного внимания, сколько **нежной заботы** затрачивает Анна Марковна, чтобы дочь не узнала как-нибудь случайно о ее профессии».*

3) добрая («добро» по И. Я. Чернухиной; группа слов №1 «добро»):

*«Начиная от сегодня, заведение перешло законным порядком от нашей **доброй** и почтенной Анны Марковны ко мне, Эмме Эдуардовне Тицнер».*

*«**Добрая** мадам Шайбес, надо сказать, держала вас слишком на мягких вожжах».*

Эти фрагменты дают представление о том, что бывают хозяйки публичных домов гораздо хуже, чем Анна Марковна, которая на деле также не отличалась добротой.

4) удачливая («удача» по И. Я. Чернухиной; группа слов №14 «радость»):

*«Анна Марковна знала и могла бы рассказать несколько темных и не особенно лестных анекдотов, но в их среде было не принято говорить об источниках семейного благополучия – ценились только ловкость, смелость, **удача** и приличные манеры».*

*«...она своей бессознательно-проницательной душой предугадала, что судьба, до сих пор благоволившая к ее публичному дому, посылавшая **удачи**, отводившая всякие подводные мели, теперь собирается повернуться спиною».*

Удача, сопровождающая ее на протяжении всей жизни, – важный фактор успеха Анны Марковны. Именно благодаря ей она держалась на плаву столько времени, не сталкиваясь с серьезными проблемами.

5) гедонизм («вкус» по И. Я. Чернухиной; группа слов №4 «вкус»):

*«Теперь можно спокойно, не торопясь, со **вкусом**, сладко обедать и ужинать, к чему Анна Марковна всегда питала большую слабость...»*

Анна Марковна ценит комфорт в жизни, любит неспешно наслаждаться тем, что приносит ей удовольствие.

6) осторожная (1) («осторожность» по И. Я. Чернухиной; группа слов №5 «осторожность»):

*«Если бы вы видели, сколько **осторожного** внимания, сколько нежной заботы затрачивает Анна Марковна, чтобы дочь не узнала как-нибудь случайно о ее профессии».*

Анна Марковна прилагает огромные усилия, чтобы сохранить тайну своей профессии от дочери. Соккрытие правды – это не просто вынужденная мера предосторожности, но и проявление любви и защиты по отношению к дочери.

7) проницательная («проницательность» по И. Я. Чернухиной; группа слов №6 «любопытство»):

«Так и теперь, после скоропостижной смерти Ваньки-Встаньки и последовавшего на другой день самоубийства Женьки, она своей бессознательно-проницательной душой предугадала, что...»

Анна Марковна обладает развитой интуицией и способностью предчувствовать события. Эта проницательность проявляется на подсознательном уровне, является частью ее «чутья».

8) эгоистичная («эгоизм по И. Я. Чернухиной; группа слов №7 «невежливость»):

«А я скажу, что ею движет та же великая, неразумная, слепая, эгоистическая любовь, за которую мы все называем наших матерей святыми женщинами».

Анна Марковна проявляет эгоизм, но он является следствием ее сильной любви к дочери. Этот эгоизм можно рассматривать как проявление самоотверженной заботы о близком человеке.

9) лицемерная («притворство» по И. Я. Чернухиной; группа слов №10 «неискренность»):

«Но, притворяясь, охая и вздыхая, плачась на свою бедность, болезни и сиротство, Анна Марковна в душе была рада и такой сделке».

Заметен контраст между внешним поведением и внутренними чувствами Анны Марковны. Она способна притворяться и изображать эмоции, которых на самом деле не испытывает, чтобы добиться желаемого результата.

10) зависимая («раболепие» по И. Я. Чернухиной; группа слов №10 «неискренность»):

«И сама при ней не смеет даже разговаривать, боится за свой лексикон бандерши и бывшей проститутки, глядит ей в глаза, держит себя рабски, как старая прислуга, как глупая, преданная нянька, как старый, верный, опаршивевший пудель».

Анна Марковна чувствует себя неполноценной, недостойной в присутствии дочери. Она боится, что Берта узнает и не примет ее «настоящую» сущность. Женщина очень не хочет потерять расположение дочери, которое ставит выше собственного достоинства. Сравнение с «опаршивевшим пуделем» еще сильнее подчеркивает ее зависимое положение.

11) нервная («нервность» по И. Я. Чернухиной; группа слов №11 «нерешительность»):

«Говорят, что незадолго до пожара в доме или до крушения корабля умные, нервные крысы стаями перебираются в другое место. Анной Марковной руководило то же крысиное, звериное пророческое чутье».

Нервность Анны Марковны в данном случае – это не просто черта, а скорее проявление инстинкта самосохранения, того самого «чутья», которое всегда ее спасало.

12) жаждущая покоя («жажда» по И. Я. Чернухиной; группа слов №12 «жажда – желание – потребность» (в положительном смысле)):

«Да и то сказать: она давно уже чувствовала приближение старческой немощи вместе со всякими недугами и жаждала полного, ничем не смущаемого добродетельного покоя».

Анна Марковна мечтает о спокойной жизни, свободной от тревог и потрясений, которые, вероятно, неразрывно связаны с ее ролью хозяйки в публичном доме.

13) предприимчивая («благополучие» по И. Я. Чернухиной; группа слов №14 «радость»):

*«Анна Марковна знала и могла бы рассказать несколько темных и не особенно лестных анекдотов, но в их среде было не принято говорить об источниках семейного **благополучия** – ценились только ловкость, смелость, удача и приличные манеры».*

Анна Марковна соблюдает правила и обычаи своего круга общения, предпочитая молчать о темных сторонах своей жизни и карьеры. Это говорит о ее осторожности, умении держать секреты и заботиться о поддержании внешнего образа респектабельности и приличия. Ее можно назвать предприимчивой, той, кто смог обеспечить благополучие своих близких.

14) выносливая («занятие» по И. Я. Чернухиной; группа слов №14 «радость»):

*«Ей уж давно пора уйти на покой, потому что и деньги есть, и занятие ее здесь **тяжелое и хлопотное**, и годы ее уже почтенные».*

Несмотря на то, что управление публичным домом действительно требует больших эмоциональных затрат, Анна Марковна в течение долгого времени с этим справлялась, что характеризует ее как выносливого человека.

15) самодостаточная («уважение» по И. Я. Чернухиной; группа слов №15 «эмоциональность»):

*«...а по вечерам поиграть в преферанс по копейке с уважаемыми знакомыми пожилыми дамами, которые хоть никогда и не показывали вида, что знают настоящее ремесло старушки, но на самом деле отлично его знали и не только не осуждали ее дела, но даже относились с **уважением** к тем громадным процентам, которые она зарабатывала на капитал...»*

Высокий доход Анны Марковны указывает на то, что она умеет вести дела и управлять финансами. В своем кругу общения она заслужила положительную репутацию, несмотря на ее род деятельности.

16) стыдливая («стыдливость» по И. Я. Чернухиной; группа слов №11 «решительность»):

*«И вдруг она из гимназии приносит такие слова и выражения, что я прямо аж **вся покраснела**».*

Тот факт, что Анна Марковна «вся покраснела», указывает на то, что услышанные слова и выражения вызвали у нее сильное чувство стыда – редкая эмоция для героини, которая может быть связана лишь с Бертой, ее любимой дочерью.

17) ворчливая:

«И ни на одного человека нельзя положиться, – продолжает ворчливо хозяйка».

Ворчливость Анны Марковны проглядывается в том, как выражено недовольство и раздражение в речи. Ее ворчливость проявляется в негативных высказываниях и неутешительной оценке окружающих.

Для описания характера Анны Марковны автор использует следующие части речи: существительные (*забота, удача, удачи, вкусом, утешением, благополучия, занятие, уважением*); прилагательные (*доброй, добрая, нежная, преданная, обожаемая, осторожного, бессознательно-проницательной, приличные, эгоистическая, нервные, тяжелое, хлопотное*); глаголы (*распорядилась, жаждала, попрошу, покраснела*); наречия (*искательно, рабски, счастливо, ворчливо*); деепричастие (*притворяясь*), частица и местоимение (*даже сама*).

И. С. Кон писал, что человеческое «я» не сводится к одной душе, оно всегда включает какие-то «телесные» компоненты: тело символизируется, с одной стороны, как вместилище и физическая граница «я», с другой – как средство коммуникации, обращенное вовне, к другим (внешность) [Кон 1978].

Что касается внешности Анны Марковны, то в тексте повести читатель находит следующие характеристики:

1) возраст (старая):

«Ей лет под шестьдесят».

«Ей уж давно пора уйти на покой, потому что и деньги есть, и занятие ее здесь тяжелое и хлопотное, и годы ее уже почтенные».

«А вместе с Ямками погиб и знакомый нам дом толстой старой бледноглазой Анны Марковны».

«Странно: глаза у нее блекло-голубые, девичьи, даже детские, но рот старческий, с отвисшей бессильно, мокрой нижней малиновой губой».

«И этими милыми знакомыми, радостью и утешением безмятежной старости, были...»

С одной стороны, уязвимость старости (немошь, болезни, старческий рот) делает Анну Марковну менее пугающей и более живой, с другой – указывает на то, как долго она в этом деле. И это внушает ужас, поскольку тот, кто так долго находится в этой среде, не может не ощутить влияния «ямы», в которой нет места порядочности и человечности, из которой невозможно выбраться, ведь ее след навсегда останется пятном порока на душе тех, кто там побывал.

2) бледные глаза:

«Странно: глаза у нее блекло-голубые, девичьи, даже детские...»

«Хозяйка вдруг встает, шаркает туфлями к дверям и говорит, мигая околоточному ленивым, невыразительным блекло-голубым глазом...»

«А вместе с Ямками погиб и знакомый нам дом толстой старой бледноглазой Анны Марковны».

Бледные (блекло-голубые) глаза – ключевой мотив, создающий контраст между старостью и сохраняющейся детскостью; они одновременно гуманизируют Анну Марковну и делают ее образ более загадочным, противоречивым. С одной стороны, в них еще есть молодость, но с другой – сама жизнь уже угасает, бледнеет.

3) толстое тело:

«...но кругло-толста: ее можно себе представить, вообразив снизу вверх три мягких студенистых шара – большой, средний и маленький, втиснутых друг в друга без промежутков; это – ее юбка, торс и голова».

«А вместе с Ямками погиб и знакомый нам дом толстой старой бледноглазой Анны Марковны».

Фигура Анны Марковны символизирует одновременно и материальный достаток, которого она достигла за годы владения публичным домом, и увядание – вслед за ее старостью и последующей смертью также стареет и умирает то место, хозяйкой которого она являлась.

4) маленький рост:

«Она очень мала ростом...»

Кроме того, к особенностям образа героини можно отнести упоминание ее способностей.

Анна Марковна была удивительно расчетливой (*«Анна Марковна с меня содрала раза в три дороже, чем это стоило бы в студенческой столовой»*); *«Но, притворяясь, охая и вздыхая, плачась на свою бедность, болезни и сиротство, Анна Марковна в душе была рада и такой сделке»*) и обладала хорошим чутьем (*«...у Анны Марковны... было какое-то удивительное внутреннее чутье, которое всю жизнь позволяло ей инстинктивно, но безукоризненно избегать неприятностей и вовремя находить разумные пути»*).

И при этом можно отметить, что Анна Марковна не развита интеллектуально (*«Но и, кроме того, у Анны Марковны, довольно ограниченной умом и не особенно развитой, было какое-то удивительное внутреннее чутье, которое всю жизнь позволяло ей инстинктивно, но безукоризненно избегать неприятностей и вовремя находить разумные пути»*).

Подводя итоги, можно сделать вывод, что Анна Марковна – символ цинизма и приспособленчества, готовая на всё ради прибыли. Она не испытывает ни жалости, ни сострадания к девушкам, живущим в ее публичном доме. Женщина сама стала частью той системы, которая когда-то сломала и ее судьбу. Теперь она ломает судьбы других, не задумываясь о последствиях. Анну Марковну система превратила в циничного эксплуататора. Судьба этой героини, как и судьбы девушек из ее

публичного дома, – призыв к изменению общественного устройства, которое порождает подобные явления. А. И. Куприн через эти образы показывает всю глубину проблемы проституции как социального явления, которое коренится не в самих женщинах, а в обществе, которое их создает и поддерживает.

Литература

Ильина Т. В. Образ женщины в повести А.И. Куприна «Яма» / Т. В. Ильина, О. В. Дробышева // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сборник научных статей / Науч. ред. А. В. Рудакова. – Москва: РИТМ, 2024. – Вып. 10. – С. 329-335.

Кон И. С. Открытие «Я» = Открытие Я / И. С. Кон. – Москва: Политиздат, 1978. – 367 с.

Чернухина И. Я. Элементы организации художественного текста / И. Я. Чернухина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 115 с.

Ю. А. Макарова (Новосибирск, Россия)

КОНЦЕПТ «САД» В ЛИРИКЕ РОЗЫ АУСЛЕНДЕР

Аннотация. В статье рассматривается концепт «сад», нашедший свое отражение в творчестве немецкоязычной поэтессы Розы Ауслендер. Анализ показал, что «сад» реализуется как метафора личного рая и всего народа Израилева, метафора творческого созидания и онтологическая метафора круговорота жизни.

Ключевые слова: концепт, метафора, образ, послевоенная поэзия Германии, Роза Ауслендер.

В художественной литературе находит свое отражение символическая картина мира. Анализ работ, посвященных исследованию концепта «сад» в поэзии, показал, что данный концепт проявляется как одна из основных категорий человечества, восходящая к первоосновам бытия и ассоциирующаяся с циклической жизнью природы, плодородием, с продолжением жизни. Так, Т. В. Цивьян подчеркивает значимость данного концепта для мировой поэзии, указывая на то, что еще древнеримский поэт Вергилий нивелировал разницу между мифологическим, лирическим и реальным садом, что позволяет считать сад самостоятельной единицей поэзии [цит. по: Аксенова 2024, с. 432].

Цель исследования заключается в выявлении и интерпретации средств реализации концепта «сад» в творчестве немецкоязычной поэтессы еврейского происхождения Р. Ауслендер (1977–1986 гг.).

В качестве методов исследования мы используем метод интерпретации художественного текста, контекстуальный и семиотический анализ.

Материалом исследования являются стихи из следующих сборников: «Der Traum hat offene Augen» («У мечты открытые глаза») и «Ich spiele noch» («Я еще играю»), опубликованных в тринадцатом томе собрания сочинений Р. Ауслендер «Brief aus Rosen» («Письмо из роз») [Ausländer 2010]; «Einen Drachen reiten» («Верхом на драконе») и «Mein Venedig versinkt nicht» («Моя Венеция не утонет»), включенных Н. Braun в единый сборник под названием «Die Sonne fällt» («Солнце заходит») [Ausländer 1992]. В общей сложности мы проанализировали 381 стихотворение и выделили 35, в которых находит свое отражение концепт «сад». В связи с ограниченным объемом мы представляем в данной статье анализ шести стихотворений.

Уточним, что понятие «концепт» трактуется в современной лингвистике по-разному. Так, Ю. С. Степанов понимает под концептом «основную ячейку культуры в ментальном мире человека», полагая, что концепт – «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций и переживаний [Степанов 1997, с. 40-41]. Согласно В. А. Масловой, концепт представляет собой «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры» [Маслова 2004, с. 36]. Оба определения не противоречат друг другу, именно этих дефиниций мы и будем придерживаться в данном исследовании.

Концепт «сад» в отечественной и зарубежной поэзии анализировали А. А. Аксенова [Аксенова 2024], Ю. А. Коптелова [Коптелова 2014], В. И. Тюпа [Тюпа 2009] и др.

«Сад» в художественных произведениях имеет высокий сакральный статус, символизируя, главным образом, рай на земле. Как подчеркивает Ю. А. Коптелова, в поэзии русских символистов Ф. Сологуба, К. Бальмонта, В. Брюсова и З. Гиппиус сад стал прообразом утраченного Эдема. Это некий идеальный мир, в который невозможно вернуться. Русские символисты, вырабатывая собственную семантику образа сада, шли вслед за общеевропейской традицией, наделявшей сад значениями «рай», «душа», «любовь» [Коптелова 2014, с. 14].

Согласно В. И. Тюпе, в стихотворении А. А. Блока «Соловьиный сад» сад романтизируется, он представлен как образ жизни, способ существования, как альтернатива «прозябанию в труде и повседневности» [Тюпа 2009, с. 103].

А. А. Аксенова, исследовавшая лингвокультурную специфику концепта «сад» в современной американской поэзии, указывает на то, что в анализируемых произведениях сад представляет, главным образом, рай на земле, и лирический герой является его богом-садовником [Аксенова 2024, с. 438].

Уточним, что несмотря на то, что языковая картина мира объективно отражает восприятие мира носителями определенной культуры,

человеческое отражение не представляет некто механическое, оно носит творческий (и поэтому в известной мере субъективный) характер [Карасик 2002, с. 75]. Для Р. Ауслендер (еврейки по национальности) немецкий язык являлся ее родным языком. Поэтесса представляла собой творческую личность и была носителем поэтического идиостиля, а, значит, в ее творчестве отражались личный опыт, мировоззрение и особое, свойственное только ей, восприятие жизни.

Пространство сада характеризуется через лексико-тематическую группу «деревья / растения / цветы / трава». При анализе указанных выше сборников Р. Ауслендер мы обнаружили 35 стихотворений, в которых встречались слова, относящиеся к указанной выше лексико-тематической группе.

Прибегнув к методу интерпретации художественного текста как к «освоению идейно-эстетической, смысловой и эмоциональной информации произведения, осуществляемое путем воссоздания авторского видения и познания действительности» [Адылова 2018, с. 12], рассмотрим реализацию концепта «сад» как метафоры творческого созидания в стихотворении «Baum» («Дерево») [Ausländer 1992, с. 18] (*здесь и далее приводится перевод автора статьи с сохранением ритма, синтаксиса, грамматики, пунктуации оригинала*):

«Ich bin ein Baum / voller Vögel / trinke ihren Gesang // Aus den Wurzeln / wächst mein Schicksal / Schmerz und Sprache / ins Staunen»

Я дерево / полное птиц / пью их пение // Из корней / растет моя судьба / боль и язык / в изумление

Здесь дерево олицетворяет человека и его существование. Птицы, живущие на ветках, символизируют внешние впечатления, эмоции и идеи, которые «поселились» в нем. «Пить их пение» – метафора глубокого восприятия, впитывания чужих голосов и мыслей, которые становятся частью внутреннего мира лирического героя. Все эти «голоса» дают жизненную силу, питают его, способствуя появлению творческого вдохновения.

«Из корней / растет моя судьба / боль и язык / в изумление» – в этой части стихотворения поэтесса погружается во внутренний мир. Корни – основа, прошлое, весь накопленный опыт, из которого все берет начало, ведь именно прошлое формирует настоящее и будущее.

«Schmerz und Sprache» (боль и язык) – ключевые элементы стихотворения. Боль – неотъемлемая часть жизни, которая, как и корни, помогает расти. Язык – способ осмысления этой боли и всего пережитого, не просто инструмент общения, а то, через что человек выражает себя и свое существование. Для поэтессы язык равно творчество. Именно боль и способность ее выразить через творчество приводят к состоянию изумления, восхищения перед жизнью.

Рассмотрим стихотворение «Wandlung» («Трансформация») [Ausländer 2010, с. 44], в котором концепт «сад» раскрывается через символику библейского Сада – Ган Эдена (Эдема) и одновременно Пардеса – Сада любви и Сада сакральных знаний из Песни Песней (книги, входящей в состав Танаха – еврейской Библии):

«Wir kamen heim / ohne Rosen / sie blieben im Ausland // Unser Garten liegt / begraben im Friedhof // Es hat sich / vieles in vieles / verwandelt // Wir sind Dornen geworden / in fremden Augen»

Мы вернулись домой / без роз / они остались в чужой стране // Наш сад / похоронен на кладбище // Многое / трансформировалось / во многое // Мы стали шипами / в глазах других людей

Контекстуальный анализ данного стихотворения показал, что роза представляет собой аллюзию к народу Израилеву (это древний символ еврейского народа), который преследовали нацисты, над которыми они творили свои зверства. Сад роз как символ души еврейского народа погребен в братских могилах, ямах и рвах. Розы осыпались, остались только тернии. Райский сад разрушен, его уже не восстановить.

Учитывая еврейское происхождение Р. Ауслендер, уточним лингвокультурную специфику концепта «сад», характерную для еврейской культуры. Сад Эдемский (Ган Эден) – это сад, посаженный Богом, служивший местом первоначального обитания Адама и Евы. Таким образом, под Эдемским садом подразумевается земной рай. В книге Иехезкеля (28:11–19; 31:8,9, 16–18) это место, где растут чудесные деревья, в нем обитал херувим, изгнанный за свой грех (согласно Библии и христианской традиции, Бог вырастил «сад» не для себя, а для человека, и именно человек, а не херувим, был изгнан из этого сада за совершенный им грех). Метафорически выражаясь, Холокост навсегда сделал невозможным рай на земле: наполняя мир убийствами, люди убивают Бога; истребляя народ Божий, люди истребляют Бога.

Кроме того, мы можем утверждать, что речь в этом стихотворении идет и о личном рае поэтессы, ведь она – Роза (свое имя Роза Ауслендер также рассматривала как символ, будучи дочерью своего народа, народа Израилева).

Аллюзию к библейскому Саду мы наблюдаем и в стихотворении «Über Bäume» («О деревьях») [Ausländer 2010, с. 104]:

«Das Gespräch über Bäume / wird nie beendet / solange es Worte und / Bäume gibt // Wer mag leben / ohne den Trost der Bäume // Den Baum der Erkenntnis / hat keiner / erkannt»

Разговор о деревьях / никогда не закончится / пока существуют слова и / деревья // Кто захочет жить / без утешения деревьев // Дерево познания / никто не познал

«Das Gespräch über Bäume / wird nie beendet / solange es Worte und / Bäume gibt» – в этой строфе речь идет о вечном диалоге между

человечеством и природой. Деревья здесь – не просто флора, а символ древней неизменной силы. Учитывая, что слова для человека – способ осмысливать мир, то до тех пор, пока существуют и природа (деревья), и мыслящий человек (способный говорить), разговор об их отношениях не закончится. Это указывает на то, что деревья являются одной из фундаментальных тем человеческого мышления, философии и поэзии.

«Wer mag leben / ohne den Trost der Bäume» – мы наблюдаем переход от абстрактной идеи к личной, эмоциональной связи. «Кто захочет жить без утешения деревьев?» – не риторический вопрос, а утверждение. Деревья символизируют утешение, стабильность и покой – в мире, полном суеты и тревог, они предлагают убежище. Их величие, долголетие и тишина дают человеку ощущение спокойствия и причастности к чему-то большему. Связь с природой жизненно важна для психологического и духовного благополучия человека.

Фраза «Den Baum der Erkenntnis / hat keiner / erkannt» отсылает к библейскому сюжету о Дереве познания добра и зла. В Библии это дерево символизирует знание, которое может быть как благословением, так и проклятием. Однако в стихотворении мы видим парадокс: «Дерево познания никто не познал». Данный парадокс можно интерпретировать по-разному: 1) человеческое знание не может быть полным: несмотря на все наши усилия, мы так и не смогли до конца познать истину; 2) пытаясь обрести мудрость и познание, люди в итоге так и не поняли саму природу этого знания, что ставит под сомнение бесконечную погоню за истиной.

В этом стихотворении поэтесса рисует противоречивую картину: деревья дают нам утешение, однако самое главное дерево – «Дерево познания» остается непостижимым. Таким образом, получается, что природа одновременно близка и недостижима для человека. Люди всегда будут искать в ней смысл, но так и не раскроют ее главную тайну.

В стихотворении «Magnolienbaum» («Магнолия») [Ausländer 1992, с. 58] концепт «сад» реализуется как онтологическая метафора круговорота жизни:

«So schön / warst du noch nie / Magnolienbaum // Ja / ich sag es dir / jedes Jahr // Du wiederholst dich / in mir»

Такой красивой / ты никогда не была / магнолия // Да / говорю я тебе / каждый год // Ты повторяешься / во мне

Поэтесса затрагивает тему восприятия красоты, цикличности природы и связи между внешним миром и внутренним состоянием человека.

Во фразе «Ja / ich sag es dir / jedes Jahr» раскрывается парадокс: лирический герой признается, что выражает свое восхищение красотой магнолии каждый год. Это не ложь, а отражение повторяющегося цикла – когда за пышным цветением следует неизбежное увядание, за ним вновь цветение и т. д. Каждый год лирический герой снова переживает этот момент восхищения, и каждый раз он ощущает его как будто впервые.

Повторяющаяся красота природы каждый раз воспринимается по-новому, потому что меняется и сам человек, который ее созерцает. Истинная красота не просто воспринимается зрением, а проживается человеком, отпечатывается в его душе, становясь частью его личной истории и опыта.

Согласно общепринятой интерпретации, магнолия в контексте цветения и жизненного цикла имеет следующую символику: 1) благодаря своему раннему цветению, когда другие деревья еще не покрылись листвой, магнолия является символом весны, яркой жизни и перехода от зимней монотонности к новым свершениям; 2) будучи одним из древнейших растений на Земле, она символизирует выносливость, стойкость и стремление к развитию, несмотря на преграды.

Цветущую магнолию в анализируемом поэтическом тексте можно рассматривать как метафору всех прекрасных моментов в жизни, которые, повторяясь, каждый раз оставляют новый след в сердце.

В стихотворении «Immer neu» («Всегда новое») концепт «сад» реализуется и как метафора творческого созидания, и как онтологическая метафора круговорота жизни [Ausländer 2010, с. 85]:

«Immer neu / Blüte / Gras / Gedankenflucht / das bewältigte Wort»

Всегда новое / Цветение / Трава / Бег мыслей / покоренное слово

В этом поэтическом тексте автор освещает тему постоянного обновления – как в природе, так и в человеческом сознании.

«Blüte» (цветение) и «Gras» (трава) – символы циклического обновления: каждую весну природа рождается заново. Эти образы говорят о том, что новое – естественная, неотъемлемая часть жизни, которая постоянно происходит вокруг.

«Gedankenflucht / das bewältigte Wort» – здесь процесс непрерывного обновления переносится из внешнего мира во внутренний. «Gedankenflucht» (бег мыслей) – метафора процесса мышления: мысли постоянно возникают, меняются, ускользают. Это бесконечный, хаотичный поток, однако за этим хаосом следует «das bewältigte Wort» (покоренное слово). Это, безусловно, ключевая фраза стихотворения. Она означает, что хаотичный поток мыслей (Gedankenflucht) в конечном итоге обретает форму. Слово, которое было найдено и выбрано, является результатом преодоления внутреннего хаоса. Именно слово делает мысль осязаемой и понятной, оно – результат сознательного акта, акта творчества, результат внутренней работы, которая придает смысл беспорядочным мыслям.

Данное стихотворение проводит параллель между циклом обновления в природе и творческим процессом, происходящим в человеческом сознании. Подобно тому, как трава и цветы каждый год растут заново, человеческое сознание постоянно обновляется. Мысли приходят и уходят, но в какой-то момент, после внутренней борьбы или размышлений, рождается «новое» – покоренное слово, позволяющее человеку осмыслить

и выразить свой внутренний мир. «Immer neu» – это не только о красоте природы, но и о силе человеческого разума и творчества, которые постоянно обновляются и преодолевают хаос, чтобы создать что-то новое и осмысленное.

В стихотворении «Anfang und Ende» («Начало и конец») мы наблюдаем реализацию концепта «сад» как метафоры цикличности жизни, кроме того, в этом поэтическом тексте Р. Ауслендер противопоставляет сад как символ природы жизни в мегаполисе [Ausländer 1992, с. 37]:

«Großstadt / ihre grünen Pausen // Ausflug ins Freie / zum summenden Gras // Flug über Hochhäuser / und Metastasen // Bunter Mythos // Anfang und Ende / Gras»

«Мегаполис / его зеленые паузы // Прогулка на природе / к жужжащей траве // Полет над небоскребами / и метастазами // Красочный миф // Начало и конец / Трава»

Стихотворение построено на противопоставлении «Großstadt» (мегаполис) и «Ausflug ins Freie / zum summenden Gras» (прогулка на природе / к жужжащей траве). Город представлен как нечто монолитное, высокое, пораженное болезнью – об этом свидетельствует метафора «Metastasen» (метастазы). Это слово, заимствованное из медицины, здесь символизирует хаотичный, бесконтрольный рост города, его распространение, которое подавляет все живое.

В противоположность этому, природа, представленная «summendes Gras» (жужжащей травой), которую населяет разная живность – место покоя, гармонии и жизни.

Слово «паузы» (Pausen) имеет ключевое значение: оно подчеркивает, что природа воспринимается как временное убежище, как передышка от городской суеты, а не как постоянное состояние.

«Flug über Hochhäuser» (полет над небоскребами) – этот образ создает ощущение свободы, но в то же время подчеркивает отстраненность от городской жизни. Это взгляд сверху, с высоты птичьего полета, который позволяет увидеть город как нечто целое с его «метастазами».

«Метастазы» города противопоставляются «красочному мифу». Житель мегаполиса утратил связь с мифологическим и духовным миром, который когда-то был неотъемлемой частью человеческой жизни. И лишь на лоне природы появляется хотя бы призрачная надежда вновь обрести эту связь.

Финальные строки «Anfang und Ende / Gras» – квинтэссенция всего стихотворения (поэтесса намеренно вынесла словосочетание «Anfang und Ende» в его название). «Anfang und Ende» (начало и конец) – универсальные понятия, которые здесь напрямую связаны с «Gras» (травой). Трава становится символом вечного цикла жизни и смерти, бесконечного возрождения, в отличие от замкнутого, «больного» цикла города. Она является одновременно и началом – символом роста и новой

жизни, и концом – ведь все, в конечном счете, возвращается в землю. Здесь мы наблюдаем аллюзию к библейской фразе «прах ты и в прах возвратишься».

Поэтесса не просто «рисует» контрастную картину двух миров, двух начал – города и природы, а размышляет о поиске смысла и гармонии в современном мире, где природа становится лишь кратким «отпуском» от бесконечного и подавляющего роста цивилизации.

Проведенное исследование позволило нам сделать выводы о том, что в лирике Розы Ауслендер концепт «сад» реализуется как 1) метафора личного рая и рая для всего народа Израилева; 2) метафора творческого созидания; 3) как онтологическая метафора круговорота жизни. Кроме того, сад как символ природы противопоставляется мегаполису с его вечной суетой и хаосом.

Литература

Адылова Ф. М. Интерпретация художественного текста / Ф. М. Адылова // Молодой ученый. – 2018. – № 17 (203). – С. 310-312.

Аксенова А. А. Лингвокультурный концепт «сад» в современной американской поэзии / А. А. Аксенова // Преподаватель XXI века. – 2024. – № 2. – Часть 2. – С. 431-440. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-2-431-440.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Коптелова Ю. А. Образ сада в поэзии символизма / Ю. А. Коптелова // Филология в зоне актуальности: вызовы времени: сб. ст. по мат. всеросс. науч. конф. молодых ученых. – Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2014. – С. 11-15.

Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – С. 256.

Тюпа В. И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В. И. Тюпа. – 3-е изд. – Москва: Академия, 2009. – 336 с.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

Ausländer R. Einen Drachen reiten // Die Sonne fällt. – Frankfurt a. Main: Fischer Tagebuch Verlag, 1992. – 180 S.

Ausländer R. Brief aus Rosen. Gedichte. – 6. Auflage. – Frankfurt a. Main: Fischer Tagebuch Verlag, 2010. – 280 S.

Ausländer R. Im Atemhaus wohnen. – Frankfurt a. M: Fischer Verlag, 1992. – 158 S.

А. В. Мартиросова (Краснодар, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНТАГМАТИКИ В РАССКАЗЕ В. В. НАБОКОВА «ВЕСНА В ФИАЛЬТЕ»

Аннотация. В статье анализируются синтагматические отношения синтаксических единиц в рассказе В. В. Набокова «Весна в Фиальте». Рассматриваются особенности взаимоотношений структурных единиц на разных уровнях: от словосочетания до сверхфразового единства. Для наглядности анализируемого материала приводится таблица с синтагматической осью на синтаксическом уровне языка.

Ключевые слова: синтаксическая синтагматика, валентность, дистрибутивный анализ, словосочетание, сверхфразовое единство.

Слово вне связи с другими словами – пустой звук.

А. А. Потебня

В последнее время наблюдается заметный интерес к проблемам художественного текста как к объекту изучения не только литературоведения, но и лингвистики. Это связано в первую очередь с расширением методов лингвистического исследования, выявлением закономерностей построения и взаимоотношением языковых единиц в художественном тексте на разных уровнях. Художественный текст, как устойчивая, завершенная система, которая строится на основе динамического взаимодействия парадигматических и синтагматических отношений, обладает структурно-смысловым единством и отражает объективный мир и авторский замысел художника слова. В связи с этим особый интерес для нашего исследования представляет сфера синтаксической синтагматики.

Синтаксическая синтагматика представляет собой «совокупность правил сочетаемости единиц друг с другом в синтаксических конструкциях разной сложности и протяженности» [Кацнельсон 1947, с. 257].

Глубокое и всестороннее рассмотрение синтаксической синтагматики представлено в работах русских ученых-лингвистов: А. А. Шахматова, Н. В. Крушевского, А. А. Потебни, М. Н. Петерсона.

Нельзя не согласиться с Н. В. Крушевским, который считал, что «системность языка поддерживается психологическими законами ассоциаций: раз возникнув, слова вступают в связи между собой. Если слова своим происхождением обязаны ассоциациям сходства, то своим значением они обязаны ассоциациям по смежности» [Серебрянников 1972, с. 45]. Из этого следует, что положение слов в системе языка определяется двумя законами ассоциаций. Если группы слов складываются в ряды на

основе тождества выражаемых лексических значений, то в данном случае можно говорить об их линейной последовательности (ассоциация сходства). Если же слово воспроизводится по памяти (например, слово «занимать» вызывает в нашей памяти слова *деньги, место, должность* и т.д.) – ассоциация по смежности. Ассоциации по сходству (на основании сходства по значению) могут быть представлены следующими примерами: слово «ветер» ассоциируется по смежности со словом «дуть», слово «цветок» – со словом «пахнуть». Приведенные нами соображения Н. В. Крушевского, касаемые сочетаемости слов на основании различных ассоциаций, подтверждают тот факт, что он является основоположником теории валентности в русском языкознании.

Здесь уместно обратить внимание еще на одну особенность синтагматических отношений, которая лежит в основе дистрибутивного анализа. «В синтагматике на уровне синтаксиса определяются связи в зависимости между дискретными единицами предложения, то есть с помощью синтагматических отношений изучаются единицы по их реляционным свойствам» [Серебрянников 1972, с. 56]. Выделим следующие признаки, характеризующие синтагматические отношения между структурными единицами:

1) «связи словесных форм имеют в модели предложения цепной характер». Это означает, что каждая последующая словесная форма соотносится в синтагматическом ряду с предыдущей. «В модели предложения не может быть словесных форм, которые соотносились бы с предложением в целом, а не с другими словесными формами» [Смирнова 2011, с. 77];

2) «цепные связи словесных форм в модели предложения имеют мотивированный характер», который в языке представлен двумя классами. К первому классу относятся «связь членов модели предложения, источником которой являются требования предикативности» [Смирнова 2011, с. 79]. «Ко второму классу относится такая связь членов модели предложения, источником которой являются требования, свойственные словесным формам» [Там же]. Примерами такой связи могут служить отношения глагольной формы, занимающие присубстантивную позицию: *Студент пишет решение задачи на доске*; или отношения адъективной формы с формами, занимающими приадъективные позиции: *Книга – интересный собеседник человека*.

Для более наглядной иллюстрации синтагматических отношений в синтаксисе рассмотрим Таблицу 1.

Таблица 1

**Синтагматическая ось на синтаксическом уровне языка
(план выражения)**

Вариант №1	Структурная схема
Сочинение, которое написал ученик. Книга, которую прочитал студент. Розы, которые посадила мама.	$C \rightarrow (M \leftarrow Гл. \leftrightarrow C)$
Вариант №2	Структурная схема
Сочинение, написанное учеником. Книга, прочитанная студентом. Розы, посаженные мамой.	$C \rightarrow (Пр. \rightarrow C)$
Вариант №3	Структурная схема
Сочинение написано учеником. Книга прочитана студентом. Розы посажены мамой.	$C \leftrightarrow Пр.к.ф. \rightarrow C$
Вариант №4	Структурная схема
Сочинение написал ученик. Книгу прочитал студент. Розы посадила мама.	$C \leftrightarrow Гл. \rightarrow C$

Следует отметить, что стрелки указывают зависимость компонентов предложения друг от друга: $\leftarrow$ – односторонняя зависимость, $\leftrightarrow$ – двусторонняя зависимость. Члены предложения обозначены первыми буквами их названий: С – существительное; М – местоимение, Гл. – глагол; Пр. к.ф. – причастие краткой формы.

Исходя из примеров Таблицы 1, сделаем следующие выводы: во-первых, одна и та же грамматическая форма предложения создает синонимические модели, которые имеют один план выражения, во-вторых любая синтаксическая конструкция выступает как количественная реализация различных вариантов модели и может бесконечно варьироваться, в отличие от парадигматической оси, которая имеет смысловой (семантический) предел: мысль может быть выражена словом, простым предложением, сложным предложением, сверхфразовым единством.

Проследим, как на разных уровнях синтаксической системы языка (от словосочетания до сверхфразового единства) реализуются синтагматические отношения в рассказе В. В. Набокова «Весна в Фиальте».

1. «Соединение слова (лексемы) с формой слова возможно только в словосочетании» [Дуркина 2013, с. 145]. Например, в словосочетание *ощущал наслаждение* представляет собой соединение слова *ощущал*, которое может быть представлено любой формой: *ощущать, ощущает, ощущай, будет ощущать*, и одной формой слова *наслаждение*, а именно формой винительного падежа. Стоит отметить, что синтагматическое сходство словоформы со словоформой проявляется на морфемном уровне.

2. «Соединение формы слова с формой слова возможно и в предложении, и в словосочетании, причем в разных синтаксических единицах соединения данного типа неодинаковы: совпадая по количеству соединяемых компонентов, они различаются характером связи» [Дуркина 2013, с. 146]. Например, в предложении *Я приехал ночным экспрессом* соединены синтаксической связью форма 1 лица единственного числа личного местоимения *я* и спрягаемая форма глагола *приехал*. Если мы употребим глагол в неспрягаемой форме (инфинитиве), то он утратит способность сочетаться с формой личного местоимения. В словосочетаниях *на ясном севере моего естества, лабиринте жестов и теней жестов, влажным ли воздухом или теплым дождем* синтаксической связью соединены две формы косвенных падежей имен существительных; сочетаниях *зыбкость, нерешительность, спохватки, легкая дорожная суета* – формы именительного падежа нескольких существительных.

3. «Две или несколько пердикативных единиц могут быть соединены синтаксической связью только в сложном предложении» [Дуркина 2013, с. 147]. Например: «*Но как он опасен был в своем расцвете, каким ядом прыскал, каким бичом хлестал, если его задевали!*» [Набоков 1990, с. 657]. «*Теперь слава его потускнела, и это меня радует: значит, я не один противился его демонскому обаянию, не я один испытывал оффиологический холодок, когда брал в руки очередную его книгу*» [Набоков 1990, с. 645].

4. «Сложное предложение может быть образовано соединением слова с предикативной единицей» [Дуркина 2013, с. 46]. По такому принципу построены присловные сложноподчиненные предложения. Придаточная часть, начинающаяся союзами «который», «какой», соединяет любое существительное по схеме: «слово + монопредикативная единица»: «*О ту пору, когда я встретился с ним, его книги мне были известны; поверхностный восторг, который я себе сперва разрешил, читая его, уже сменялся легким отвращением*» [Набоков 1990, с. 645]. Союзное слово «который» находится в семантической и грамматической зависимости от субстантивного элемента базового компонента, которому синтаксически подчинено придаточное.

5. Компаратив (сравнительная степень) прилагательного или наречия обладает свойством соединяться с придаточной частью предложения, которая начинается союзом *чем*. В результате возникает сложноподчиненное предложение, в составе которого монопредикативная единица и форма слова соединены синтаксической связью: «*Ее облик, – писал Фердинанд, – был скорее моментальным снимком природы, чем кропотливым портретом, так что припоминая его, вы ничего не удерживали, кроме мелькания разьединенных черт: пушистых на свет выступов скул, янтарной темноты быстрых глаз, губ, сложенных в*

дружескую усмешку, всегда готовую перейти в горячий поцелуй» [Набоков 1990, с. 678].

6. Соединение формы слова со словосочетанием имеет место в сложных словосочетаниях, в которых «форма слова как определяющий зависимый компонент присоединяется не к существительному или глаголу непосредственно, а к сочетанию существительного или глагола с относящейся к нему формой слова» [Дуркина 2013, с. 145]: *пегие стволы платанов, морским рококо раковин, старинные следы мозаики, на мокрой террасе кофейни, штукатурная гордость местного богатея, отражается страусовая ножка арфы.*

7. «Сочетание монопредикативной единицы с полипредикативной единицей наблюдается в сложных предложениях усложненной конструкции» [Дуркина 2013, с. 149]. В составе таких предложений монопредикативная единица зависит от полипредикативной единицы и наоборот. Приведем пример: *«Меня всегда раздражало самодовольное убеждение, что крайность в искусстве находится в некоей метафизической связи с крайностью в политике, при настоящем соприкосновении с которой изысканнейшая литература, конечно, становится, по ужасному, еще мало исследованному свиному закону, такой же затасканной и общедоступной серединой, как любая идейная дребедень»* [Дуркина 2013, с. 654]. Монопредикативная единица *Меня всегда раздражало самодовольное убеждение* зависит от сложноподчиненного предложения *что крайность в искусстве*.

8. Сочетание полипредикативной единицы с полипредикативной единицей наблюдается в предложениях усложненной структуры: *«Именно в один из таких дней раскрываюсь, как глаз, посреди города на крутой улице, сразу вбирая все: и прилавки с открытками, и витрину с распятиями, и объявление заезжего цирка, с углом, слизанным со стены, и совсем еще желтую апельсиновую корку на старой, сизой панели, сохранившей там и сям, как сквозь сон старинные следы мозаики»* [Набоков 1990, с. 657]. Еще одним примером может служить сверхфразовое единство (СФЕ), представляющее собой синтактико-стилистическую единицу, сложное синтаксическое целое, период, которое состоит как минимум из двух последовательных самостоятельных предложений, объединенных общностью темы и ремы. Одной из стилевых особенностей синтаксиса В. В. Набокова является использование сверхфразовых единств или периодических конструкций с разными видами связи. Например: *«Я этот городок люблю; потому ли, что во впадине его названия мне слышится сахаристо сырой запах мелкого, темного, самого мятого из цветов, и не в тон, хотя внятное, звучание Ялты; потому ли, что его сонная весна особенно умащивает душу, не знаю – но как я был рад очнуться в нем, и вот шлепать вверх, навстречу*

ручьям, без шапки, с мокрой головой, в макинтоше, надетом прямо на рубашку!» [Набоков 1990, с. 654].

Результаты проведенного нами анализа синтагматических отношений на уровне синтаксиса позволяет сделать следующий вывод: синтагматика базируется на принципе изоморфизма (уподобления), который возник как отклик на поиск неслучайного сходства в строении синтаксических единиц различных уровней: подчинительного сочетания и сложноподчиненного предложения, сочинительного словосочетания и сложносочиненного предложения, словосочетания и синтаксического многочлена.

Литература

Дуркина Г. С. Семантико-синтагматический аспект описания русского художественного текста: дисс. ... канд. филол. наук / Г. С. Дуркина. – Москва, 2013. – 215 с.

Кацнельсон С. Д. Эргативная конструкция и эргативное предложение / С. Д. Кацнельсон // Известия Академии наук Союза ССР. – 1947. – №67. – С. 478-598.

Набоков В. В. Собрание сочинений в 4-х т. / В. В. Набоков. – Москва, 1990.

Серебренников Б. А. Общее языкознание / Б. А. Серебренников. – Москва: Наука, 1972. – 565 с.

Смирнова Е. А. Синкретичные значения придаточных предложений в русском и английском языках / Е. А. Смирнова // Международный научный журнал. – 2011. – №8. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/26600> (дата обращения: 01.10.2025)

Е. М. Масленникова (Тверь, Россия)

ОЛЬФАКТОРНАЯ ОБРАЗНОСТЬ СОНЕТОВ В. ШЕКСПИРА

Аннотация. В статье рассматривается ольфакторная образность сонетного цикла В. Шекспира и особенности ее передачи при переводе на русский язык с учетом доминантных признаков одорической лексики английского языка. Картина обонятельного восприятия отражает национально-культурную специфику перцептивного опыта елизаветинской эпохи, в том числе художественное мировидение и литературные традиции.

Ключевые слова: текст, перевод, Шекспир, одорическая лексика.

Современники часто называли сонеты В. Шекспира (1564–1616) сладостными (sugared sonnets), но их сладость заключается не только в высокой поэзии и красоте стиха, но также и в выборе английским поэтом слов, активизирующих перцептивные характеристики объектов, формируя у читателей чувственно-наглядные образы. Ссылаясь на работы Л. Салаи, А. А. Залевская указывает, что «уровень актуальности образных, когнитивных и оценочных элементов для разных субъектов варьируется. В ходе анализа субъективной культуры в центре внимания находится специфичное для той или иной группы людей соотношение таких

элементов с характерным для этой группы распределением уровней актуальности отдельных элементов значения» [Залевская 2005, с. 145].

Под одорической доминантой текста понимается «основа синестетических сочетаний, в состав которых входит одорическая лексика (лексика восприятия запаха)» [Фененко 2019, с. 96]. В ольфактивном дискурсе (дискурсе о запахах) действует особый лингвистический и культурный механизм, из-за чего при функционировании этого типа дискурса его языковая специфика, в том числе особенности социальной действительности, могут дать в результате «непрозрачность отдельных фрагментов ольфактивного дискурса для инокультурных реципиентов» [Бородин 2024, с. 17].

Одорический код английской лингвокультуры представлен членами синонимического ряда SMELL ‘запах’. В зависимости от используемых с ними эпитетами их можно условно разделить на «приятные» (good / sweet / pleasant), «неприятные» (bad / foul / unpleasant) и «сильные» (strong). К «приятным» запахам относятся *aroma* ‘приятный запах’, *fragrance* ‘благоухание’, *perfume* ‘благоухание, аромат’, *scent* ‘приятный запах’, к «неприятным» – *fetor* ‘зловоние, вонь, аромат’, *odour* ‘сильный (особенно неприятный) запах’, *pong* ‘зловоние, вонь’, *reek* ‘вонь, дурной запах’, *smell* ‘запах’, *stench* ‘зловоние, вонь’, *stink* ‘зловоние, вонь’, *whiff* ‘неприятный запах’. Группу «сильных» запахов образуют *odour* ‘сильный (особенно неприятный) запах’, *redolence* ‘благоухание, аромат’, *reek* ‘вонь, дурной запах’, *savour* ‘аромат, благоухание, благовоние’. Существительное *scent* ‘приятный запах’ указывает на индивидуально-специфический характер запаха. Часть членов из ряда SMELL (*bouquet* ‘букет, аромат вина’ и *smack* ‘вкус, привкус, запах’ и др.), связаны с вкусовыми ощущениями.

Итак, священник и писатель Фрэнсис Мерез (1565/1566–1647) назвал в своей книге «*Palladis Tamia, Wits Treasury*» (1598) шекспировские сонеты «сладостными» (sugared sonnets), а самого автора «сладкозвучный» (honey-tongued). Кулинарный ряд продолжили поэт и антиквар Джон Уивер (1576–1632) в сборнике «*Epigrammes in the Oldest Cut, and Newest Fashion*» (1599) и Ричард Барнфилд в «*Poems in Divers Humours*» (1598), выбравшие для В. Шекспире эпитеты «сладкозвучный» (sugar-tongued) и «текущий медом» (honey-flowing). В елизаветинскую эпоху прилагательные *sugared* и *sweet* были излюбленными эпитетами в любовной лирике [Wilson 1974].

Прилагательное *sweet* ‘сладкий; душистый’ упоминается в сонетах 68 раз. Кроме этого, поэт выбирает образованные от этого существительного наречие *sweetly* ‘сладко, душисто’ и существительное *sweetness* ‘сладость, свежесть’, которые встречаются по два раза. Подобное семантическое доминирование прилагательного *sweet* не только в его первичном значении как ‘сладкий; душистый’, но и как ‘любимый; изысканный’ отражает субъективную культуру, существовавшую во времена правления Елизаветы I (1533–1603): елизаветинцы славились

своим мастерство в изготовлении разных видов сладостей, начиная от конфет и мармелада до засахаренных цветов [Бартон 2005]. Национальная любовь к сладкому прослеживается в повседневных метафорах: *sweet-tempered* ‘приятный, с мягким характером’, *sweet-mouthed* ‘сладкоречивый’ и *sweet talk* ‘лесть’. К XIII веку относится появление в английском языке существительного *sweetheart* ‘возлюбленный, возлюбленная; любимый, любимая’ (ср. *sweet-pie* ‘милочка, дорогуша’ в американском английском), поэтому *to be sweet on somebody* – ‘быть влюбленным’. Склонность потакать своим желанием буквально называется ‘сладкой волей’ – *sweet will* (ср. *To thy sweet will making addition thus* – сонет 135). Существительное XV века *sweetmeat* ‘конфета, леденец’ (буквально ‘сладкое мясо’) явно отражает кулинарные пристрастия англичан, славившихся умением готовить мясо и сладости [Бартон 2005]. Главная героиня книги «Приключения Алисы в Стране чудес» (1865) викторианца Л. Кэрролла (1832–1898) глубокомысленно рассуждает о влиянии продуктов питания на характер людей, отмечая, что сладости делают детей покладистыми (*barley-sugar and such things that make children sweet-tempered*). По свидетельствам современников во времена правления Елизаветы I распространенным недомоганием была зубная боль, часто вызываемая их гастрономическими пристрастиями: *sweet tooth* ‘пристрастие к сладкому’ (буквально ‘сладкий зуб’). Со временем английские «сладкие» слова получают новые значения: глагол *sweeten* ‘подслащивать, сделаться сладким’ – обозначает в химии ‘нейтрализовать кислоту’, на языке картежников – ‘увеличивать ставку’, а в коммерции – ‘набивать цену на аукционе’ и ‘увеличивать обеспечение под ссуду’. Существительное *sweetener* ‘подслащивающее вещество’ получает сленговое значение ‘взятка’. В американском английском имеется выражение *sweetheart agreement* ‘полюбовное соглашение между предпринимателем и профсоюзом’, которое будет выгодным для бизнеса. Появляются глаголы *sweetheart* ‘добиваться расположения’ и *sweet-talk* ‘лстить, подлизываться’.

Выбор В. Шекспиром коллокаций для словосочетаний с прилагательным *sweet* и их организация внутри текста проявляет культурно-языковые традиции как куртуазной любви в европейской поэзии, так и национальную специфику семантических и смысловых полей прилагательного *sweet* в языковой картине мира носителей английского языка, где за ним также закрепляются значения ‘добрый, мягкий; любезный, приветливый; милый, прелестный’, указывающие на характер и темперамент.

Одорическая составляющая Мира текста сонетного цикла В. Шекспира тесным образом связана с сенсорно-аффективно-метальными параметрами семиотической системы английской лингвокультуры, существовавшей на момент их написания. Например, по данным из общего

подкорпуса «English» и подкорпуса «British English» онлайн-поисковика «Google Books Ngramm Viewer» из 16 членов синонимического ряда SMELL [Масленникова 2025] в XVI веке наибольшую частотность имели существительные *odour* ‘сильный (особенно неприятный) запах’, *pong* ‘зловоние, вонь’ и *savour* ‘аромат, благоухание, благовоние’, которые отражают как любовь той эпохи к сильным ароматическим эссенциям и завозимым в Европу восточным ароматическим маслам, так и неприятные запахи и зловоние, окружавшие европейцев в их повседневной жизни, от которых они оградить себя именно духами, в составе ингредиентов часто имевших именно сахар. Резкий рост частотности для существительного *odour* приходится на XIX век с его эстетикой дендизма: известно, что елизаветинцы и денди экспериментировали с духами, увлекаясь созданием индивидуальных ароматов.

Во время правления королевы Елизаветы I, взошедшей на престол в 1558 году и правившей страной до 1603 года, лидером по частотности среди членов синонимического ряда SMELL оказывается *perfume* ‘благоухание, аромат’, за которым следует *odour* ‘сильный (особенно неприятный) запах’, а для *pong* ‘зловоние, вонь’ и *reek* ‘вонь, дурной запах’ с 1591 года наблюдается падение частотности. Социальная жизнь эпохи с ее внешним контекстом (культурным, ситуативным и вербальным) определила ее языковую составляющую. По степени частотности употребления елизаветинцев окружали: *scent* ‘приятный запах’, *odour* ‘сильный (особенно неприятный) запах’, *savour* ‘аромат, благоухание, благовоние’, *smack* ‘вкус, привкус, запах’, *fetor* ‘зловоние, вонь’, *aroma* ‘приятный запах’, *redolence* ‘благоухание, аромат’ и *fragrance* ‘благоухание, аромат’. Если ориентироваться на годы жизни английского поэта и драматурга (1564–1616), то по данным программы-поисковика «Google Books Ngramm Viewer» оказывается, что в начале его жизни со значительным разрывом лидировало существительное *pong*, с 1580-х годов уступившее свое лидерство существительным *perfume* и *odour*.

В сонетах, которые принято считать обращенными к Другу, автор говорит о его приятной сущности и приветливом характере (*thy sweet self* – сонеты 1, 4, 114 и др.), именую его милым и приятным (*sweet boy* – сонет 108) с нежным и красивым лицом (*my love's sweet face* сонет 100), уподобляя херувимам (*Such cherubins as your sweet self resemble* – сонет 114). Поэт обыгрывает разные значения существительного *sweet* ‘леденец, конфета’ и ‘милый, милая’, которое во множественном числе получает значения ‘наслаждение, улада’ и ‘ароматы’. В восхищенных глазах поклонника грех теряет порочность (*How sweet and lovely dost thou make the shame <...> O, in what sweets dost thou thy sins enclose!* – сонет 95). Разные чувства оказываются для поэта сладостными: любовь (*For thy sweet love rememb' red such wealth brings* – сонет 29), добродетель (*If thy sweet virtue answer not thy show!* – сонет 93), красота (*Sweet beauty hath no name,*

no holy bower – сонет 127). Влюбленный готов поверить очевидной лжи от любимого человека (*Sweet flattery! then she loves but me alone* – сонет 42), а язык любви всегда лжив (*Chiding that tongue that ever sweet* – сонет 145). Любовь всегда поработывает, но это приятное рабство (*But slave to slavery me sweet'st friend must be* – сонет 133). Благозвучную мелодию извлекают из инструмента нежные пальцы (*With thy sweet fingers, when thou gently sway'st* – сонет 128).

В своем сонетном цикле В. Шекспир активно использует одорические слова из синонимического ряда SMELL с целью усиления или закрепления создаваемых им образов и метафор. При этом актуализируются вторичные значения слов, которые также является темпорально маркированными, благодаря чему его современники с легкостью могли разбираться с системой подтекстов, осложненной для современных читателей, чаще всего привыкших ориентироваться на первые общепринятые значения слов. Считается, что «запахи, прочно связанные со сферой телесного, оказываются в поэзии именно знаками метафизических состояний, обобщений, становятся символами “иных сфер”» [Зыковская 2012, с. 62].

В случае перевода как двуязычной текстовой коммуникации подобная «глухота» относительно имплицитно подразумеваемых связей конкретного слова и лексикона в целом приводит к тому, что имеющиеся эмоционально-оценочные нюансы оригинала оказываются полностью или частично неопознанными и, следовательно, потерянными для вторичного читателя из системы переводящего языка и культуры.

Итак, кроме *sweet*, *sweetly* и *sweetness* в шекспировских сонетах также встречаются существительные *smell* (сонеты 69, 94, 98, 99, 141), *odour* (сонет 98 и дважды в сонете 54), *savour* (сонет 125) и *perfume* (сонет 130), прилагательное *fragrant* (сонет 95).

Возникшее в английском языке в XIII веке существительное *odour* указывает на слабое проявление запаха благодаря своему второму значению ‘привкус, душок, налет’ и еще имеет значение ‘репутация, слава’, что явно указывает на некий «шлейф», тянущийся за человеком наподобие приятного или неприятного запаха, так как репутация и слава могут считаться как положительными, так и отрицательными качествами. Существительное *savour*, чье появление также относится к XIII веку, в настоящий момент в значении ‘аромат, благоухание, благовоние’ чаще всего используется преимущественно как поэтизм, а как ‘репутация, слава’ является архаизмом. Существительное *perfume* ‘благоухание, аромат, запах’, изначально имевшее значение ‘духи’, относится к XVI веку и восходит по своему происхождению через французское слово *parfum* к устаревшей итальянской форме *parfumare*: на протяжении многих лет именно итальянцы считались лучшими парфюмерами Европы, а оказавшись во Франции вместе с королевой Екатериной Медичи (1519–1589) способствовали развитию французской парфюмерной

промышленности. Появившись в английском языке в XV веке прилагательное *fragrant* ‘ароматный, благоухающий, благоуханный’ франко-латинскими корнями на два столетия опередило существительное *fragrance* ‘аромат, благоухание’, которое относится уже к XVII веку.

В сонете 54 поэт утверждает, что любовь к розе объясняется присущим только ей особым нежным ароматом (*The rose looks fair, but fairer we it deem / For that sweet odour which doth in it live*). Развивая привычный для поэзии Средневековья куртуазно-символический образ розы, автор говорит о смерти и бессмертии, а метафора о смерти как постепенном увядании цветка (*Sweet roses do not so: / Of their sweet deaths are sweetest odours made*) позволяет расширить ее до обещания бессмертия в загробной жизни через потомков или благодаря текстам, сохраняющим воспоминания, чья сладость (*O, how much more doth beauty beauteous seem / By that sweet ornament which truth doth give!*) напоминает об аромате роз, оставшихся в духах (*As the perfumed tincture of the roses*). Во времена В. Шекспира духи получали методом перегонки, т. е. дистилляции, поэтому поэт, обещая Другу вечную жизнь в написанных в его честь стихах, использует специфический глагол *distil* (*verse distills your truth*). Кроме значений ‘язва’ и ‘рак растений, червоточина’ у слова *canker* есть еще одно устаревшее значение ‘шиповник, дикая роза’, поэтому поэт, сравнивая розы и шиповник, говорит, что, несмотря на внешнюю схожесть их цветов (*The canker-blooms have full as deep a dye / As the perfumed tincture of the roses*), красота цветущего шиповника не способна пережить лето (*Hang on such thorns, and play as wantonly / When summer's breath their masked buds discloses / But for their virtue only is their show / They lived unwoo'd, and unrespected fade / Die to themselves. Sweet roses do not so*). В. Шекспир также следует традиционной мифологеме о цикличности жизни, определяющей лето как расцвет красоты и физического совершенства, осень – как постепенную утрату сил и зиму – как смерть для всего живущего, но после которой обязательно следует возрождение.

Поскольку в поэтическом тексте часто удваиваются планы содержания, а семантика становится двойной, то В. Шекспир аллегорически обыгрывает традиционное для английской литературы противопоставление «rose – canker», где роза становится символом чистоты, благородства и родовитости происхождения. Достоинство простого шиповника – в его красивых цветах (*their virtue only is their show*), тогда как роза, пережив физическую смерть как постепенное увядание, перевоплощается в приятных сладостных ароматах (*Of their sweet deaths are sweetest odours made*). Знание о перерождении и вечном бессмертии делает смерть сладостной (*sweet deaths*).

С. Я. Маршак был явно введен в заблуждение значениями слова *canker* ‘язва’ и ‘червоточина’, не упоминая о шиповнике, назвав безымянные цветы, где *свил гнездо порок, а стебель, и шипы, и листья те же* <...> и

пурпур лепестков глубок <...>, что у розы свежей. Он говорит, что эти цветы ничьих не радуют сердец и вянут, отравляя нам дыханье. Другие переводчики также теряют метафору ЖИЗНИ из заключительного двуступия о перерождении: путем отбора-дистилляции сохраняется лучшее для потомков: *Вся прелесть правды перелется в стих* (С. Я. Маршак); *И ты когда-то превратишься в прах, / Но жить в моих останешься стихах!* (А. С. Суетин); *Пусть молодость твоя пройдет, мой друг, / В моих стихах твой вечно будет дух* (А. М. Финкель); *Так будет цвести твой дух в моих стихах, / Когда твой облик обратится в прах* (М. И. Чайковский).

Сонет 95 продолжает игру с разными значениями существительных *canker* и *rose*, но *canker* используется как ‘червоточина’ (*Which, like a canker in the fragrant rose*), указывая, что самый прекрасный цветок – благородная ароматная роза – подвержена внутренним болезням. Позорные грехи пятнают имя и допускают злословие в отношении самого прекрасного внешне человека (*Naming thy name blesses an ill report*), чья красота покрывает пороки (*How sweet and lovely dost thou make the shame / Which, like a canker in the fragrant rose, / Doth spot the beauty of thy budding name!*). Шекспировские строки о скрытых под сладостным ароматом красоты (*O, in what sweets dost thou thy sins enclose! / That tongue that tells the story of thy days*) напоминают о судьбе главного героя О. Уайльда (1854–1900) из романа «Портрет Дориана Грея» (1891), рассказавшего о высокой цене за сохранение вечной красоты, маскирующей внутреннее разложение личности. Переводчики пропускают образ червяка, портивщего красивую розу изнутри: *В какую прелесть ты свой облакаешь грех, / Который, точно яд, что розу отравляет* (Н. В. Гербель). Они пишут о пораженных болезнью целых кустах – *Но он, как червь на розовых кустах, / Пятнает славу дивной красоты* (А. Кузнецов) или букетах – *Единственный иной раз червячок / Букет из роз собою запятнает* (А.С. Суетин), но речь в сонете идет об отдельном индивиде.

Метафора о перерождении, основанная на химических терминах *distillation* и *distill*, присутствует в сонетах 5 и 6. В сонете 5 неявно дается отсылка на духи, чей аромат сохраняет воспоминания о лете как о прожитом расцвете жизни (*Then, were not summer's distillation left / A liquid prisoner pent in walls of glass <...> But flowers distill'd, though they with winter meet, / Leese but their show: their substance still lives sweet*). Вольный перевод Я. Фельдмана приписывает автору желание выпить вина и забыться о превратностях судьбы: *Вместо полученных духов / Ни листьев больше нет, ни виноградин. / Лишь темный хмель, тягучий и густой, / Плеснем в стакан во заполнение впадин / Судьбы пустой. / Хорош ли век? Хорош. Стакан не пуст. / В нем взгляда цвет и вкус любимых уст.*

В сонете 6 цветы находят спасение от сморщенной руки Смерти-зимы (*Then let not winter's ragged hand deface*) во флаконе с духами (*In thee thy*

summer ere thou be distill'd). Поэт утверждает, что тело человека подобно сладостному сосуду, о сохранении которого он должен заботиться сам (*Make sweet some vial; treasure thou some place / With beauty's treasure ere it be self-kill'd?*). Развивая растительную метафору ЖИЗНИ (*That's for thyself to breed an other thee*), победившую смерть (*Then what could Death do if thou shouldst depart, / Leaving thee living in posterity?*), поэт говорит о необходимости продолжить род в потомках, иначе наследниками содержимого из прекрасного сосуда, т. е. души, окажутся только могильные черви (*To be death's conquest and make worms thine heir*). Некоторые переводчики расходятся с оригиналом: *Создай красе ли чашу из цветка* (А. Заболотников); *Наполни сладостью сосуд, тобой избранный* (В. Лихачев); *Пока не собереешь цветов, пока / Весну не сохранишь на дне фиала* (С. Я. Маршак). Многие из них предпочли говорить об исчерпании жизненных ресурсов, путем сравнения этого процесса с потреблением жидкости: *Ты пьешь напиток жизни очень жадно* (А. С. Суетин); *Не дай Зиме суровою рукою / Сок свежий выжать – наполняй сосуд / И сладостью твоею и красою* (И. Фрадкин). Я. Фельдман вводит отсылку на пословицу про солому, которую необходимо подстелить заранее, чтобы обезопаситься от возможных проблем в будущем: *Пока ты свеж – хороши соседкам и соседям, / Сегодня постели, чтоб завтра не упасть*.

Примером неправильного толкования текста из-за незнания контекстуального значения слова по причине неустановления связей и отношений между языковым и энциклопедическим знанием является сонет 130, где образ Прекрасной Дамы построен на антитезах, противопоставляющих его традиционному идеализированному образу возлюбленной, представленному, например, в сонетах 33 и 34 из цикла «На смерть Лауры» Ф. Петрарки (1304–1374) и в сонете 8 из цикла «Астрофил и Стелла» (ок. 1582) Ф. Сидни (1554–1586). Итак, влюбленный лирический герой отмечает, что дыхание его возлюбленной отнюдь не напоминает духи (*And in some perfumes is there more delight / Than in the breath that from my mistress reeks*). Исследователи жизни елизаветинцев упоминают о проблемах англичан с зубами, вызванных чрезмерным потреблением сахара и сладостей, из-за чего многие страдали от неприятного запаха изо рта, в том числе и сама королева Елизавета I. В XIV веке существительное *reek* имело значение 'дым; пары, (вредные или неприятные) испарения', а в XVII веке приобрело значение 'вонь, дурной запах'. Если верить современным переводчикам, то героиня сонетов сильно потела: *Духи иные радуют сильней, / Чем натуральный запах потной плоти* (В. Васильев); *да и парфюмам, ежели всерьез, / навряд ли пот в сравнение годится* (Р. Винонен); *И запах тела не похож пока / На аромат в изысканных духах* (А. Кузнецов); *И запах ее тела не таков, / Что ощущаем в дорогих духах* (М. Славин). Они допускают запах от волос: *И не сравнится запах черных кос / С усладой благовоний знаменитых* (О. Румер). Меняется

пространственно-временно локус на привычные поля: *Найду в полях я ароматы летом / Нежнее запаха ее волос* (В. В. Иванов-Паймен), что отражает ольфакторное восприятие образа России (см. [Басалаева 2016]). Героиня увлекается острой пищей: *Ее дыхание – перец и чеснок* (М. Новикова). Переводчики по-разному ищут опору на идентифицируемые элементы класса объектов, позволяющие отнести их к духам (*perfumes*). Дореволюционные переводчики выбирают высокий стиль: *благовония* (Н. В. Гербель), *фимиам смол Аравии далекой* (И. Мамуна), *царство роз струит благоуханья* (Ф. Червинский). Современные переводчики ориентируются на иные эталоны свежести дыхания: *А тело пахнет так, как пахнет тело, / Не как фиалки нежный лепесток* (С. Я. Маршак); *Не говорю: «Ты, как фиалка, дышишь»* (А. С. Суетин).

И. А. Стернин писал, что «традиционные толковые словари остаются как отражение лексической системы языка, словари актуального языкового сознания дают дополнительную и актуальную информацию о значении и употреблении слова в современном языковом сознании носителей языка» [Стернин 2022, с. 119]. Если переводчика и переводимого им автора разделяет значительный пространственно-временной барьер, то необходимо ориентироваться на то значение, которое было актуальным во время создания оригинала. Кроме этого, излишняя переводческая ориентация на языковое сознание своих читателей-современников может привести к значительному искажению авторского Мира текста.

Выводы. Эмоциональность и перцептивная образность шекспировских сонетов, создаваемая автором с помощью одорической лексики, является культурно обусловленной. Одорическая лексика участвует в образовании развернутых образов и метафор, позволяющих читателю воспринимать текст через призму запахового восприятия.

При выборе опор для построения перевода как читательской личностной проекции переводчики учитывают особенности одорической лексики оригинала, но также оказываются зависимыми от особенностей своей культуры и своего времени, в том числе от стандартов и стереотипов обонятельного восприятия. В результате многомерные ассоциации и метафоры шекспировских сонетов утрачиваются или упрощаются.

Литература

Бартон Э. Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира / Э. Бартон. – Москва: Молодая гвардия, 2005. – 243 с.

Басалаева Е. Г. Национально-культурная специфика лексики обонятельного восприятия / Е. Г. Басалаева // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 2 (30). – С. 49-60.

Бородин А. А. Границы и лакуны в англоязычном ольфактивном дискурсе / А. А. Бородин, Н. А. Скитина // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2024. – № 3 (63). – С. 15-28.

Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст / А. А. Залевская. – Москва: Гнозис, 2005. – 543 с.

Зыховская Н. Л. Основные отличия репрезентации запахов в поэтических и прозаических художественных текстах / Н. Л. Зыховская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 5 (260). – С. 60-62.

Масленникова Е. М. Особенности ароматического кода английской лингвокультуры / Е. М. Масленникова // Проблемы семантики и прагматики языковых единиц разных уровней в эпоху больших языковых данных. – Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского; Москва: Институт языкознания РАН, 2025. – С. 245-257.

Стернин И. А. Лексикографическое и экспериментальное описание языкового значения / И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 1 (51). – С. 112-121.

Фененко Н. А. Семантическая синестезия в тексте оригинала и перевода / Н. А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 3. – С. 94-99.

Wilson K. Shakespeare's Sugared Sonnets. – London & New York: Routledge, 1974. – 377 p.

В. А. Салькова (Воронеж, Россия)

РЕЖИССУРА ЭМОЦИЙ: НЕВЕРБАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ В ДРАМАТУРГИИ РОБЕРА ТОМА (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕСЫ «ВОСЕМЬ ЛЮБЯЩИХ ЖЕНЩИН»)

Аннотация. В статье исследуются особенности драматургической техники Робера Тома на материале его пьесы «Восемь любящих женщин». Анализируется система авторских ремарок, которые рассматриваются как ключевой инструмент для передачи психологического состояния персонажей и управления восприятием зрителя. Вводится и обосновывается понятие «Маркер эмоциональной оценки сценической ситуации» (МЭОС), через которое раскрывается стратегия Тома, направленная на смещение фокуса с внешних атрибутов персонажей на их внутренние мотивы и поведенческие нюансы.

Ключевые слова: Робер Том, драматургия, ремарка, невербальный маркер, психологический детектив, эмоциональная оценка, сценическая ситуация, «Восемь любящих женщин».

Творчество Робера Тома, мастера комедийной интриги и психологического детектива, характеризуется особым вниманием к внутреннему миру персонажей. Одной из ярких черт его стиля является намеренное игнорирование описаний внешности героев, в том числе и их одежды. Это акцентирование делается драматургом для того, чтобы направить внимание читателя и зрителя не на внешнюю составляющую, а на внутренний мотив, речь, поведение, реакцию и противоречия персонажей. Читатель оказывается в роли детектива, который анализирует детали преступления и психологические нюансы, а не внешние атрибуты. Кроме того, такой подход предоставляет свободу режиссерам-

постановщикам и позволяет избежать явных указаний на социальный статус, сосредоточившись на социальных ролях.

Центральным инструментом для раскрытия психологии персонажей у Робера Тома становятся авторские ремарки. В данной статье они рассматриваются как система **маркеров эмоциональной оценки сценической ситуации (МЭОС)**, то есть языковых идентификаторов, которые вводят или сопровождают эмоциональную реакцию персонажа, а не саму эмоцию. Цель исследования – проанализировать, как через глаголы движения и позы (на примере лексем «сидеть / садиться» и «вставать») Робер Тома передает сложную гамму переживаний своих героинь пьесы, создает напряженность и играет с ожиданиями аудитории.

Под **маркером эмоциональной оценки сценической ситуации (МЭОС)** понимается лингвистический элемент в ремарке (глагол, определение, обстоятельство), который сигнализирует об эмоциональном состоянии персонажа в контексте конкретной сценической ситуации. Это не сама эмоция, а ее индикатор, раскрывающийся через действие, позу или физиологическую реакцию.

МЭОС анализируются изолированно от реплик, а затем – в синтезе с ними, что позволяет выявить синтаксические и семантические средства, используемые автором для передачи эмоций.

Пьеса буквально переполнена динамикой, однако автор эпизодически вводит персонажей в статическое состояние, наделяя эти моменты глубоким психологическим подтекстом. Анализ ремарок, связанных с принятием сидячего положения, выявил их ключевую роль в драматургической конструкции.

Таблица 1

Ремарка	Фраза на русском	Перевод на французский	Маркер(ы) эмоциональной оценки сценической ситуации
Сидя – 1 раз	<i>Шанель, сидя, смотрит на всех.</i>	<i>Enfin assise, Madame Chanel les regarde... Temps.</i>	Напряженное ожидание
Садится – 4 раза	<i>(Садится, просматривает газеты и почту)</i>	<i>Elle s'installe, fumant une cigarette blonde, feuilletant des journaux, dépouillant des lettres.</i>	Спокойствие Напряжение Отстранённость Попытка скрыть тревожность
	<i>(Садится к столу)</i>	<i>Elle s'installe pour manger. Augustine s'approche.</i>	Временное спокойствие Отсутствие волнения
	<i>(Решительно кладет ключ на столик и садится возмущенная)</i>	<i>Elle brandit la clef. [...] Elle la met sur la tablette et furieuse, va s'asseoir.</i>	Сдержанное негодование Внутреннее несогласие со сценической ситуацией

	<i>Пьеретта садится, закуривает, старается успокоиться.</i>	<i>P I E R R E T T E , va s'asseoir, allumant une cigarette pour calmer sa nervosité.</i>	Нервное напряжение
Усаживают – 1 раз	<i>Катрин убегает по лестнице и исчезает в комнате отца. Луизу усаживают на диван.</i>	<i>Catherine s'élance et disparaît dans la chambre, tandis qu'on fait asseoir Louise.</i>	Сильное эмоциональное потрясение Шок
Усаживает – 1 раз	<i>Из-за дивана видна голова в мужской шляпе и рука в мужской перчатке. Голос Катрин из-за дивана: «Ку-ку!» Катрин в широком мужском пальто появляется и, не обращая внимания на ярость остальных, спокойно усаживается в кресло и курит сигарету.</i>	<i>De derrière le canapé apparaît un chapeau d'homme, puis une main gantée qui tient un cigare, enfin une voix dit : « Coucou ! » C'est Catherine qui se montre. Elle est habillée d'un grand manteau d'homme. Fureur des deux autres femmes qui l'injurient. Catherine s'installe très sûre d'elle et en fumant son cigare, elle interroge.</i>	Безразличие Спокойствие
Усаживая – 1 раз	<i>ПЬЕРЕТТА: (усаживая ее) Так... Тихонько... Садитесь...</i>	<i>P I E R R E T T E . Là... doucement... Asseyez-vous. – нет ремарок, а вместо них прямая речь</i>	Сильное эмоциональное потрясение Шок

Как видно из Таблицы 1, каждая ремарка раскрывает уникальный эмоциональный оттенок. Например, ремарка «**сидя**» для Мадам Шанель (*Enfin assise... Temps*) с помощью наречия «*enfin*» (наконец) и указания на паузу («*Temps*») маркирует не просто позу, а момент напряженного ожидания и наблюдения, выделяя персонажа в роли «проницательного детектива».

Ремарка «**садится возмущенная**» представляет собой синтез невербального и вербального компонентов. Движение «садится» означает завершенность предыдущего действия и является автономным красноречивым жестом, а определение «возмущенная» конкретизирует эмоцию – сдержанное негодование, требующее физической опоры.

Крайне показателен случай, когда действие совершается не персонажем, а над ним: «**усаживают на диван**». Этот МЭОС указывает на состояние шока и полной потери контроля, когда персонаж не в состоянии действовать самостоятельно.

Особого внимания заслуживает ремарка с Катрин, которая «**спокойно усаживается**» в мужском пальто, предварительно продемонстрировав атрибуты мужского костюма. Это один из немногих случаев описания гардероба, который служит не для обозначения статуса, а для психологической игры. МЭОС здесь – «спокойно» – читается как проявление нарочитого безразличия и насмешки над стрессовой ситуацией.

Глаголы, обозначающие подъем, используются Тома эпизодически, но всегда знаменуют собой поворотный момент в сцене.

Таблица 2

Ремарка	Фраза на русском	Перевод на французский	Маркер(ы) эмоциональной оценки сценической ситуации
Встает – 2 раза	ГАБИ (<i>встает и медленно подходит к матери</i>): Если б ты видела свои глаза!	G A B Y , <i>qui se lève et s'en va à elle lentement</i> . Si tu voyais tes yeux !	Собранность Решимость
	КАТРИН: А что теперь делать? Как сообщить? (<i>Встает.</i>)	C A T H E R I N E Qu'est-ce qu'on va faire, si le commissaire n'arrive pas ? <i>нет ремарок</i>	
Становится – 1 раз	ГАБИ (<i>становится бледнее</i>): Иначе говоря, я убила своего мужа, потому что у меня любовник?	G A B Y , <i>se lève, pâle</i> . Autrement dit, j'ai tué mon mari parce que j'ai un amant ?	Страх Шок Волнение Тревога Сдерживаемый гнев
Встают – 1 раз	<i>Встают друг против друга.</i>	<i>Elles sont dressées face à face.</i>	Напряжение Злость
Становясь – 1 раз	<i>БАБУШКА (становясь между ними)</i>	M A M Y , <i>s'interpose</i> . Nous perdons la tête...	Тревога Беспокойство

В Таблице 2 МЭОС также вариативны. «**Встает**» может маркировать решимость (Габи) или переход к активным действиям (Катрин). Примечателен разрыв между русским и французским текстом в ремарке «**становится бледнее** / *se lève, pâle*». Русский вариант передает нарастающую эмоцию (процесс), в то время как французский фиксирует уже наступившее состояние, что подчеркивает мгновенность и силу шока.

Ремарка «**встают друг против друга**» является чистым МЭОС конфликта, визуализируя возникшую конфронтацию. А «**становясь между**

ними» (фр. *s'interpose* – вмешивается) маркирует тревогу и попытку разрядить обстановку.

Проведенный анализ демонстрирует, что система авторских ремарок у Робера Тома является тщательно продуманным механизмом, выходящим за рамки простых указаний к действию. Введенное понятие **маркера эмоциональной оценки сценической ситуации** позволяет систематизировать и раскрыть глубину этого механизма.

Через, казалось бы, бытовые глаголы движения и позы («сидеть», «вставать») драматург передает сложнейшую гамму эмоций – от сдержанного негодования и шока до демонстративного безразличия и открытой конфронтации. Ремарки у Тома никогда не находятся в разрыве с диалогом, а усиливают его, а порой и полностью заменяют, создавая плотный психологический подтекст.

Эта техника полностью отличается от его общей драматургической стратегии: удержания интриги, отказа от стереотипов, игры с ожиданиями и, что самое главное, переноса фокуса внимания с внешних, поверхностных признаков на внутренний, психологический мир персонажа. Описание деталей гардероба, как в случае с Катрин, является не правилом, а исключением, которое лишь подтверждает это правило, будучи вплетенным в психологическую игру, а не служащим для социальной характеристики.

Таким образом, МЭОС являются тем языком, на котором Робер Тома доносит до читателя и режиссера подлинную суть своих персонажей, превращая пьесу-детектив в тонкое исследование человеческих страстей и характеров.

Литература

Тома Р. Восемь любящих женщин [Электронный ресурс] / Р. Тома. URL: https://lib.ru/PXESY/TOMA_R/8_zhenshin.txt (дата обращения: 21.08.2025).

А. Б. Сапарова (Казань, Республика Татарстан, Россия)

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА НА ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ ИНТЕРПРЕТАЦИЮ ЭМОТИВНОЙ И ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУР)

Аннотация. В статье исследуется влияние культурного контекста на процессы психолингвистической интерпретации эмотивной и оценочной лексики в художественном дискурсе. Проводится сравнительный анализ восприятия и понимания эмоционально окрашенных языковых единиц читателями, принадлежащими к русской

и японской культурам. Рассматриваются особенности культурных ценностей, норм и традиций, определяющих специфику интерпретации эмотивных и оценочных смыслов. Анализируются примеры из художественных текстов русской и японской литературы, демонстрирующие различия в восприятии и оценке одних и тех же языковых единиц в разных культурных контекстах.

Ключевые слова: эмотивная лексика, оценочная лексика, культурный контекст, художественный дискурс.

Вопросы межкультурной коммуникации и взаимопонимания приобретают особую актуальность в современном мире, характеризующемся глобализацией и интенсификацией культурных обменов. Язык, являясь важнейшим инструментом коммуникации, тесно связан с культурой и отражает ее особенности. В этой связи исследование влияния культурного контекста на процессы интерпретации языковых единиц представляется крайне важным для понимания механизмов межкультурного взаимодействия. Особое внимание в данном исследовании уделяется эмотивной и оценочной лексике, которая играет важную роль в формировании эмоционального и оценочного отношения к миру.

Как отмечал В. И. Шаховский, эмоции являются «универсальным содержанием культуры», однако их проявление и интерпретация подвержены влиянию культурных норм и ценностей. В художественном дискурсе, где эмотивность и оценочность играют ключевую роль в создании художественного образа и передаче авторского замысла, культурная обусловленность интерпретации проявляется особенно ярко [Шаховский 2008, с. 416].

Отечественные ученые, такие как Ю. Д. Апресян, В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин, внесли значительный вклад в изучение культуры и их отражения в языке. Их работы позволяют анализировать, как культурные ценности влияют на интерпретацию оценочной лексики в художественном дискурсе [Апресян 1995, с. 767; Карасик 2002, с. 477; Слышкин 2000, с. 128].

Ученые, Дж. Лакофф и М. Джонсон, утверждают, что мышление человека в значительной степени метафорично, и метафоры, используемые в языке, отражают культурные особенности мировосприятия. А. Вежбицкая разработала теорию универсальных семантических примитивов, позволяющую анализировать значение эмоциональных слов с учетом культурных особенностей. Ю. С. Степанов подчеркивал, что язык не только отражает, но и формирует представление человека о мире и что разные языки создают разные картины мира [Lakoff & Johnson 1980, p. 256; Johnson 1987, p. 272; Wierzbicka 1999, p. 352; Степанов 1997, с. 824].

Согласно М. М. Бахтину, культура – это диалог, в котором происходит взаимопроникновение и взаимообогащение разных культурных смыслов. Эдвард Т. Холл в свою очередь подчеркивал важность понимания

культурных различий для эффективной коммуникации между представителями разных культур [Бахтин 1979, с. 424; Hall 1976, р. 356].

Проведем сравнительный анализ психолингвистической интерпретации эмотивной и оценочной лексики в художественном дискурсе читателями, принадлежащими к русской и японской культурам. Выбор данных культур обусловлен их значительными различиями в культурных ценностях, нормах и традициях, что позволяет выявить контрастные особенности интерпретации эмоционально окрашенных языковых единиц.

Для иллюстрации влияния культурного контекста на интерпретацию эмотивной лексики обратимся к анализу концепта «любовь», который обладает значительными культурными различиями в своем понимании и выражении. В русской культуре любовь часто ассоциируется с сильными эмоциями, страстью и самопожертвованием, что отражается в языке. К примеру, в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» любовь Сони Мармеладовой к Раскольникову проявляется в ее готовности пойти на любые жертвы ради него.

В японской культуре любовь (愛 – ai) часто рассматривается как более сдержанное и гармоничное чувство, связанное с долгом и ответственностью. В романе Ясунари Кавабаты «Снежная страна» любовь между Симамурой и Комако проявляется не столько в страстных переживаниях, сколько во взаимном уважении и понимании.

В ходе межкультурного психолингвистического исследования были выявлены существенные расхождения в понимании концепта «любовь». В частности, для русской аудитории оказалась более значимой эмоциональная составляющая (страсть, ревность), тогда как японские участники исследования акцентировали внимание на аспектах, связанных с верностью, заботой и уважением.

Рассмотрим особенности интерпретации концепта «честь» как еще один пример влияния культурных факторов на восприятие абстрактных понятий. В русской культуре понятие «честь» (честь, достоинство) часто связано с готовностью защищать свою репутацию и социальный статус. В романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» дуэль Онегина и Ленского является ярким примером защиты чести и достоинства.

В японской культуре понятие «честь» (名誉 – meiyō) тесно связано с самурайским кодексом чести (бусидо) и предполагает соблюдение строгих моральных норм и готовность пожертвовать жизнью ради защиты своей репутации и репутации семьи. Примером может служить история 47 ронинов, отомстивших за смерть своего господина и совершивших сэппуку (харакири) в знак преданности и чести.

Результаты проведенного психолингвистического исследования показали некоторые различия в ассоциативном поле концепта «честь» у представителей русской и японской культур. Для российских респондентов оказались наиболее значимыми такие аспекты, как уважение, достоинство и

репутация, в то время как японские участники исследования акцентировали внимание на понятиях долга, верности и самопожертвования.

В качестве следующего примера рассмотрим концепт **«природа»**: в русской литературе природа часто является отражением души человека, его переживаний и мироощущения. Пейзажи М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, К. Г. Паустовского наполнены глубоким символизмом и эмоциональным зарядом. Например: «Бежин луг» И. С. Тургенева – описание ночного пейзажа помогает раскрыть внутренний мир крестьянских детей.

В японской культуре природа также занимает важное место, но ее восприятие отличается большей созерцательностью и вниманием к деталям. Важным является принцип моно-но аварэ (物哀), то есть «печальное очарование вещей», осознание мимолетности и красоты всего сущего. Например: поэзия хайку *Мацуо Басе* – лаконичные описания природы передают тонкие нюансы настроения и времени года.

Следующий пример, иллюстрирующий культурную обусловленность интерпретации, – концепт **«семья»**. В русской литературе семья часто изображается как сложная и противоречивая структура, в которой переплетаются любовь, долг, конфликт и предательство. Семейные отношения являются важным фактором в формировании личности и определяют жизненный путь героев. Например: роман «Анна Каренина» Л. Н. Толстого показывает трагические последствия нарушения семейных устоев.

В японской культуре семья имеет особое значение, основанное на строгой иерархии, уважении к старшим и соблюдении традиций. Семейные узы рассматриваются как источник стабильности и поддержки, но при этом могут ограничивать свободу личности. К примеру: «Одиноким человеком» Савако Арийоси рассказывает о стареющей матери и неженатом сыне, отражая конфликт между долгом и личными желаниями.

Концепт **«труд»** в русской литературе труд часто изображается как тяжелое бремя, связанное с нуждой и несправедливостью. Образ крестьянина-труженика, измученного непосильной работой, является одним из ключевых в русской литературе XIX века. Например: «Кому на Руси жить хорошо» Н.А. Некрасова отражает тяготы крестьянской жизни.

В японской культуре труд рассматривается не только как средство заработка, но и как способ самосовершенствования, проявления мастерства и служения обществу. Труд является источником гордости и самоуважения. Например: рассказы Ясунари Кавабаты часто описывают работу ремесленников и мастеров, подчеркивая их преданность своему делу и стремление к совершенству.

В русской литературе тема **смерти** часто связана с вопросами о смысле жизни, вере и бессмертии души. Смерть рассматривается как трагическое, но неизбежное событие, как итог жизненного пути и переход в иной мир.

Например: «Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстого показывает процесс осознания человеком неизбежности смерти и переоценки ценностей.

В японской культуре смерть воспринимается как естественная часть жизненного цикла, как переход в иной мир, где обитают духи предков. Особое значение придается ритуалам и обрядам, связанным с уходом из жизни. Например: «Золотой храм» Юкио Мисимы – тема смерти и красоты переплетаются, отражая японское мировоззрение.

Стоит также упомянуть, что результаты исследования подтверждают гипотезу о влиянии культурного контекста на психолингвистическую интерпретацию эмотивной и оценочной лексики в художественном дискурсе. Различия в культурных ценностях, нормах и традициях определяют специфику восприятия и понимания эмоционально окрашенных языковых единиц читателями, принадлежащими к русской и японской культурам. Данные, полученные в ходе психолингвистического эксперимента, свидетельствуют о том, что одни и те же языковые единицы могут вызывать разные ассоциации и эмоциональные реакции у представителей разных культур. Данный факт необходимо учитывать при переводе художественных текстов и при построении межкультурной коммуникации.

Литература

Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2. – 767 с.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва: Искусство, 1979. – 424 с.

Гальскова Н. Д. Межкультурное обучение иностранным языкам / Н. Д. Гальскова // Иностранный язык в школе. – 2004. – № 3.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурологические понятия / Г. Г. Слышкин. – Москва: Academia, 2000. – 128 с.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – Москва: Гнозис, 2008. – 416 с.

Hall E. T. Beyond culture / E. T. Hall. – Anchor Press/Doubleday, 1976. – 326 p.

Johnson M. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason / M. Johnson. – University of Chicago Press, 1987. – 272 p.

Lakoff G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – University of Chicago Press, 1980. – 256 p.

Wierzbicka A. Emotions across languages and cultures: Diversity and universals / A. Wierzbicka. – Cambridge University Press, 1999. – 352 p.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОЙ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Настоящая работа посвящена изучению специфики использования военной лексики в художественном тексте. Как правило, специальная лексика, в том числе военная, употребляется в текстах научно-технического и публицистического стилей. В художественном тексте она является важным стилистическим средством и обладает богатым функциональным потенциалом. В нашем исследовании особое внимание уделяется лексическим единицам из области военного дела, которые характеризуются семантическими и стилистическими особенностями. Исследование проведено на материале известного антивоенного романа классика мировой литературы Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен».

Ключевые слова: художественный текст, военная лексика, солдатский жаргон.

В истории мировой художественной литературы есть множество произведений, в которых затрагивается тема войны. Радость победы и горечь поражения, судьба целого народа и одного человека, будни бывалого солдата и новобранца, тяготы в окопах и в тылу – великие писатели и поэты рассказывали об условиях военного времени по-разному, но всегда подходили к данной теме с особой тщательностью. Подобный подход проявляется не только в создании психологических портретов участников военных событий, раскрытии их характеров и эмоций, благодаря которым читатели и воспринимают действительность, в которой оказываются герои. В каждом произведении о войне также присутствует военная лексика, отражающая реалии эпохи, в которой разворачиваются события. Она создает целостную и достоверную картину прошлого, погружает читателя в определенную атмосферу и позволяет познакомиться с бытом людей, проживающих каждый свой день на войне.

Анализ научных работ, посвященных изучению военной лексики, показал, что исследования проводились на материале текстов научно-технического и научно-публицистического стилей, например, на материале текстов мемуаров [Jakosz 2024, s. 71-90; Meyer 2009, s. 2274-2288; Шевелева 2023, с. 334-338]. Однако именно в художественном тексте лексика подобного рода несет важную стилистическую нагрузку и представляет интерес для изучения. Вышесказанное объясняет актуальность настоящего исследования, целью которого является изучение особенностей употребления стилистически маркированной лексики из области военного дела в художественном тексте.

В качестве эмпирической базы был взят роман Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен». Действие романа происходит в годы Первой мировой войны. Повествование ведется от лица Пауля Боймера,

молодого немецкого солдата, отправившегося на фронт добровольцем и вскоре столкнувшегося с суровой реальностью военного времени. Боймер и его товарищи, которые совсем недавно сошли со «школьной скамьи», своими глазами видят, что романтический ареол вокруг «великой войны» – ужасное заблуждение. В нечеловеческих условиях сражений герои борются за свою жизнь, беспрестанно встречаясь лицом к лицу с жестокостью, страхом и смертью. Сломленные морально или физически, они осознают, что вернуться к прежней мирной жизни невозможно. Слишком сильный отпечаток наложила на них война, и количество ее «неучтенных жертв» измеряется сотнями тысяч.

Роман автобиографичен, и многие его эпизоды являются отражением жизненного опыта самого Ремарка. Так же, как и Пауль Боймер, писатель подвергался муштре, оказывался в гуще сражений на Западном фронте, проходил лечение в лазарете. Благодаря своим воспоминаниям Ремарку удалось без прикрас изобразить всё, что пережило в военные годы «потерянное поколение».

Роман «На Западном фронте без перемен» начал издаваться в берлинской газете «Фоссише Цайтунг» в 1928 году и практически сразу привлек внимание читателей. После публикации «в квартиру, которую снимал писатель в Берлине, непрерывным потоком шли письма участников войны, выражавших ему признательность за правдивое изображение бойни, в которую были ввергнуты народы» [Бергельсон 1991, с. 5].

Сегодня роман «На Западном фронте без перемен» по праву считается классикой мировой литературы и является одной из самых тиражируемых книг в мире, и это неудивительно. В наши дни, когда между странами до сих пор возникают серьезные военные конфликты, из-за которых страдают как мирные жители, так и солдаты, произведение Э. М. Ремарка доказывает, что война не приносит ничего, кроме горя и разрушений. Будучи одним из главных антивоенных романов, «На Западном фронте без перемен» остается таким же злободневным и актуальным, как и сто лет назад.

Путем интуитивно-интерпретативного анализа было выделено 218 единиц, относящихся к военной тематике. В большинстве случаев анализируемые единицы относятся к общеупотребительной лексике и являются нейтральными единицами. В числе этих единиц присутствуют и реалии, которые служат для воссоздания национального и исторического колорита.

Пример: *Ich werde zur Schreibstube gerufen. Der Kompanieführer gibt mir Urlaubsschein und Fahrschein und wünscht mir gute Reise* [Remarque 1971, s. 112].

В данном контексте используются обозначения воинских должностей (*der Kompanieführer*), административных объектов (*die Schreibstube*), а

также лексическая единица, которая служит для описания солдатского быта (*der Urlaubsschein*). Автор правдоподобно обрисовывает рядовую ситуацию в условиях военного времени. Частично пласт стилистически нейтральной лексики составляют военные реалии, которые являются средствами воссоздания культурного, национального и исторического колорита в романе. Выделенные в анализируемом материале военные реалии относятся к классу общественно-политических реалий по классификации, предложенной учеными Сергеем Влаховым и Сидером Флориным [Влахов 1980, с. 51].

Пример: *Ist man nicht amputiert, dann fällt man über kurz oder lang einem dieser Stabsärzte in die Hände, die, **das Kriegsverdienstkreuz** im Knopfloch, einem sagen: «Wie, das bißchen verkürzte Bein? An der Front brauchen Sie nicht zu laufen, wenn Sie Mut haben. Der Mann ist k.v. Wegtreten!»* [Remarque 1971, s. 204].

В приведенном контексте автор использует лексическую единицу *das Kriegsverdienstkreuz*, которая является наименованием военной награды: “für Verdienste im Krieg verliehene Auszeichnung von der Form eines Kreuzes” [https://www.dwds.de/wb/Kriegsverdienstkreuz]. Данная награда была своеобразной альтернативой более известной награды – Железного креста и вручалась за особые заслуги тем, кто напрямую не участвовал в боевых действиях, например, санитарам или некоторым гражданским лицам.

Особое внимание в данной работе уделяется изучению семантических и функционально-стилистических особенностей лексических единиц, которые не относятся к нейтральной военной лексике. Они имеют ярко-выраженную эмоциональную окраску и являются в анализируемом тексте важным стилистическим средством. Анализируемые единицы используются для характеристики военных действий (**Kattun geben/kriegen, das Kanonenfieber**), наименования военной техники (**dicke/schwere Brocken**) и военнослужащих (**das Frontschwein, der Muschkote**), для создания образной картины солдатских будней (**die Gulaschkanone / die Gulaschmarie, der Küchenbulle, der Offizierskaffee**). Как правило, они употребляются в речи героев и относятся к солдатскому (армейскому) жаргону. В отличие от языка командного управления и от языка военной науки и техники солдатский жаргон содержит не только нейтральную нормативную лексику, но и множество метафорических, эмоционально-оценочных единиц, окказионализмов, которые употребляются в неформальном общении военнослужащих и отражают их образ жизни (ср.: [Meyer 2009, s. 2277] zitiert nach [Jakosz 2024, s. 84]).

Далее будут проанализированы некоторые примеры более подробно. Вначале рассмотрим контексты, в которых были выявлены метафорические единицы.

Пример: *Es wird wie an der Somme, da hatten wir nachher sieben Tage und Nächte Trommelfeuer», sagt Kat düster. Er hat gar keinen Witz mehr, seit*

*wir hier sind, und das ist schlimm, denn Kat ist **ein altes Frontschwein**, das Witterung besitzt* [Remarque 1971, s. 77].

В приведенном отрывке описывается сцена отправки героев на передовую, неподалеку находятся вражеские позиции, время тянется медленно, и солдаты находятся в напряжении, некоторые предчувствуют скорую атаку, другие, наоборот, считают, что все будет тихо. Однако Катчинский, будучи гораздо старше своих товарищей, сразу понимает, в чем дело. Согласно электронному словарю немецкого языка DWDS лексическая единица **das Frontschwein** относится к солдатскому жаргону, означает *фронтовик* (“[Soldatensprache, salopp, anerkennend] Frontsoldat” [DWDS, URL: <https://www.dwds.de/wb/Frontsoldat>]) и несет коннотацию уважительности, несмотря на грубость формы. Заметим, что в русской лингвокультуре свинья ассоциируется преимущественно с чем-то негативным. Ремарк делает упор на опыте героя, который был закален во многих боях и повидал грязь окопов. Словосочетание **ein altes Frontschwein** выполняет дескриптивную стилистическую функцию в качестве характеристики героя. Читатель видит, что Кат в силу своего острого ума, отличного чутья и опыта пользуется уважением среди других солдат, его предположения практически всегда точны, а мнение имеет вес.

Пример: *Der Abendsegen beginnt* [Remarque 1971, s. 88].

В приведенном выше примере лексическая единица является также метафорой. Прямое значение слова **der Abendsegen** – *вечерняя молитва*, однако в тексте оно употребляется в переносном значении для обозначения вечернего артобстрела, который подобно молитве случается регулярно, таким образом происходящее на фронте описывается образно и выразительно: (“abendlicher Feuerüberfall” [Wörterbuch der deutschen Umgangssprache, URL: https://umgangssprache_de.de-academic.com/93/Abendsegen]).

В следующем примере используется еще одна метафора **die Gulaschkanone**.

Пример: *Er ist ganz verzweifelt, weil er nicht weiß, wie er seine Gulaschkanone leerkriegen soll* [Remarque 1971, s. 3].

В немецком языке **die Gulaschkanone** является разговорным и юмористически окрашенным синонимом лексической единицы *die Feldküche* – *полевая кухня*: “[Soldatensprache, scherzhaft] Feldküche” [DWDS, URL: <https://www.dwds.de/wb/Gulaschkanone>]. Старая полевая кухня времен Первой мировой войны представляет собой транспортное средство, которое перемещается на шасси и включает котел, отделение для хранения продуктов и кухонной утвари и дымовую трубу. Внешне полевая кухня отчасти напоминает пушку, таким образом, метафорическая единица **die Gulaschkanone** образована по признаку внешнего сходства.

Метафора, выраженная словосочетанием **die ganz schweren Brocken**, относится к солдатскому жаргону и используется для обозначения

тяжелых патронов: “[Soldatensprache] schwere Munition” [DWDS, URL: <https://www.dwds.de/wb/Brocken>].

Пример: *Es sind kleinere Geschosse; – dazwischen orgeln aber auch **die großen Kohlenkästen, die ganz schweren Brocken** durch die Nacht und landen weit hinter uns* [Remarque 1971, s. 93].

Лексическая единица **die großen Kohlenkästen** является также жаргонным наименованием тяжелых гранат: “[Soldatensprache] schwere Granate” [Wörterbuch der deutschen Umgangssprache, URL: <https://umgangssprache.de.de/academic.com/14052/Kohlenkasten>].

Пример еще одного жаргонизма – лексическая единица **der Frontkoller**.

Пример: *Wir gehen weiter, eine lange Zeit. Kropp hat sich beruhigt, wir kennen das, es ist **der Frontkoller**, jeder hat ihn mal* [Remarque 1971, s. 15].

Анализируемая единица является сложным словом, имеет в своем составе два корня – *die Front* и *der Koller*. Слово *der Koller* можно буквально перевести, как «припадок» или «бешенство». В словаре немецкого языка солдатское жаргонное слово **der Frontkoller** имеет следующее значение: “(Soldatenspr.) Wutausbruch, Tobsuchtsanfall, den die nachhaltigen Eindrücke od. längerer Aufenthalt an der Front bei einem Soldaten hervorrufen können” [Universal-Lexikon, URL: https://universal_lexikon.de-academic.com/Frontkoller]. Данная лексическая единица служит для обозначения возникающих у солдат вспышек агрессии, вызванных пережитым на фронте.

Следующие две единицы – существительное **der Kommiss** и глагол **sich drücken** вписываются в стилистику грубой, лишенной пафоса речи простых солдат, которые каждый день терпят лишения, находятся на грани жизни и смерти. Лексическая единица **der Kommiss** переводится, как военная служба, в словаре дается с пометами «разговорное» и «уничижительное»: “[umgangssprachlich, abwertend] Militärdienst” [DWDS, URL: <https://www.dwds.de/wb/Kommiss>].

Пример: *»Hast beim **Kommiß** in Frieden keine Sorgen«, teilt er mit* [Remarque 1971, s. 59].

Глагол **sich drücken** имеет в словаре помету «разговорный стиль» и означает «тайно исчезнуть, чтобы избежать неприятной ситуации»: определяется в словаре следующим образом: “[umgangssprachlich] heimlich verschwinden, um sich einer unangenehmen Lage zu entziehen” [DWDS, URL: <https://www.dwds.de/wb/sich+druecken>].

Пример: *“Schlimmer als Schanzen in der Champagne kann’s auch nicht sein”, erwiderte ich. Haie kaut und grinst: “Dauert aber länger. Kannst **dich auch nicht drücken**”* [Remarque 1971, s. 58].

Лексическая единица часто употребляется в контекстах, связанных с военной службой. В анализируемом контексте глагол **sich drücken** имеет значение *уклоняться, отлынивать от несения службы*.

Лексическую единицу **der Muskote** или **Muschkote**, имеющую французское происхождение (*Musketier* – *мушкетер*), можно отнести по классификации реалий С. Влахова и С. Флорина к категории внешних реалий. В немецкой лингвокультуре она не имеет нейтрального статуса, в словаре дается с пометой фамильярно-разговорного и даже вульгарного стиля речи, является жаргонным наименованием простого (рядового) солдата-пехотинца: “[salopp,abwertend] einfacher Soldat der Infanterie” [DWDS, URL: <https://www.dwds.de/wb/Muschkote?o=Musckote>].

Пример: *Das Nationalgefühl **des Muskoten** besteht darin, daß er hier ist. Aber damit ist es auch zu Ende, alles andere beurteilter praktisch und aus seiner Einstellung heraus* [Remarque 1971, s. 151].

Приведенный контекст имеет оттенок пренебрежительности, даже уничижительности, образ героя совсем не сочетается с романтизированными образами мушкетеров из французской литературы.

Следующие единицы являются авторскими окказионализмами. В романе в целом присутствует множество ярких описаний сцен приема пищи. Нередко случается так, что продовольствие в окопы доставляют поздно или же запасов не хватает. Однако когда героям все же удастся найти себе что-нибудь особенное на обед или ужин, день определенно становится лучше. В одной из сцен один из главных героев Боймер и его товарищи охраняют деревню и селятся в бетонированном погребе на случай атаки. Герои добывают некоторые припасы с продовольственного склада.

Пример: *Um zwei Uhr beginnen wir mit dem Essen. Es dauert bis sechs. Bis halb sieben trinken wir Kaffee – **Offizierskaffee** aus dem Proviantamt – und rauchen **Offizierszigarren** und Zigaretten – ebenfalls aus dem Proviantamt* [Remarque 1971, s. 172].

Используя окказионализмы **der Offizierskaffee** и **die Offizierszigarren**, автор показывает, что на фронте у солдата чаще всего нет права выбрать себе что-то по вкусу, а более достойное продовольствие получают военные с чином. Критично высказывается автор и по отношению к правоохранительным структурам в армии. Когда война подходила к концу, один из товарищей Боймера – Детеринг увидел цветущую вишню и заскучал по дому. На эмоциях он предпринимает попытку побега, которая заканчивается провалом.

Пример: *Beim Appell aber fällt sein Fehlen auf. Nach einer Woche hören wir, daß er gefaßt ist von den Feldgendarmen, **diesen** verachteten **Kommißpolizisten**...Jeder hätte daraus wissen können, daß die Flucht nur Heimweh und momentane Verwirrung war. Doch was begreifen Kriegsgerichtsräte hundert Kilometer hinter der Linie davon?* [Remarque 1971, s. 201].

Используя окказионализм **die Kommißpolizisten**, который имеет уничижительный и пренебрежительный оттенок, Ремарк подчеркивает

безжалостное отношение армейской полиции к чувствам простых солдат, уставших от жестокости войны.

Военная лексика может служить и как средство создания эмоциональности, т. е. выполнять эмотивную функцию. В конце романа Боймер размышляет о бессмысленности и бесчеловечности войны:

Пример: *Granaten, Gasschwaden und Tankflottillen – Zerstampfen, Zerfressen, Tod...* [Remarque 1971, s. 205].

С помощью этих единиц создается трагическая картина войны. «Сухое» перечисление дает читателю понять, что война несет только страдания, отчаяние и смерть, а окказионализм *die Tankflottillen* вызывает тревожные ассоциации и создает ощущение безысходности.

Проведенный анализ показал, что в художественных произведениях военной тематики наряду с нейтральной военной лексикой широко используются лексические единицы, имеющие свои семантические и стилистические особенности. Они являются эффективным средством для реализации авторского замысла, позволяют ярко и достоверно изобразить фронтовые будни простых солдат и офицеров и тем позволяют самым донести до читателя суровую и жестокую правду войны.

Литература

Бергельсон Г. Ю. Во имя мира / Г. Ю. Бергельсон. – Москва: Транспорт, 1991. – 12 с.

Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – Москва: Международные отношения, 1980. – 343 с.

Шевелева Г. И. Особенности перевода военных реалий в жанре мемуаров / Г. И. Шевелева, А. В. Часовских // Язык и культура в глобальном мире: сборник статей. – Санкт-Петербург, 2023. – С. 334-338.

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. (2024). URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 23.05.2025).

Jakosz M. Militärische Fachsprache in literarischen Kriegstagebüchern am Beispiel von „Schreib das auf, Kisch!“ von Egon Erwin Kisch / M. Jakosz., B. Wilke. – Linguistische Treffen in Wrocław. – Vol. 25. – 2024 (I). – S. 71–90.

Meyer G. Rhetorisch-stilistische Eigenschaften der Sprache des Militärs. Rhetorik und Stilistik / G. Meyer. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2009. – S. 2274-2288.

Wörterbuch der deutschen Umgangssprache // Academic.ru: [сайт]. – 2000. URL: <https://umgangssprache.de.de-academic.com> (дата обращения: 23.05.2025).

Источник примеров

Remarque E.M. Im Westen nichts Neues / E.M. Remarque. – Köln.: Verlag Kiepenheuer & Witsch. – 1971. – 214 S.

НАДЕЖДА В СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ЖИТИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖИТИЙ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ XX ВЕКА МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ)

Аннотация: Мы создаем корпус житий новомучеников и исповедников Московской епархии Русской Православной Церкви. На материале корпуса необходимо рассмотрение констант нашей культуры, в частности константы «надежда». Нами выявлено 15 лексем (120 словоупотребления). Проанализирована частность употребления лексем и словоупотреблений, сочетаемость слов, отнесенность некоторых лексем к двум понятиям, выполнен сопоставительный анализ функционирования в житиях понятий «надежда», «вера» и «любовь».

Ключевые слова: корпусная лингвистика, житие, современная русская литература, аксиология, надежда.

Одной из актуальных проблем современных гуманитарных наук является изучение базовых неизменных понятий, которые легли в основу той или иной культуры. Нас интересуют основные понятия русской культуры, которые основаны на религиозных ценностях и, в свою очередь, легли в основу нашей светской жизни. На наш взгляд, этот анализ правомерно начать с анализа житий – в том числе современных житий новомучеников и исповедников.

В настоящий момент в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова ведется работа над корпусом современных житий, а именно такой разновидности этого жанра, как житие новомучеников и исповедников (подробнее см. в [Суровцева 2018, 2024в]). Мы ограничились восемью томами «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии» [Жития новомучеников и исповедников...]. Всего в издание входит 341 текст, охватывающий 385 имен и созданный 12 составителями (в основном священнослужителями), что составляет примерно 390 000 словоупотреблений. Работа ведется с помощью автоматизированной системы работы с текстами и словарями «Диктум», созданной программистами для нашей лаборатории. Мы можем назвать только один корпус житийных текстов – это корпус русских агиографических текстов XV – XVII веков [СКАТ], поэтому хочется надеяться, что наш проект внесет свой скромный вклад в изучение русских житий методами корпусной лингвистики.

Работая над корпусом, мы ставим себе целью не только систематизацию и анализ лексики избранных текстов, не только литературоведческое, богословское, историческое их комментирование, но и рассмотрение важнейших констант русской культуры – в частности,

того, как они представлены на лексическом уровне. Нами составлен предварительный список этих констант (общим числом 20), в числе которых, например, *Бог, вера, грех, дружба, любовь, святость, труд* и др. (подробнее см. в [Суровцева 2024г]). Актуальность подобных исследований обусловлена, в частности, тем, что они вписываются в новую интегративную дисциплину – теолингвистику, которая формируется «в наши дни на пересечении двух различных сфер познания – теологии в ее самом общем истолковании как религиозного видения реальности и лингвистики как осмысления жизни языка» [Постовалова 2022, с. 7].

В настоящий момент мы ставим себе целью рассмотреть понятие *надежда*. Поиск велся по корню *-надеж-/-надежд-*, таким образом получен список из 15 лексем (120 словоупотреблений). Приведем полученный нами перечень (слова приведены нами в том порядке, в каком «распределила» их программа – сначала слова с заглавной буквы по алфавиту, затем слова со строчной буквы по алфавиту; в скобках приводится частотность):

Надежда (45)
Надеждин (21)
Надеждина (1)
Надеждины (1)
безнадежно-унылый (1)
безнадежно (1)
безнадежность (1)
безнадежный (8)
надежда (31)
надежно (2)
надежный (3)
ненадежный (1)
обнадежить (1)
неблагонадежность (2)
неблагонадежный (1)

Полученный нами материал позволяет поставить ряд важных вопросов.

Во-первых, сочетаемость слов. Здесь нам поможет изучение контекстов. В качестве примера приведем контексты слова *безнадежный* (обозначение {П} после заглавного слова обозначает, что данное слово – прилагательное; затем через пробел указана его частотность; после знака N= дается номер конкретного словоупотребления; нами дан максимально широкий контекст, который можно получить автоматически).

БЕЗНАДЕЖНЫЙ{П} 8
N=48430\

| в состоянии ли осуществить, хотя относительно, пастырский идеал или уже =>безнадежен. <=От этого и будет зависеть судьба моей жизни. Господь сохранит

N=49559\

| хотя самое последнее местечко в Царствии Твоем. Стало быть, не =>безнадежна <=наша участь при этом переселении в ту загробную жизнь, стало

N=84828\

| никогда не был на исповеди, причащал, ободрял, утешал отчаявшихся и =>безнадежных. <=Устроение его сердца в это время хорошо характеризуют строки из

N=88211\

| больше не повышалась. Только тогда ей сказали, что ее считали =>безнадежной. <=С Рождества 1937 года в Москве начались массовые аресты духовенства.

N=202186\

| легких и тяжело страдала. Лекарства не помогали, состояние ее считали =>безнадежным. <=Она уже готовилась к смерти, но однажды ночью во второй

N=222067\

| стала болеть активным туберкулезом легких и находилась, что называется, в =>безнадежном <=состоянии, ибо врачи даже отказывались лечить меня. Я дала обет,

N=245264\

| единомыслия! Зачем вы берете на себя неблагоприятную задачу? Зачем говорите =>безнадежные <=речи? Ведь против церковного сознания боретесь вы. Бойтесь, как бы

N=314917\

| свирепствует тиф... Свое письмо Вы заканчиваете мрачными опасениями и выражением =>безнадежных <=чувств. Конечно, жизнь наша полна бедствий и не сулит пока

Во-вторых, частотность лексем. Самое частотное слово – имя собственное **Надежда** (45 словоупотреблений), за ним идет слово **надежда** (нарицательное; 31 словоупотребление). Восемь из пятнадцати слов употребляются по одному разу (**безнадежно**, **обнадежить** и пр.).

В-третьих, отнесение некоторых слов к выделяемым нами лексико-семантическим полям. Так, **Надежда** и **Надеждин** относятся к группе имен собственных; **безнадежно-унылый** – к словам с дефисным написанием.

В-четвертых, отнесенность некоторых слов сразу к двум понятиям: лексемы **неблагонадежный** и **неблагонадежность** относятся не только к понятию надежды, но и к понятию блага.

В-пятых, заслуживает особого рассмотрения вопрос о соотношении частотности слов и словоупотреблений. Слов со значением «отсутствие надежды» в корпусе больше, однако по количеству словоупотреблений намного больше слов со значением «наличие надежды». Мы полагаем, что частотность употреблений лексем с положительной семантикой может служить косвенным подтверждением важности для православного сознания именно «положительности», так как Православие говорит нам прежде всего не о зле, грехе и пр., а о добре, святости (зло и грех – отсутствие добра и святости, а не особая сущность).

В-шестых, представляет несомненный интерес сопоставительное изучение функционирования в житиях понятия *надежды* с понятиями *веры* (о б этом понятии подробнее см. в [Суровцева 2024а]) и *любви* (об этом понятии подробнее см. в [Суровцева 2024б]) – с другими двумя христианскими добродетелями (именно такое обозначение имеют *вера*, *надежда* и *любовь* в православном богословии). Данные о частотности лексем и словоупотреблений, относящихся к названным понятиям, приведем в Таблице 1.

Таблица 1

Понятие	Количество слов	Количество словоупотреблений
Вера	64	1333
Надежда	15	120
Любовь	32	387

В-седьмых, программа «Диктум» позволяет установить, в каком тексте употреблена та или иная лексема. Например, лексема *надежный* употребляется по одному разу в трех текстах:

- 1) в житии священномученика Петра Любимова (день памяти 14 марта по новому стилю; составитель жития священник Олег Митров);
- 2) в житии священномученика Сергия Лебедева (день памяти 22 марта по новому стилю; составитель жития игумен Дамаскин Орловский);
- 3) в житии священномученика Сергия Голощапова (день памяти 20 декабря по новому стилю; составитель жития игумен Дамаскин Орловский).

На наш взгляд, изучение функционирования понятий в конкретном тексте поможет нам лучше осознать не только само понятие, но и текст, в котором оно употреблено.

Работа над выделением важнейших понятий русской культуры в корпусе «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии» продолжается, составленный нами предварительный список будет пополнен, каждое понятие будет подробно проанализировано.

Литература

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии. В 8 т. – Тверь: Булат, 2002. – 2005.

Постовалова В. И. Теолингвистика. Истоки. Основания. Концепты / В. И. Постовалова. – Москва: Издательство Братства святителя Алексия, 2022. – 1048 с.

СКАТ – Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов – <https://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=project> (дата обращения: 03.10.2025).

Суровцева Е. В. Вера в русской языковой картине мира (на материале житий новомучеников и исповедников XX века Московской Епархии) / Е. В. Суровцева // Лексикография цифровой эпохи: Сборник материалов II Международного симпозиума (20–22 ноября 2024 г.) / Отв. ред. Е. А. Юрина, С. С. Земичева. – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2024а. – С. 272-275.

Суровцева Е. В. Корпус житий новомучеников и исповедников (на материале «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии»): Состав и подготовка текстов, лексические особенности / Е. В. Суровцева // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Вып. 60. – Москва: МАКС Пресс, 2018. – С. 226-234.

Суровцева Е. В. Любовь в современной русской церковной литературе (на материале корпуса «Житий новомучеников и исповедников российских XX века Московской епархии») / Е. В. Суровцева // Двадцать второй Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Человек в горизонтах русской духовной культуры: ценности-смыслы-практики служения Отечеству: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Сост. И. Н. Морозова; Челябинский государственный институт культуры. – Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2024б. – С. 60-63.

Суровцева Е. В. О мультимедийном корпусе «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2024в. – № 1. – С. 178-183.

Суровцева Е. В. Русская аксиология как объект лексикографического исследования (на материале корпуса «Житий новомучеников и исповедников российских XX века Московской епархии») / Е. В. Суровцева // Диалог культур в глобализирующемся мире: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) / Под ред. В. Э. Манаповой. – Махачкала: АЛЕФ, 2024г. – С. 34- 36.

В. Ю. Сухотина (Тула, Россия)

КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» В РОМАНЕ В. В. ВЕРЕСАЕВА «СЕСТРЫ» КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье в рамках лингвокультурологического подхода рассмотрена специфика концепта «Семья», отраженного в художественном произведении. Выделены актуальные и пассивные признаки концепта «Семья» в романе В. В. Вересаева «Сестры». Концепт «Семья» описан в объединении с культурными таксонами *Старая жизнь*, *Новая жизнь*, выявлены семантические отношения языковых единиц.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, культурная парадигма.

Концепт является объектом исследования лингвокультурологии. Ранее он рассматривался в соотношении с понятием, однако в настоящее время данные термины разграничиваются. Концепт понимается Ю. С. Степановым как инструмент, средство, при помощи которого человек становится частью культуры, взаимодействует с ней. При изучении концепта представляется возможным определить каким образом культура оказывает влияние на внутренний мир человека. В связи с этим концепт определяется также как «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 2004, с. 43]. Согласно лингвокультурологическому подходу, концепт воспринимается как знание, фиксирующееся в культуре и трансформирующееся ввиду исторических и общественных изменений. Информацией, заключенной в концепте, могут обладать члены лингвокультурного сообщества или социальные группы, для которых она является релевантной [Степанов 2004, с. 48].

Сопоставляя когнитивный и лингвокультурологический подходы к рассмотрению концепта, Г. В. Токарев выделяет следующие его свойства: объективность, структурированность, глобальность, историзм [Токарев 2003, с. 8]. Концепты способны объединяться в концептосферы, где происходит их взаимодействие – один концепт становится неотъемлемой частью другого: «в лингвокультурологическом понимании концепт – это не оперативная единица речемышления, а часть концептосферы, имеющая объективный, исторически детерминированный характер» [Токарев, 2003, с. 8]. Значение концепта складывается из актуальных и пассивных элементов и является отражением наивных представлений членов языкового общества [Степанов 2004, с. 46; Токарев 2004, с. 7].

Концепт «Семья» является абсолютной универсальной национальной ценностью. Данный концепт присутствует во всех культурных парадигмах. По мнению Ю. В. Железновой, «концепт “семья” является одним из базовых концептов для любого национального сообщества и имеет особую значимость как конституирующий элемент большинства социумов» [Железнова 2009, с. 7]. Говоря о концептосфере русского языка, А.С. Сказко подчеркивает важность данного сегмента культуры для представителей языкового сообщества: «Концепт “семья” является одним из наиболее значимых элементов культурной концептосферы России, он существует в коллективном сознании в виде совокупности представлений, образов, обусловленных спецификой национальной культуры» [Сказко 2005, с. 3]. Таким образом, концепт «Семья» также является элементом мировоззрения представителей лингвокультурной общности.

Образ семьи Ратниковых, описанный в романе «Сестры», не соответствует общепринятым нормам советской семьи. Сестры росли в неполной семье, а отношения с матерью были довольно напряженными. Сестры избегают общения с матерью, так как она живет старыми изжившими себя общественными установками дореволюционного

времени. Время повествования совпало с кардинальными общественными изменениями. Согласно А. С. Сказко, в начале XX представления о семье были подвержены «культурной универсализации», основанной на установленных государством установках: «К началу XX века в условиях культурных перемен концепт “семья” приобретает специфический смысл, связанный с культурной универсализацией, когда традиционные представления утрачивают свою самоценность, растворяясь в общепринятых нормах» [Сказко 2005, с. 8].

Выстраивание концептуальной модели предполагает выделение самого имени концепта и последующее определение смыслового наполнения его составных частей. Концепт «Семья» состоит из нескольких семантических полей: «родительские отношения», «брачные отношения», «родственные отношения» [Железнова 2009, с. 12]. Рассмотрим определение семьи как явления наивного мира.

Словарная статья толкового словаря Д. Н. Ушакова фиксирует прототипическое значение: ‘группа людей, состоящая из родителей, детей, внуков и близких родственников, живущих вместе’. Переносное значение: ‘Организация, группа людей, дружная и сплоченная общими интересами’. Например, *семья трудящихся* [Ушаков 1940, с. 145]. В следующем определении *семьи* отражены морально-этические положения вступления в институт семьи и брака: ‘Основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью’ [Прохоров 1969, с. 244]. Таким образом, концепт «Семья» соединяет в себе константные, архетипические и морально-этические характеристики, а также содержит культурный компонент, подразумевающий культурно-историческое развитие общества.

Семья как социальное явление получила свое развитие в связи с изменением представлений об обязанностях мужчины и женщины. Так, женщины могли занимать руководящие должности и принимали активное участие в общественной жизни, на что указывает наличие в тексте следующих феминитивов: *партийка, коммунистка, женделегатка, женщина-распорядительница, ударница*. В романе «Сестры» Лелька руководит политическим кружком, ее подруга, товарищ Ногаева заняла должность женорганизатора. Данный статус женщины отражен в культурном таксоне «Новая жизнь».

Следующим компонентом концепта «Семья» являются родительские отношения. В романе показана сложная динамика отношений между сестрами и матерью. Мать сестер олицетворяет старую жизнь, выступая против пролетариата, скованного чувством собственной выгоды: *И не видишь, до какой развращенности доведен рабочий класс в целом, как воспитывается в нем совершенно дворянская психология? Он вполне убежден, что он совсем какой-то особенный человек, не такой, как все*

остальные... [Вересаев «Сестры»]. Сестры же являются представителями нового мироустройства, возвышающие пролетариев как класс.

В тексте романа прослеживается несколько контекстных синонимов, привязанных к концепту «Семья». Парадигматические отношения проявляются в тексте при помощи пар *семья / ячейка*, *семья / дом*, *семья / родной человек*. Плотность соотношения различных концептов в рамках концептосферы определяется языковым воплощением их компонентов, а также их соответствием языковой норме и прагматической цели. Данные параметры указывают на уровень их сближения [Токарев 2004, с. 23]. В романе «Сестры» содержатся следующие сочетания с компонентом ячейка: *партийная ячейка*, *комсомольская ячейка*, *вузовская ячейка*. Сестры с трепетом остро воспринимают события, происходящие в ячейке, способствуют развитию производства в соответствии с новой организацией труда и относятся к членам бюро как к родным людям: *Лелька, как в родной уже дом, вошла в бюро ячейки, где толкались и оживленно делились впечатлениями густо за месяц загоревшие девчата и парни* [Вересаев «Сестры»]. В приведенном фрагменте бюро ячейки ассоциируется с родным домом, а ребята с близкими людьми. В тексте романа следует также отметить словосочетания *родной завод*, *родная партия*. В данных выражениях компонент *родной* указывает на любящее заботливое отношение работниц к производственному делу. Предприятие и общественные организации сравниваются с семьей, а к работникам относятся как к родственникам: *Комсомольская ячейка совместно с беспартийной молодежью организовала туда лыжную вылазку. <...> Ребята такие близкие и родные* [Вересаев «Сестры»]. Показательным является мнение работниц о Матюхиной, опытной мастерице галошного цеха. Работницы считают, что она беспокоится о производстве как о собственном ребенке, вкладывается в общее дело с любовью и заботой: *Матюхину! Лучшие не найти! Дело вот как знает. И за производство болеет, как за родного ребенка* [Вересаев «Сестры»]. Матюхина считает завод своим домом, является его частью и не представляет без него свою жизнь: *Она жила в производстве и должна была умереть у станка, потому что для таких людей выйти «на социалку» и в бездействии, вне родного завода, жить «на отдыхе», на пенсии – хуже было, чем умереть* [Вересаев «Сестры»].

Одна из коллег Матюхиной Лелька относится к партии как к родному дому, болея за ее проблемы как за свои: *И гремящее, сверкающее звуками море несло Лельку на своих волнах, несло в страстно желанное и наконец достигнутое лоно всегда родной партии для новой работы и для новой борьбы* [Вересаев «Сестры»]. А. С. Сказко указывает на соотношение понятий *род*, *дом*, *семья*, говоря о архетипическом характере данной связи: «Первичный исторический пласт культурного концепта “семья” связан с понятиями “рода”, “родства”, “первопредков”» [Сказко 2005, с. 17]. Таким

образом, концепт «Семья» в тексте романа соотносится с такими понятиями, как *дом, ячейка, родной человек*. Понятия *дом, родной человек* относятся к универсальным явлениям наивного мира, в то время как компонент *ячейка* указывает на идеологическую составляющую концепта.

Культурный компонент концепта обращается к универсальным представлениям народа, согласно которым семья оценивается как группа людей, проявляющих заботу и поддержку по отношению к другим членам семьи. В романе «матерью» производства является пожилая работница Матюхина. Она следит за процессом производства и эффективностью работы галошниц, всегда готова прийти на помощь: *И неутомимо ходила [Матюхина] вокруг своего конвейера, осматривала и подмазывала каждую колодку, зорко следила, у какой работницы начинается завал, спешила на помощь и делала с нею ее работу* [Вересаев «Сестры»].

Согласно универсальным представлениям, старшие члены семьи передают знания младшим, что обеспечивает передачу ценного опыта из поколения в поколение. Матюхина оказывала всяческую помощь только начинающей свой трудовой путь Лельке: – *Не плачь над колодкой – брак будет!* – *И прибавила: – Халюганы, так они и будут халюганы. Не обращай внимания* [Вересаев «Сестры»]. Таким образом, культурный компонент концепта «Семья» связан с универсальными наивными представлениями народа о данном понятии [Токарев 2004, с. 10].

Концепт «Семья» в романе «Сестры» содержит архетипические, идеологические и национальные элементы значения. В романе значение концепта «Семья» переосмысливается и приближается к группе людей, объединенных общими устремлениями. В архетипическом плане семья рассматривается в сочетании с понятиями *дом, род, предок*. Семья представлена как институт, воспитывающий дисциплинированного трудолюбивого нового человека. Семья рассматривается как хранилище универсальных и коллективных ценностей, передающихся из поколения в поколение. Концепт «Семья» репрезентирует культурные таксоны «Старая жизнь», «Новая жизнь».

Литература

Большая советская энциклопедия: [В 30 т.] / Глав. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва: Сов. энциклопедия, 1969.

Вересаев В. В. «Сестры» [Электронный ресурс]: Электронная библиотека RoyalLib.Com». – Электрон. – режим доступа: https://royallib.com/read/veresaev_v/sestri.html (дата обращения: 16.10.2025).

Железнова Ю. В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «Семья»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Ю. В. Железнова. – Ижевск, 2009. – 27 с.

Сказко А. С. Трансформация концепта «семья» в культуре России: автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. С. Сказко. – Ставрополь, 2005. – 22 с.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 3, испр. и доп. – Москва: Академический Проект, 2004. – 992 с.

Токарев Г. В. Дискурсивные лики концепта: монография / Г.В. Токарев. – Тула, 2004. – 108 с.

Толковый словарь русского языка. Т. 4. С – Ящурный/ гл. ред.: Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; сост.: В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1940.

В. В. Чалый (Краснодар, Россия)

**ЭКСПРЕССИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
В КОММУНИКАТИВНОЙ СИСТЕМЕ РАССКАЗА
А. П. ЧЕХОВА «СЕРЬЕЗНЫЙ ШАГ»**

Аннотация. В статье проводится лингвистический анализ литературного произведения с целью выявления экспрессивно выраженных языковых единиц; изучается семантика речевых сообщений, в которых наиболее ярко проявляется экспрессивный компонент, отражающий авторскую оценку поступков своих героев; рассматривается возможность изучения художественно-изобразительных средств через призму эмоционально-экспрессивного фона представленной в тексте коммуникативной ситуации; характеризуются не только особенности лексикона главного персонажа, но и индивидуальные черты его речевого поведения с момента начала конфликта до кульминационного разрешения противоречия; анализируются те контекстуальные фрагменты, которые особенно важны для верной интерпретации авторского замысла.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, экспрессивный потенциал, оценочная характеристика, авторский акцент.

Сегодня среди множества дискуссионных проблем изучения разных аспектов речевой организации литературного произведения особое место занимают вопросы, посвященные анализу семантики языковых единиц. На наш взгляд, с точки зрения современной филологической науки весьма перспективным и первостепенно значимым является исследовательское направление в области коммуникации художественного текста. По мнению Н. Д. Арутюновой, «коммуникативный подход к значению предполагает, что семантическое содержание слова формируется под влиянием его роли в сообщении. Если, отвлекаясь от отношений, предваряющих высказывание, то есть от номинации и экзистенции, считать, что в предложении регулярно реализуются две основные коммуникативные функции – идентификация предметов, о которых идет речь, и предикация, вводящая сообщаемое, то можно ожидать, что значение слов приспособляется к выполнению одного из этих двух заданий» [Арутюнова 2003, с. 326]. При этом сам коммуникативный процесс, предопределяющий употребление писателем слов в определенном (прежде всего, для реализации авторского замысла) смысле, безусловно, оказывает большое влияние на первоначальный выбор речевых средств, а затем на их

дальнейшее функционирование в языковой системе конкретного литературного произведения.

Изучая коммуникативный потенциал разных вербально и невербально выраженных единиц, которые использует Антон Павлович Чехов в своей прозе, нередко обнаруживаем высказывания с особой экспрессивной окраской. И. А. Стернин утверждает, что «экспрессия – понятие функциональное; в системе языка нет экспрессивных единиц, а есть единицы, форма и содержание которых могут послужить основой их экспрессивного употребления в речи. Одни лексические единицы используются экспрессивно чаще, другие – реже, но экспрессивному употреблению может быть подвержена любая значимая единица языка. Экспрессивность возникает в коммуникативном акте как реализация экспрессивных потенций слова; эти потенции имеют семантическую основу» [Стернин 1987, с. 136-137]. В соответствии с этим считаем важным проанализировать в языке чеховского художественного текста особые контекстуальные фрагменты, содержащие экспрессивный компонент, и установить их функциональное значение в развитии общей сюжетной линии произведения.

А. Д. Степанов отмечает, что «внимание Чехова к экспрессивным жанрам обусловлено не только и не столько состраданием к героям, сколько интересом к парадоксам коммуникации. Экспрессивные жанры, наряду с фатическими, – наиболее «частные», неофициальные во всем континууме речевых жанров. Человек, сосредоточенный на собственных эмоциях, обычно выпадает (насколько это вообще возможно) из ролевого поведения. Самовыражение непредставимо в официальных ситуациях, требующих сдержанности, и потому обычные фреймы для экспрессивных жанров – это приватные ситуации. Можно сказать, что именно эти жанры и ситуации уравнивают людей. По чеховским текстам легко проследить, как сходные, а иногда дословно совпадающие жалобы и осуждения звучат в устах героев разного возраста и социального статуса, в том числе и находящихся на противоположных концах социальной лестницы» [Степанов 2005, с. 244-245].

Как нам кажется, коммуникативная основа рассказа Антона Павловича Чехова «Серьезный шаг» состоит из ряда речевых сообщений, семантика которых содержит экспрессивный потенциал и тем самым формирует авторское отношение к поведению персонажей. В начале произведения автор информирует читателя об опасениях, которые испытывает центральный персонаж – глава семьи, когда узнает об установившемся межличностном общении единственной дочери со своим возлюбленным:

Алексей Борисыч, только что расставшийся с послеобеденным Морфеем, сидит с женой Марфой Афанасьевной у окна и ворчит. Ему не

нравится, что его дочь Лидочка пошла гулять в сад с Федором Петровичем, молодым человеком...

- Терпеть не могу, – бормочет он, – когда девицы настолько забываются, что теряют стыдливость. **В этих шатаньях по саду, по темным аллеям я**, кроме безнравственности и распущенности, ничего не вижу. Ты мать, а ничего не видишь... Впрочем, по-твоему, так и надо, чтоб девушка глупостями занималась... По-твоему, ничего, если они там **амуриться начнут... Ты сама бы рада на старости лет, стыд забывши, на randevу поскакать...**

И далее:

- Что ж? Пусть по-твоему... Пусть там целуются, обнимаются... Хорошо... пусть... Не я буду перед богом отвечать, если девчонке **вскружат голову... Целуйтесь, деточки! Женихайтесь!**

Полагаем, что в рассматриваемых фрагментах писатель А. П. Чехов представляет своеобразный лексикон персонажа-отца, обеспокоенного судьбой дочери. Речь Алексея Борисыча изобилует категоричными по содержанию выражениями (так, видимо, писатель иронично изображает тип очень строгого родителя, который не может смириться с тем, что дочь уже выросла и проявляет симпатию к молодому человеку), в частности он апеллирует к своей супруге с назидательными фразами: «Ты мать, а ничего не видишь» и «Ты сама бы рада на старости лет, стыд забывши...». Кроме того, глава семьи применяет экспрессивно-сниженные по своему значению речевые обороты (просторечие) «шатанья по лесу», «темные аллеи», «амуриться начнут» «на randevу поскакать», «женихайтесь!», характеризующие его как человека, позволяющего себе грубость и бесцеремонность в выражении эмоций.

- Как хочешь, а я этого допустить не могу... Он ей не партия, да и ей спешить нечего... **Судя по нашему состоянию и ее красоте, у нее женихи еще почище будут...** Впрочем, зачем это я с тобой разговариваю? Очень мне нужно с тобой разговаривать! Его прогнать, а Лидку на замок – вот и все... Так и сделаю.

Обращает на себя внимание данная коммуникативная ситуация: в диалоге с супругой (матерью Лидочки) персонаж Алексей Борисыч отстаивает собственное родительское право решать, какой именно мужчина может составить семейное счастье его дочери. Он вполне высоко оценивает статус своей семьи и внешние данные дочери, поэтому в монологе произносит экспрессивно-значимое утверждение («у нее женихи почище будут»), коннотация которого усиливает позицию самого говорящего: перед читателями произведения – слишком принципиальный отец, для него нет других авторитетов, способных изменить сложившийся взгляд на личную жизнь повзрослевшего родного человека.

Старик говорит вяло, зевая, словно резину жуёт; видно, что он ворчит только потому, что у него **под ложечкой сосет и язык без**

костей, но старуха принимает близко к сердцу каждое его слово. Она всплескивает руками, огрызается и кудачет, как курица.

Полагаем, что фразеологизмы, которые использует автор в описании непростой коммуникативной ситуации внутри одного отдельного семейства, играют немаловажную роль экспрессивно-оценочной характеристики персонажей: с одной стороны, читатель наблюдает за речевой деятельностью Алексея Борисыча (великовозрастный отец, не отдающий себе отчета за каждое произнесенное слово) и, с другой стороны, испытывающая на себе его влияние супруга. Персонаж-женщина подвергается большому воздействию, что отражается на ее невербальном и вербальном поведении: автор через ряд однородных членов (в добавление к этому употребляемом сравнительном обороте), эмоционально выраженных глагольными формами, изображает ее сложное психическое состояние.

*Дело кончилось бы, как всегда, внушительным плевком и слезами, но тут старики вдруг видят нечто необычайное: дочь их Лидочка, с растрепанной прической, мчится по аллее к дому. Одновременно с этим далеко на повороте аллеи **показывается из-за кустов соломенная шляпа Федора Петровича...** На этот раз молодой человек поразительно бледен. Он нерешительно делает два шага вперед, потом машет рукой и быстро шагает назад. Засим слышно, как Лидочка вбегает в дом, пролетает сквозь все коридоры и громко запирается в своей комнате.*

На наш взгляд, автор произведения использует метонимию, предназначение которой – представить, скорее, не самого возлюбленного дочери, а яркий предмет ему принадлежащий. Такая художественная деталь, как «соломенная шляпа», наверное, должна указать читателю чеховского рассказа на невысокий социальный статус Лидочкиного избранника и одновременно на его простоту в отношениях с противоположным полом.

*Старик и старуха с тупым удивлением переглядываются, потупляют взоры и слегка бледнеют. Оба молчат и не знают, что говорить. **Смысл загадки для них ясен, как божий день.** Оба без слов понимают и чувствуют, что сейчас, пока они тут ворчали и крысились друг на друга, была решена судьба их девочки. Достаточно иметь самое обыкновенное человеческое чутье, не говоря уж о родительском сердце, чтобы понять, какие минуты переживает теперь Лидочка, запершись в своей комнате, и какую важную, роковую роль играет в ее жизни удаляющаяся соломенная шляпа...*

Здесь констатируем авторский акцент на описании кульминации, представленной в исследуемом художественном тексте коммуникативной ситуации: использование Чеховым сравнительного оборота в составе фразеологизма указывает на случившееся разрешение противоречий между персонажами – родителями и их дочерью. Сказуемым,

выраженными глаголами со значением отрицательных эмоций («ворчали», «крысились») как будто противопоставлен «выбор свыше», семантически проявляющийся во фразе «была решена судьба их девочки». Затем писатель снова применяет иронию, переданную через уже знакомую читателю метонимию («удаляющаяся соломенная шляпа»).

Таким образом, на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях языка рассказа Антона Павловича Чехова «Серьезный шаг» обнаруживаем функционирование экспрессивно выраженных речевых единиц, которые являются средствами индивидуально-авторской характеристики персонажей и служат своеобразными элементами описания коммуникативной (внутрисемейной) ситуации, представленной в произведении.

Литература

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы) / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Изд-во «Едиториал УРСС», 2003. – 384 с.

Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова / А. Д. Степанов. – Москва: Изд-во «Языки славянской культуры», 2005. – 400 с.

Стернин И. А. Семантическая основа экспрессивного словоупотребления / И. А. Стернин // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1987. – С. 133-137.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. Сочинения в 18 т. / А. П. Чехов. – Москва: Наука, 1974–1983. – Т. 5. – С. 205-208.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ

*Р. С. Баширова, М. В. Камашева
(Елабуга, Республика Татарстан, Россия)*

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ У ДЕТЕЙ-НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА: ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ДЕТЕЙ)

Аннотация. Статья представлено описание этапов развития языкового сознания у детей-носителей языка, рассматривается его роль в когнитивном и личностном становлении; описаны теоретические основы, языковые особенности (на примере русскоязычных детей); сформулированы выводы, предложены перспективы исследования и рекомендации для педагогов и родителей.

Ключевые слова: языковое сознание, дети-носители языка, развитие, культурная идентичность, психолингвистика.

Термин «языковое сознание» был введен Е. Ф. Тарасовым в психолингвистический обиход в 1988 г. на IX Всесоюзном симпозиуме по психолингвистике. По мнению ученого, языковое сознание – это совокупность образов сознания, которые опосредованы языком и участвуют в процессе речевой деятельности. По Е. Ф. Тарасову, языковое сознание включает в себя когнитивные, культурные и социальные аспекты, которые формируют индивидуальное и коллективное понимание языка. Язык не только служит средством общения, но и формирует наше восприятие реальности, мышление и культурные идентичности [Тарасов 2010, с. 736].

Языковое сознание играет центральную роль в детском развитии, являясь основой для формирования мышления, познавательных процессов, личности и успешной социализации. Через язык ребенок не только осваивает окружающий мир, но и учится категоризировать информацию, развивает абстрактное мышление и интериоризирует речь, превращая ее во внутренний инструмент познания. Оно обеспечивает эффективную коммуникацию, позволяя понимать и выражать себя, усваивать социальные нормы и культурные ценности. Кроме того, языковое сознание формирует самоидентификацию ребенка, его внутренний диалог и способность к саморегуляции, что критически важно для всестороннего развития и подготовки к обучению [Камашева 2021, с. 163-164].

Актуальность темы в современном контексте обусловлена возрастающими требованиями к коммуникативной компетенции и когнитивной гибкости личности в информационном обществе. Глубокое понимание этапов и механизмов формирования языкового сознания у детей становится критически важным для разработки эффективных педагогических стратегий, направленных на развитие критического мышления, метакогнитивных навыков, а также для своевременной диагностики и коррекции речевых нарушений. Современные исследования в области психолингвистики и педагогики подтверждают, что изучение этого феномена позволяет не только максимально раскрыть лингвистический потенциал ребенка, но и обеспечить прочный фундамент для всей его познавательной деятельности и успешной социальной адаптации.

Развитие языкового сознания – это сложный и многогранный процесс, который исследуется в различных областях, таких как лингвистика, психология, педагогика. Теоретические основы развития языкового сознания опираются на труды ведущих психологов, лингвистов, которые рассматривали взаимосвязь языка, мышления и культуры. Ключевыми концепциями являются следующие.

Культурно-историческая теория Л. С. Выготского. Психолог рассматривал развитие языкового сознания как процесс интериоризации: внешняя, социальная речь постепенно переходит во внутренний план,

превращаясь во внутреннюю речь (мысль, выраженную словами) в процессе взаимодействия ребенка с окружающим миром и культурой. В данной теории подчеркивается взаимодействие со взрослыми и более опытными сверстниками, которое играет решающую роль в развитии высших психических функций, включая языковое сознание. Слово, в концепции Л. С. Выготского, не просто называет предмет, оно обобщает его, несет в себе понятие, которое формируется в социально-культурном контексте [Выготский 1996, с. 15].

Когнитивная теория Ж. Пиаже. В отличие от Л. С. Выготского, Ж. Пиаже считал, что когнитивное развитие (развитие мышления) предшествует языковому. Швейцарский психолог рассматривал соотношение биологического и социального в развитии языкового сознания как часть общего сенсомоторного развития ребенка: сначала у него формируется сенсомоторный интеллект – «логика действий», обеспечивающая генерализацию действий и освоение предметных отношений; затем, примерно со второго года жизни, происходит переход к концептуальной логике, когда ребенок начинает использовать язык как знаковое средство – имитирует жесты взрослых, внутренне представляет схемы действий и развивает семиотическую (знаково-символическую) функцию. Таким образом, язык является средством выражения уже сформированных когнитивных структур [Пиаже 1994, с. 266].

По мнению А. Р. Лурии, когда ребенок осваивает значения слов, он превращает их во внутренние символы своего мышления. Процесс обучения социально приемлемым способам взаимодействия с предметами, имеющими функциональное значение в обществе, помогает ребенку усвоить познавательные нормы и стандарты. В результате взаимодействия с этими предметами формируются его психические процессы и языковое сознание [Лурия 1979, с. 147].

Согласно взглядам А. Н. Леонтьева, наследственные биологические особенности психики являются лишь одним из важных условий ее формирования. Однако не менее значимым фактором в развитии сознания ребенка, включая речевое сознание, является окружающий его мир – явления и предметы, созданные трудом предшествующих поколений. Как отмечал А. Н. Леонтьев, процесс освоения языка происходит в контексте реальных отношений человека с окружающим миром. Эти отношения не зависят от самого человека и его сознания, а определяются конкретными историческими и социальными условиями, в которых он живет, а также тем, как складывается его жизнь в этих условиях [Леонтьев 1975, с. 78].

Н. Хомский предложил теорию «врожденных знаний», согласно которой у ребенка есть врожденные языковые структуры, которые активируются, когда он слышит речь вокруг себя. В соответствии с этой концепцией, ребенок формирует гипотезы о правилах языка, основываясь на фразах, произносимых взрослыми (так называемых «первичных

лингвистических данных»). Затем он использует эти гипотезы для предсказания структуры будущих предложений, сравнивает свои предсказания с теми предложениями, которые он слышит, отказывается от тех гипотез, которые не подтверждаются, и развивает те, которые оказались правильными [Песина 2016, с. 123-128].

Таким образом, в отечественной психологии и психолингвистике ключевым является подход, согласно которому психическое развитие личности рассматривается как социальный процесс. Социализация человека заключается в усвоении культурных норм и ценностей общества, в котором он живет. В этом контексте овладение языком играет центральную роль. Язык, будучи социальным по своей природе, служит носителем культурного опыта всего общества для каждого отдельного индивида. Он помогает ребенку понять и вписаться в социальный опыт коллектива, а также фиксирует этот опыт в его сознании.

Для подробного рассмотрения этапов развития языкового сознания у детей-носителей языка обратимся к культурно-исторической теории Льва Семеновича Выготского, в научной концепции которого подчеркивается социальный характер развития высших психических функций, язык рассматривается не просто как средство общения, а как мощнейший инструмент формирования мышления и сознания, который зарождается во внешнем взаимодействии и затем интериоризируется, становясь внутренним.

По Л. С. Выготскому, все высшие психические функции (внимание, память, мышление) изначально возникают в общении между людьми (интерпсихический уровень) и лишь затем переходят во внутренний план личности (интрапсихический уровень). Язык является тем знаковым средством, которое опосредует этот переход. Развитие языкового сознания – это процесс интериоризации речи, превращения ее из инструмента социального взаимодействия в инструмент индивидуального мышления и саморегуляции. Центральное место занимает идея о единстве мышления и речи, где слово несет в себе обобщение и выступает как единица, отражающая связь языка и сознания [Выготский 1996, с. 21].

Опираясь на эту концепцию, можно выделить следующие этапы развития языкового сознания у детей-носителей языка (на примере русскоязычных детей):

1. Довербальная стадия: первичное восприятие (от рождения до 1 года). На этом этапе ребенок еще не владеет речью, но активно участвует в интерпсихическом общении. Основными формами коммуникации являются крик, гуление, лепет, а также эмоциональные и жестовые реакции на окружающих. Ребенок реагирует на интонации и ритм речи, начинает различать фонемы родного языка (развивается фонематический слух). Взрослый, обращаясь к ребенку, формирует вокруг него «речевую среду», которая является прообразом будущего языкового сознания.

На данном этапе проявление языкового сознания осуществляется следующим образом: ребенок начинает устанавливать «первичные связи» между звуками, жестами и ситуациями. Например, слыша мамин голос (по-русски) и видя ее лицо, формируется связь «звук + образ = комфорт / внимание». Это еще не осознанное владение языком, но фундамент для его формирования.

2. Стадия первых слов и «слов-предложений»: от внешнего действия к первым знакам (от 1 года до 2 лет). Появление первых осмысленных слов (*мама, папа, дай, бах, ням-ням*). Эти слова часто носят характер «слов-предложений», обозначая целую ситуацию или желание. Например, слов *дай* может означать «дай мне игрушку». Ребенок активно имитирует звуки и слова взрослых. Начинается освоение знаковой функции языка – понимание того, что слово обозначает конкретный объект или действие.

Проявление языкового сознания происходит в активной интериоризации первых словесных знаков. Слово еще тесно связано с конкретной ситуацией и действием. Оно является «орудием» для достижения цели в социальном взаимодействии. Ребенок использует слово, чтобы воздействовать на окружающих, и через это воздействие постепенно осознает его значение. Языковое сознание начинает переходить от простого восприятия к использованию языка как средства мышления, пока еще на уровне конкретных ситуаций.

3. Стадия фразовой речи и эгоцентрической речи: язык как средство организации мышления (от 2 до 4 лет). Быстрый рост словарного запаса и активное развитие фразовой речи. Ребенок начинает строить простые предложения из 2-3 слов (*мама иди, я хочу кукла*). Он осваивает основные грамматические категории (падежи, число, время), часто через гиперобобщение правил (*много стулов* вместо *много стульев*), допускает первые ошибки в падежах и падежных окончаниях. На этом этапе активно проявляется эгоцентрическая речь – ребенок говорит вслух сам с собой во время игры или выполнения действия.

Проявлением языкового сознания становится эгоцентрическая речь, которая является переходной формой от внешней речи к внутренней. Она служит для организации и регуляции собственного поведения и мышления. Ребенок проговаривает свои действия, планирует их. Это активный процесс интериоризации внешней речи, превращения ее в инструмент собственного мышления. Языковое сознание становится более обобщенным, ребенок начинает понимать не только конкретные значения слов, но и их системные связи в предложении.

4. Стадия внутренней речи и сложного синтаксиса: язык как доминирующий инструмент мышления (дошкольный возраст, 4-7 лет). Развивается связная речь, появляются сложные и сложноподчиненные предложения. Эгоцентрическая речь постепенно исчезает из внешнего плана, трансформируясь во внутреннюю речь. Ребенок способен

составлять рассказы, пересказывать, выражать свои мысли и чувства более развернуто. Активно формируются навыки диалогической и монологической речи.

Проявление языкового сознания: внутренняя речь становится доминирующей формой вербального мышления. Она свернута, предикативна, семантична и служит для планирования, рефлексии. Языковое сознание переходит на качественно новый уровень, где язык выступает как основной инструмент для формирования понятий, логических операций и саморегуляции. Развивается металингвистическая осознанность – ребенок начинает интересоваться языком как объектом, играть со словами, рифмами.

5. Стадия письменной речи и систематизации: сознательное и произвольное владение языком (младший школьный возраст, 7-12 лет). Овладение письменной речью – это новый, более сложный и осознанный вид языковой деятельности. Ребенок систематически изучает грамматику, орфографию, синтаксис языка. Его речь становится более логичной, аргументированной, соответствующей норме. Развивается способность к анализу текста, пониманию подтекста, созданию собственных текстов.

На данном уровне языковое сознание развивается следующим образом: письменная речь требует максимальной осознанности и произвольности. В отличие от устной речи, она не опирается на ситуацию и интонацию, что заставляет ребенка более четко формулировать свои мысли. Это приводит к дальнейшему развитию внутренней речи и логического мышления. Языковое сознание становится рефлексивным – ребенок не просто использует язык, но и осознает его структуру, правила, возможности. Язык становится мощным инструментом для культурного освоения мира и систематического обучения.

В зависимости от того, носителем какого языка является ребенок, формирование языкового сознания получает языково-специфическую окраску.

Укажем особенности развития языкового сознания у русскоязычных детей на основе концепции Л. С. Выготского:

1. Активное формирование обобщений через богатую морфологию и флексию. Русский язык является высокофлективным: слова изменяются по падежам, числам, родам, временам, видам и т.д. (*стол, стола, столу, столом*; читать, прочитать). Для русскоязычного ребенка это означает раннее и интенсивное овладение сложными системами окончаний и приставок. Эти морфологические элементы несут в себе важные грамматические значения, которые ребенок должен усвоить и обобщить. Процесс интериоризации этих правил приводит к формированию более гибкого и аналитического языкового сознания. Ребенок учится понимать, что значение слова зависит не только от его лексической основы, но и от грамматической формы, что способствует развитию более сложного

категориального мышления. Например, падежные окончания помогают ребенку концептуализировать пространственные и объектные отношения (*на столе, под столом, к столу*) гораздо более детально, чем в аналитических языках.

2. Гибкость синтаксиса и развитие смысловой организации речи. В русском языке относительно свободный порядок слов в предложении, который часто используется для выделения смысловых акцентов и передачи эмоциональных нюансов. Эта особенность требует от ребенка более глубокого анализа не только лексического значения, но и интонации, контекста и грамматических связей (в первую очередь, падежей), чтобы понять смысл высказывания. Развитие языкового сознания включает в себя умение распознавать эти тонкие смысловые акценты и использовать их в своей речи. Это способствует развитию внутренней речи, которая становится способной к более сложной смысловой организации и оперированию идеями, не привязанными жестко к линейному порядку слов. Ребенок учится «упаковывать» мысль, выбирая оптимальный способ ее выражения.

3. Развитие концептуализации действия через систему видов глагола. В русском языке глаголы имеют категорию вида (совершенный / несовершенный), которая указывает на завершенность или незавершенность действия. Эта грамматическая категория вынуждает ребенка с ранних лет усваивать и концептуализировать действие не просто как факт, а с точки зрения его динамики, результата, повторяемости. В процессе интериоризации этой системы, внутреннее языковое сознание ребенка приобретает способность более тонко оперировать понятиями времени, процесса и результата, что отражается на его планировании и описании событий, например, различение словоформ *читал* (процесс) и *прочитал* (результат) глубоко встраивается в его мыслительные операции.

4. Богатство суффиксов и эмоционально-оценочная функция языка. Русский язык богат уменьшительно-ласкательными, увеличительными и другими оценочными суффиксами (*домик, зайчик, водичка; ручища, домище*). Эти суффиксы несут сильный эмоциональный и оценочный оттенок. Ребенок, усваивая их в социальном взаимодействии, не просто расширяет свой словарь, но и обогащает свое языковое сознание способностью выражать отношение к предметам и явлениям, категоризировать их не только по объективным признакам, но и по субъективным, эмоциональным. Это прямо способствует развитию аффективной стороны мышления, где язык становится средством выражения сложных чувств и отношений.

Так, особенности русского языка, с его богатой морфологией, гибким синтаксисом и развитой системой видов и оценочных форм, формируют у русскоязычных детей уникальное языковое сознание. Оно характеризуется ранним развитием способности к сложным грамматическим обобщениям,

тонкому пониманию смысловых акцентов и эмоциональных оттенков, а также глубокой концептуализацией действия. Согласно культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, эти языковые структуры, будучи интериоризированными, становятся мощными инструментами для формирования логического, образного и эмоционально окрашенного мышления.

Изучение развития языкового сознания у детей-носителей языка является одной из важнейших задач психолингвистики и педагогики, помогает понять глубинные механизмы формирования личности. В свете культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, этот процесс предстает не как пассивное усвоение языка, а как динамическая, многоступенчатая интериоризация внешнего языка во внутренний план, способствует формированию сложнейших структур мышления, мировосприятия и саморегуляции.

Названные этапы развития языкового сознания – от довербального восприятия до осознанного владения письменной речью – демонстрируют не просто накопление лингвистических навыков, но и фундаментальную трансформацию когнитивных процессов. По Л. С. Выготскому, каждый этап отражает углубление социального взаимодействия, лежащего в основе интериоризации речи. Это переход от использования языка как внешнего орудия воздействия к его превращению в инструмент собственного мышления, саморегуляции и планирования. Осознание символической функции слова, развитие эгоцентрической, а затем внутренней речи, формирование обобщений через освоение грамматических структур (что особенно ярко проявляется у русскоязычных детей благодаря богатой морфологии и гибкому синтаксису) – все это шаги к построению системного, рефлексивного языкового сознания, способного к абстрактному мышлению, критическому анализу и становлению высших психических функций.

Перспективы дальнейших исследований в данной области многообразны и обусловлены динамикой современного мира. Необходимо более глубокое изучение влияния цифровых технологий, мультимодальной коммуникации и раннего билингвизма на формирование языкового сознания детей. Интеграция данных нейролингвистики, когнитивной психологии и культурно-исторического подхода позволит раскрыть механизмы активности мозга этих процессов на различных этапах и выявить индивидуальные траектории развития. Исследования вариативности в развитии языкового сознания, обусловленной как культурными, так и индивидуальными факторами, также представляют значительный научный интерес.

Понимание этапов и особенностей развития языкового сознания имеет прямую практическую значимость для родителей и педагогов. Для родителей это означает необходимость создания богатой речевой среды,

активного и осмысленного диалога с ребенком, поощрения игры со словом, чтения книг и вовлечения в коммуникативные ситуации, стимулирующие переход от внешней речи к внутренней. Педагогам следует строить обучающий процесс с учетом зоны ближайшего развития ребенка, предоставляя поддержку в освоении новых языковых структур, развивая металингвистическую осознанность и используя язык как средство познания мира. Целенаправленная работа по развитию языкового сознания способствует не только успешной коммуникации, но и гармоничному когнитивному, эмоциональному и социальному развитию ребенка.

В конечном итоге, развитое языковое сознание является не просто залогом академических успехов и эффективной коммуникации, но и основой для формирования критического мышления, творческого потенциала и полноценной личности, способной к осмысленному взаимодействию с окружающей действительностью и адаптации в постоянно меняющемся мире.

Литература

- Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – Москва, 1996. – С. 11-40.
- Камашева М. В. Педагогические условия воспитания у обучающихся высших образовательных учреждений языковой и социокультурной толерантности в процессе обучения иностранному языку / М. В. Камашева // Современная школа России. Вопросы модернизации. – 2021. – № 7-1 (37). – С. 163-164.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва: Политиздат, 1975. – 305 с.
- Лурия А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – Москва: Издательство Московского госуниверситета, 1979. – 325 с.
- Песина С. А. Н. Хомский и врожденный характер базовых моделей языка / С. А. Песина // Философские науки. – Москва, 2016. – С. 123-128.
- Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Ж. Пиаже. – Москва: Педагогика-Пресс, 1994. – 526 с.
- Тарасов Е. Ф. Языковое сознание: проблемы и перспективы / Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева // В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл: монография / отв. ред. В. З. Демьянков, В. Я. Порхомовский. – Москва: Языки славянских культур, 2010. – С. 735-748.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ ФОРЕНИЗАЦИИ И ДОМЕСТИКАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Аннотация. В исследовании предпринята попытка описания использования переводчиками стратегий доместикации и форенизации при переводе стихотворных текстов. Исследование проводилось на базе поэтических произведений В. С. Высоцкого. Выявлены факторы, способствующие применению переводчиками той или иной стратегии. При выборе стратегии важную роль играет личность переводчика, которая изучается в рамках лингвистической персонологии.

Ключевые слова: лингвистическая персонология, форенизация, доместикация, топонимы.

При переводе художественных произведений особое место занимает личность переводчика. Личность переводчика изучается в рамках такой дисциплины, как лингвистическая персонология.

Появление данной дисциплины стало возможным благодаря знакомству отечественных языковедов с работами французских и итальянских ученых первой половины XX в.: Ш. Ренье (1903) и Э. Мунье (1949), каждая из которых носила название: «Персонализм». Работа Э. Мунье на русский язык была переведена только в 1992 г. Предметом лингвистической персонологии является, по мнению В. П. Нерознака, «изучение идиолектной личности (языка индивидуума) во всем ее многообразии и полилектной личности (национального языка в пространстве и времени» [Нерознак 1996, с. 116]. Целью дисциплины является «воссоздание общего и особенного в языке, его лексиконе и в его концептосфере» [Нерознак 1996, с. 116].

Пользуясь терминологическим аппаратом лингвистической персонологии, В. П. Нерознак выделяет два типа языковой личности: «1) стандартная языковая личность, отражающая усредненную литературно обработанную норму языка, и 2) нестандартная языковая личность, которая отклоняется от установленных языковых образцов» [Нерознак 1996, с. 114]. В. П. Нерознак выделяет в концепции персонализма две тенденции, которые возникают при формировании творческой личности. «Первая из них постоянно действующее устремление к деперсонализации, вторая – движение к персонализации. Во взаимодействии этих тенденций и возникает личностный универсум» [Нерознак 1996, с. 112]. Как отмечает автор, «вся история художественного перевода – это рождающееся в муках творчества реконструирование образа нестандартной языковой личности» [Нерознак 1996, с. 116].

Н. Д. Голев отмечает, что «многие языковые оппозиции и антиномии, определяющие устройство языка, имеют среди прочих и лингвоперсонологическое объяснение» [Голев 2004, с. 42]. Автор приводит пример оппозиции «языка-знака» и «языка-внушения», коррелирующей «с противопоставлением «мыслительного» и «художественного» типов личности» [Голев 2004, с. 43]. Данная оппозиция трактуется исследователем как противопоставление «гуманитарной» и «технической» («естественно-научной») личности [Голев 2004, с. 43]. Н. Д. Голев рассматривает в лингвоперсонологическом аспекте оппозицию Ф. де Соссюра: «склонность языка к конструированию лексических единиц / склонность языка к употреблению готовых лексических единиц» [Соссюр 1977, с. 165–166]. За данной оппозицией, по мнению Н. Д. Голева, «стоит оппозиция двух типов личности: “порождающей” и “аналитической” (с более активным участием левого полушария коры головного мозга) и “воспроизводящей” и склонной к целостному порождению и восприятию любого объекта, в том числе слова (с более активным участием правого полушария), носителей более сильного логического и более сильного образного мышления» [Голев 2004, с. 44].

Отдельным аспектом лингвистической персонологии является переводческая персонология. В рамках переводческой персонологии можно выделить отдельный объект исследования – создание портретов переводчиков. При создании портретов переводчиков выделяются следующие аспекты: «1. Биографические сведения. 2. Переводческое наследие. 3. Виды профессиональной деятельности (литературная, научная, переводческая, метапереводческая и др.). 4. Причины, побудившие заняться переводом. 5. Начало переводческой деятельности. 6. Трактовка перевода. 7. Переводческие предпочтения (языки, эпохи, авторы и пр.). 8. Переводческие стратегии: доместикация / форенизация, сознательное / неосознаваемое, субъективное / объективное, алгоритмичное / эвристичное, стереотипное / творческое, безликость / самоутверждение, форма / содержание, буквализм / свобода, адаптивность / резистивность. 9. Фрагмент лингвопереводческого анализа текста / дискурса при переводе с иностранных языков на русский язык. 10. Анализ метапереводческой деятельности, переводческая рефлексия, критика перевода» [Переводческая персонология 2025, с. 38-39].

В настоящей статье нами сделана попытка исследования стратегий доместикации и форенизации на примере стихотворных произведений В. С. Высоцкого. Как известно, стратегия форенизации состоит в максимальном сохранении информации текста оригинала. К приемам форенизации относятся: транскрипция, транслитерация, переводческий комментарий, калькирование, конкретизация, наличие большого числа заимствований. Доместикация же заключается в адаптации текста под культурные ценности и предпочтения аудитории перевода. К стратегии

доместикации относятся такие трансформации и приемы, как конкретизация, генерализация, модуляция, экспликация, компенсация, контекстуальная замена, опущение, адаптация.

Переводчики стихотворных произведений используют обе стратегии. Так, принцип доместикации может проявляться в опущении некоторых элементов оригинала. Например, в переводе стихотворения В. С. Высоцкого «Тот, который не стрелял», выполненном французским переводчиком Леша, опускается строчка *Taщите в медсанбат!*. Переводчик использует конструкцию *soignez-moi cette enflure!* («вылечите мне эту опухоль!»), избегая перевод русскоязычной реалии [<https://wysotsky.com/1036.htm?141>]. В переводе стихотворения «Жертва телевидения» братья Беден опускают советскую реалию *КВН*, а также имя исполнителя *И. Кобзон* [<https://wysotsky.com/1036.htm?475>].

При переводе строк ««Капитан! Никогда ты не будешь майором!» в стихотворении «Случай в ресторане» братья Беден используют существительное *colonel*, которое переводится *полковник (вместо майор)* ввиду отсутствия во французской армии звания *майор*: «Capitaine, Tu ne seras jamais colonel, oh, ça, non!» [<https://wysotsky.com/1036.htm?410>]. Фразеологизм *печки-лавочки* из стихотворения В. С. Высоцкого «Памяти Шушкина», который отсылает к одноименному фильму В. М. Шушкина и обозначает: 1) «мелочи, пустяки»; 2) пустые, досужие разговоры; 3) близкие отношения. Выражение переводится братьями Беден с помощью фразеологизма *culs et chemises*, которое используется как метафора для описания дружбы, «особых» связей между людьми [<https://wysotsky.com/1036.htm?492>]. В переводе Э. Равэс употреблен фразеологизм *nom d'une pipe* «черт возьми!», «черт подери!» [<https://wysotsky.com/1036.htm?164>]. Фразеологизм *посылать за Можай* из стихотворения «Дорожная история», который означает «выгнать вон», «отправить куда-то очень далеко», передается братьями Беден с помощью фразеологического сращения *au diable Vauvert* («к черту на кулички»), но уже без использования топонима: «Dans une enveloppe, au diable Vauvert, ils vous envoient» [<https://wysotsky.com/1036.htm?462>].

В то же время нами были обнаружены случаи использования переводчиками произведений В. С. Высоцкого стратегии форенизации. Так, переводчица стихотворения В. С. Высоцкого «Банька по-белому» Сара Струве использует транскрибированный перевод слова *баня (baniá)*. [<https://wysotsky.com/1036.htm?4>]. Другие переводчики употребляют лексемы *bain, étuve, sauna* [<https://wysotsky.com/1036.htm?339>]. Принцип форенизации используется французскими переводчиками братьями Беден при переводе стихотворения «Братские могилы». Так, строка *горящие русские хаты* передается с помощью слова *isbas*, которое является заимствованием из русского языка. В других переводах используются следующие исконно французские лексемы: *masures, maisons de paysan, des*

chaumières russes. Строки *Сыт я по горло, до подбородка* из стихотворения «Сыт я по горло» переводятся братьями Беден с помощью трансформированного словосочетания *j'en ai ras le bol* («с меня хватит»): «J'en ai ras la gorge, j'en ai ras le menton» [<https://wysotsky.com/1036.htm?402>]. В переводе сохраняются русские слова *горло* и *подбородок* в отличие, например, от перевода Жана Бесона: «J'en ai ras le bol, j'en ai plein la cible» [<https://wysotsky.com/1036.htm?271>], в котором используются два фразеологизма *j'en ai ral le bol* и *j'en ai plein*. В этом же стихотворении братья Беден переводят имя собственное *Верка* как имя нарицательное: «Il m'a présenté une fille du nom de Grâce» [<https://wysotsky.com/1036.htm?402>]. Переводчики дополняют перевод комментарием о буквальном переводе имени *Вера*, пытаясь передать авторский замысел.

Стратегия форенизации используется Ж.-Ж. Мари в переводе топонима *Сходня* из стихотворения «Товарищи ученые!...»: «Так вот: автобусом до Сходни доезжаем...» («Allons en bus jusqu'à Skhodnia») [<https://wysotsky.com/1036.htm?302>]. Братья Беден при переводе данной строки используют принцип доместикации, употребляя французскую реалию (название железнодорожной станции) *les Quatre-Routes*: «Jusqu'aux Quatre-Routes, prenez l'autocar» [<https://wysotsky.com/1036.htm?384>].

Для того чтобы понять, какая из стратегий используется переводчиками чаще, нами были проанализированы переводы лексических единиц и фразеологизмов из стихотворений В. С. Высоцкого на разные языки мира, представленные на сайте <https://wysotsky.com>. Нами учитывались только варианты корректного перевода.

Возьмем для примера уже упомянутое нами выражение *печки-лавочки* из стихотворения «Памяти Шукшина». При переводе данного фразеологизма принцип доместикации использовался 8 раз, а форенизации – 5 раз. Фразеологизм *посылать за Можай* из стихотворения «Дорожная история» переведен с использованием приема доместикации 15 раз, а форенизации – 7 раз. Урбаноним *Канатчикова дача* из стихотворения «Письмо в “Очевидное-невероятное”» обозначает «Московскую психиатрическую клиническую больницу №1 имени Кащенко за расположение в местности Канатчиково на юге Москвы» [<https://wysotsky.com/1049.htm?58>]. При переводе данного топонима принцип доместикации использовался 25 раз, а форенизации – 10 раз. Лексему *мужик* из стихотворения «Ответ с Сельхозвыставки» переводят с помощью доместикации 19 раз, а форенизация используется лишь два раза, например, братьями Беден в переводе на французский язык: «Je suis allé au ballet voir des moujiks toucher des gamines en chaussons» blancs [<https://wysotsky.com/1036.htm?416>]. Лексема *хата* из стихотворения «Братские могилы» передается на французский язык с помощью доместикации 5 раз, с помощью форенизации – 4 раза. Нам

представляется, что высокий процент форенизации в данном случае связан с наличием заимствованного слова *isba* во французском языке.

В то же время есть множество примеров доминирования стратегии форенизации. Это происходит в том случае, если топоним широко известен. Например, при переводе реалии *Краснодар* из стихотворения «Сентиментальный боксер» принцип форенизации использован 23 раза, а стратегия доместикации, т.е. опущение данного топонима, – 7 раз.

Топоним *Сходня* из стихотворения «Товарищи ученые!..» переводится с использованием форенизации 15 раз, а доместикация использовалась переводчиками 8 раз. Достаточно высокий процент использования стратегии доместикации связан с небольшой известностью данного топонима.

Таким образом, обе стратегии практически в равной степени используются переводчиками. Когда речь идет об известной реалии, переводчики прибегают к стратегии форенизации. Чем менее известна и понятна реалия, тем более вероятно применение стратегии доместикации. При переводе фразеологизмов, включающих топонимы, приоритет отдается стратегии доместикации.

В то же время использование той или иной стратегии связано с языковой личностью переводчика. Например, переводчики братья Бедены во многих случаях используют нестандартные нетривиальные решения, блестяще варьируют стратегии форенизации и доместикации. Так, при переводе таких малоизвестных для французского читателя отечественных реалий из произведений В. С. Высоцкого, как *Сходня*, *Канатчикова дача* и фразеологизмов *посылать за Можай*, *печки-лавочки* переводчиками используется стратегия доместикации. В то же время при переводе словосочетания *русские хаты* братьями Беден используется слово *isba* (*изба*), вошедшее во французский лексикон, но позволяющее сохранить авторский стиль поэта.

Литература

Голев Н. Д. Лингвоперсональная вариативность языка / Н. Д. Голев // Известия Алтайского гос. университета. Серия Филология. – 2004. – № 4 (34). – С. 41-45.

Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод: сб. научных трудов. – Москва, 1996. – С. 112-116.

Переводческая персонология: портреты российских переводчиков: коллективная монография / под. общ. ред. Л. В. Кушниковой. – Москва: Флинта, 2025. – 192 с.

Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. М.: Прогресс, 1977. – 695 с.

Высоцкий на разных языках[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wysotsky.com/1036.htm?416> (дата обращения 10.08.2025).

ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ УЧЕБНОГО ДВУЯЗЫЧИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей формирования вторичной языковой личности в условиях учебного двуязычия на примере изучения английского языка студентами направления «Педагогическое образование» профиля «Иностранные языки» Сургутского государственного педагогического университета. Анализируются ключевые компоненты структуры языковой личности, включая мотивацию к овладению иностранным языком, степень развитости вербально-семантического и культурологического аспектов, а также учет влияния родного языка и культуры на процесс формирования вторичной языковой личности. Результаты исследования подтверждают гипотезу о положительном влиянии лингвистического опыта в родном языке на освоение иностранного языка, подчеркивая важность учета мотивационных факторов и социокультурных особенностей студентов в образовательном процессе.

Ключевые слова: формирование вторичной языковой личности, учебное двуязычие, образная адаптивная гибкость, мотивация к изучению языка.

Под языковой личностью, вслед за В. И. Карасиком, мы понимаем «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик 1992]. При изучении уровня развития языковой личности на английском языке у участников экспериментальной группы мы опираемся на типологию уровней языковой личности, предложенных В. Н. Карауловым [Караулов 2007].

В рамках нашего исследования процесс формирования вторичной языковой личности происходит в ситуации искусственного билингвизма.

Учебное двуязычие, в отличие от естественных ситуаций овладения языком, характеризуется: ограниченным временем общения и речевой практики, как правило, в рамках учебных ситуаций, целенаправленным и системным представлением языковых явлений с помощью специальных методов и отсутствием языковой среды, что влияет на мотивацию к овладению иностранным языком.

По мнению Н. Н. Касаткиной [Касаткина 2003], мотивация является важным условием формирования вторичной языковой личности, ее отсутствие может стать препятствием на пути овладения языком. Соответственно, мотивация должна быть учтена при определении уровня сформированности языковой личности.

Опираясь на этапы, которые языковая личность проходит в своем развитии, согласно Г. И. Богину [Богин 1984], можем утверждать, что сформированная языковая личность демонстрирует продуктивный

билингвизм (умение порождать речевое произведение, осмысленность, правильность, творческое построение речи). Значит, в первую очередь, стоит рассматривать вербально-семантическую характеристику личности, которая складывается из лексикона, используемого языковой личностью в процессе коммуникации. Также необходимо изучить уровень владения структурно-системными связями изучаемого языка.

Но для оценки умения порождать речевое произведение и творческого построения речи одной лишь вербальной характеристики недостаточно.

Для полноценной картины исследования сформированности вторичной языковой личности необходимо также учитывать и этапы, которые вторичная языковая личность проходит в своем развитии: рецептивный билингвизм, репродуктивный билингвизм, продуктивный билингвизм.

В связи с тем, что третий этап подразумевает творческое построение речи, на этом этапе также можем предположить возможность исследования и культурологического компонента языковой личности, который может быть продемонстрирован в том числе, через написание сказок на английском языке.

По словам О. В. Легостаевой, «лингвистический опыт в родном языке оказывает положительное влияние на процесс овладения иностранным языком. Он проявляется в том, что по мере становления билингвальной личности обучаемый самостоятельно, без дополнительного обучения, осваивает по аналогии языковые явления иностранного языка с помощью универсальных терминов, грамматических категорий. Овладение языком невозможно без обращения к культуре народа» [Легостаева 2014].

Таким образом, при планировании исследования уровня сформированности вторичной языковой личности в ситуации учебного двуязычия необходимо учитывать: структуру, уровни, этапы и условия формирования языковой личности. Следовательно, важно включить в психолингвистическую характеристику испытуемых мотивацию к овладению иностранным языком, уровень владения вербально-семантическим кодом изучаемого языка и культурологическим компонентом языковой личности, а также учесть уровень развития родной лингвокультуры и ее влияние на вторичную языковую личность.

Научная новизна исследования заключается в использовании экспериментальных методов для исследования уровня владения английским языком как иностранным на базе русского языка как государственного для выявления особенностей формирования вторичной языковой личности в условиях учебного двуязычия. Кроме того, есть необходимость изучения групп студентов, родной язык которых не русский (билингвы, полилингвы), поскольку такие студенты составляют значительную часть обучающихся (профиль «Иностранные языки») в Сургутском государственном педагогическом университете. В дальнейшем

возможна разработка методики определения динамики формирования и критериев сформированности вторичной языковой личности и овладения иностранным языком в условиях учебного двуязычия.

Для исследования была выбрана группа студентов направления «Педагогическое образование», профиль «Иностранные языки», поступившая в БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет» в 2017 году. Численность студентов на момент поступления – 31 человек.

Экспериментальное исследование состояло из нескольких этапов, наблюдение за динамикой формирования вторичной языковой личности на английском языке проводилось на протяжении всего процесса обучения экспериментальной группы.

В первую очередь проводилось наблюдение и составление психолингвистической характеристика студентов направления подготовки «Педагогическое образование», профиль «Иностранные языки».

По мнению Н. Н. Касаткиной, для того чтобы сформировать целостную языковую личность, необходимо учитывать критерии сформированности мотивации. Основными критериями являются:

- «смысловой» – какой личностный смысл студенты придают изучению иностранного языка;
- «иерархический» – место и роль мотивов изучения иностранного языка в общей системе мотивов учебной деятельности;
- «профессионально направленный» – понимание важности иностранного языка в будущей профессиональной деятельности [Касаткина 2013].

В связи с этим было проведено психологическое исследование экспериментальной группы на выявление уровня и типа мотивации студентов к обучению и овладению иностранным языком на момент поступления в университет.

В исследовании изучалась мотивация учебной деятельности, уровень интеллекта и личностные характеристики студентов группы.

Диагностика мотивации учения и интеллекта

Учебная мотивация – это направление студента на учебно-профессиональную деятельность; личностный смысл учения. Исходя из временной перспективы динамики мотивов и учения, выделяют три группы мотивов, детерминирующих деятельность учения: в прошлом (доминирующие мотивы поступления в вуз); в настоящем (реально действующие мотивы учебной деятельности); в будущем (профессиональные мотивы).

Мотивы, входящие в структуру учебной мотивации, делят на внутренние и внешние. К внутренней учебной мотивации в студенческом возрасте можно отнести познавательные и подлинно профессиональные мотивы – такие как стремление овладеть профессиональными знаниями и

сформировать профессиональные важные качества, стремление к приобретению знаний. Внешними по отношению к учебной деятельности мотивами будут позиционные мотивы, многочисленные прагматические мотивы – возможность будущего трудоустройства, получение одобрения от сверстников, родителей и т. д.

Диагностический инструментарий: «Мотивация учения студентов педагогического вуза» (С. А. Пакулина, С. В. Кетько) [Легостаева 2014]; «Большая пятерка» личностных качеств (разработана А. Г. Грецовым) [Грецов 2011]; Тест интеллекта Р. Амтхауэра [Акимова 1993].

Тест интеллекта Р. Амтхауэра позволяет определить уровень развития:

- вербального интеллекта (предполагает развитие общей способности оперировать словами как сигналами и символами);
- математического интеллекта (включает комплекс интеллектуальных способностей, связанных с количественным моделированием явлений, основанным на оперировании математическими символами и числами);
- пространственного интеллекта (характеризует развитие наглядно-образного мышления, практических и теоретических конструктивных способностей, пространственного воображения).

Полученные результаты позволяют прогнозировать: 1) успешность учебной и профессиональной деятельности, требующих специальных интеллектуальных навыков; 2) диагностировать сохранность интеллектуальной сферы.

Тестирование на уровень владения английским языком

С момента поступления в вуз в процессе подготовки испытуемые проходили тестирования с целью контроля динамики усвоения языкового материала. В первом тестировании (2018 год) были представлены задания по следующим разделам: Артикль (*a/an, the*), Местоимение (*Personal, Possessive, Demonstrative, Quantitative*), Степени сравнения прилагательных (*Comparative, Superlative*), Союзы (*which, who, that*), Неличные формы глагола (*Infinitive, Gerund, Participle (present, past)*), Предлоги (*in, of, at*), Временные конструкции (*Present Simple, Past Simple, Present Perfect, Past Perfect*), Сослагательное наклонение (*Conditionals, I wish...*), Модальные глаголы (*can, must, may*), Прямая / косвенная речь (*reported words*), Материал страноведческого характера. Количество заданий – 65.

Во втором тестировании студентам был предложен тест из 30 заданий.

Контроль проходил в форме выполнения заданий на понимание содержания прослушанного текста и контроля умений употреблять грамматические конструкции и лексические единицы в соответствии с языковыми и социокультурными нормами английского языка. Тест проходил в дистанционном формате, выполнение было ограничено по

времени (1 час) и соответствовал уровню B1 согласно рекомендациям CEFR.

Исследование уровня сформированности языковой личности на русском языке

Именно уровень развития первичной языковой личности, то есть способность к восприятию и пониманию на родном языке, определяет готовность языковой личности к коммуникации на иностранном языке.

В связи с этим для более полной картины исследования необходимо было учитывать и первичную языковую личность испытуемых. Для этого мы провели адаптированный тест С. Медника по ред. Ворониной на русском языке, с предварительным анкетированием: какой язык является родным для студента экспериментальной группы, ведь они являются резидентами мигрантоемкого региона, где у большей части жителей родной лингвокультурой является не русская.

Исследование уровня сформированности вторичной языковой личности

В настоящее время большинство экспертов в области изучения, преподавания иностранных языков полагают, что формирование вторичной языковой личности является одной из задач при изучении и обучении языкам. Формирование вторичной языковой личности способствует успешному осуществлению социального взаимодействия с носителями иной культуры. В этой связи компонентами формирования языковой личности является выработка компетенции лингвистической (теоретические знания о языке), языковой (практическое владение языком), коммуникативной (использование языка в соответствии с ситуацией общения, навыки правильного речевого поведения), культурологической (вхождение в культуру изучаемого языка, преодоление культурного барьера в общении).

Таким образом, мы можем определить для себя несколько критериев уровня сформированности вторичной языковой личности в условиях учебного двуязычия:

- овладение иностранным языком и культурой;
- готовность к общению на межкультурном (международном) уровне (в аутентичной среде), овладение тезаурусом и нормами языка;
- готовность к восприятию иноязычной картины мира (понимание ее своеобразия и ценности) [Касаткина 2013].

В связи с этим для изучения уровня овладения иностранным языком необходимо провести тестирование с целью выявить уровень овладения лингвистической, коммуникативной, культурологической компетенциями и проследить динамику их формирования.

Вербальные ассоциации рассматриваются в различных науках: психологии, лингвистике и психолингвистике, логике, философии, информатике, теории коммуникации и т. д. Однако многие проблемы

словесных ассоциаций, процессов ассоциирования как в естественном речевом общении людей, так и в эксперименте остаются всё еще недостаточно изученными: до сих пор нет единого определения самих вербальных ассоциаций, их однородной (научной) классификации, не установлены их лингвистический и психолингвистический статус, отношение к ряду традиционных лингвистических категорий и т. п.

Основным инструментом был выбран тест С. Медника (тест удаленных ассоциаций), чтобы определить насколько уровень развития вторичной языковой личности приближается к уровню носителей языка.

Одним из способов проверки уровня владения культурологической компетенцией является проверка знания и понимания идиом английского языка. При отборе идиом мы планировали увидеть у участников эксперимента понимание того, что при переводе необходимо принимать во внимание не только формальное значение слова, лексическую составляющую и грамматическую структуру, но и целостность и надежность толкования прагматической информации в соответствии с коммуникативной ситуацией. Отбор идиом производился на основе учебного плана обучения участников экспериментальной группы и частотности употребления идиом носителями языка.

Так, согласно структуре языковой личности по Ю. Н. Караулову, на третьем уровне, наряду с системой социальных и культурологических ценностей, большое значение имеют и другие когнитивные факторы, связанные с механизмами адекватного восприятия и целенаправленной передачи информации. Для этого необходимо определить уровень речевого развития испытуемых.

По мнению Т. А. Гридиной, для изучения уровня речевого развития необходимо учитывать «гендерные различия» и «социокультурные различия», а также различия, обусловленные наличием / отсутствием у ребенка старшего брата / сестры и, при наличии таковых, соответствием пола ребенка полу его старшего сиблинга [Гридина 2012].

В случае сформированной вторичной языковой личности человек демонстрирует продуктивный билингвизм, т. е. умение порождать речевое произведение, осмысленность, правильность, творческое построение речи. Эти умения выражаются с помощью креативности, в нашем случае вербальной креативности личности.

Понятие «образная адаптивная гибкость» является одним из критериев креативности. Поэтому, в первую очередь, необходимо разобраться, как исследователи характеризуют понятие «креативность» и какую роль в нем играет образная адаптивная гибкость.

Изучая «креативность», зарубежные ученые разделились в исследовании различных сторон этого качества: креативность как черта личности (А. Х. Маслоу, К. Роджерс и др.), креативность как способность (К. Смит, и др.), креативность как процесс (П. Торренс, Д. Симсон,

Э. Фромм и др.), креативность как продукт (Дж. Гилфорд, С. Медник и др.).

В своей работе Т. А. Гридина [Гридина 2012] формулируют основные критерии креативности в ее операционально-ассоциативном ключе:

- способность к установлению отдаленных ассоциаций, (оригинальность);
- способность выделить функцию объекта и предложить ее новое использование (семантическая гибкость);
- способность изменить форму стимула так, чтобы придать ему новый смысл (образная адаптивная гибкость);
- способность продуцировать разнообразные идеи в сравнительно не ограниченной ситуации (спонтанная семантическая гибкость).

Таким образом, образная адаптивная гибкость является одним из основных параметров креативности, которая обладает способностью изменять форму стимула, чтобы увидеть новые способности и возможности для использования или придать новый смысл.

В настоящем исследовании целесообразно проверить уровень креативности, а именно образной адаптивной гибкости в формате письменной речи. Письменная речь – это сложная, системная и произвольная психическая деятельность, которая обеспечивается участием различных структурно-функциональных компонентов и многих психических функций. Письменная речь также тесно связана с устной речью и осуществляется только на основе достаточно высокого уровня ее развития.

В этой связи при планировании настоящего экспериментального исследования испытуемых были учтены факторы формирования вторичной языковой личности и параметры креативности, а именно:

- наличие / отсутствие высшего образования у родителей (социокультурный уровень); наличие филологического образования у родителей; владение другими иностранными языками родителями / старшими братьями или сестрами (сиблингами); опыт общения с носителями языка; пол – анкетирование;
- способность к установлению отдаленных ассоциаций, (оригинальность) – адаптированный тест С. Медника;
- способность выделить функцию объекта и предложить ее новое использование (семантическая гибкость) – работа с идиомами;
- способность изменить форму стимула так, чтобы придать ему новый смысл (образная адаптивная гибкость), способность продуцировать разнообразные идеи в сравнительно не ограниченной ситуации (спонтанная семантическая гибкость) – написание сказки.

При этом мы учитывали влияние родной лингвокультуры при анализе результатов творческого задания в исследовании. Так, при создании сказок очень явно может прослеживаться родная лингвокультура (при низком

уровне развития вторичной языковой личности), либо английская (при высоком уровне развития языковой личности).

Литература

Акимов М. К. Руководство к применению теста структуры интеллекта Рудольфа Амтхауера / М. К. Акимов, Е. М. Борисова, В. Т. Козлова, Г. П. Логинова. – Обнинск: Детство, 1993. – 20 с.

Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов / Г. И. Богин. – Ленинград: ЛГУ, 1984. – 140 с.

Грецов А. Г. Психологические тесты для старшеклассников и студентов / А. Г. Грецов. – Санкт-Петербург: Питер, 2011. – 320 с.

Гридина Т. А. Лингвистика креатива-2: коллективная монография / под общ. ред. проф. Т. А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. – 379 с.

Карасик В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – Москва: Институт языкознания РАН, 1992. – 180 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык / Ю. Н. Караулов // Большая Российская энциклопедия. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2007. – С. 534-535.

Касаткина Н. Н. О формировании вторичной языковой личности / Н. Н. Касаткина // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 4. – С. 167-171.

Касаткина Н. Н. Формирование мотивации изучения иностранного языка у студентов неязыковых специальностей: дисс. ... канд. пед. наук / Н. Н. Касаткина. – Челябинск, 2003. – 186 с.

Легостаева О. В. Обучение иностранному языку в условиях искусственного билингвизма // Актуальные вопросы современной науки. – 2014. – № 38. – С. 123-128.

А. М. Гурбанова (Туркмения; Воронеж, Россия)

СКАЗКИ А. С. ПУШКИНА В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ (ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА В СКАЗКАХ А. С. ПУШКИНА В ТУРКМЕНСКОЙ АУДИТОРИИ)

Аннотация. В статье рассматриваются лингвокультурологические аспекты изучения сказок А. С. Пушкина в туркменской аудитории через призму контрастивного анализа оригинальных текстов и их переводов на туркменский язык. Анализируются основные трудности и стратегии перевода, обусловленные различиями в языковых системах, ритмико-интонационных особенностях поэзии и национальных картинах мира. Исследование демонстрирует, как переводчики и редакторы адаптируют пушкинские тексты, применяя такие приемы, как замена культурных реалий, ритмическая трансформация, семантические модификации и использование традиционных туркменских образов. Делается вывод о высокой педагогической и культурной ценности сказок А. С. Пушкина как материала для изучения русского языка и формирования межкультурной компетенции у туркменских учащихся.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, сказки, контрастивный анализ, перевод, туркменский язык, лингвокультурология, языковая картина мира, методика преподавания.

Творчество А.С. Пушкина, являющееся неотъемлемой частью мировой культуры, занимает особое место и в литературном пространстве Туркменистана. Активный перевод произведений поэта на туркменский язык, начавшийся еще в середине XX века, способствовал глубокому проникновению русской классической литературы в туркменскую культурную среду. Особый интерес в этом контексте представляют сказки А.С. Пушкина, которые, с одной стороны, сохраняют универсальные общечеловеческие ценности, а с другой – несут в себе мощный пласт русской лингвокультуры. Изучение этих сказок в туркменской аудитории сопряжено с необходимостью проведения контрастивного анализа, который позволяет выявить не только языковые различия, но и особенности культурного восприятия. Данная статья посвящена исследованию специфики изучения языка на материале сказок А.С. Пушкина через сопоставление русского оригинала и туркменского перевода, а также определению педагогического потенциала такого подхода.

Контрастивный анализ, понимаемый нами как метод выявления сходств и различий между двумя или более языками, является мощным инструментом в лингводидактике. Как отмечал В.Г. Гак, он является «основным (возможно, даже единственным) методом изучения языка» [Гак 1989, с. 52]. В основе этого метода лежит идея о том, что человек, изучающий иностранный язык, невольно переносит на него категории и структуры родного языка. Применительно к художественному тексту, каким являются сказки Пушкина, контрастивный анализ позволяет:

- выявить национально-культурную специфику оригинала;
- определить стратегии и приемы, используемые переводчиком для преодоления межъязыковых и межкультурных барьеров;
- понять, какие элементы текста представляют наибольшую трудность для восприятия иноязычной аудиторией.

«В языкознании контрастивный метод рассматривается как связанный со сравнительно-историческим методом, направленным на изучение родственных языков, так как их контрастные черты проступают наиболее ярко на фоне сходных черт» [Виноградов 1990, с. 481].

Начало серьезному изучению лингвистических аспектов перевода положили советские языковеды. В 1950 г. Я. И. Рецкер опубликовал статью, в которой высказал убеждение, что «...выбор переводчиком того или иного варианта перевода часто отнюдь не произволен, а закономерен и определяется соотношением единиц двух языков, участвующих в процессе перевода. Для многих единиц языка оригинала существуют более или менее регулярные способы перевода на язык перевода» [Рецкер 1950, с. 57]. Я. И. Рецкер назвал эти способы «закономерными соответствиями» и предложил различать три типа соответствий: эквиваленты, аналоги и

адекватные замены. Хотя эта классификация оказалась не вполне последовательной («адекватные замены» были фактически не особым видом соответствий, а различными типами преобразований, использовавшихся переводчиком при отсутствии словарных соответствий), само понятие «соответствие» прочно вошло в исследовательскую практику. Особенно важным было утверждение метода сопоставления переводов с их оригиналами для выявления языковых закономерностей переводческого процесса.

При редакторской обработке переводов сказки следует соблюдать следующие рекомендации. Прежде всего, учитывать синонимические ряды и вариантность при переводе. Такие явления, как многозначность, синонимия, законы сочетаемости слов, вынуждают переводчика изучать в сопоставлении не отдельные слова, а целые ряды слов, близкие по значению.

«Перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [Федоров 1983, с. 10]. В задачу перевода, таким образом, входит не только точное изложение содержания мыслей, сообщенных на языке оригинала, но и воссоздание средствами языка перевода всех особенностей стиля и формы сообщения.

Художественным переводом называется письменный перевод художественного текста. Как отмечает Т. А. Казакова, нельзя упускать разницу в понятиях «художественный перевод» и «перевод художественного текста»: «В отличие от перевода художественной литературы понятие собственно художественного перевода предполагает творческое преобразование подлинника с использованием всех необходимых выразительных возможностей переводящего языка, сопровождаемого возможно более полной передачей литературных особенностей оригинала» [Казакова 2002, с. 6].

По мнению В. Н. Комиссарова, художественным переводом именуется вид переводческой деятельности, основная цель которого заключается в порождении на переводном языке речевого произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на переводном языке [Комиссаров 1990, с. 45]. С учетом данного определения можно утверждать, что в случае формальной непередаваемости отдельной языковой единицы подлинника может быть передана ее эстетическая функция в системе целого. Выражение этой функции при переводе постоянно требует изменения формы единицы, являющейся ее носителем (например, выбора другой грамматической категории, слова с другим предметно-логическим значением) и т. д.

Объектом нашего анализа выступают тексты сказок А. С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о царе Салтане» и «Сказка о золотом

петушке» и их переводы на туркменский язык, выполненные поэтом Якупом Насырлы и отредактированные Чары Ашировым.

Проведенный анализ позволил выявить несколько ключевых уровней, на которых проявляются различия между оригиналами и переводами.

Ритмико-интонационный уровень

Одной из самых заметных трансформаций является изменение ритмической организации текста. Ритмически организованные сказки Пушкина в туркменском переводе обретают строгую парную рифму и выверенное количество слогов в строке. Эта трансформация продиктована нормами туркменского стихосложения, для которого рифма является традиционным и ожидаемым элементом. Например, в «Сказке о рыбаке и золотой рыбке» (Balyk we balykçy hakynnda erteki):

– Как **взмолится** золотая рыбка! – Sözlär hem bilýädi her hili sözi (могла *говорить* разные слова);

– Голосом молвит человечьим: / «Отпусти ты, старче, меня в море. – Balyk adam ýaly gepledi birden: / Eý, ýaşuly, deňze goýber meni sen, ýaşuly

Слово **взмолиться** переводится как *могла говорить разные слова*. Здесь одно слово заменено целым предложением ради ритмизации текста. Семантика несколько меняется, становясь более обобщенной.

Лексико-семантический уровень

На данном уровне наблюдаются наиболее интересные с лингвокультурологической точки зрения трансформации:

– **Дорогой** за себя дам **откуп**. – Eden ýagşylygña berjek **döwlet-mal** (за твою доброту отдам богатства и власть).

Сочетание **дорогой откуп** переводится как **богатства и власть**. В данном случае мы имеем дело с обратным процессом: конкретизацией семантики слова. Такой перевод имеет ярко выраженную культурную специфику, указывая на то, что для туркмен ценностью *дорогой* являются материальные средства и социальное влияние.

– Откуплюсь, чем только **пожелаешь**. – Göwnüň küýsänini sora, menden al. / Hiç seniň göwnüňde goýmaryn arman, / Islän zadyň berjek, sen etseň perman (Спроси, все, что **душа пожелает** / В твоей душе не оставлю покаяние / Отдам все, что **пожелаешь**, ты только **прикажи**).

Глагол **пожелаешь** переводится образно – фразеосочетанием **душа пожелает**. Также ради соблюдения ритма и рифмы текст удлиняется без существенного наращивания смысла: Спроси, все, что душа пожелает / В твоей душе не оставлю покаяние / Отдам все, что **пожелаешь**, ты только **прикажи**.

Замена культурных реалий: переводчик последовательно заменяет специфические русские реалии на понятные туркменскому читателю образы. **Землянка** становится **tünejik** (небольшой, скромный дом), **изба** – **ak tam** (белый дом – символ чистоты и благополучия), **печатный пряник** – **süýtli külçe** (молочный колобок – традиционное туркменское лакомство).

Религиозная формула *ступай с Богом* закономерно трансформируется в *Alla ýaryň bolsun* (Аллах с тобой).

Наблюдается опущение или упрощение реалий: некоторые понятия, не несущие ключевой смысловой нагрузки, но трудные для восприятия, опускаются. Например, в «Сказке о царе Салтане» опущено определение *крещеный* в словосочетании *крещеный мир*, так как эта христианская коннотация чужда мусульманской культуре. Сложный для визуализации кочевым народом образ *морской травы* упрощается до *травы*.

Фразеологический и образный уровень

Приведем пример из «Сказки о рыбке и золотой рыбке»:

– Не дает старику мне покою: / **Надобно** ей новое корыто. – Günüme goýanok, dynçlyk bermeýär, / Täze kersen diýip, ol ýer sermeýär. (Обшаривает землю из-за нового корыта).

Оба варианта (русский и туркменский) передают беспокойство старика, но через разные культурные образы. В оригинале это беспокойство обозначено прямо, в переводе – выражение значительных усилий и тревоги передается через устойчивое сочетание, что сохраняет и даже усиливает заявленный эмоциональный фон.

Приведем пример из «Сказки о золотом петушке» («Tylla horaz hakynnda erteki»):

Негде, в *тридевятом царстве*,
В тридесятом государстве,

Жил-был славный царь Дадон.
Смолоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело,

Подбежали бояре и дворяне,
Старики взашиб затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила.
А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впередь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!

Gadym wagtlar bir şalykda,
(давным давно в **одном**
королевстве)
Berkarar hökümdarlykda,
Şa ýaşardy Dadon atly,
Ýaşlykdan zalym, haýbatly,
Zulum edip goňsulara,
Gün bermezdi hiç olara.
(**Не давал им покоя**)
Gelende garrylyk gyşy,
Bes etmek isledi urşy.
(Хотел прекратить войну)

Boýar dworýanlar daşyn aldylar,
Goja degre-daşdan ýumruk saldylar.
Ylgaşyp geldiler sakçylar kileň,
Çapjak hem boldular aýpalta bilen.
Bar mähelle güldi onuň üstünden:
Tapdyň, nadan goja, öz päliňden
sen!
Şular geljegiňe bolarlar sapak:
Ekilmedik ýerde gögerme akmak!
(Не зацвети там, где не сажали)

Русские фразеологизмы часто передаются туркменскими эквивалентами, что сохраняет образность, но меняет ее культурное наполнение. Выражение *наносил обиды смело* переводится как *Gün bermezdi hiç olara* (не давал им покоя). Крылатое выражение *не садись не в свои сани* передается туркменской пословицей *Ekilmedik ýerde gögerme akmak!* (Не зацветай там, где не сажали!). Оба выражения используют разные, культурно-обусловленные образы.

Культурологический и редакторский аспекты

Работа редактора Чары Аширова над переводами Якупа Насырлы была направлена на то, чтобы сделать текст не только лингвистически правильным, но и культурно значимым. Это проявляется в нескольких стратегиях.

1. Адаптация обрядовой лексики. В «Сказке о царе Салтане» обряд венчания («обвенчался») заменен на мусульманский «никах» («nika gyýyldy»):

– В тот же вечер *обвенчался*. – Ol agşam *bulara nika gyýyldy*. (туркменский обряд бракосочетания, который мулла проводит дома у мужа).

2. Использование архаизмов для создания колорита. Для передачи архаичной лексики Пушкина используются устаревшие туркменские слова, например, *şirmaýy* для обозначения *слоновой кости*.

Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости

Soltan şa ullakan bir meýlis gurdy,
Özi-de gyz bilen törde oturdy;
Myhmanlar toý toýlap, nahardan
doýup,

На кровать слоновой кости...

(*гости пируют и сыты от еды*)
Şirmaýydan ajap krowat goýup
(*Şirmaýy* – прил. старинное слово,
переводится как слоновая кость)

3. Добавление культурных деталей. В описании пира в этой же сказке добавлены строки о фруктах и ягодах («ir-iýmiş, miwe hem üljе»), что делает картину более яркой и близкой туркменскому читателю.

4. Акцентирование национально-значимых ценностей. В переводе неоднократно подчеркиваются такие ценности, как *богатство* – *döwlet*, *власть* – *şalyk*.

Контрастивный анализ сказок А. С. Пушкина и их переводов на туркменский язык раскрывает сложный и многогранный процесс межкультурной коммуникации. Он демонстрирует, что адекватный перевод – это не просто замена слов одного языка словами другого, а глубокое переосмысление текста в новой культурной среде, требующее учета языковых норм, поэтических традиций и национальной картины мира реципиента.

Изучение сказок Пушкина через призму контрастивного подхода в туркменской аудитории является высокоэффективным методическим приемом. Оно позволяет не только совершенствовать языковые навыки, но и воспитывать уважение к обеим культурам – русской и туркменской, формируя таким образом межкультурную личность, способную к диалогу и взаимопониманию. Сказки Пушкина, прошедшие через фильтр талантливого перевода и редактуры, становятся мостом между двумя богатейшими культурными мирами, а их образовательный потенциал остается неисчерпаемым.

Литература

- Виноградов В. В. Вопросы языкознания / В. В. Виноградов; Академия наук СССР. – Москва, 1961. – 152 с.
- Гак В. Г. Новое в зарубежной лингвистике. Контрастивная лингвистика. Переводы В. П. Нерознака / В. Г. Гак. – Москва: Прогресс, 1989. – 440 с.
- Казакова Т. А. Художественный перевод: теория и практика: учебное пособие / Т. А. Казакова. – Санкт-Петербург: ИнЪязиздат, 2002. – 544 с.
- Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – Москва: Высшая школа, 1990. – 253 с.
- Пушкин А. С. Сказка о рыбаке и рыбке / А. С. Пушкин; перевод Я. Насырли. – Ашхабад: Туркменгосиздат, 1951. – 79 с.
- Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер – Москва: Международные отношения, 1974. – 216 с.
- Федоров А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Федоров. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Москва: ООО Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.

К. С. Кананыхина (Санкт-Петербург, Россия)

АКТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ИНОФОНА: КОГНИТИВНО-ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ АФРИКАНСКИМ СТУДЕНТАМ

Аннотация. Статья посвящена исследованию значения слова как феномена актуального языкового сознания в контексте преподавания русского языка африканским студентам. Анализируются когнитивно-психолингвистические механизмы формирования значения в сознании инофона, влияние многоязычия и культурных различий на интерпретацию русской лексики. Особое внимание уделено методикам контекстуализации, ассоциативного и межкультурного обучения, направленным на развитие языковой и межкультурной компетенции обучающихся.

Ключевые слова: значение слова, языковое сознание, когнитивная лингвистика, русский язык как иностранный, африканские студенты.

Современная методика преподавания русского языка как иностранного (РКИ) все более часто обращается к **КОГНИТИВНЫМ И**

психолингвистическим подходам, в центре которых находится человек как носитель индивидуального и коллективного языкового сознания. Особое внимание уделяется его способности воспринимать и интерпретировать значения слов через призму родного языка, культурного опыта и профессиональной подготовки. Для преподавателя РКИ важно не просто передать лексическое знание, а сформировать у студента способность видеть, как значение слова рождается, варьируется и закрепляется в конкретной языковой картине мира.

Особую актуальность эти вопросы приобретают в контексте преподавания русского языка африканским студентам. В последние десятилетия русский язык становится востребованным в странах Африки – как средство научной, академической и профессиональной коммуникации. Африканский контингент российских вузов – это будущие врачи, инженеры, программисты, представители военных и административных профессий. Каждая из этих сфер формирует особые требования к языковой компетенции. Процесс освоения значений русских слов у африканских студентов носит динамический когнитивный характер: он «накладывается» на опыт владения родным этническим, региональным и официальным языком (английским, французским, португальским) и переосмысливается в процессе овладения русским языком [Кубрякова 2004]. Языковое сознание формируется в условиях многоязычия и мультикультурности.

Преподаватель РКИ в этом контексте оказывается посредником между различными **языковыми картинами мира**. Он не только обучает грамматике и лексике, но и помогает студентам реконструировать значение слова как **феномен актуального языкового сознания**, то есть как живой, динамичный смысл, возникающий в процессе реальной коммуникации [Караулов 2002; Кубрякова 2004]. Значение слова для африканского студента преломляется через культурный опыт, профессиональные цели и личные ценности.

Значение слова и африканское языковое сознание

Африканский обучающийся – носитель **гибкого когнитивного пространства**, где несколько языков сосуществуют и взаимно влияют друг на друга. В процессе изучения русского языка возникает интерференция: слово осмысливается через призму семантики известных языков [Леонтьев 1999]. Многоязычие создает особую форму «ментального перевода», когда значение нового слова интерпретируется через сеть уже существующих концептов [Palmer 1996].

Так, франкофоны часто интерпретируют слово «*товарищ*» через «*camarade*», придавая ему ограниченное социальное значение «одноклассник», «коллега». Для англофонов аналогичная интерференция проявляется при освоении слова «*время*»: они склонны отождествлять его с более широким английским «*time*», включающим идею «эпохи», «повседневности», «срока».

Р. Лангакер [Langacker 1987] подчеркивал, что значение слова не хранится в памяти как статическая сущность, а активируется при каждом акте использования. Этот тезис особенно важен для преподавания РКИ, где слово воспринимается студентом не как готовый знак, а как **модель действия** – смысловая структура, которую нужно освоить и применять.

Русская лексика насыщена природными и климатическими реалиями, не имеющими эквивалентов в африканском опыте. Слова «*снег*», «*мороз*», «*метель*», «*иней*» не просто обозначают физические явления, а несут эмоциональные и эстетические коннотации – символ чистоты, начала, испытания. Африканский студент, не имея сенсорного опыта данных природных изменений, осмысливает эти явления **через метафору и образ**, что согласуется с идеями Дж. Лакоффа о «концептуальной метафоре» как основном механизме мышления [Лакофф 2004].

В свою очередь, слова «*солнце*», «*жара*», «*свет*» для африканца имеют позитивную, жизнеутверждающую окраску, тогда как в русском культурном коде они нередко ассоциируются с изнеможением или опасностью («*палит солнце*», «*знойный день*»). Здесь проявляется то, что А. Вежбицкая [Wierzbicka 1992] называла **культурной семантикой** – системой значений, специфичной для определенного лингвокультурного сообщества. Для африканцев упомянутые слова не несут коннотаций опасности или дискомфорта, в отличие от русского языкового сознания.

Значение слова всегда соотносится с профессиональным контекстом. У студентов-медиков трудности вызывает разграничение терминологического и метафорического значения. Они воспринимают слово «*пульс*» как термин, но не всегда понимают его метафорическое расширение (*пульс сердца, пульс времени, пульс эпохи*). У инженеров – различие между узкотехническим и переносным значением слов. Они интерпретируют «*опору*» в физическом смысле, не улавливая абстрактного (опора моста vs. опора семьи). Программисты сталкиваются с семантическими ловушками технических слов (*канал, память, поток, вирус*). **Жандармы и военные** по-особому воспринимают слова «*приказ*», «*долг*», «*честь*», где значение связано не только с правовой, но и с моральной категорией («ответственность» как правовое и моральное понятие). Подобные наблюдения согласуются с идеей Ч. Филлмора о **фреймах** – структурах знаний, в которых значение слова активирует определенный сценарий опыта [Fillmore 1982].

Методики преподавания значения африканским студентам

Согласно Дж. Тейлору [Taylor 2002], значение неотделимо от употребления: лексика живет в контексте. Для африканских студентов эффективен метод **ролевого моделирования**, когда слово изучается в реальных ситуациях общения. Слово в сознании инофона усваивается через контекст, поэтому для африканских студентов особенно эффективны ролевые модели («врач – пациент», «инженер – заказчик», «командир –

подчиненный)), где слово «оживает» в действии. Такое обучение формирует **ситуативное значение** – слово усваивается не как формула, а как инструмент взаимодействия.

Сравнение ассоциаций африканских студентов с ассоциациями русских носителей позволяет выявлять расхождения в значении [Караулов 2002]. Например, на слово «семья» африканский студент реагирует «род, деревня», а русский – «мама, папа, дети». Это различие отражает разные культурные типы пространства – коллективного и индивидуального. Методика ассоциативных полей помогает выявить различия в структуре сознания студентов. Г. Палмер [Palmer 1996] отмечает, что языковое сознание всегда укоренено в опыте культуры: значение слова нельзя рассматривать вне его когнитивного фона. Поэтому сопоставление ассоциативных данных русских и африканских студентов становится не просто лингвистическим, но **культурологическим исследованием**.

Особое внимание следует уделять концептуально насыщенным словам: «*тоска*», «*судьба*», «*совесть*», «*душа*». Они концентрируют культурные смыслы, которые невозможно передать прямым переводом, поскольку они отражают уникальные элементы русского сознания [Кубрякова 2004]. Например, английское «*soul*» не эквивалентно русской «*душе*»; оно лишено философско-эмоционального компонента. Обсуждение таких различий позволяет студенту постичь **национальную концептосферу** языка [Wierzbicka 1992]. Сравнительный анализ помогает студенту увидеть глубинные культурные различия.

Преподаватель может использовать тексты русской литературы, где концепты реализуются в образной форме: фрагменты произведений Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева. Это помогает студентам не только учить слова, но и **входить в смысловое пространство культуры**.

Словари языкового сознания и африканский контекст

Ассоциативные словари [Караулов 2002] являются важным инструментом преподавателя РКИ. Они показывают «живые» ассоциации носителей, которые можно сопоставлять с ассоциациями студентов. Для африканцев полезно создавать **двунаправленные** «локальные» мини-словари, фиксирующие их реакцию на русские слова. Это позволяет преподавателю выявлять культурно-языковые смещения и корректировать понимание.

Например, на стимул «*вода*» африканские студенты дают ответы: «*жизнь*», «*Бог*», «*река*», «*дождь*», тогда как носители русского языка – «*чистота*», «*море*», «*прохлада*». Это показывает различие концептов: в африканской картине мира вода – источник существования, в русской – символ чистоты и покоя. Создание словарей ассоциаций позволяет преподавателю **картировать межкультурные различия** и использовать их в дидактических целях. Эти данные важны и для лексикографических

проектов – будущих словарей языкового сознания инофонов, которые могут стать новым направлением лингвокультурных исследований.

Практические аспекты преподавания РКИ африканцам

Обучение должно быть **дифференцированным**. Профессиональная ориентация студентов требует разных методик: врачи – работа с медицинской терминологией; инженеры – с технической лексикой; программисты – с ИТ-терминами; жандармы – с юридическим и административным словарем. Преподавание должно быть адаптировано к профессиональному профилю студентов.

Медики изучают лексику симптомов, диагнозов и состояний, а также ее метафорические расширения (*боль времени, рана памяти, лечение души*). **Инженеры** осваивают слова, связанные с пространством и конструкцией (*фундамент, мост, нагрузка*), в том числе в переносном смысле (*фундамент культуры, фундамент семьи, проект жизни*). **Программисты** знакомятся с метафорикой технологической лексики (*вирус идей, сеть дружбы*). **Жандармы** и военные особенно чувствительны к лексике статуса и субординации (*приказ, долг, честь*). Здесь преподаватель может использовать фрагменты документов, интервью, художественные тексты, раскрывающие «**этнокультурное измерение долга и ответственности**» [Антонова 2018]. Хорошо работать с текстами правового характера, развивая понимание различий между «*приказом*», «*просьбой*» и «*обязательством*».

Для африканцев русский язык – необходимый для профессии инструмент, путь к **социальной мобильности** и культурной самореализации. Поэтому работа со значением слова должна быть связана с их жизненным опытом и объясняться в прикладном ключе: «*ответственность врача*», «*долг офицера*», «*проект инженера*» [Антонова 2018]. Этот подход согласуется с идеей гуманистической педагогики, где обучение – это совместное конструирование смыслов. Работа со значением слова должна связываться с личными смыслами. Это превращает лексическое обучение в **ценностное общение**, что повышает мотивацию и эффективность усвоения.

Освоение значений слов – это не просто процесс перевода, а **формирование межкультурной компетенции**. Сравнение культурных картин мира позволяет студентам осознать, что слово живет не только в словаре, но и в сознании носителя языка [Лакофф 2004]. Слово «*гость*», например, в русском языке имеет позитивную окраску (радушие, гостеприимство), тогда как в некоторых африканских культурах ближе к значению «*чужой*». Разъяснение различий предотвращает коммуникативные недоразумения и формирует доверие. Акцентируя внимание студентов на культурных различиях, преподаватель формирует у студентов уважение к разнообразию культурных моделей.

Приведем примеры упражнений для студентов разных направлений.

Задание «Пульс жизни» для студентов-медиков:

Цель: обсудить, как одно слово соединяет биологическое и социальное значение.

1. Составить диалог между врачом и пациентом, употребляя слово «пульс» в прямом значении. 2. Придумать текст о жизни города, используя выражение «пульс мегаполиса».

Задание «Мосты и опоры» для будущих инженеров:

Цель: развить способность видеть метафорическую динамику значения.

1. Найти примеры слов «мост» и «опора» в техническом и метафорическом смысле. 2. Составить короткое эссе «Человек как опора».

Задание «Живая сеть» для программистов:

Цель: сформировать понимание образности технических слов.

1. Объяснить различие между «компьютерной сетью» и «социальной сетью». 2. Придумать мини-диалог о «сети дружбы» или «вирусе идей».

Задание «Приказ и честь» для студентов-военных:

Цель: развить понимание языковой этики и соотнесения правового и морального значения.

1. Прочитать фрагмент воинского устава и художественный отрывок. 2. Определить, как в обоих случаях выражено значение слов «приказ», «долг», «честь».

Данные упражнения соединяют профессиональное и культурное измерение значения, помогая студентам «встраивать» новое слово в языковое сознание [Леонтьев 1999].

В заключение отметим. Значение слова для африканских студентов, изучающих русский язык, представляет собой **живой когнитивно-психолингвистический процесс**, в котором взаимодействуют родное языковое сознание, профессиональный опыт и культурная идентичность. Процесс усвоения значения у студентов из Африки носит динамический характер. Данный феномен происходит на пересечении многоязычного опыта, профессиональной подготовки и новой культурной среды.

Преподаватель РКИ, работающий с африканской аудиторией, выступает не просто носителем языка, а **медиатором смыслов**. Он становится посредником, помогая студенту «собрать» смысл из различных фреймов опыта. Слово – это не только знак, но и **инструмент мышления, культурная энергия**. Для преподавателя РКИ это означает необходимость сочетать когнитивные и психолингвистические подходы с практической дидактикой.

Развитие методик описания значения в РКИ требует интеграции когнитивных, лингвокультурных и экспериментальных подходов: использование ассоциативных и корпусных данных; создание двунаправленных словарей языкового сознания; применение ситуационных и профессионально ориентированных упражнений. Данный

подход делает преподавание русского языка африканцам не просто обучением, а **взаимным познанием культур через язык**, что полностью соответствует гуманистическим целям современной лингводидактики.

Литература

Антонова Н. С. Методика преподавания РКИ: лексический аспект / Н.С. Антонова. – Москва: Флинта, 2018.

Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева. – Москва: Ин-т рус. яз. РАН, 1996. – 211 с.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва: Языки славянских культур, 2004. – 560 с.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф; пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики: учебник для студ. высш. учеб. заведений / А. А. Леонтьев. – Изд. 5. – Москва: Смысл, Издательский центр «Академия», 2008. – 288 с.

Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Stanford: Stanford Univ. Press, 1987. 540 p.

Palmer G. Toward a Theory of Cultural Linguistics. Austin: Univ. of Texas Press, 1996. 360 p.

Fillmore C. Frame Semantics // Linguistics in the Morning Calm. Seoul: Hanshon Publ. Company, 1982. Pp. 111-137.

Taylor J. Cognitive Grammar. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002. 634 p.

Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. Oxford: Oxford Univ. Press, 1992. 487 p.

Ю. В. Кокора (Краснодар, Россия)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

Аннотация. В данной статье рассматривается специфика имплицитной составляющей поэтического перевода. В качестве материала исследования нами было выбрано стихотворение Кристины Россетти и наш собственный перевод произведения. На основании когнитивного и переводческого анализов мы выявили основные сходства и различия оригинала и перевода, а также дали оценку возможности сохранения женской языковой личности в языке перевода.

Ключевые слова: теория перевода, женская языковая личность, когнитивный анализ, имплицитность.

Вопрос вербализации женской языковой личности остается актуальным вопросом современных научных исследований. Наш взгляд, эта тема недостаточно изучена в аспекте лингвистических наук. Несмотря

на существование ряда работ, рассматривавших проявление женской языковой личности внутри различных типов дискурса (художественного, психолингвистического, рекламного, информационного и т. д.), вопрос сохранения когнитивно-имплицитных свойств языковой личности в аспекте перевода остается открытым. Рассмотрение речевой деятельности индивида в поэтическом дискурсе неразрывно связано с психолингвистическим аспектом. Сохранение его особенностей – задача качественного поэтического перевода.

Прежде чем перейти к рассмотрению и анализу поэтического перевода стихотворения Кристины Россетти, следует отметить основные особенности женской речи, а также осуществить концептуальный анализ оригинала произведения.

В монографии А. В. Кириловой «Гендер: лингвистические аспекты» отмечается, что особенности женской речи можно увидеть на разных уровнях языка: лексике, грамматике, фонетике и форме общения [Кирилова 1999, с. 59].

Среди основных тезисов работы следует выделить следующие: 1) большое количество эмоционально-окрашенной лексики, имеющей положительную оценку; 2) экспрессивность, использование возвышенных номинаций; 3) преимущественное употребление длинных и сложных синтаксических конструкций; 4) случаи синтаксического повторения, которое в поэтической речи может выглядеть как стилистическая фигура (параллелизм, эпифора, кольцевая композиция и т. д.); 5) консервативный характер речи – стремление к сохранению литературных норм родного языка.

Принимая во внимание эти аспекты, следует отметить, что пункт 2 и пункт 5 внутри поэтического дискурса не являются особенностью исключительно женской речи. Консервативность, использование архаизмов и литературных норм родного языка – это стандарт поэтической речи, без которого невозможно в полной мере воссоздать эстетическую функцию текста. Экспрессивность также характерная черта поэтического дискурса вне зависимости от гендерной принадлежности языковой личности в нем.

Важным для поэтического дискурса аспектом женской речи является положение о том, что женской речи свойственна детализация, касающаяся не только номинативных, но и качественных единиц (например, цветовой гаммы) [Стернин 2004, с. 10].

В представленном для анализа отрывке последнее положение имеет особую значимость:

*My heart is like a singing bird
Whose nest is in a watered shoot;
My heart is like an apple-tree
Whose boughs are bent with thick-set
fruit;
My heart is like a rainbow shell
That paddles in a halcyon sea;
My heart is gladder than all these
Because my love is come to me.*

*Raise me a dais of silk and down;
Hang it with vair and purple dyes;
Carve it in doves and pomegranates,
And peacocks with a hundred eyes;
Work it in gold and silver grapes,*

*In leaves and silver fleurs-de-lys;
Because the birthday of my life
Is come, my love is come to me.*

[Rossetti, p. 200]

*Сердце мое – как птицы пенье,
Что в выси вьет гнездо себе.
Сердце мое – садов цветенье,
Все оживившее к весне.*

*Сердце мое – звезда морская,
Попавшая на берег вновь,
Сердце мое – еще прекрасней –
В него вошла любовь.*

*Построй помост к душе моей,
На нем изобрази
Верность белых голубей
И нежность лилии.
Как гроздь граната – жизнь
полна*

*И чувствую я вновь:
Я будто снова рождена –
Ко мне пришла любовь.*

(Перевод наш. – Ю. К.)

Так, в стихотворении Кристины Россетти мы видим, что автор, как и свойственно женскому сознанию, уделяет особое внимание деталям. Среди номинативных единиц можно выделить такие конкретизирующие лексемы, как *watered shoot*, *thick-set fruit*, а также семантические единицы, характеризующие качество: *a dais of silk*, *vair and purple dyes*, *silver fleurs-de-lys*, *halcyon sea*. Указанные выше примеры доказывают, что женскому языковому сознанию, несмотря на значительную долю индивидуального начала, свойственного поэтическому дискурсу, характерна детализация отдельных явлений действительности. Так, семантические единицы *vair and purple dyes* (белые и фиолетовые краски), *silver fleurs-de-lys* (серебряная лилия), *halcyon sea* (безмятежное море), *a dais of silk* (помост из шелка) конкретизируют значение первичной номинативной единицы (здесь: *dyes*, *fleurs-de-lys*, *sea*, *dais*), добавляя им более высокую степень сенситивности, свойственную женскому сознанию. Однако при этом следует признать, что данные семантические единицы косвенно связаны с женским ассоциативным мышлением и в большей степени отражают индивидуальную картину мира автора. Таким образом, главная переводческая задача в данном произведении заключается в сохранении женской языковой личности.

Наличие большого количества символов в произведении заставляет нас разделить их на главные и второстепенные (в соответствии со степенью их смысловой нагрузки). Среди символов, сохранение которых

обязательно при переводе, мы выделили следующие: *birthday*, *singing bird*, *heart*, *dais*, *fleurs-de-lys*, *pomegranates*, *doves*. Центральными среди них стали *birthday* и *heart*. Именно они составляют идейную основу стихотворения, передают состояние радости лирической героини. Главной темой произведения является ожидание, предчувствие начала новой жизни, ознаменованное «вторым» духовным рождением. Следовательно, эти смысловые единицы должны обязательно иметь отражение в переводе, чтобы он считался корректным с позиции лексической, композиционной и идейной составляющих, сохранил свою проблему и эстетическую функцию.

Среди других символов, которые мы считаем уместным сохранить при переводе, были выбраны следующие: *singing bird*, *dais*, *fleurs-de-lys*, *pomegranates*, *doves*. Они не являются центральными, как рассмотренные выше, но также несут важную семантическую нагрузку, позволяют в своей совокупности сформировать языковую личность Кристины Россетти (в узком смысле) и женскую языковую личность внутри поэтического дискурса (в широком смысле).

1. *singing bird* (поющая птица) – образ влюбленной девушки; ликующего сердца (см. первую строку «My heart is like a singing bird»);

2. *dais* (помост) – в данном контексте: символ перехода из одного состояния в другое (путь к новому рождению, духовному обновлению); данный символ был передан на русский язык посредством конкретизации (см. в переводе ст. 9 «Построй помост к душе моей»);

3. *fleurs-de-lys* (досл.: «цветок лилии»), гербовая фигура, символизирующая чистоту, нежность и непорочность. В переводе передан посредством генерализации (ср.: «Work it in gold and silver grapes» – «нежность лилии»);

4. *pomegranates* (гранат) – символ изобилия и процветания. Также важный компонент в смысловой композиции произведения – передает оттенок радостных надежд лирической героини. В переводе представлен посредством модуляции: если в оригинале стихотворения гранат служит одним из элементов описания, то в переводе ему отводится отдельный стих с дополнительным герменевтическим толкованием (сравните: «Carve it in doves and pomegranates» – «Как гроздь граната – жизнь полна»);

5. *Dove* (голубь) – здесь: символ верности. В переводе также представлен посредством модуляции: в оригинале – средство описания, в переводе представлен с добавлением дополнительного герменевтического толкования (сравните: «Carve it in doves and pomegranates» – «Верность белых голубей»).

Таким образом, символы, сохраненные при переводе, делятся на два типа: *центральные* и *второстепенные*. Все они позволяют передать психологизм авторской картины мира. Однако если второстепенные семантические элементы являются единицами индивидуальной перцепции,

то два центральных символа (*birthday* и *heart*) представляют собой концепты, свойственные женскому сознанию в целом и находят отражение в других поэтических текстах, например, сонеты № 3 («*Unlike are we, unlike, O princely Heart!*») и № 5 («*I lift my heavy heart up solemnly*») Элизабет Браунинг, поэзия Эмили Дикинсон «*The stiff Heart questions 'was it He, that bore*» (стихотворение «*After great pain, a formal feeling comes*»), «*Born – Bridalled – Shrouded*» (стихотворение «*Title divine - is mine!*») и т. д.

Таким образом, считаем, что главной задачей перевода является сохранение его основной идеи и эстетической функции. Осуществление этих требований возможно достичь при формировании интертекстуальных связей, т. е. при выделении и сохранении центральных символов, формирующих композицию произведения. Также когнитивный анализ позволил нам на примере стихотворения Кристины Россетти выделить центральные семы, свойственные женской языковой личности, что дает нам возможность заложить основу для дальнейших когнитивных и сравнительно-сопоставительных исследований внутри поэтического дискурса.

Литература

Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – Москва: Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.

Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения / И. А. Стернин. – Москва: РГБ, 2004. – 27 с.

Rossetti Christina G. Poems / Christina G. Rossetti. – New and enlarged edition. – Wordsworth, 2001. – 276 с.

Е. М. Лазуткина (Москва, Россия)

О ПРИМЕНЕНИИ МЕТОДА МОДЕЛИРОВАНИЯ В РАБОТЕ НАД «СИНТАГМАТИЧЕСКИМ СЛОВАРЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА»

Аннотация. Статья посвящена описанию проблем лексикографии в области синтаксической семантики и способов их решения в «Синтагматическом словаре русского языка». В статье показывается применение метода моделирования для выявления способов представления метаязыковой категории «синтагматический класс глаголов».

Ключевые слова: синтаксическая семантика, лексикография, синтагматика, парадигматика.

Нет абсолютных границ между планом выражения и содержания: промежуточным слоем является грамматика, которая есть не что иное, как часть плана содержания, служащая оформлению всей остальной части содержания (Ю. С. Степанов).

1.0. Проблематика соответствия формальной организации речи замыслу говорящего и его деятельности в акте речи очень актуальна в современной лингвистике, в деятельностной парадигме гуманитарных наук в XXI веке. В настоящее время гуманитарные науки аккумулировали достижения разных направлений философской мысли и теории языкознания и пришли к общей базе научного анализа – к положениям «человек мыслящий – это человек говорящий», «язык – естественная интерпретативная система». Синтаксисты ставят вопрос о законах использования языка в соответствии с тем, в каком виде существует языковая система в человеческой памяти, как служит эта система в качестве средства общения в различных жизненных ситуациях, какова система потенциальных речевых образований. Исследование синтагматики входит в число проблем общей теории языка, поскольку линейные структуры – это способы проявления системных парадигматических отношений, способы репрезентации мыслительных структур – разного типа концептов и когнитивных категорий.

1.1. Синтаксическая значимость разных разрядов лексики представляет собой виртуальные парадигматические ряды. В актах речи говорящий выбирает лексические единицы, которые могут не иметь очевидных соответствий с другими единицами лексического уровня. Оказываются релевантными макросемантические разряды лексики с определенными морфологическими признаками («материальные носители» концептов и когнитивных категорий), которые включают лексические разряды более низкого порядка, а семиотическая значимость синтаксических элементов – конструкций – обнаруживается лишь в синтаксической парадигматике и становятся очевидными в дискурсе. Ср.: «Первичная семантическая (точнее, семиологическая) функция каждого падежа не может быть определена в рамках одного отдельно взятого предложения или типа предложений. Она определяется в минимальной системе перифраз или, в отдельных случаях, трансформаций» [Степанов 1989, с. 136-137].

Деривационную связанность моделей обуславливает показ разных ракурсов одного и того же денотативного пространства – действия-события, направленного на объект (место), имеющего своим следствием полноту охвата объекта; например: *Мороз покрывает лужи тонким ледком.* – *Тонкий ледок начал покрывать лужи.* – *Лужи начали покрываться тонким ледком.* – *Лужи начало покрывать тонким ледком.*

1.2. В нашей лексикографической работе в качестве исходного принимается тезис, что естественная категоризация действительности носителей языка (когнитивное бессознательное) отражается в строении предложений, что композиционная семантика моделей предложений предопределена интерпретативными процессами.

Единицами исследования являются исторически сложившиеся в различных дискурсах модели предложения. В этих сложных структурах отражается типизированный в данном социуме способ осмысления мира и демонстрируются возможности системы языка.

Целью работы является выявление облигаторных синтаксических связей слов разных частей речи, разработка иерархии грамматических помет при лексеме в каждом ее значении, описания правил сочетаемости слов, составление перечня нулевых синтаксических позиций.

2.0. Методологической основой исследования является функциональная когнитивная лингвистика, концептуальный анализ. Применяется метод моделирования – гипотетико-дедуктивный метод, восходящий к методу эксперимента Л. В. Щербы, разработанный в отечественном языкознании Ю. С. Степановым и О. Н. Селиверстовой в начале 70-х годов XX века. Этот метод разбивает процедуру исследования на следующие основные этапы: «1) сбор фактов и их индуктивное обобщение, 2) выдвижение теории в виде гипотезы для их объяснения и уточнение ее в сопоставлении и частичном противопоставлении с существующими теориями, 3) выводение дедуктивным путем различных следствий из выдвинутой теории, 4) проверка теории путем сопоставления дедуктивно полученных следствий с фактами» [Степанов 1975, с. 118; Селиверстова 1976, с. 133-143].

2.1. Начальный этап работы – это формулировка предположения, выдвижение гипотезы о существовании общего сигнификативного ядра у разных моделей предложений. Для обнаружения деривационной сети моделей глагольных предложений, описания их семантики, межмодельных связей и внутримодельных модификаций создается мыслительный конструкт сигнификативного ядра предложений с событийными глаголами локально направленного действия, имеющего своим следствием полноту охвата объекта, например: *Мама закрывала грядки пленкой*. Сигнификативное ядро содержит следующие члены: *субъект действия, предикат, объект* (имя в винит. пад. со знач. места) и *косвенный объект* (имя в твор. пад. в функции средства воздействия / каузатора действия).

2.2. Сигнификативное ядро – содержательный инвариант, который обуславливает существование в синтаксической системе вариантов репрезентации в языке мыслительных конструктов реальных или воображаемых явлений, событий, отношений, поскольку остаются неизменными логические отношения параметров в структуре мыслительного представления – в сигнификатах разных моделей предложений, которые вместе образуют банк сигнификативных структур. Эти логические отношения отображаются всей семантикой схемы, предикатом и его семантическими актантами, что заставляет нас считать разные модели предложения парадигматически связанными. Сигнификативное значение каждого конкретного предложения –

конструируемая картина, собрание вычленяемых при ее осмыслении элементов, параметров денотативного пространства.

3.0. Методологическую ценность представляет понятие «синтаксическая позиция, которое в 1958 году ввел в теорию синтаксиса профессор Московского университета Т. П. Ломтев [Ломтев 1958, с. 42]. Синтаксическую позицию следует назвать главной единицей смысловой организации предложения, поскольку она делает очевидным сходство содержательных признаков форм слов, имеющих не только разные лексические значения, но и входящих в разные семантические классы. Синтаксическая позиция имеет более отвлеченные семантические характеристики, чем уже установленные разряды существительных: она может быть предназначена для имен разных категориальных разрядов в разных формах, а может – только для одного разряда и в одной форме, в зависимости от смысловых отношений в структуре предложения. Средством выражения синтаксической зависимости и средством обозначения смысловых отношений в структуре предложения являются формы категории падежа, соответствующие понятия – «падеж», «форма слова», «словоформа». Форма слова – это отвлеченный грамматический образец, а словоформа – это видоизменение по этому образцу конкретной лексемы.

3.1. Семантика моделей глагольных предложений и семантическое качество синтаксических позиций представляет интерес не только для теории языка, но является насущной проблемой для лексикографии, поскольку макросемантические разряды имен существительных в синтаксических позициях предложения неочевидны. Нередко в словарных статьях толковых словарей в дефиниции глагола указываются в скобках частные, отдельные значения имен в субъектной позиции и не указывается общее, категориальное; например, дается такого типа информация: *о воздухе, о дыме, о волнах*, – в зависимости от того, какой иллюстративный материал есть у лексикографа.

3.2. Модели предложений исторически сложились как когнитивные фреймы и коммуникативные стереотипы. Вследствие этого, они предполагают специфические категориальные качества словоформ в определенных синтаксических позициях (прежде всего, в позиции темы предложения) и таят в себе указания на актуальные в каждом конкретном случае прагматические параметры речевых ситуаций, выявляют точку зрения говорящего.

Именно таким образом – через семантическую функцию в составе высказывания и через значимость той или иной синтаксической позиции в организации смысла предложения – показываются свойства концепта, который представлен определенными именными словоформами. Для демонстрации семиотической ценности морфологических характеристик слов в определенных синтаксических позициях благодатным материалом

являются семантически емкие конструкции – деривационно связанные полипредикативные модели предложений, организованных событийными глаголами локально направленного действия.

Модель сигнификативного ядра предложений с событийными глаголами локально направленного действия строится на основе их общего значения «направленность действия-движения на объект, имеющего своим следствием смежность средства воздействия с объектом» и содержит следующие члены: субъект действия, предикат, объект (имя в винит. пад. со знач. места) и косвенный объект (имя в твор. пад. в функции средства воздействия / каузатора действия). Иллюстрацией изложенных теоретических положений может служить разграничение значений в синтагматическом классе глаголов локально направленного действия, а также порядок следования этих значений. Пометы в словарной статье учитывают направление деривационных связей моделей предложений.

1) За образец берется предложение с эксплицитно выраженными участниками события: эту модель мы обязаны считать исходной в деривационной сети. Это модель предложения с субъектом-лицом, действующим преднамеренно при акциональном каузативном двухвалентном глаголе; например: *Мы закрывали грядки пленкой.*

Варианты модели – с обобщенным каузатором в твор. падеже; напр.: *Мама **покрыла** голову;* или с инкорпорированным каузатором 2-го ранга; например: *Надо **гипсовать** руку.*

2) Модификация модели (внутримодельная деривация) – предложение с ослабленным каузатором, субъект не способен к преднамеренным, контролируемым действиям, в глаголе ослаблена сема преднамеренности действия; например, *Ветер **закрывал** солнце рваными облаками.* Позиция субъекта предназначена для обозначения стихийной силы, которая выражается существительными пропозитивной семантики, отвлеченными и вещественными существительными.

Варианты модели – с обобщенным или инкорпорированным каузатором, при отсутствии семы оптативности; например: *Я не сяду в кресло, я его **запачкаю**; Я **иззеленила** платье.*

3) Межмодельная деривация – конструкции с автокаузативами (действие субъекта направлено на него самого); например: *[Наташа] **кинулась** к крему и немедленно **им намазалась*** (М. Булгаков).

Варианты модели – с обобщенным каузатором; напр.: *Мать **покрылась**, ее было не узнать;* или инкорпорированным каузатором; например: *Девуцы в это время **душились, красились, пудрились, румянились, шнуровались.***

4) Модификация модели – с редуцированным каузативным элементом, при отсутствии семы оптативности, преднамеренности действия; например: *Малыш **облился** кефиром* (глаголы преимущественно СВ).

5) Следующая ступень деривации предложения – межмодельная деривация – предложение с субъектом-стихийной силой, выраженным отвлеченными существительными, называющими субстанцию, способную к самостоятельному перемещению или конкретными неодушевленными существительными во мн. ч. (реже – в ед. ч.); напр.: *Вода закрыла рассаду; Тучи медленно закрывают солнце.*

Маркеры субъектной позиции – «определенность», «множественность». Ср. также: *Лексика разной степени терминологичности все больше и больше насыщает словесную ткань произведений различных письменных жанров и стилей современного русского языка* (Т. С. Коготкова). Одновалентные локально направленные глаголы имеют только зависимый компонент в вин. пад., называющий место, относительно которого происходит действие-движение. Главный денотативный признак событийного глагола – «локально направленное движение, имеющее своим следствием полноту охвата объекта».

6) Внутримодельная деривация – предложения, обозначающие воздействие на человека мыслей, чувств, ощущений; например: Предложения обозначают сенсорно воспринимаемые (или наблюдаемые, оцениваемые со стороны) процессы. Стилистически нейтральный порядок слов – с препозицией субъекта состояния (названия места); напр.: *Меня тотчас охватила неприятная, неподвижная сырость* (И. Тургенев); *Берлиоза охватил необоснованный, но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас же бежать с Патриарших без оглядки* (М. Булгаков); *Страну охватила стихия митингов; Ее лицо заливают краска стыда* (Е. Катасонова).

7) Предложения с суженной перспективой: с субъектом-предметом (псевдокаузатором); напр., *Занавес закрывает сцену*. Термин «суженная перспектива» – о предложениях, которые намекают на существование других «участников» и требуют более широкого описания события – принят в работах по морфосинтаксису: *Молоток разбил витрину; Рубильник выключил свет; Ключ не смог открыть дверь.*

Занавес – существительное предметной семантики, конкретное, неодушевленное, вследствие этого оно не может быть субъектом при каузативном одновалентном глаголе: занавес не может самостоятельно осуществлять это действие. Сочетание неодушевл. конкретного существительного с акциональным каузативным глаголом в акте предикации – исторически поздняя модель предложения в индоевропейских языках

8) Предложения с субъектом, выраженным предметным существительным, также представляют собой внутримодельную деривацию. Существительное предметной семантики не может быть каузатором при глаголе действия-события; появление его в роли субъекта при акциональном каузативном глаголе сигнализирует о том, что глагол

потерял значение акциональности и каузативности, стал глаголом-релятором.

Здесь предикативная основа в целом представляет собой когнитивную метафору при обозначении локальных отношений, показывает трактовку говорящим положения дел; например: *Брюки не закрывают каблук; Бугор закрывал деревню.*

9) Межмодельная деривация – с топикализацией объекта действия-движения: в позиции субъекта название места, относительно которого происходит движение. Однокоренные возвратные глаголы (и их аналоги без частицы *-ся*, типа *процветать чем-н.*), организуют предложения со значением «непроизвольное изменение состояния субъекта, который является объектом (местом) воздействия стихийного каузатора». Роль каузатора выполняет словоформа в твор. пад.; например: *Угли медленно затягивались пеплом; А рассказывал Горький великолепно. Подлинный случай сейчас же обростал у него подробностями* (К. Паустовский).

Варианты модели – с обобщенным или инкорпорированным каузатором; например: *Солдат зарос; Губы запеклись; Свечи оплывали в канделябрах* (М. Булгаков); *Лист запаутинился* (Л. Леонов); *Велосипед ржавел; Хлеб начал плесневеть.*

10) Безличные предложения – результат межмодельной деривации (см. пункт 2); например: *Дорогу заносило. Тропинку заснежило. Страшная процедура прополки. Всё оплело зеленью.*

4.0. Вывод. Применение метода моделирования позволяет обнаружить в языке неочевидные парадигматические отношения глаголов и имен существительных, выявить деривационную сеть синтаксических конструкций. Это дает основание утверждать, что существует системная (метаязыковая) категория «синтагматический класс глаголов».

Метод моделирования дает возможность по общему сигнификативному ядру предложений произвести исчисление всего синтагматического класса глаголов и обнаружить следующие концепты: «локально направленное действие, имеющее своим следствием полноту охвата объекта» (название синтагматического класса глаголов) и «субстанция, способная к самостоятельному перемещению» (название макросемантического разряда имен существительных, которые появляются в субъектной позиции в модели-деривате; например, *Вода заливала луга*).

Наибольшее число моделей предложений в деривационной сети организуют глаголы с общим значением, например: *заполнять, покрывать, заливать, захватывать*. Конструкции с глаголами, имеющими более конкретное значение, как правило, представляют собой лишь отдельные участки деривационной сети; например, *Борищ взялся жирком*.

Синтагматический класс глаголов – это функционально-семантическая категория глаголов, предопределяющая их валентность и композиционную семантику моделей предложений. Способ ее

репрезентации – деривационная сеть моделей предложений. Соотношение функционально-семантических категорий «диатеза» и «синтагматический класс» таково: «диатеза» показывает деривационные связи предложений с гомоморфными глаголами, а категория «синтагматический класс» предсказывает одинаковые синтаксические свойства у глаголов разных лексико-семантических групп, т. е. представляет собой категорию более высокого уровня.

Литература

Лазуткина Е. М. Синтагматический класс глаголов: определение и исчисление / Е. М. Лазуткина // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – № 4. «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка». – Москва, 2019. – С. 201-216.

Ломтев Т. П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц (О понятии позиции в теории синтаксиса) / Т. П. Ломтев // Филологические науки. – 1960. – № 4. – С. 15-28.

Селиверстова О. Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания / О. Н. Селиверстова // Принципы и методы лингвистических исследований. – Москва: Наука, 1976. – 380 с.

Степанов Ю. С. Проблема общего метода современной лингвистики / Ю. С. Степанов // Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания: тезисы докладов. – Москва, 1974.

Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение / Ю. С. Степанов. – Москва: Наука. 1989. – 245 с.

С. С. Лифанова (Москва, Россия)

ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ КАК ФОРМИРОВАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛА

Аннотация. В статье рассматривается процесс принятия переводческого решения. Традиционно подразумевается, что переводчик делает выбор между альтернативными вариантами для той или иной языковой единицы. Здесь мы изучаем процесс принятия переводческого решения с учетом когнитивной составляющей работы переводчика с художественным текстом, а именно на перевод как на последовательную деятельность по решению проблем и задач. Принципиально важным является выделение единицы принятия решения. Мы подойдем к новому определению процесса решения переводческой задачи и принятия переводческого решения.

Ключевые слова: перевод, репрезентация, значение, смысл, проблемная ситуация.

В психологии и психолингвистике изучение процесса перевода и оценки его качества в последние десятилетия идут в направлении вскрытия когнитивных механизмов и особенностей мыслительной деятельности переводчика. Особый интерес вызывает сам момент качественного

перехода от произведения на иностранном языке к читаемому и с легкостью воспринимаемому тексту на языке перевода.

Переводческая деятельность связана с активной трансформацией реальности благодаря средствам переводческой деятельности, мыслительным операциям особого рода. Одной из задач переводчика при работе с художественным текстом является обеспечение естественного для читателя стиля и образа речи. Для этого переводчик прибегает к подбору межъязыковых соответствий, совершает процедуры грамматических трансформаций. Общеизвестными критериями успешности переводческой деятельности служат уместность, мотивированность и достаточность [Устинова 2024]. В классических дихотомиях доместикация-форенизация, а также переводимость-непереводимость выбор переводчика обуславливается множеством факторов, включая его индивидуальный стиль работы.

В техническом плане существует большой арсенал переводческих приемов, позволяющих приблизить текст на оригинальном языке к языку читателя. В этой ситуации критически важным является отказ от поиска эквивалентности и совершения ошибки «буквализма». При переводе художественной литературы важно признать принципиальную невозможность в некоторых случаях «поэлементного, формального, контекстно-независимого перевода выражения с одного языка на другой» [Рябцева 2018, с. 94-95].

Традиционный взгляд на процесс принятия переводческого решения состоит в том, что переводчик делает выбор между альтернативными вариантами для той или иной языковой единицы. Прежде чем он подойдет к решающему моменту выбора, им совершаются несколько подготовительных этапов, включающих в себя и анализ текста, и выбор стиля перевода, и вычленение особенностей текста, не поддающихся простым приемам трансформации. Однако основания для этого выбора кроются глубоко в индивидуальных когнитивных особенностях восприятия текста переводчиком.

В данной работе мы будем рассматривать процесс принятия переводческого решения как последовательную деятельность по решению проблем и задач. Важно помнить, что проблемное пространство, которое формируется из задач и проблем, отражает индивидуальную ментальную картину переводчика и вследствие этого формируется уникальный для каждого из них стиль перевода. Стиль перевода подразумевает под собой не столько лексические особенности, выбор тех или иных языковых единиц, сколько применение тех или иных приемов работы со структурой текста с помощью ментальных операций.

В тексте художественного произведения переводчик обнаруживает с необходимостью как задачи, т. е. ситуации, он знает, куда двигаться и ищет средство разрешения затруднения, так и проблемы – такие ситуации,

в которых уровень неопределенности диктует отсутствие понимания структуры затруднения или отсутствия методов работы с подобными затруднениями. Решение переводческой задачи, по сути, и есть привычный нам процесс принятия переводческого решения, который можно зафиксировать в протоколах и самоотчетах переводчиков: вычленяется структура, вызывающая трудность, эта трудность квалифицируется определенным образом и ищутся те самые варианты, альтернативы, для совершения выбора, принятия решения. Примером работы с переводческой задачей служит поиск необходимого идиоматического выражения, поиск грамматического эквивалента такого формата, который был бы «на слуху» у будущего читателя текста и т. д. Решению подобных разнообразных задач при работе с художественным текстом и обучают в курсе подготовки переводчиков. Наглядно процесс работы с переводческой задачей и процесс принятия решения можно увидеть, если предложить фрагмент текста на перевод различным переводчикам, и мы увидим, что есть «сложные» места для статистически значимого числа переводчиков текста и «простые». К таким «сложным» местам в подавляющем большинстве случаев относят поиск эквивалента или значения слова на языке перевода, скрытого от быстрого доступа по каким-то причинам, например, из-за недостаточного знания контекста или региональных особенностей языка. Чаще всего в протоколах испытуемые будут говорить о том, что они «не знают, как это сказать». В случае с переводческой проблемой в самоотчете мы фиксируем слова «я не понимаю», «не вижу» и т. д., то есть речь идет о невозможности применить рабочий инструментарий.

Работа с проблемой при переводе – это иной вид мыслительной деятельности. Прежде всего, переводчик должен ее обнаружить. Если задача появляется в тексте эксплицитно, явно, требуя от переводчика подбора нужного инструментария для своего решения, то проблема не обнаруживает себя до тех пор, пока переводчик не выстроит репрезентацию, ментальную модель ситуации, в которой она будет зафиксирована. Таким образом это проактивная позиция и мыслительные операции, задействованные в этой деятельности, носят иной характер.

Такая ментальная модель зависит от выбранной «системы координат», на языке переводческой деятельности вслед за А. А. Воюцкой мы будем называть единицей принятия решения [Воюцкая 2022], определяемая как операционная единица процесса перевода. Выбор этой единицы зависит от многих факторов, включая степень неопределенности проблемной ситуации, наличие или отсутствие приемов и стратегии работы с затруднениями и проч. В типичном случае единица принятия решения соответствует предложению, иногда словосочетанию или абзацу текста. Выбор объема этой единицы принято считать интуитивным, основанным на имплицитном знании переводчика.

Единица принятия решения формируется на самом глубоком уровне восприятия текста, если оценивать их с позиций когнитивных теорий языка [Красных 2001]: первый уровень – уровень собственно восприятия, т. е. понимание прямого значения на уровне поверхностного значения текста, второй уровень – собственно понимание (дополнительных модусных смыслов, подтекстов и проч.), третий, самый глубокий уровень, – интерпретация, т. е. восприятие на уровне смысла. Таким образом, понять текст означает перейти от его внешней материальной формы, выраженной буквенными знаками, к его ментальной модели, т. е. понять – означает не понять смысл, а придать его. Именно на уровне интерпретации текста, его фрагментов, и формируются проблемные точки, объективированные через единицы принятия переводческого решения. В этот момент переводчик придает смысл и формирует ментальную репрезентацию. От того, какую репрезентацию он построит и будет зависеть дальнейшая стратегия работы с проблемой, т. е. она будет переструктурироваться, будет определено целевое состояние и вычленены задачи, для которых есть готовый набор переводческих операций. От качества репрезентации (проработки и верного объема единицы принятия решения) будет зависеть и качество конечного текста перевода. Для работы с репрезентациями мыслительная деятельность человека «оснащена» различными операторами, которые по сути своей являются метаоперациями.

При работе с проблемой одним из ключевых этапов является определение целевого состояния, именно здесь кроется мастерство переводчика, ведь в этот момент необходимо определить суть высказывания автора и выстроить репрезентацию на конечном языке перевода так, чтобы «читатель мог без труда воспроизвести иностранный ход мысли» [Ортега-и-Гассет 1991] и в полной мере считать высказывание оригинального текста. Это возможно лишь благодаря приписыванию смысла означаемому. Таким образом решение переводческой задачи – формирование значения текста, а принятие переводческого решения, как результат процесса решения проблем, есть приписывание смысла высказыванию автора.

В практической плоскости одним из ключей к формированию репрезентации переводческой проблемы является работа с синтаксисом. Это направление на данный момент представляется нам наиболее продуктивным в экспериментальном плане. Открывается ряд возможностей для процедурной проверки. Среди них, работа с ментальными моделями и фреймами при вычленении единиц принятия решения. Здесь же целый пласт когнитивных особенностей переводчика, который приводит к тем или иным склонностям в формировании репрезентаций, включая когнитивные искажения.

Отдельный исследовательский интерес представляет изучение процесса формирования мастерства переводчика художественного текста и в связи с этим сравнение новичков и экспертов в этой области именно с точки зрения работы с репрезентациями текста. Важно помнить, что ментальная модель текста включает в себя особым образом и коммуникативный опыт самого человека, и многоуровневый контекст, и степень владения иностранным языком. Исходя из сложности изучаемого операционального поля, выделение репрезентации как объекта психолингвистического исследования представляется нам наиболее удачным.

Литература

Воюцкая А. А. В поисках единицы перевода: функционирование единицы перевода как единицы принятия решения / А. А. Воюцкая // Исследования языка и современное гуманитарное знание. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 6-15.

Иовенко В. А. Перевод и его противоречия в статье Хосе Ортеги-и-Гассета «Нищета и блеск перевода» / В. А. Иовенко // Филологические науки в МГИМО. – 2017. – №11 (3). – С. 87-92.

Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций / В. В. Красных. – Москва 2001. – 270 с.

Ортега-И-Гассет Х. Нищета и блеск перевода // Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы: Эссе о литературе и искусстве: сб. пер. с исп. – Москва, 1991. – С. 518-542.

Рябцева Н. К. Прикладные проблемы переводоведения: Лингвистический аспект / Н. К. Рябцева. – Москва: Флинта, Наука, 2018. – 223 с.

Устинова Т. В. Идиоматичный перевод: общие принципы и переводческие решения / Т.В. Устинова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – №4. – С. 115-126.

И. А. Морозова, М. М. Ткаченко (Борисоглебск, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 5 КЛАССЕ

Аннотация. В статье рассматривается методический аспект лексикографической компетенции, характеризуются метапредметные и предметные результаты обучения школьников, анализируется материал учебников. Авторы обосновывают необходимость применения онлайн-словарей в образовательном процессе, в том числе для дифференцированного и индивидуализированного обучения.

Ключевые слова: лексикографическая компетенция, лингвистические словари, метапредметные результаты, универсальные учебные действия.

Лексикографическая компетенция в настоящее время рассматривается как значимая составляющая социокультурной и лингвистической

компетенции. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования, Примерная основная образовательная программа предполагают работу по развитию лексикографической компетенции и достижение обучающимися соответствующих предметных и метапредметных результатов. Однако на практике учителя сталкиваются с определенными трудностями при выработке необходимых навыков.

Цель нашего исследования – изучить методику работы со словарями и предложить возможные подходы к формированию лексикографической компетенции обучающихся на уроках русского языка в 5 классе.

В качестве материала исследования был использован отвечающий современным требованиям УМК «Русский язык. 5 класс» Т.А. Ладыженской, М.Т. Баранова, Л. А. Тростенцовой и др. [Русский язык. 5 класс 2023; Бондаренко 2023].

Словари являются ценным справочными изданиями, которые необходимы для совершенствования речевой культуры каждого человека. Компетентностный подход в сфере образования предполагает формирование различного рода компетенций, в том числе лексикографической, которая включает в себя следующие компоненты (схема 1):

мотивационно-ценностный	• ресурсы накопления, а также сохранения культурологических и языковых данных; • понимание общественной и индивидуальной информации, получаемой из лингвистического источника; • потребность в обращении к словарям для решения различных коммуникативных и познавательных задач
когнитивный	• решение языковедческих проблем при помощи словарей; • понимание значимости лингвистического словаря
операционно-деятельностный	• умение найти самый правильный способ решения задачи, создать грамотный лексикографический запрос; • умение правильно выбрать тот или иной словарь, выбрать тот словарь из многообразия всех лингвистических словарей, который ответит на твой вопрос
поведенческий	• формирование навыка работы с помощью нахождения необходимых данных в разных словарях с целью решения различных познавательных, а также коммуникативных задач во время урочной и внеурочной деятельности

Схема 1. Компоненты лексикографической компетенции

Лексикографическая компетенция – это осознанная и мотивированная деятельность по работе с различными словарями. Наличие такой

компетенции характеризует высокую степень филологической подготовки школьников.

Нормативными документами определены метапредметные результаты освоения программы 5 класса учебного предмета «Русский язык», которые включают овладение универсальными познавательными действиями, универсальными коммуникативными действиями и универсальными регулятивными действиями. Среди необходимых универсальных учебных познавательных действий отмечено, что обучающийся должен овладеть способами работы с информацией, а именно:

- «выбирать источник получения информации о слове, его написании, произношении, морфемном составе, лексическом и грамматическом значении: пользоваться словарями, как печатными, так и электронными, в том числе справочным аппаратом учебника;

- отбирать информацию из источников с учетом предложенной учебной задачи;

- анализировать информацию, представленную в текстах, таблицах, схемах, в графическом изображении частей слова, членов предложения, осложненных и сложных предложений;

- осуществлять взаимодействие с электронными поисковыми системами, словарями, оценивать надежность информации по критериям, предложенным учителем;

- представлять информацию в форме текста, таблицы, схемы, презентации;

- запоминать и систематизировать информацию» [Бондаренко 2023, с. 15-16].

Согласно планируемым предметным результатам освоения курса «Русский язык» в 5 классе обучающийся научится:

«Использовать основные способы толкования лексического значения слова (подбор однокоренных слов; подбор синонимов и антонимов, словесное описание); определять значение слова в условиях контекста; пользоваться толковым словарем; разграничивать лексическое и грамматическое значения слова.

Распознавать однозначные и многозначные слова, находить в словаре толкование искомого лексического значения многозначного слова.

Различать прямое и переносное значение слова, находить слова с переносным значением в тексте, определять прямое и переносное значение слова.

Распознавать омонимы, различать омонимы и многозначные слова, находить омонимы в толковом словаре, различать способы обозначения омонимов и многозначных слов в толковом словаре.

Распознавать синонимы; подбирать синонимы к словам, определять смысловые и стилистические различия слов-синонимов, преодолевать неоправданное употребление слов с помощью подбора синонимов.

Находить антонимы в предложениях, подбирать антонимы к указанным словам. Различать паронимы, исправлять речевые ошибки, связанные со смешением паронимов.

Характеризовать тематические группы слов (родовые и видовые понятия).

Уметь пользоваться разными видами лексических словарей: толковым, словарем синонимов, словарем антонимов, словарем паронимов; использовать данные словари для редактирования текстов» [Бондаренко 2023, с. 22].

В рамках раздела «Лексикология. Культура речи» рассматриваются вопросы семантики (однозначные/многозначные, прямые/переносные значения) лексических единиц, системные отношения между словами (омонимы, синонимы, антонимы, паронимы), основные понятия лексикографии (словари, основные способы толкования слов). Такой подход связан с центрическим местом слова среди других единиц языка, необходимостью создания условий для обогащения словарного запаса и для изучения грамматики на основе лексики.

В учебнике имеются дополнительные материалы: орфографический, орфоэпический, толковый словарь, словарь паронимов. Задания, посвященные работе со словарями, являются интерактивными, предполагают деятельную позицию учащихся, самостоятельную работу. Однако, на наш взгляд, упражнения носят однотипный характер и направлены, чаще всего, на поиск значения или свойства слова в традиционном словаре. В реалиях сегодняшнего дня считаем необходимым уже в 5 классе на уроках русского языка знакомить школьников с онлайн-словарями.

В соответствии с методическими рекомендациями, педагог в ходе обучения должен показать обучающимся возможности разнообразных ресурсов для поиска информации, в первую очередь, в сети Интернет. На уроках русского языка использование интернет-технологий может способствовать:

- формированию и развитию у обучающихся познавательной и информационной компетенции в области поиска, обработки и анализа информации;
- формированию и развитию навыков отбора необходимых ресурсов и информации с точки зрения их авторитетности и достоверности, а также применимости для тех или иных исследовательских целей;
- формированию и развитию осознанного и рефлексивного отношения учащихся к выстраиванию собственной коммуникации [Бондаренко 2023].

Специалисты полагают, что пятиклассникам еще рано предлагать большое количество ресурсов, поэтому в методических рекомендациях представлен перечень сайтов с достоверной и легкодоступной

информацией: портал Грамота. ру, Портал «Культура письменной речи», Национальный корпус русского языка, Фундаментальная электронная библиотека. Подробно рассматриваются возможности справочно-информационного портала «Грамота.ру», где помещены разнообразные комплексные словари, справочники.

Использование онлайн-словарей на уроках русского языка в школе может быть эффективным для развития у обучающихся лексикографической компетенции. Для учеников 5 класса при работе с онлайн-словарями важно обеспечить безопасность работы в сети, обсудить с учениками правила поведения в Интернете, а также требования к достоверности и авторитетности словарных материалов. После того, как обучающиеся освоят особенности работы с онлайн-словарями в разделе «Лексикология. Культура речи», при изучении дальнейших тем курса «Русский язык» обращение к ним возможно достаточно часто, например, для толкования значений неизвестных, новых слов.

Таким образом, развитие лексикографической компетенции обучающихся 5 классов на уроках русского языка происходит через практику работу со словарями, в том числе онлайн. Формирование умения пользоваться лексикографическими источниками в онлайн-формате следует осуществлять постоянно и системно при изучении всех разделов программы. Применение на уроках, для домашних и проектных работ поисково-исследовательских заданий, включающих работу с онлайн-словарями, позволяет педагогу-словеснику в полной мере использовать преимущества дифференцированного и индивидуализированного обучения.

Значимость формирования лексикографической компетенции в школьном курсе русского языка заключается в следующем:

- расширение лексического запаса (знание о том, как устроены словари, как ими пользоваться, доступность интернет-источников способствуют пополнению лексикона);
- формирование навыков анализа и интерпретации лексических единиц (лексикографическая подготовка развивает аналитические умения, позволяющие понимать нюансы значений слов, их грамматические особенности и др.);
- повышение уровня культуры речи (лексикографическая компетенция помогает ученикам лучше ориентироваться в лексическом и семантическом богатстве русского языка, способствует более точному и яркому выражению своих мыслей);
- совершенствование навыков работы со словарями (школьники учатся самостоятельно искать, анализировать и использовать словарную информацию, что важно для развития критического мышления, умения работать с источниками информации);

– подготовка к дальнейшему обучению и профессиональной деятельности (умение ориентироваться в справочной информации, извлекать ее, хранить и грамотно использовать необходимо во всех сферах).

Проведенное исследование позволило охарактеризовать основные компоненты лексикографической компетенции, определить ее роль в образовательном процессе, достижении предметных и метапредметных результатов школьного образования.

Литература

Бондаренко М. А. Русский язык: 5-й класс: методическое пособие к учебнику Т. А. Ладыженской, М. Т. Баранова, Л. А. Тростенцовой и др. «Русский язык. 5 класс». – Москва: Просвещение, 2023. – 75 с.

Бондаренко М. А. Русский язык. 5 класс. Поурочные разработки к учебнику «Русский язык. 5 класс» Т. А. Ладыженской, М. Т. Баранова, Л. А. Тростенцовой и др. – Москва: Просвещение, 2023. – 288 с.

Русский язык. 5 класс: учебник в 2-х ч. Ч. 1 / Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. А. Тростенцова и др. – Москва: Просвещение, 2023. – 240 с.

Русский язык. 5 класс: учебник в 2-х ч. Ч. 2 / Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. А. Тростенцова и др. Москва: Просвещение, 2023. – 272 с.

О. В. Попова, Я. П. Черных (Москва, Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: АНАЛИЗ НОВЫХ ВЫЗОВОВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации методов лингвистической экспертизы в условиях цифровизации общества. Рассматриваются особенности объектов экспертизы в сети Интернет, изменения в методологии анализа языковых единиц и новые вызовы, стоящие перед экспертами. Особое внимание уделяется возможностям, которые открывает цифровизация для развития лингвистической экспертизы, включая использование искусственного интеллекта и расширение области применения экспертизы.

Ключевые слова: цифровизация общества, лингвистическая экспертиза, компьютерно-опосредованная коммуникация, методы анализа, искусственный интеллект, дезинформация, авторство.

В условиях тотальной цифровизации, когда информационные технологии проникают во все уголки общества, кардинально перестраивается структура и переосмысливается работа различных его систем. Эта трансформация влечет за собой возникновение новых и возможностей, требующих глубокого переосмысления существующих парадигм и подходов.

В частности, стремительное развитие киберпространства и возрастающая зависимость от цифровых технологий закономерно приводят к увеличению количества и сложности преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий. Это, в свою очередь, диктует необходимость разработки новых подходов к расследованию преступлений, а именно тех, которые учитывают специфику цифровой среды, позволяют эффективно собирать и анализировать цифровые доказательства, и адаптируются к постоянно меняющимся тактикам и инструментам киберпреступников.

Существующие методы, разработанные для раскрытия и расследования традиционных видов преступлений, зачастую оказываются неэффективными в борьбе с преступлениями в цифровом пространстве. Поэтому исследование новых подходов к расследованию преступлений в условиях цифровизации, включая разработку специализированных методик, инструментов и обучение квалифицированных кадров, является актуальной задачей, стоящей перед правоохранительными органами, экспертами и научным сообществом.

Экспоненциальный рост объемов текстовой и мультимедийной информации, содержащейся в сети Интернет, социальных сетях, мессенджерах и иных цифровых платформах, объективно обуславливает потребность в формировании у экспертного сообщества расширенного спектра компетенций и инструментария для анализа информации. В частности, расширяется перечень объектов, подлежащих исследованию в рамках судебно-лингвистической экспертизы. Последняя представляет собой «процессуально оформленное исследование текста или устной речи, результатом которого является письменное заключение эксперта по вопросам, требующим применения специальных знаний в области лингвистики. Объектом экспертизы могут выступать любые языковые единицы, высказывания или тексты, зафиксированные на любом материальном носителе» [Центр экспертиз. Лингвистическая экспертиза. URL].

Существующие исследования в области лингвистической экспертизы традиционно фокусировались на анализе печатных текстов и устной речи. Однако сегодня все больше внимания уделяется изучению особенностей цифровой коммуникации и применению лингвистических методов для решения задач, связанных с правонарушениями, совершенными в онлайн-пространстве.

Цифровая среда существенно изменила природу речевых объектов, подлежащих лингвистической экспертизе. Если ранее экспертам приходилось работать преимущественно с печатными текстами и устной речью, то сегодня спектр объектов значительно расширился, включив в себя посты в социальных сетях, комментарии, сообщения в мессенджерах,

аудио- и видеоматериалы, веб-сайты и другие формы цифровой коммуникации.

Существует несколько подходов к определению электронной коммуникации. А. В. Соколов классифицирует электронную коммуникацию как один из видов социальных коммуникаций, наряду с устной и письменной. В его понимании, «каждый вид коммуникации характеризуется определенным набором коммуникационных каналов и, прежде всего, типом используемого материально-технического обеспечения. Так, устная коммуникация использует естественные вербальные и невербальные каналы, документная – различные виды искусственно созданных документов (иконические, письменные, печатные), а электронная – технологии радиосвязи, микроэлектроники и компьютерной техники» [Соколов 2002].

Ю. А. Зуляр, в продолжение идей А. В. Соколова, видит в электронной коммуникации новую ступень эволюции социальных коммуникаций, на которой происходит преобразование информации, возникающей изначально в устной и письменной форме, в электронный вид [Зуляр 2006].

А. Н. Гребнев определяет электронную коммуникацию как социальную информационную коммуникацию, где цифровой средой выступает канал передачи, как правило, сеть Интернет, и изучает ее в рамках компьютерно-опосредованной коммуникации [Гребнев 2006].

На наш взгляд, компьютерно-опосредованная коммуникация (КОК) – это общение через электронные устройства, такие как компьютеры, смартфоны и планшеты. Осуществление КОК может влечь юридически значимые последствия, в том числе формирование доказательственной базы в рамках уголовного судопроизводства и применение мер ответственности за совершение правонарушений.

В силу развития информационного общества правовое регулирование КОК требует постоянного анализа и адаптации для обеспечения баланса между свободой слова и защитой прав и законных интересов граждан.

Цифровая коммуникация обладает рядом специфических характеристик, которые необходимо учитывать при проведении лингвистической экспертизы. К таковым относятся, например:

- 1) гипертекстуальность (возможность перехода между различными текстами и ресурсами);
- 2) интерактивность (возможность взаимодействия между пользователями);
- 3) анонимность (возможность скрытия личности в онлайн-пространстве);
- 4) высокая скорость распространения информации [Воеводская 2019, с. 99].

В связи с эволюцией объектов судебно-лингвистической экспертизы, обусловленной распространением электронных форм коммуникации, претерпели изменения и методы анализа, применяемые экспертами.

Так, наряду с традиционными методами исследования (анализ лексического состава, грамматических конструкций и стилистических особенностей текста) получившими широкое применение в рамках экспертизы печатных и рукописных материалов, в настоящее время все большее значение приобретают новые методики, разработанные с учетом специфики цифровой коммуникации.

В частности, в арсенал эксперта-лингвиста включаются методы, позволяющие исследовать особенности использования эмотиконов (смайликов), хештегов (ключевых слов или фраз, перед которыми стоит символ решетки), мемов (смешных или остроумных шуток, картинок) и иных элементов, характерных для общения в сети Интернет и мессенджерах. Более того, приобретает актуальность анализ метаданных, связанных с электронными сообщениями, а также установление авторства и подлинности представленных на экспертизу материалов.

В 2019 году органы ФСБ России возбудили уголовное дело по факту осуществления публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности студентом НИУ ВШЭ. Блогер Егор Жуков, студент факультета социальных наук НИУ ВШЭ, в своих видеороликах комментировал политическую ситуацию в стране и призывал к борьбе с действующей властью, что, по мнению следствия, содержало признаки экстремизма.

В заключении эксперта говорится, что в роликах Жукова «отчетливо прослеживается мотив политической ненависти или вражды к действующей власти» и «содержатся призывы к борьбе с действующей властью в России» с «произвольным выбором формы протеста, что включает в себя и действия насильственного характера, в частности, насильственный захват власти, вооруженный мятеж» [<https://www.pravilamag.ru/news/politics-news/11-09-2019/123362-ekspertiza-fsb-nashla-ekstremizm-v-rolikah-studenta-vshe-egora-zhukova/>].

Рассмотрим еще один пример: в 2024 году в ходе мониторинга информационного пространства сотрудниками Информационного центра Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Тамбовской области в социальной сети «ВКонтакте» был выявлен факт размещения сообщений, содержащих высказывания, выражающих негативное отношение к сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации.

В соответствии с положениями должностной инструкции, информация об обнаруженных комментариях была незамедлительно передана в территориальный следственный отдел Следственного комитета России по месту жительства лиц, причастных к размещению указанных

высказываний. По данному факту в порядке, предусмотренном ст. ст. 144 и 145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, была организована доследственная проверка, в рамках которой, с целью установления наличия в исследуемых высказываниях признаков состава преступления, предусмотренного ст. 319 Уголовного кодекса Российской Федерации, было принято решение о назначении и проведении судебно-лингвистической экспертизы.

Согласно заключению судебно-лингвистической экспертизы, текстовые фрагменты в социальной сети «ВКонтакте» содержат лексические единицы, унижающие честь и достоинство сотрудников органов внутренних дел, дискредитирующие их профессиональную деятельность.

Таким образом, современные реалии свидетельствуют о расширении предметной области судебно-лингвистической экспертизы, охватывающей не только традиционные текстовые материалы, но и электронные документы, мультимедийные объекты, а также иные формы цифровой информации, используемые в качестве средств коммуникации и имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках судебного разбирательства. Данное обстоятельство обусловлено широким распространением информационных технологий и активным использованием сети Интернет для осуществления коммуникации, выражения мнения и совершения юридически значимых действий.

Более того, цифровая среда порождает ряд новых вызовов для судебно-лингвистической экспертизы, существенно осложняющих процесс установления обстоятельств, имеющих значение для правильной квалификации деяния и вынесения законного и обоснованного решения судом. К таким вызовам относятся особенности, присущие онлайн-коммуникации, требующие от эксперта применения специализированных знаний и навыков:

1) анонимность, затрудняющая идентификацию автора, требует применения лингвистической атрибуции и анализа технических данных (IP-адрес и т.д.) для установления личности;

2) контекст, требующий учета языковых и экстралингвистических (культурных, социальных, технических, правовых) факторов, влияющих на интерпретацию;

3) комплексность всех элементов мультимедийного объекта и их взаимосвязь для установления общего смысла;

4) манипуляции и фейки – экспертиза способна выявить лингвистические признаки манипуляций и распространения недостоверной информации;

5) этико-правовые вопросы – сбор и анализ данных поднимает вопросы конфиденциальности, защиты персональных данных (Федеральный закон от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных»);

6) несоответствие законодательства развитию технологий требует использования аналогии закона и права.

Однако, несмотря на вышеуказанные вызовы, цифровая трансформация открывает перед судебно-лингвистической экспертизой новые перспективы и возможности, позволяющие повысить эффективность и качество экспертных исследований. В качестве таких возможностей можно выделить:

1) автоматизация с помощью искусственного интеллекта и машинного обучения для автоматизации рутинных операций (определение тональности, выявление ключевых слов) сокращает время экспертизы и позволяет эксперту сосредоточиться на сложных задачах;

2) специализированные инструменты, например, разработка программных продуктов, адаптированных для анализа цифровых текстов (эмотиконы, хештеги, сленг, признаки анонимизации), расширяет возможности эксперта и повышает точность выводов;

3) расширение сферы применения экспертизы, например, в новых областях (анализ онлайн-рекламы, мониторинг репутации, выявление киберугроз, защита авторских прав) требует расширения компетенций экспертов;

4) активное междисциплинарное взаимодействие с юристами, психологами, социологами, IT-специалистами и криминалистами способствует комплексному анализу и формированию обоснованных выводов;

5) стандартизация и методическое обеспечение, учитывающие специфику онлайн-коммуникации (сбор, обработка, хранение и анализ цифровых доказательств, требования к квалификации экспертов), необходимы для обеспечения качества экспертиз [Галяшина 2018].

Переход к цифровым коммуникациям трансформировал задачи судебно-лингвистической экспертизы, потребовав адаптации методов анализа и расширения сферы деятельности. Автоматизация процессов и межведомственное взаимодействие способствуют непрерывное повышению эффективности экспертной деятельности. Кроме того, повышение квалификации экспертов и освоение новых инструментов анализа являются необходимым условием для обеспечения качественного и всестороннего исследования цифровой информации в целях отправления правосудия.

Особое внимание следует уделять адаптации нормативно-правовой базы к новым формам коммуникации для защиты прав граждан в онлайн-пространстве. Последующие исследования должны быть направлены на разработку стандартов, методик и изучение этических аспектов использования современных технологий в лингвистической экспертизе.

Литература

Воеводская О. М. Компьютерно-опосредованная коммуникация: характерные черты и специфические особенности / О. М. Воеводская, О. В. Шурлина // Art Logos. – 2019. – №1 (6). – С. 98-110.

Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза и пределы допустимости использования методов лингвистической науки / Е. И. Галяшина // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – №4. – С. 31-36.

Гребнев А. Н. Методология коммуникационной научно-образовательной среды / А. Н. Гребнев // Труды XIII Всероссийской научно-методической конференции «Телематика 2006». – Санкт-Петербург, 2006. – Т. 1. – С. 220-222.

Зуляр Ю. А. Массовые коммуникации в рекламе: учеб. пособие / Ю. А. Зуляр; Федер. агентство по образованию, Иркут. гос. ун-т, фак. сервиса и рекламы. – Иркутск: ИГУ, 2006. – 488 с.

Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации: учеб. пособие / А. В. Соколов. – Санкт-Петербург: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 461 с.

Центр экспертиз. Лингвистическая экспертиза. URL: <https://ceur.ru/library/articles/jekspertiza/item100421/>.

Экспертиза ФСБ нашла экстремизм в роликах студента ВШЭ Егора Жукова. Правила жизни. URL: <https://www.pravilamag.ru/news/politics-news/11-09-2019/123362-ekspertiza-fsb-nashla-ekstremizm-v-rolikah-studenta-vshe-egora-zhukova/>.

У. В. Смирнова (Москва, Россия)

МЕЖДУ ТЕКСТОМ И ДИСКУРСОМ: ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ СМЫСЛОВОГО ЧТЕНИЯ

Аннотация. В статье представлены результаты анализа процесса смыслового чтения англоязычного медиатекста студентами-лингвистами. Выводы исследования показывают, как культурные схемы, жизненный опыт и аксиологические установки влияют на интерпретацию имплицитных смыслов и построение ситуационной модели текста.

Ключевые слова: смысловое чтение, интерпретативная компетенция, культурная схема, имплицитный смысл, ситуационная модель.

Среди ключевых трендов при обучении чтению студентов языковых специальностей можно выделить несколько магистральных направлений, сформировавшихся в последние годы. Во-первых, в связи с массовой цифровизацией чтения стоит задача развития умений понимания цифровых текстов, особенности в контексте их мультимодальных характеристик. Во-вторых, не теряет своей актуальности процесс развития познавательных метапредметных умений обучающихся, что находит свое выражение в заданиях по чтению на анализ авторской позиции, идеологических конструктов и манипулятивных стратегий. Еще одним подходом, который активно развивается в последнее время, становится

метакогнитивный подход, направленный на обучение осознанному выбору и регулированию стратегий чтению, а также межкультурный подход при интерпретации текстов через призму культурных схем и ценностей. Опыт преподавания в вузе на языковых специальностях показывает, что ошибки и неполнота интерпретации иноязычных текстов преимущественно как раз и связаны с необходимостью углубления межкультурного аспекта при обучении чтению.

Письменный текст, зафиксированный в графической форме, традиционно выступает начальной точкой процесса чтения. Существенный вклад в формирование научных представлений о текстовых категориях, типах текстовой информации и принципах текстовой организованности внес И. Р. Гальперин [Гальперин 2007]. Несмотря на то, что исследования И. Р. Гальперина относятся к прошлому столетию, теоретические положения остаются значимыми для современных лингвистических и коммуникативных исследований. По сей день сохраняют свою научную ценность такие ключевые понятия, как информативность, когезия и когерентность текста, а также разделение текстовой информации на содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую.

Примечательно, что, работая в рамках структурной парадигмы, И. Р. Гальперин предвосхитил динамическую сущность текста, которая позволяет ему трансформироваться в дискурс. Об этом свидетельствует его тезис о двойственной природе текста – способности находиться одновременно в состоянии покоя и в процессе движения. По сути, Гальперин сформулировал идею, которую современная дискурс-лингвистика описывает как событийный характер порождения и интерпретации текста [Карасик 2002, 2007].

Если в лингвистике текста отправной точкой анализа традиционно служит его письменная форма, то термин «дискурс» изначально связан с устной, звучащей речью. В современной науке дискурс понимается как текст, рассматриваемый в неразрывной связи с экстралингвистическим контекстом его восприятия и интерпретации. На этой основе была разработана модель понимания текста, предложенная В. Кинчем и Т. А. ван Дейком [Дейк 1988], которая используется как в дискурс-анализе, так и в психолингвистических исследованиях механизмов текстовой интерпретации.

Согласно этой модели, процесс чтения включает две основные фазы: конструктивную и интегративную. На конструктивном этапе читатель сначала декодирует языковую информацию, содержащуюся в тексте, а затем строит многоуровневые ментальные репрезентации. На интегративной стадии происходит отбор и отбрасывание тех репрезентаций, которые не соответствуют контексту, а также соединение лингвистических данных с экстралингвистическими знаниями.

Конструктивная фаза реализуется через трехуровневую модель текстовой репрезентации:

вербальный (поверхностный) уровень – восприятие орфографических, фонологических и морфологических характеристик слов, а также грамматических и синтаксических структур;

семантический (текстовый) уровень – формирование содержательного ядра текста в виде иерархии пропозиций, отражающей ключевые идеи;

ситуационный уровень – построение ментальной модели, включающей как эксплицитную, так и имплицитную информацию.

Успешное освоение семантического уровня позволяет читателю перейти к созданию ситуационной модели, в процессе которой активно задействуются инференции и личный экстралингвистический опыт. Таким образом, завершающий этап чтения представляет собой сложный когнитивный акт, направленный на извлечение скрытой информации и получение выводного знания. В рамках когнитивной психологии и лингвистики инференция определяется как механизм, позволяющий выйти за пределы буквального смысла и сформировать новое знание посредством логических умозаключений. При этом читатель опирается как на информацию, прямо представленную в тексте, так и на собственные знания. С точки зрения лингводидактики особую ценность представляет осознанная (контролируемая) инференция, что обуславливает необходимость целенаправленной работы с различными компонентами текста, его внешним контекстом и фоновыми знаниями для достижения глубокого понимания и формирования собственной позиции по обсуждаемой проблеме.

В условиях современной антропоцентрической парадигмы гуманитарного знания работа с текстом как социокультурным феноменом является необходимым условием раскрытия личностно-развивающего потенциала учебных материалов [Тарева 2007]. Многоуровневый подход, развиваемый в этом направлении, устанавливает связь текста с прагматическими, социокультурными и психологическими параметрами коммуникации. В частности, необходимо учитывать интенциональность как ключевую дискурсивную категорию, что предполагает выявление цели высказывания, тональности дискурса (отражающей социальные роли участников и влияющей на выбор языковых средств), а также различных типов пресуппозиций – относительно мира, норм поведения и языковых практик, – которые лежат в основе взаимопонимания. Кроме того, важна работа с ценностными установками участников коммуникации. Подобный подход открывает возможности для разработки методик предотвращения аксиологических конфликтов в межкультурном взаимодействии, анализа манипулятивных приемов, преодоления расхождений в интерпретациях, а также эффективного сопоставления индивидуальных смыслов и понимания механизмов их конструирования.

В рамках учебного эксперимента, проведенного со студентами второго курса направления «Перевод и межкультурная коммуникация» была реализована серия занятий, направленных на развитие смыслового чтения на английском языке через анализ медиатекста. Примеры, приводимые в данной статье, основаны на работе со статьей “Not going out: how the cost of living crisis is destroying young people’s social lives”, опубликованной в “The Guardian” 26 сентября 2022 года. Выбор текста обусловлен его социальной значимостью, межкультурной релевантностью и потенциалом для формирования критического и аксиологического осмысления.

Эксперимент включал три этапа. На первом этапе студенты выполнили предтекстовые задания, направленные на активизацию фоновых знаний о социально-экономических вызовах в мире после эпидемии ковида и культурных нормах общения с друзьями, а также знакомства с целью установления романтических отношений и заключения брака. На втором этапе был проведен смысловой анализ текста с акцентом на выявление эксплицитной и имплицитной информации, а также на интерпретацию ключевых фрагментов, включая главный тезис статьи: “Socialising is not a frivolous add-on in life – it’s how we function and thrive as human beings”. На третьем этапе студентам были предложены рефлексивные вопросы, сформулированные на основе содержания статьи:

What do you think “red-flag questions” in dating might be, and why are they especially significant in the context of the cost of living crisis?

What does the thesis of the article about socialising mean to you personally?

Анализ письменных ответов и последующей групповой дискуссии выявил значительное разнообразие интерпретаций, обусловленное как индивидуальным жизненным опытом, так и культурными установками. Проблема различия когнитивных и культурных установок и анализа аксиологических маркеров при работе с иноязычным дискурсом всесторонне обсуждается в исследованиях Е.В. Поповой [Попова 2020, 2021, 2022]. При этом в процессе работы преподаватель опирается на теоретические положения лингвопрагматики и анализа дискурса [Сулейманова 2024].

В ответ на первый вопрос студенты предложили разные трактовки «red-flag questions»: абсолютное большинство студентов интерпретировали их как прямые вопросы о финансовом положении партнера («How much do you earn?», «Can you afford to pay for dinner?»). Данные ответы совсем не учитывали британские культурные установки и, что еще более важно, описанные в статье ожидания героини статьи относительно брака и семьи и политических взглядов ее предположительного партнера.

При обсуждении эпизода, в котором девушка оплачивает свой счет на свидании, некоторые участники эксперимента увидели в этом проявление

независимости и стремление избежать негативной оценки: «Она не хотела казаться ищущей наживу». Многие студенты акцентировали внимание на прагматической нецелесообразности поступка: «Если ей не по карману ресторан, зачем туда идти? Почему не обсудить бюджет заранее?» Эти расхождения свидетельствуют о том, что студенты активно используют собственный культурный и жизненный опыт для конструирования смысла, однако не всегда соотносят свои интерпретации с представленной в тексте культурой и контекстом описываемой ситуации.

Таким образом, эксперимент показал, что при работе с аутентичным медиатекстом, содержащим социально-культурные и аксиологические маркеры, студенты гораздо более быстро научаются работать с логической информацией – обобщать текст, формулировать краткое содержание текста в форме нескольких предложений, выявлять логику аргументов автора, но при критическом осмыслении информации и выведение инференции они руководствуются родными культурными нормами, иногда игнорируя эксплицитно выраженные в статье смыслы. Так, выявилась необходимость целенаправленного обучения осознанному различению между личной интерпретацией и культурно обусловленным смыслом.

Литература

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва: КомКнига, 2007. – 144 с.

Дейк Т. А. ван Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва, 1988. – Вып. 23. – С. 153-211.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 400 с.

Попова Е. В. Дискурсивная реализация ценностей в англоязычных медиатекстах / Е. В. Попова // Язык и культура в современном мире: сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2020. – С. 42-53.

Попова Е. В. Прагматические стратегии в межкультурной коммуникации: когнитивно-дискурсивный аспект / Е. В. Попова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2021. – № 3. – С. 65-71.

Попова Е. В. Межкультурная компетентность как основа понимания иноязычного дискурса / Е. В. Попова // Иностранные языки в школе и вузе: опыт, проблемы, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2022. – С. 112-118.

Сулейманова О. А. Дискурсивный анализ и прагматика: возможно ли провести границу? / О. А. Сулейманова, Л. А. Борботько // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2024. – Т. 21, № 4. – С. 919-929.

Тарева Е. Г. Личностно развивающий потенциал учебного пособия по иностранному языку / Е. Г. Тарева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2007. – № 538. – С. 49-58.

Shofield D. Not going out: how the cost of living crisis is destroying young people's social lives // The Guardian. 26 Sept. 2022. URL: <https://www.theguardian.com/business/2022/sep/26/not-going-out-how-the-cost-of-living-crisis-is-destroying-young-peoples-social-lives> (дата обращения: 15.10.2025).

ИНФОРМАЦИЯ О СБОРНИКАХ И КОНФЕРЕНЦИЯХ

Воронежский государственный университет
Воронежская теоретико-лингвистическая школа в области общего и русского
языкознания профессоров З.Д. Поповой и И.А. Стернина
Кафедра общего языкознания и стилистики
Кафедра английского языка естественно-научных факультетов
Центр коммуникативных исследований ВГУ имени проф. И.А. Стернина

Готовится к изданию 32-й выпуск индексируемого в РИНЦ продолжающегося научного издания **«Язык и национальное сознание»**.

Прием статей объемом **от 5 до 8 страниц до 10 декабря 2025 г. включительно.**

Требования к представлению материалов статьи:

- Редактор WORD (формат А4, размер шрифта – 14, интервал – полуторный, без схем, рисунков и больших таблиц, все поля – 2,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.)
- Постраничные сноски и примечания не используются, вся информация должна быть включена в текст.
- Текст статьи должен включать аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках
- Сноски в тексте оформляются следующим образом: (Попова 1989, с. 32)
- Список литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и оформляется по сокращенному варианту, без указания количества страниц в монографиях и повторения фамилии автора после названия: *Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2014.*

Интервалы страниц в статьях из периодических изданий и сборников указываются обязательно!

Статьи вместе со сведениями об авторе(ах), включающими фамилию, имя, отчество (полностью), место работы, должность, ученую степень (при наличии), e-mail и телефон, должны быть представлены по электронной почте **до 10 декабря 2025 г. включительно** научному редактору М.А. Стерниной (sternina@vmail.ru), либо заместителю научного редактора А.В. Рудаковой (a-rudakova@list.ru).

Статьи и сведения об авторах присылаются двумя отдельными файлами с соответствующими названиями: Иванов_статья.doc и Иванов_сведения об авторе.doc

Сборник издается на основе самокупаемости, цена одной страницы – **100 рублей.**

Студенты бакалавриата публикуются бесплатно.

Доктора наук и профессора от оплаты публикации освобождаются.

При публикации статей бакалавров и магистрантов без соавторства с научным руководителем **ОБЯЗАТЕЛЬНО** требуется рецензия научного руководителя.

После подтверждения принятия материалов к печати авторам будут сообщены реквизиты карты Сбербанка для перевода оплаты за сборник.

Электронные варианты сборника будут высланы всем участникам. В случае заказа печатного издания сборника просьба указать это в заявке, иногородним участникам в этом случае будет необходимо дополнительно оплатить почтовые расходы.

Срок выхода сборника – январь 2026 г.

Воронежский государственный университет
Воронежская теоретико-лингвистическая школа в области общего и русского
языкознания профессоров З.Д. Поповой и И.А. Стернина
Кафедра общего языкознания и стилистики
Кафедра английского языка естественно-научных факультетов
Центр коммуникативных исследований ВГУ имени проф. И.А. Стернина

***XII Всероссийская научная конференция с международным участием
«Стернинские чтения: Сопоставительные методы в лингвистических
исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление»
5 февраля 2026 г.***

НА ПЛАТФОРМЕ ZOOM

Дорогие коллеги!

***Приглашаем вас принять участие в XII Всероссийской научной конференции с
международным участием по сопоставительным методам в лингвистических
исследованиях.***

На конференции предполагается широкое обсуждение различных сопоставительных методик, получаемых в итоге сопоставления результатов и перспектив их использования как при межъязыковом, так и при внутриязыковом сопоставлении различных явлений языка.

К обсуждению предлагаются следующие проблемы:

- Теоретические проблемы сопоставительных и контрастивных исследований
 - Методики сопоставительных и контрастивных исследований
 - Сопоставительные исследования в области лексики, фразеологии
 - Сопоставительные исследования в области грамматики и фонетики
 - Сопоставительные исследования в области концептологии и лингвокультурологии
 - Сопоставительные исследования коммуникативного поведения
 - Сопоставительные исследования и перевод
 - Сопоставительные исследования и лингводидактика
 - Гендерное и возрастное сопоставление языковых явлений
 - Эндемичные и лакунарные языковые явления
 - Сопоставительная лексикография
 - Национальная специфика языка и сопоставительные методы
 - Внутриязыковое сопоставление конкретных языковых явлений и процессов
- Материалы конференции будут опубликованы в двадцатом втором выпуске индексируемого в РИНЦ продолжающегося научного издания **«Сопоставительные исследования 2025»**.

Желающие принять участие в конференции должны выслать в адрес оргкомитета материал статьи объемом от 5 до 8 стр., а также заявку на участие.

Требования к представлению материалов статьи:

- Редактор WORD (формат А4, размер шрифта – 14, интервал – полуторный, без схем, рисунков и больших таблиц, все поля – 2,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.)
- Постраничные сноски и примечания не используются, вся информация должна быть включена в текст.
- Текст статьи должен включать аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках

- Сноски в тексте оформляются следующим образом: (Попова 1989, с. 32)
- Список литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и оформляется по сокращенному варианту, без указания количества страниц в монографиях и повторения фамилии автора после названия: *Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2014.*

Интервалы страниц в статьях из периодических изданий и сборников указываются обязательно!

Образец оформления заявки

Фамилия, имя и отчество автора (-ов)
 Название выступления
 Должность и место работы
 Адрес с почтовым индексом (для иногородних авторов)
 e-mail
 Телефон

Статьи и заявки присылаются двумя отдельными файлами с соответствующими названиями: Иванов_статья.doc и Иванов_заявка.doc

Статьи должны быть представлены по электронной почте **до 30 декабря 2025 г.**

Сборник материалов будет издан к началу конференции на основе самоокупаемости, цена одной страницы – **100 рублей.**

Студенты бакалавриата публикуются бесплатно.

Доктора наук и профессора от оплаты публикации освобождаются.

При публикации статей бакалавров и магистрантов без соавторства с научным руководителем **ОБЯЗАТЕЛЬНО** требуется рецензия научного руководителя.

Электронные варианты сборника будут высланы всем участникам. В случае заказа печатного издания сборника просьба указать это в заявке, иногородним участникам в этом случае будет необходимо дополнительно оплатить почтовые расходы.

Заявки и электронные варианты статей просьба направлять по электронной почте председателю оргкомитета конференции, научному редактору сборника «Сопоставительные исследования 2026», профессору М.А. Стерниной (sternina@vmail.ru).

После подтверждения принятия материалов к печати авторам будут сообщены реквизиты карты Сбербанка для перевода оплаты за сборник.

Обращаем внимание участников:

- конференция «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях» **ТЕМАТИЧЕСКАЯ**, принимаются статьи и доклады **только по сопоставительной тематике**. Сопоставление может быть межъязыковым и внутриязыковым, но должно обязательно присутствовать как цель исследования или используемый метод. Все материалы должны быть посвящены сопоставлению языковых единиц или явлений и содержать соответствующие выводы из сопоставления. Сопоставляться могут единицы любых языковых уровней;

- конференция *лингвистическая*, доклады и статьи литературоведческого характера не принимаются

СОДЕРЖАНИЕ

От научного редактора	3
 Экспериментальное описание семантики языковых единиц	
<i>Земцова В. В.</i> Современный чиновник в профессиональном языковом сознании (на материале свободного и направленного ассоциативного экспериментов)	4
<i>Лонская Е. Д.</i> Сопоставительный анализ лексикографического и психологического значений эмотива-номинанта «Боязнь»	8
<i>Михеев К. П.</i> Психолингвистическое значение иноязычного автомобильного термина (на примере лексемы «exhaust»)	14
<i>Рудакова А. В., Литвинова А. В.</i> Психолингвистическое значение новых наименований верхней одежды в русском языке	18
<i>Селезнева К. О.</i> Метод субъективных дефиниций как ключ к значению слова «просвещение»	23
<i>Сивова Т. В.</i> Цвет «страстный пион»: семантический объем рекламного термина цвета в языковом сознании представителей разных культур (на материале ассоциативного эксперимента)	29
<i>Утицких Д. В.</i> Опыт описания семантико-когнитивной организации ассоциативных полей «Момент» и «Moment»	35
<i>Холикова А. А.</i> Экспериментальное исследование восприятия газетных заголовков	42
<i>Шаманова М. В., Малышкина А. А.</i> Особенности восприятия лексемы «театр» испытуемыми разных возрастных групп	47
 Когнитивный подход к описанию семантики языковых единиц	
<i>Бекмурзаева Ф. Ш.</i> Концепт «Сокол» в русском языковом сознании (на примере жанра дидактической литературы)	53
<i>Бурцева А. О.</i> Комплексная методика психолингвистического анализа концепта «Родина» (к вопросу о психологической структуре значения)	59
<i>Бушуева Л. А.</i> Болезнь как источник метафорической концептуализации ненависти	69
<i>Дьяконова Е. А.</i> Проект лингводидактического словаря антропоцентрического типа «Контрастивный лингвокогнитивный визуализатор»	74
<i>Зайер К. А.</i> Влияние билингвизма на языковое сознание: лингвокогнитивные и социокультурные измерения	79
<i>Ивашенко О. В.</i> Значение абстрактного имени в языковом сознании (на материале ментальных имен в русском языке)	85
<i>Клочко К. А.</i> Категории Мыслимого и Выражаемого в языке	90
<i>Кравчук Е. Э.</i> Результаты экспериментального исследования специфики восприятия функционально-смыслового типа текста-рассуждения	96
<i>Лемяскина Н. А.</i> Концепт «Семья» в детской языковой картине мира	101
<i>Махрова М. М.</i> Конструкция «как будто (бы)» в языковом сознании носителей языка	105
<i>Нурутдинова А. Р.</i> Паремии как источник реконструкции эмоциональной картины мира: соматический и сенсорный аспекты в разноструктурных языках	109

Современные проблемы общего и русского языкознания

<i>Варушкина А. В., Талагаева Ю. А.</i> Модели развития семантического значения терминологии военной сферы	118
<i>Володченко А. Ю.</i> Разграничение бытового и юридического понятия клеветы (лингвокриминалистический аспект)	123
<i>Диак Биран</i> особенности использования антропонимов в рассказе А. П. Чехова «Ванька»	129
<i>Камашева М. В., Кмин А. И., Пивоварова А. Д.</i> Англоязычные заимствования в молодежном дискурсе: корреляция частотности употребления и семантических модификаций	137
<i>Лошкарёва В. А.</i> Специфика процесса освоения англицизмов в узуальном употреблении	145
<i>Малевинский С. О.</i> Русские существительные с реляционными лексическими значениями	150
<i>Мельник О. Ю.</i> Англицизмы в русском языке как фактор языковой экономии	154
<i>Меркулова И. А.</i> Семантико-стилистическая дифференциация экспрессивных форм русских существительных (на примере терминов родства)	162
<i>Рошупкин Я. В.</i> Наименования элементов крестьянской одежды в польских народных сказках	168
<i>Силецкая А. М.</i> Коллокационные связи и контекстуальные особенности лексемы «artitude» в английском языке	172
<i>Слободянюк Т. Н.</i> Семантика лексем, используемых для наименования помет негативной экспрессии (на материале толковых словарей XX – начала XXI вв.)	177
<i>Смолицкая Е. Е.</i> Термины, обозначающие объекты налогообложения	185
<i>Стернина М. А.</i> Контрастивные исследования семантики слова	190

Коммуникативные аспекты семантики

<i>Алексеев К. С.</i> Аргументативный коммуникативный стиль: к проблеме изучения	195
<i>Андреева О. А.</i> Речевые стратегии жанра критического высказывания (на материале экспериментального исследования)	201
<i>Волкова Е. Е.</i> Отражение культурных ценностей в языковом сознании: концепты делового общения в китайской и русской лингвокультурах	206
<i>Глазкова В. А.</i> Актуальные направления исследования языковых инструментов формирования имиджа организации в социальных сетях	213
<i>Глазкова В. А.</i> Прилагательное как средство формирования имиджа организации в социальных сетях (на материале текстов, опубликованных на страницах заведений общепита)	217
<i>Городнов Д. Р.</i> Индивидуализация объекта номинации рекламных сообщений (на материале терминологии электротехнических товаров американских компаний)	223
<i>Кузнецова Т. Н.</i> Речевые модели профессионального общения в частных и государственных медицинских учреждениях	228
<i>Кулькова М. С.</i> Типологизация речевых стратегий жанра отказа в аспекте коммуникативной эффективности	235
<i>Леонова Ю. И.</i> Теория коммуникации и коммуникативная лингвистика как методологическая основа анализа авторской позиции в публицистике Л. Н. Толстого	240

<i>Мкртычян С. В.</i> Исследование вербальной агрессии через призму понятия коммуникативной эффективности И. А. Стернина	243
<i>Пономарева С. С.</i> Лексико-семантическая кластеризация средств выражения речевой агрессии в интернет-комментариях	249
<i>Сытенкова А. Д.</i> Аббревиация эвфемизмов как средство манипуляции в политическом дискурсе	257
<i>Щенникова Е. В.</i> Ты мотоциклист или байкер? (субкультурный очерк)	261

Дискурсивные аспекты семантики

<i>Борисова Л. М.</i> Прагматические аспекты значения лексической единицы «слово» в художественном дискурсе	267
<i>Ильина Т. В., Дробышева О. В.</i> Языковые средства создания женского образа в творчестве А. И. Куприна (на примере повести «Яма»)	273
<i>Макарова Ю. А.</i> Концепт «Сад» в лирике Розы Ауслендер	280
<i>Мартыросова А. В.</i> Особенности проявления синтаксической синтагматики в рассказе В. В. Набокова «Весна в Фиальте»	288
<i>Масленникова Е. М.</i> Ольфакторная образность сонетов В. Шекспира	293
<i>Салькова В. А.</i> Режиссура эмоций: невербальные маркеры в драматургии Робера Тома (на примере пьесы «Восемь любящих женщин»)	302
<i>Сапарова А. Б.</i> Влияние культурного контекста на психолингвистическую интерпретацию эмотивной и оценочной лексики в художественном дискурсе (сравнительное исследование на материале русской и японской культур)	306
<i>Стрелько О. Д., Шевелева Г. И.</i> Особенности употребления стилистически маркированной военной лексики в художественном тексте	310
<i>Суровцева Е. В.</i> Надежда в современных русских житиях (на материале житий новомучеников и исповедников XX века Московской епархии)	318
<i>Сухотина В. Ю.</i> Концепт «Семья» в романе В. В. Вересаева «Сестры» как инструмент формирования национального сознания	322
<i>Чалый В. В.</i> Экспрессивное содержание языковых единиц в коммуникативной системе рассказа А. П. Чехова «Серьезный шаг»	327

Методологические аспекты исследования значения

<i>Баширова Р. С., Камашева М. В.</i> Развитие языкового сознания у детей-носителей языка: этапы и особенности (на примере русскоязычных детей)	331
<i>Бурунский В. М.</i> Особенности использования стратегий форенизации и доместикации при переводе стихотворных произведений	340
<i>Васильева М. А.</i> Организация и методология проведения экспериментального исследования формирования вторичной языковой личности в условиях учебного двуязычия в педагогическом вузе	344
<i>Гурбанова А. М.</i> Сказки А. С. Пушкина в контрастивном аспекте (особенности изучения языка в сказках А. С. Пушкина в туркменской аудитории)	352
<i>Кананыхина К. С.</i> Актуальное значение слова в системе языкового сознания инофона: когнитивно-психолингвистический аспект преподавания РКИ африканским студентам	358
<i>Кокора Ю. В.</i> Психолингвистический аспект перевода женской поэзии ...	364
<i>Лазуткина Е. М.</i> О применении метода моделирования в работе над «Синтагматическим словарем русского языка»	368
<i>Лифанова С. С.</i> Переводческое решение как формирование значения и смысла	375

<i>Морозова И. А., Ткаченко М. М.</i> Формирование лексикографической компетенции обучающихся на уроках русского языка в 5 классе	379
<i>Попова О. В., Черных Я. П.</i> Эволюция методов лингвистической экспертизы в цифровой среде: анализ новых вызовов и возможностей	384
<i>Смирнова У. В.</i> Между текстом и дискурсом: формирование интерпретативной компетенции студентов в процессе смыслового чтения	390
Информация о сборниках и конференциях	394

Научное издание

ЗНАЧЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН АКТУАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

Сборник научных статей

Выпуск 11

Научный редактор *А. В. Рудакова*
Компьютерная верстка и оригинал-макет *А. В. Рудакова*

Издание публикуется в авторской редакции
и авторском наборе

Подписано в печать 30.10.2025. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 23,37. Тираж 300 экз. Заказ 230.

ООО Издательско-полиграфический центр
«Научная книга»
394018, г. Воронеж, ул. Никитинская, 38, оф. 308
Тел. +7 (473) 200-81-02, 229-78-68
<http://www.n-kniga.ru>. E-mail: zakaz@n-kniga.ru

Отпечатано в типографии ООО ИПЦ «Научная книга»
394030, г. Воронеж, Московский пр-т, 11/5
Тел. +7 (473) 229-32-87
<http://www.n-kniga.ru>. E-mail: nautyp@yandex.ru